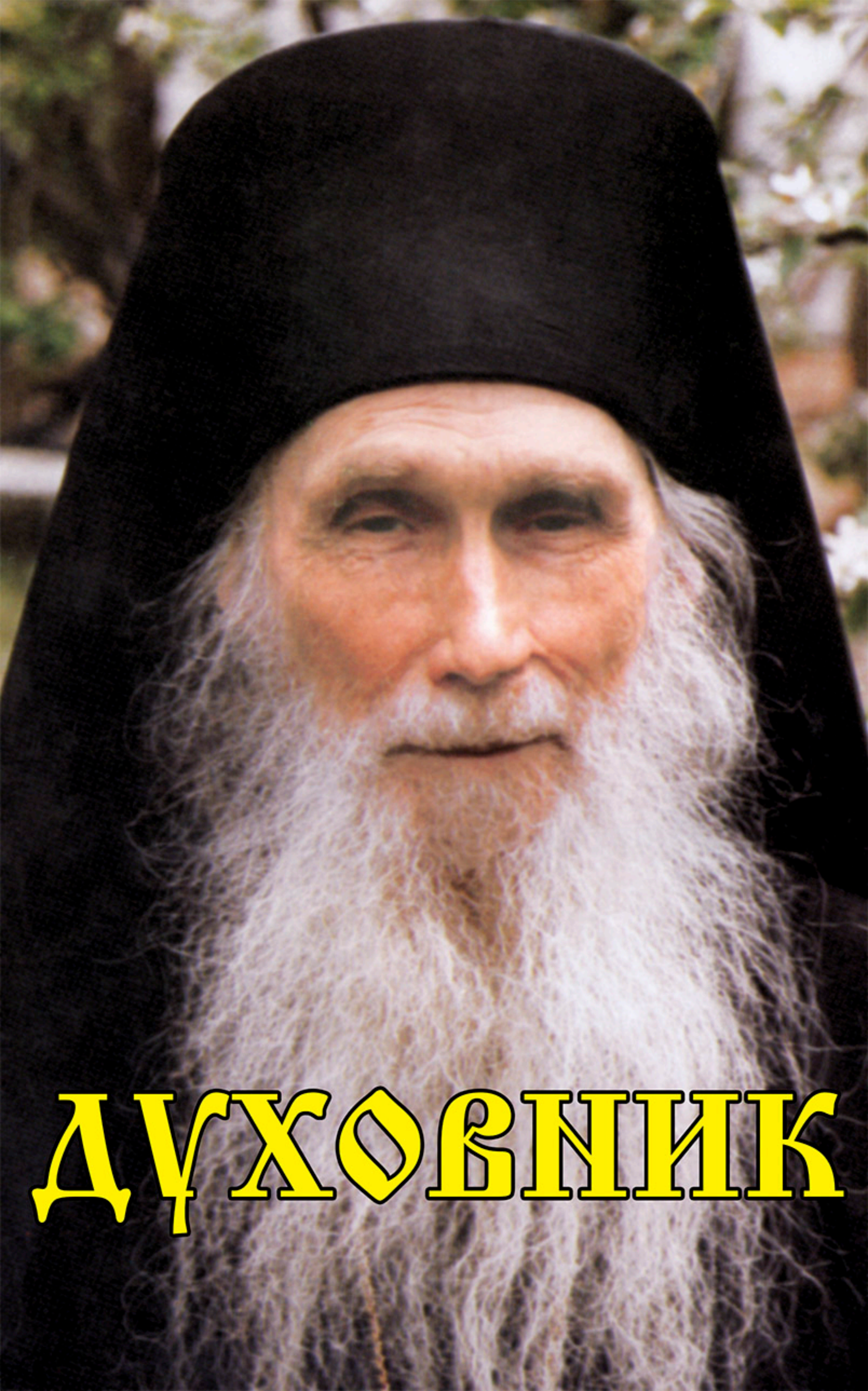
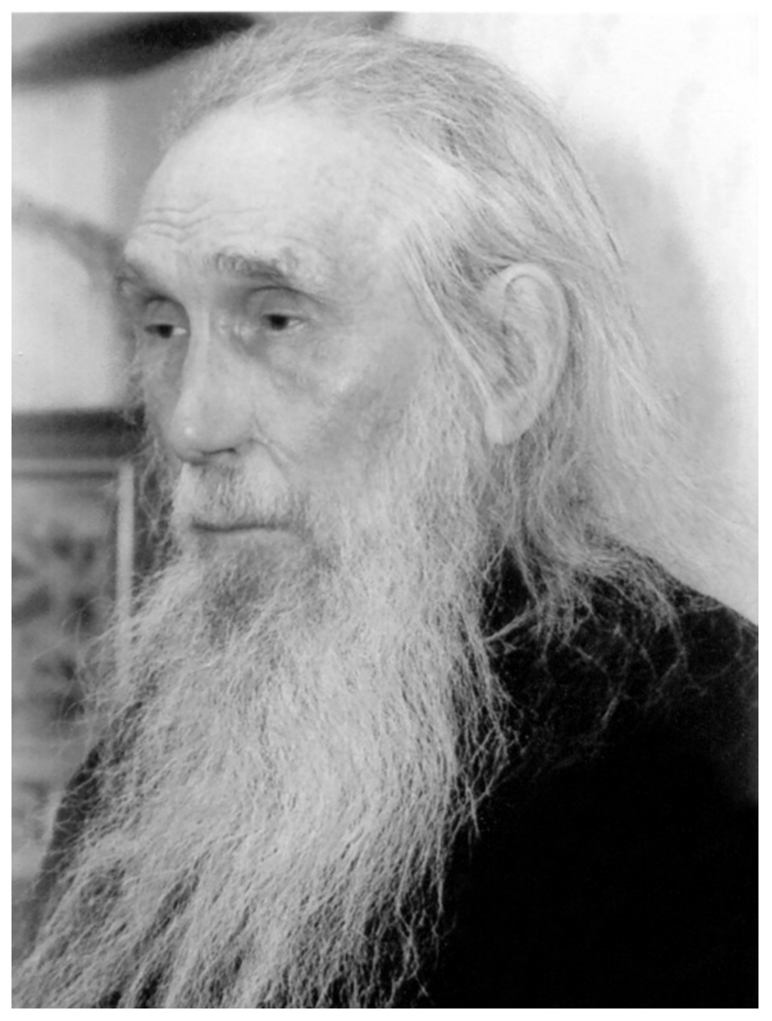

ДУХОВНИК

ДУХОВНИК

архимандрит
Кирилл (Павлов)

УДК 23/27
ББК 86.375
С 49

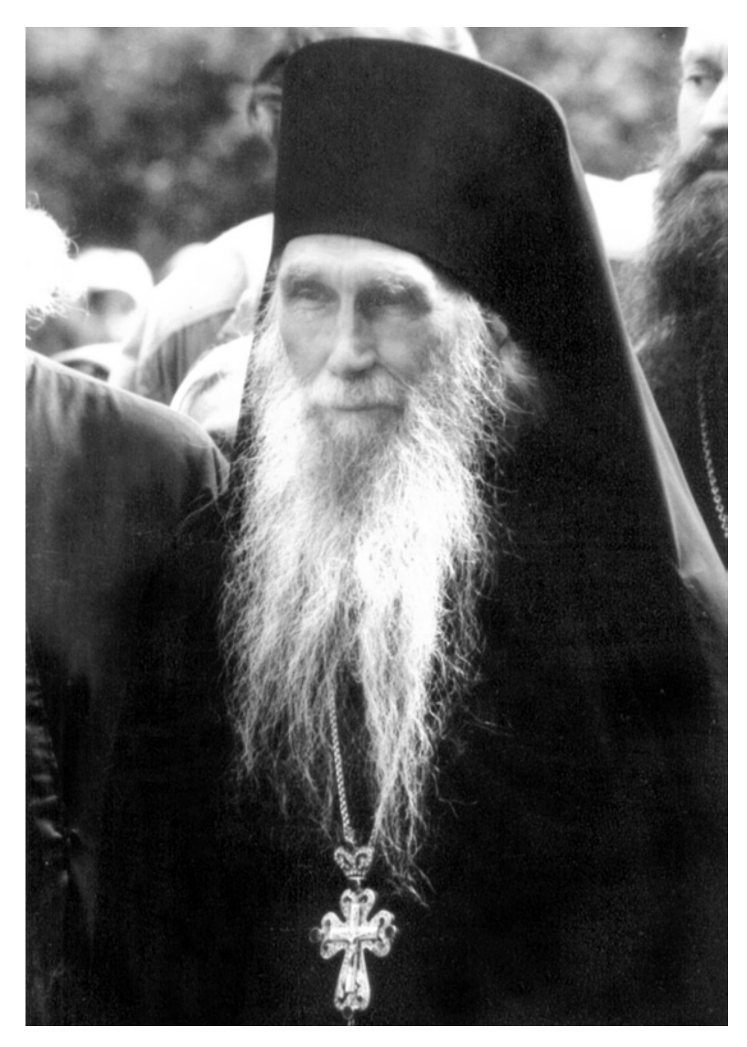
Запись, составление, редакция и оформление — **священник Виктор Кузнецов** — член Союза писателей России, лауреат Имперской премии СП России. М. 2013. — 432 с.: илл.

В настоящем издании представлено текстовое изложение бесед, рассказов знающих, окормляющихся у известного всем, одного из старейших и почтеннейших, духовника трёх наших Патриархов — **архимандрита Кирилла (Павлова)**. Здесь собраны откровенные повествования духовных чад старца, и тех, кто имел встречи и беседы с ним. Они составлены на основании живых свидетельств, непосредственных впечатлений, отражающих непростую жизнь нашей Церкви за полувековой период. На данный момент это первое и наиболее полное повествование о глубоко почитаемом многими православными людьми старце — братском духовнике Троице-Сергиевой Лавры.

Издание осуществлено благодаря помощи благочестивого ***Владимира***.

Да воздаст ему Господь *«за временная — вечным, за земная —небесным»*.

ISBN 978-5-9903377-8-9

«Что же мы воздадим **Господеви о всех яже воздаде** *(Пс. 115, 3) нам? За бесконечную Его к нам любовь не иным чем можем мы воздать Ему, как искренней, вседушевной любовью к Нему. Другого ничего от нас и не требует Господь наш:* **возлюбиши Господа Бога Твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию Твоею: сия есть первая и большая заповедь** *(Мф. 22, 37, 38)*, **сие сотвори и жив будеши»** *(Лк. 10, 28)*.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

«Из рассказа старицы Обители Евдокии Ефремовны:

— Раз была я в келии у Батюшки Серафима и к концу беседы он прибавил: «Еще скажу, радость моя, я вас духовно породил, и во всех телесных нуждах не оставлю. **Не убойся, говори моё, и как у Угодников Божиих Антония и Феодосия и Сергия Радонежскаго чудотворцев были помощники, списали их житие, не умолчали благодати их, так и ты моё спиши не умолчи моей благодати ради меня убогаго Серафима; придёт время, вас по мне взыщут и будут спрашивать, не умолчите, говорите!»**

(из кн. «Преп. Серафим Саровский и Дивеевская обитель», 2011 г.)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Уже неоспоримая аксиома, что «белые платочки» спасли Церковь в России. Смею утверждать, что и ныне главным образом ими Она держится сегодня. Они-то своими сокровенными рассказами как драгоценным бисером, наполнили эту копилку поучительных уроков, советов, поучений почитаемого нами Батюшки — архимандрита Кирилла (Павлова) — духовника Троице-Сергиевой Лавры...

Особенно остро необходимость в духовном руководстве, разъяснении происходящей смуты встали перед нами в течении последних трёх десятилетий. Времени всеобщей растерянности, развала и хаоса. Только его, архимандрита Кирилла, мудрые советы и точные определения совершающегося, его ненавязчивые подсказки, молитвы, спасли нас от многих бед, уберегли от многих ошибок и драм. Опытный поводырь, проводник через опасные и гибельные хляби этого мира, он и сейчас покрывает нас своим состраданием и молитвами. Помолимся же и мы о его здравии и долголетии.

Священник Виктор Кузнецов

Примечание:

Сборник собирался нелегко. Были трудности не только организационного, производственного порядка, но и «идеологические». Признаемся, тянуло на компромисс с духом века сего. Мы постарались не поддаться сему. Преподносим всё, как есть. Всё что поведали нам от чистого сердца люди о своём Духовнике.

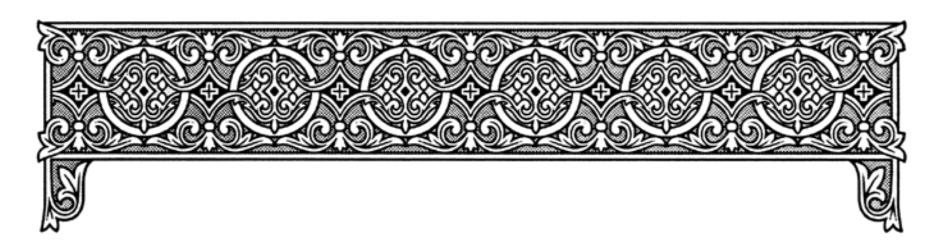
Задавались отцу Кириллу и трудные, острые вопросы, волнующие многих. Батюшка не уклонялся от них *(как увы сейчас делают многие)*. Давал определённые, твёрдые и честные ответы, объяснения. Скрыть, умолчать это – безчестно не только по отношению к глубоко нами почитаемому Старцу, но и ко всем верующим, желающим и ищущим пути спасения.

Есть, и будут «ревнители», «особо выдающиеся чада», которые, чтобы принизить важность приведённых здесь свидетельств, начнут важничая ворчать, что то или другое, де, неверно изложено. В отличии от таких «специалистов», или ничего не делающих и завиствующих делам других, или сознательных, подсадных лиц при каждом значительном и честном человеке, мы, трудившиеся над этим сборником, можем сказать, что знаем Батюшку более их, основным, главным – единым с ним духом. Верим словам простых людей, которым не для чего «наворачивать» что-либо. Излагаем это, как есть на самом деле.

Некоторые пожелали сохранить тайну авторства своих рассказов об отце Кирилле, что и соблюдено здесь. Все рассказы записаны на аудиоплёнку, имеют документальное подтверждение. Авторская лексика по возможности сохранена.

(Трудники сего издания)

Из-за христианских убеждений в тексте вместо большевистской приставки «бес» используется дореволюционное, правильное — «без».

«Промысл Божий устраивает, чтобы в каждом поколении находились такие герои, дабы и мы могли прочно стоять на своих ногах. Они не вводят ничего нового, они хранят то же самое Предание Церкви. Конечно, можно читать о том, что было «во время оно». Но если не видеть при этом, как Предание исполняется, то может наступить разочарование. Ведь в наши дни произошли огромные перемены, всё изменилось, и нас постоянно волнуют вопросы: разве возможно сегодня исполнение Евангелия? Разве возможно, чтобы Божьи обетования исполнились на современных людях? И Промысл устраивает, чтобы появлялись такие исполины, такие герои, которые удостоверяют, что действительно и тогда, и теперь, и завтра наш Иисус — Тот же самый, истинный».

(архимандрит Ефрем Филофейский
из кн. «Моя жизнь со старцем Иосифом»)

«Вся же благообразно и по чину да бывают».
(1 Кор. 14, 40)

«Темже убо, братие, Стойте и держите предания,
имже научистеся, или словом, или посланием нашим».
(2 Сол. 2, 15)

Монахиня Митрофания:

— Моя первая встреча с отцом Кириллом произошла в тот период жизни, когда я только начала постигать церковное. Как

многие, в то время я жаловалась ему только на недуги свои. Видно, сразу узрев мою незрелость, проверяя мой уровень воцерковленности, он поощрительно так улыбаясь, спросил меня:

— Наверное, грешная?..

Ну и конечно, я «выдала» весь уровень своей «духовности», ляпнула самоуверенно:

— Нет. Я — не грешная!

Отец Кирилл не выдержал, весело засмеялся. Потом ласково, терпеливо стал многое мне объяснять, что такое грехи, об исповеди и о многом другом, новом и полезном для меня. Чем больше я его слушала, тем больше ужасалась. Начала я понимать, что грехов у меня — выше головы! Но говорил он как-то так, что всё откладывалось в душе, запоминалось, а угнетённости, подавленности не было. Наоборот возникала решимость, желание с ними бороться.

У меня никак не получалось порадовать отца Кирилла ничем. Всё у меня было не так. Набрала я в лесу для отца Кирилла баночку крупной ягоды. Приехала домой, а ягоды вид потеряли, поблекли. Пока я собралась, они стали совсем серые и неприглядные. Не понесла я их Батюшке. В следующий раз я решила приготовить пирожки с грибочками. Отнесла их Батюшке, целый противень. Он съел немного, улыбнулся и сказал:

— Ты больше не приноси так много.

Когда я уже была в монастыре, пожаловалась ему на низкий гемоглобин. Просила его молитв. Батюшка не забыл про это, достал где-то банки с консервами. Позвал меня на следующий день. Подаёт мне банки, улыбаясь, говорит:

— Вот, только три нашёл. Это печень трески. Она тоже повышает гемоглобин.

Конечно же, не настолько они сами по себе были витаминные, как целительные от того, что были из его рук мне переданы. Я так обрадовалась! Восприняла этот дар от него, как святыню. Настроение и самочувствие у меня сразу поднялись.

Через какое то время обнаружили у меня полип в пищеводе размером 10 мм. Обязательно нужна была операция. Посоветовалась я с отцом Кириллом. Он сказал:

— Надо помолиться хорошенько. А если уж не домолимся, то надо будет удалять.

Молилась я усердно вместе с Батюшкой, ходила часто в церковь. Потом поехала в институт, где назначили делать операцию. Врач посмотрел меня и с удивлением ничего опасного не обнаружил. Сказал, что полип стал размером 2 мм. С такими живут до конца жизни. Вот так по молитвам Батюшки сам собой уменьшился в размерах полип, который готовили к удалению.

Второй случай такой. У племянницы ребёнок 3-х лет имел опухоль. Врачи сказали, что если до трёх лет не пройдёт — надо будет делать операцию, удалять. Поехала она к отцу Кириллу. Подошла к нему с ребёнком за благословением. Ребёнок ручки сложил как надо, что умилило Батюшку. Он руку свою положил на больное место ребёнка, потом на его головку, сосредоточился. Прикрыв глаза, помолился про себя. Потом перекрестил головку мальчика, благословил. Возвратилась домой мать больного дитяти, раздела ребёнка. К великому удивлению своему, на его теле ничего не нашла. От прикосновения Батюшки его молитвы, а главное, наверное от его сочувствия, соучастия в горе матери — всё прошло.

Благословил меня отец Кирилл в монастырь пойти. Удивилась я поначалу: «Куда мне по моим грехам?..». Но стала присматриваться. Приезжала к нему в гости, когда монахини ездили; иногда они брали меня с собой. Потом аккуратненько, плавно и я перешла в монастырь, осталась там. Поначалу часто ездила я к Батюшке за советом, на исповедь. Иной раз жалуюсь до слёз, что стараюсь исполнять своё послушание с усердием, а настоятельница говорит, что всё не так. Рассказываю, а сама плачу от отчаяния на немощь свою и боюсь, что Батюшка рассердится на меня и прогонит от себя. Потом гла-

за подняла, смотрю, а Батюшка улыбается. Вначале я не поняла. Думала, что он усмехается надо мной. Но вижу — добрые, ласковые и жалостливые ко мне глаза его. И сразу у меня всё отлегло. Поняла, что так и должно быть. Враг искушает нас через людей, старается привести нас во взаимный раздор и отчаяние. Так происходит у всех поначалу в монастыре. Надо это перебороть. Продолжать упорно идти своим путём трудного послушания. Это надо для духовного развития. Всё это я поняла и осознала по одним глазам Батюшки. Через них, через отеческое его понимание и сочувствие я всё это поняла и утвердилась. Он только негромко, мягко мне посоветовал:

— Матушке улыбайтесь.

Меня объял такой стыд! Впервые, я увидела себя со стороны. А ведь действительно, какой у нас часто вид? Постоянно мрачные, смурные, будто вечно недовольные. Кому приятно с такими? Каково матушке-то с нами? Дай Бог ей и нам терпения!.. А зачем в таком состоянии в монастыре находиться? Нас что, под ружьём туда загоняют? Силой, за колючей проволокой держат? Для чего мы там собрались? Для радости спасения или ворчания и недовольства друг другом? Для чего напускная строгость и жёсткость по отношению к сёстрам? Не лучше ли

любовь ко всем, поддержка в послушаниях и радость? Всё то, чему учит нас великий старец наш, отец Кирилл.

Ушла я в благости, такая утешенная и вразумленная надолго. И вот, милостью Божьей, молитвами и помощью отца Кирилла, в монастыре я уже 17 лет.

Был у меня один грех, который я от стыда не могла открыть Батюшке. От этого невозможно мучилась. Подошла, встала на колени, как обычно, стала по записке называть грехи. Дошла до этого. Смотрю, Батюшка затих. Лукавый во мне возрадовался, что и в этот раз я не скажу про тот грех. Подумала я, что отец Кирилл заснул. Вдруг чувствую, что по моим ногам кто-то прыгает. В страхе, от испуга я быстро эти грехи сказала. По наущению вражьему ещё и подумала — пока Батюшка спит, всё равно ничего не услышал. Будто «не в счёт» моё трудное признание в мучавшем меня грехе. Но вижу — Батюшка совсем не спит. Только смотрит чуть в сторону. Я не заметила там кота, который своим прыжком мне на ноги напугал меня. С испугу, из меня вырвался тот давний, нераскаянный, замалчиваемый грех. Батюшка вот таким способом, через кота своего, выгнал из меня, посрамил крепко засевшее во мне наваждение бесовское. Мне даже страшно стало от догадки в том, что он не только сокровенные смыслы наших слов, понимает мысли, но и все уловки, приёмчики падших духов он ведает и знает, как их посрамлять и выдёргивать грехи из людей. Вот как он всё видит о наших сомнениях и порабощениях врагами нашего спасения. Какая же у него мудрость! Как он может нас раскрепостить и в радость превратить все страхи, искушения наши!..

Последний раз я была у него пять лет назад. Он плохо чувствовал себя, и можно было только к его ручке приложиться. Он мучается, а всё равно молится за нас. Живём мы только его молитвами. Не могу просить его ни о чём, а только Бога прошу помочь ему, чтобы Господь обновил его тело, как Иова многострадального, восставил, облегчил страдания его. Так прошу Бога.

Анна Волгова:

Слышу вокруг; «старцы», «старцы»... Думаю: «И мне не мешало бы старца иметь! У всех есть, а у меня, балбешки такой, нет!» Пораспрашивала людей. Решила сама в Лавру добраться.

Там стала тоже спрашивать. Ко всем с этим вопросом приставать. К людям, к священникам, монахам тоже... Всё чего-то не удавалось мне узнать про это. Загрустила. Что делать? Домой уже уезжать собралась... Тут мне Господь и помог!

Вижу, идёт один такой седенький, в черной одежде ихней. Кучка народа за ним вдогонку поспешает. Облепили его. И я туда, к ним!..

Успела как раз вовремя. Он в храме исповедь от людей принимал. Ну и я поисповедалась у него. На исповеди у него вспомнила, что кто-то сказал мне: если тебе подарит старец книгу, — значит ты уже его, принял он тебя, значит, на своё духовное попечение. После исповеди я со страхом ждала. Что он мне подарит?.. И отец Кирилл (так зовут того старчика) даёт мне именно книгу. Как сейчас помню — «Духовная брань»! Этот день был — счастливейший в моей жизни!..

Именно такая вот «брань» меня всё время и мучила, а я разобраться в этом не могла. Сейчас, перечитав книгу Батюшкину раз пять или больше, кое-чего понимать стала и сопротивляться рогатому... а то во тьме была. Ничего не понимала.

Священник Вадим Подолько:

— В детстве мы с мамой ездили в Троице-Сергиеву Лавру и подходили к старцу — архимандриту Кириллу, который, слава Богу, до сих пор жив. Он мне подарил икону Казанской Божьей Матери и крест, Евангелие. Когда мы вышли из его кельи, многие люди сказали обо мне: «Он, наверное, станет священником, раз его так отметил отец Кирилл». Со временем это забылось. Потом я поступил в Семинарию, был рукоположен в сан дьякона, а затем, как и отметил Батюшка, — священни-

ком. В 1995 году мне довелось быть соучастником строительства храма, именно в честь иконы Казанской Божьей Матери, где я являюсь теперь настоятелем.

«Если мы желаем себе добра, если мы ищем себе спасения, то надо, прежде всего, быть истинным последователем Христовым. А для этого нужно исполнять Его заповеди. А чтобы заповеди исполнять, надо знать Христово учение, то есть Евангельское учение, и быть верным, постоянным, достойным учеником Христовым. Надо иметь постоянную жажду искания правды Божией. Если мы так постоянно, настойчиво будем стремиться ко Христу, искать оправдания у Него, творить Его волю, это именно нас и поставит в число Его учеников, в число Его избранников. Стать же учеником Христовым, значит возложить на себя большую ответственность, серьёзно и тщательно относиться ко всей своей жизни, к каждому своему поступку. **Царство Небесное,** ***– говорит Господь,*** **– силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»** *(Мф. 11, 12)*.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Священник Димитрий Тюрин:

— Это было давно, ещё при Союзе.

После учебы меня как молодого лейтенанта направили в эскадрилью противовоздушной обороны. Служба была мне в радость. Полеты проходили несколько раз в неделю, и свободного времени почти не оставалось. В минуты редкого досуга я взялся за Евангелие. Командиры увлечения моего как будто не замечали, а сослуживцы только диву давались, почему я всё ещё в строю. В советские годы за чтение Библии можно было запросто лишиться погон.

Спустя семь лет я сам снял с себя погоны капитана. Уволился из армии в конце 90-х. Многие открыто называли

меня предателем. Мол, ушёл в самое тяжёлое для военных время. Однако своей армейской доли я хлебнул сполна.

Прослужил на Дальнем Востоке более пяти лет. Ждал перевода в Центральную Россию. Как раз в это время из родной Калуги пришли тревожные вести — заболела мама. Навестив её в отпуске, я отправился в Троице-Сергиеву Лавру к архимандриту Кириллу (Павлову). Просил его помолиться о том, чтобы меня перевели поближе к дому. Он в ответ благословил поступать в Семинарию. Для меня это было полной неожиданностью. Я несколько раз возражал, приводил разные доводы. И каждый раз он сначала хмурился, потом улыбался, хлопал меня по плечу и говорил: «Увольняйся — и в Семинарию!» Прибыв в полк, узнал об очередном сокращении в войсках. Это стало последней каплей. И я сам написал заявление. 20 августа 1997 года я ещё стоял в военной форме на плацу, а спустя десять дней в семинарском кителе шёл на молебен преподобному Сергию Радонежскому.

Помню, один священник поделился тем пониманием священства, каковое вложил в него наш старец, отец Кирилл. **«Священник — это человек для всех».** Как и я, тот священник проходил исповедь перед рукоположением у архимандрита Кирилла. Старец спросил его:

— У тебя есть в жизни человек, который тебе очень близок? Не родственник, а какой-то друг, единомышленник, с кем вы проводите много времени вместе?

— Да, есть такой человек.

Отец Кирилл полчаса расспрашивал его, что он понимает под дружбой. Потом была пауза, и старец сказал:

— Вот если ты, став священником, будешь к каждому относиться так, как ты относишься к этому человеку, о котором ты так хорошо рассказал, ты будешь пастырем.

Не приход должен быть вокруг священника, а священник, — для всех прихожан. Сам Сын Божий говорил о Себе, что Он пришёл не для того, чтобы Ему служили, а чтобы послужить другим. Люди тянутся к тем священникам, которые

всё своё время отдают любому зашедшему, стараются не отделять себя от прихожан.

Этому и должно нам всем священникам уподобляться. Такому стремлению, какое в нас вкладывает отец Кирилл. Тогда мы будем полезными своей пастве, помогать, вести их. Разделять с ними общие беды и скорби, идти ко спасению.

Анатолий Савельев:

«Не обманывайтесь. Бог поругаем не бывает!»
(ап. Павел)

— В начале 2000 года знакомая мне посоветовали повидаться с лаврским архимандритом Кириллом.

Знакомство было необыкновенное. Мы приехали в Переделкино к отцу Кириллу, а там не пускают. Очередь большая, милиция стоит. Мы хотели записаться. Тут приехали священники, и я Милостью Божьей попал с ними к старцу. Нас было человек пятнадцать.

Отец Кирилл нас исповедовал. Назвал меня почему-то Анатолий-мученик. У меня сердце как-то сразу дрогнуло. Ещё несколько раз я у него исповедовался и брал благословление на причастие. Исповедал ему свои большие грехи, что в партии был... Он на это сказал: «Ну, а чего ж мы тогда хорошего ждём?» Спросил я у него разрешения на утренней молитве поминать его как духовного отца. Он разрешил, сказал, что можно. Встал я на колени, он прочитал надо мною разрешительную молитву и благословил меня.

Один раз в монастыре, где я подвизался, возник вопрос с отоплением. Ситуация была патовая. Зима вот-вот. Денег нет!.. Тогда я спросил у отца Кирилла, к кому надо обратиться по этому поводу, чтобы этот вопрос решить? Батюшка сказал, к кому, и всё на удивление, как бы само собой быстро, благополучно разрешилось. Отопление подвели, провели по корпусам, кельям вовремя. Никто не успел замёрзнуть. Все только рука-

ми развели, да и в молитвах, благодарении Богу укрепились. Помянули добрым словом и отца Кирилла. Сказал я им, через кого они получили дар сей.

В последний раз я был у него в 2007 году 22 июня. Это день пострига Батюшки.

Решил я поехать на дачу в Рязанскую область. Это и родина отца Кирилла. Думаю, поеду сначала к нему. Если Батюшку не увижу, то хотя бы помолюсь и духом его подышу. Меня не пустили, и никто в тот день не прошёл. Батюшка тогда уже болел.

После этого 5 июля того же года я снова поехал. Народу опять было много. Там была и одна матушка из Киева. Она две недели уже ожидала у ворот.

Решил я помолиться у окна кельи отца Кирилла, не надеясь, что к нему попаду. К моему удивлению, когда я снова подошёл к большим вратам, вышла его келейница Наталья. Она тоже рязанская. Спросила, кто я такой. Ответил, что окормляюсь у отца Кирилла, и родом из Рязани. Она разрешила мне зайти. Это было чудо, что именно в этот момент вышла его келейница, а тем более, что меня одного пропустили в келью к Батюшке. Хотя ожидали войти много священников, монахов и монахинь.

Отец Кирилл лежал на кровати с закрытыми глазами, дремал. Приложился я к тёплой руке Батюшки. Келейница взяла шоколадку и дала ему в руки. Он благословил меня этой шоколадкой. Душа моя вострепетала. Коленопреклоненно я помолился и почувствовал благоговейный страх от того, перед **каким** человеком я стою! Застыл я от этого, забылся так, что келейнице пришлось напомнить, что мне пора выходить. Не помня себя, как во сне, я вышел из кельи, из дома, где Батюшка находится, за ворота... Люди меня обступили, спрашивают: «Ну, как там Батюшка? Как себя чувствует?..» А я ответить ничего не могу. Будто нет мня тут. Где я? Не знаю. Про что говорят и спрашивают меня люди — не понимаю. Будто в небесах плаваю.

Потом моя жизнь очень изменилась. Чувствовал я всегда, на расстоянии, от отца Кирилла дух его благодати и его мо-

литву. Очень я грешный, трудно исправляюсь, но Батюшка мне помогает. И руки ломал я, и с детских лет больной, а лет мне уже 73 года, да вот хожу, работаю так, что и дрова ещё могу колоть через голову.

Матушке Феодосии, той, что надоумила меня с Батюшкой познакомиться, сейчас уже 90 лет. По благословлению отца Кирилла она живёт и ездит, не имея никаких документов. Посылки возит по монастырям. По его молитвам всё проходит безпрепятственно.

Отец Кирилл очень добрый, открытый, простой со всеми, но мудрость в нём заложена великая. Он никогда никого не оскорбит. Ни с кем не переходит на фамильярный, пренебрежительный тон. Что, увы, часто бывает. Со всеми учтив и уважителен. С каждым общается не «сверху», и даже не на равных, а как бы чуть-чуть снизу, принижая себя. Вспомнишь при этом не раз, как Сам Господь говорил про себя: «Я пришёл не для того, чтобы мне послужили, а для того, чтобы Я послужил». На сегодняшний день это необыкновенная редкость. Все, кто у него был, получают от него помощь.

Вот мы с вами, отец Виктор, вроде случайно встретились у метро. Народу много, толчея. Прошёл я мимо вас, но, почувствовав что-то особенное, близкое, вернулся за благословлением к вам. Как-то чудесно я подошёл к вам, а мог бы пройти, не заметив. Трудно в метро, в сутолоке бывает. Не место здесь порой благословляться. Но я вернулся! А почему? Да потому, что почувствовал родное в вас. Так оно и получилось! Мы оказались с вами по-настоящему братьями, духовными чадами одного отца Кирилла. Это разве «случайно»?..

После моих исповедей отцу Кириллу о семейной жизни и её трудностях я заметил, как моя жена стала смиренней вести себя. Всё «само собой» расставилось по местам. Долгая многолетняя, подспудная борьба между нами за «первенство» закончилась. Знаете же, как враг рода человеческого ненавидит нас. И сейчас, в последние времена, как и в первые, восставляет для этого жену против первосозданного мужа. Ребро про-

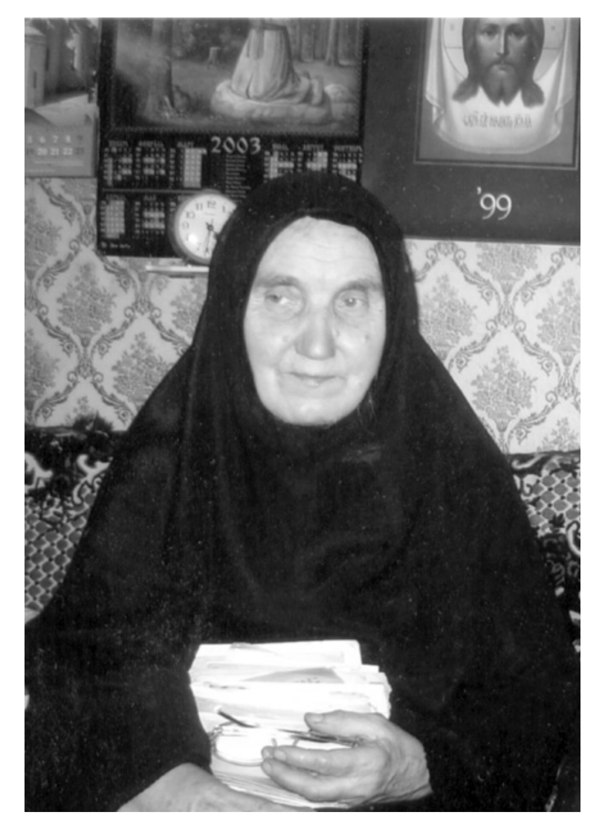
тив всего тела, из которого оно взято. Долгие годы мне, как и многим ныне мужьям, не удавалось донести эту простую истину до жены и до других знакомых женщин, разожженных нынешними СМИ антихристовой богоборческой пропагандой. И вот по молитвам Батюшки это вдруг совершилось. Жена так осознала гибельность, греховность этого, что коллеги по её работе мне потом говорили, как она корила себя. Переживала, что столько лет не понимала этого и портила нам совместную жизнь, которая намного могла быть радостней. Не зная отца Кирилла лично, пусть и к концу жизни — многое она поняла. Была так ему благодарна! Не видя никогда Батюшку, зная его только через меня, она так вот изменилась. По молитвам отца Кирилла произошли такие благие у нас видимые изменения. Жаль, что мы мало после этого порадовались наконец обретённой гармонией отношений с супругой. Сейчас её уже нет со мной, но та добрая гармоничная связь между нами, какую помог нам обрести отец Кирилл, существует и ныне. Я чувствую её. Мне теперь легко, радостно молиться за спутницу моей жизни. Никакая даже тень раздражительных воспоминаний не омрачает, не мешает мне горячо молиться за неё. И она, я верю и чувствую, также молится и помогает мне. А это главное! И к этому привёл нас, подарил нам отец Кирилл.

Мне теперь не страшно умирать. Молитва Батюшки со мной идёт уже давно, и поэтому смерти я теперь не боюсь. Грехов только боюсь, и оскорбить, огорчить Батюшку. Господь его слышит и нам грешным через него помогает.

Монахиня Таисия Житникова:

— Батюшка всегда нас предупреждает: «Не уделяйте много времени и внимания приготовлению пищи, а больше уделяйте на молитву, храм и на добрые дела».

В моей жизни было так, что порой дело бывает и не в том, получишь ли ты конкретный ответ или нет. Иной раз придёшь

к Батюшке рассказать свою скорбь и выйдешь от него с ней же. Но как-то по особому, легче чувствуешь себя. Сейчас у меня такого нет. Вот в чём сейчас моя скорбь. Это невыносимо — не иметь возможности говорить с духовником. Некоторые же, и таких много, вообще не имеют духовников. И считают такое своё положение нормальным. Это же — ужас! Дух, дыхание — это основа, необходимость жизни, а они его не имеют, не ищут. Как они тогда живут?!.. Не задыхаются? Духовник — это проводник Духа Животворящего. Вот теперь и я задыхаюсь, потому, что мой духовник, отец Кирилл, не может со мной побеседовать, как ранее. Освободиться от тех грехов, что меня сдавливают, а им — нет, этого не надо. Не нужен им духовник, проводник Духа Божьего, Животворящего. Им и без этого «хорошо» и «всё ясно». Бедные, немощные, несчастные люди...

Где-то в семидесятых годах это было.

Дьяконом отец Василий стал после выхода на пенсию. Жил он в Караганде. Никого там не осталось, и возникло желание поселиться ему поближе к Лавре. Купить домик недалеко от Москвы. Здесь, в молитве и дни свои окончить. Домик

для него присмотрели, а купить его денег не хватало. Помню, что поделился он с кем-то этой проблемой на работе, а ему и говорят: «Попроси у отца Кирилла, он всем помогает. Отец Василий осмелился, обратился к архимандриту Кириллу с такой просьбой. Отец Кирилл попросил знакомых, занял у кого-то и дал ему три тысячи рублей, а это тогда очень большие деньги были. Сказал Батюшка при этом: «Вернёшь, когда сможешь». Так удалось купить домик для старенького дьякона, где он и упокоился с молитвой. Недалеко от Лавры и под окормлением отца Кирилла.

Епископ Афанасий Сахаров прошёл тяжёлый путь — 38 лет лагерей. Когда же его освободили, то посадили в психушку. Он, по поручению святителя, Патриарха Тихона, составил службу — «Всем святым в земле Русской просиявшим». Отец Кирилл, будучи ещё игуменом, окормлялся у него. Был на его похоронах в скромных Петушках. Вначале служил по епископу-исповеднику Панихиды, а потом Молебны у его гробницы в подклетье Успенского собора Лавры.

Не забыть, каким радостным был отец Кирилл в пасхальные дни. Это не передать! Сиял от счастья! А с какой радостью он в конце службы кидал «писанки» в народ. Первым это начал делать тогдашний наместник Лавры, будущий Патриарх Пимен. Это начинание поддержал и как традицию всегда исполнял архимандрит Кирилл. Да ещё точно, «по адресу» броски свои хотел направлять. Часто или не долетало, не расторопные были, а то и перехватывал кто-нибудь из молодых, шустрых. Батюшка досадовал, шутливо «негодовал»: «Перехватчики!.. Не дают! Как бы мне докинуть через них до тех, дальних, скромных людей?..» Только отец Кирилл, в те времена причащал прихожан в пасхальную ночь.

Мы со знакомой к Батюшке поехали в Переделкино. Одной мне страшно было.

Это в 2002 году было. Зима. Морозы. Январь, наверное, или февраль. Замерзли, но попали. Прошли, пропустили нас на охране.

Чего дальше было, не помню. Как в раю, во сне побывала — и всё!

Поисповедалась по-настоящему. Про своё расспросила Батюшку. Про болячки, житейские неустройства. На всё он ответ дал, как поступать надо. Главное же, несколько раз с сердцем сказал нам: *«Спешите, спешите доброе делать. Маслица себе в лампадки душевные набрать побольше.* ***Времени немного осталось****»*.

Как домой добрались, тоже не заметили. Как на крыльях. С Батюшкиным-то благословением! Он с нами! Он молится за нас. Не оставляет нас ни на минуту. Ни днём, ни ночью.

За каждого человека самоотверженно борется отец Кирилл. Несмотря на свою немощь, болезни, нашу чёрствость, глухоту и упорство. Не упускал возможность и просьбами воздействовать, умоляя порой пасомого: «Прошу тебя, ради меня, сделай это!.. Прошу тебя, ради Господа, потерпи ещё!..»

Радостный, но и тяжёлый крест — быть духовным чадом отца Кирилла.

Монахиня Олимпиада:

— Будучи ещё в миру, о Батюшке Кирилле слышала давно как о старце, причём как о прозорливом, мудром. Бывая в Лавре, всегда думала о том, как бы встретить, спросить его про волнующие вопросы. Давно искала такого духовника, но никто такой не попадался. Видимо, нужно было в тот момент дозреть мне ещё.

Поступив в Благовещенский монастырь Красноярского края, я приехала в Лавру. У меня появились трудности духовного плана. О встрече с отцом Кириллом я и не помышляла, не надеялась. Хотела просто помолиться у мощей преподобного Сергия Радонежского.

Это было в 1997 году летом. Вдруг встретился нам отец Кирилл. Узнала я его, и своим спутницам говорю: «Вот это сам Батюшка». Они в ответ восхищённо зашептались: «Вот это старчик! Вот это монах»!.. Благословились у Батюшки, и такая лёгкость настала!... Но о встрече с ним, беседе и не помышляли.

После службы я вышла. Смотрю, идут люди, кого-то сопровождают. Подошла и я к Батюшке, он благословил меня. Иконочку с преподобным Сергием подарил. На обратной стороне иконы было написано, что как золото в горниле очищается, также и искушениями мы предуготовляем душу свою, очищаем её. Прямо остолбенела я. Это как раз было то, что мне было необходимо. Именно эти слова, поучение мне были тогда более всего нужны. Как Батюшка прознал про это?..

Возникло желание увидеться с ним, попросить ещё советов на дальнейший путь. Но тогда этого не получилось. Такая встреча состоялась позже, в Переделкино. После того, как мы несли послушание небольшое там, встретились с отцом Кириллом. Мне в то время очень хотелось приобрести книгу «Письма к Олимпиаде» свт. Иоанна Златоуста отдельно, не в томах, а отдельно.

Что меня удивило! Не зная ещё наших имён, не знакомясь с нами, когда мы пришли в келью к отцу Кириллу, то он перво-наперво положил передо мной именно эту книгу «Письма к Олимпиаде». Так была я поражена этим. Ну, что это такое, как не чудо Божье?!.. Я прямо обомлела от этого, ничего не могла вымолвить ему. Он помолился о нас, и нас оставили с ночёвкой. На другой день Батюшка предложил нам приехать в Троице-Сергиеву Лавру, в Сергиев Посад. Там он нас ещё более поразил своим предложением – понести послушание в самом Иерусалиме.

Есть правило — «монах не просит». В это время я мечтала побывать в Иерусалиме и, вот, Батюшка предлагает мне это. Он спросил:

— Бывали ли вы на Святой Земле?

Оторопела я от неожиданности и еле выговорила:

— Не-ет.

— Поезжайте. Поезжайте, — уверенно, как о чём-то простом, возможном, подтвердил он.

Вот такое прозвучало его благословение. Но это, казалось мне, несбыточное для меня желание — осуществилось.

У нас была одна монашествующая, она проходила послушание на Святой Земле. Она возвращалась, а нас после неё послали во святой Град на послушание, по молитвам Батюшки. Перед Иерусалимом с Батюшкой ещё увиделись, исповедовались, причастились.

Мы три месяца работали как послушницы, трудницы, а затем начальник миссии нам предложил остаться на Святой Земле, продолжать нести послушание. Созвонившись с Батюшкой, мы остались. Поначалу я подумала, что просто паломничать он нам предлагает, а оказалась, что на послушание туда он нас благословил. Необыкновенный старец, светлый! И что располагает ещё в нём. То, что он никогда не навязывает своего мнения, а просто говорит. Ну, просто, вот так и так, и так... Мягко, ненавязчиво предлагает. А там как хочешь. Хочешь, исполняй, хочешь — нет?

Когда у меня была первая встреча со старцем, я пыталась что-то возражать, ершилась. Потому что какие-то свои мысли, планы уже были в голове, думала «ну вот так-то, наверное, лучше. Вот как-то вот так». Батюшка не настаивал, а тем более не гневался. Смиренно отступал, соглашался. Давал возможность самой понять, дорасти до понятия, что его-то предложения самые правильные и есть! Тогда он терпеливо, кротко говорил: «Ну, смотрите, ну смотрите». Тем самым, сохраняя мир и доброжелательство.

Будучи уже в Иерусалиме, неся там послушание, я до всего быстро «дозрела». Сопоставляла и ужасалась, как же я старца не слушалась? Пыталась свои глупые желания и мысли перед ним утвердить. Кто я? Тьфу! Грешница несмышлёная, а он?! Ведь ему Сам Господь всё открывает! А ты свои мелкие человеческие мыслишки пытаешься проявить. Самоуверенно пред-

Иерусалим. Горненский монастырь Марии Магдалины.

ставляешь их в наибольшей правильности. Смешно! Только слушайся. Вот главная мудрость. И получится так, как благословил старец, лучшим для тебя образом.

Неся послушание на Святой Земле, постоянно я испрашивала благословение у Батюшки. Несмотря на то, что он был уже болен. Письма пересылала, и Батюшка отвечал, поддерживал.

В Иерусалиме, где Святая Земля, но без старца, без духовника очень сложно. И был такой момент, когда было искушение сильное, и вело к греху. Взмолилась я к отцу Кириллу, и в ответ услышала голос Батюшки: «Олимпиада, что ты делаешь?» Это меня просто отрезвило, удержало от поступка неправильного. До сих пор у меня как бы в ушах стоит его голос тревожный и строгий. Благодарю Господа и отца Кирилла за это. Явственно я слышала голос его. Почувствовала сильное укрепление в правильном, мирном направлении мыслей своих и желаний, от молитв его за меня, окаянную.

Когда только ещё думаешь написать письмо отцу Кириллу, поплачешься ему – тотчас же всё устрояется. Замечала это я неоднократно. Поздравительную пишешь телеграмму, открыточку, с Днём Победы поздравляешь, — и тут же чувствуешь необыкновенную радость. Подъём сил и решимости в послу-

шании. Всегда чувствуешь, что ты не одна. Что у тебя есть надёжная защита. Что ты не сирота в этом мире. У тебя есть отец. Отец духовный! Чувствуешь, что Батюшка молится за тебя, и всё устроится наилучшим образом.

Начались военные неурядицы между Палестиной и Израилем. И Батюшка нас благословил выехать оттуда. Мы в то время были в Иерихоне. А это точка безпокойная, арабский город. Его закрыли, были своего рода сложности. Затем, правда, мы вернулись в Горний монастырь, в миссию. Но уже не стали нарушать благословение. Хотелось в Горнем монастыре ещё побыть, но благословение о возвращении нельзя было нарушать.

Затем, по благословению же отца Кирилла, я поехала на послушание в Якутскую епархию, на далёкий Север. Но и там я связь с Батюшкой не прерывала. Приезжала при малейшей возможности в Переделкино увидеться. Когда владыка Зосима почил, вернулась я обратно в Москву, в Сергиев Посад.

Уже после исповеди иногда в мыслях промелькнёт тот грех, который ты не открыла ещё. Людей много, снова не подойдёшь, но даже если у тебя остался этот грех, Батюшка потом терпеливо выслушивал. Раздавал разные книжицы, иконы. Обязательно даст нужное тебе. Про то, о чём ты сейчас скорбишь. Тем самым подтверждая, что он даже мысли твои, переживания, раскаяние слышит! Даже забытые твои грехи, о которых ты и не помнишь — ведает. Однажды он дал мне книжицу с содержанием, касающимся лично моей немощи. И я поняла, что хоть и отбрасывала от себя одну немощь, которая вроде бы не присутствовала во мне, но всё-таки она во мне была. Батюшка дал мне книгу именно с таким содержанием, раскрывающим глубоко скрытый во мне грех.

Отец Кирилл необыкновенно добр. Он даёт всегда выразить себя человеку, высказаться, что редкость сейчас. Он выслушивает собеседника. Не навязывает своих мыслей. Он как бы спрашивает, сам советуется: «А вот так и так?.. А если вот так вот?» — предлагает варианты. На исповеди более всего он

слушает и мягко, если что, поправляет. Исповедавшись перед отцом Кириллом даже в очень тяжком каком-то грехе, с удивлением замечаешь, что этот грех тебя уже совсем не безпокоит. К нему уже не возвращаешься. С другими исповедующими священниками, к сожалению, часто такого не происходит. Вот такая сила сострадания, соучастия, молитвы у Батюшки. Отсюда точность, Божия помощь и в советах его.

На исповедь когда идёшь, какие-то помыслы гнетут. Хочешь разрешить, конечно, их. Хочешь, чтобы священник был внимателен к тебе, понимал бы тебя. И вот Батюшка как раз таким в высшей степени и является. Очень внимательный, понимающий и помогающий, как никто другой. Всем надо учиться у него.

Прежде всего нас притягивает любовь Батюшки ко всем нам немощным. Он нас всех принимает, любит и искренне жалеет. Как Господь в своё время принимал всех калек, больных и даже тяжко прегрешивших и бесноватых. Всех. Так и отец Кирилл. Причём, не формально принимает, а принимает всем сердцем. Всем существом своим соучаствует с нами в нашем очищении. Редко кто из священников так берёт твою боль на себя и с тобой сопереживает, из сердца источает сочувствие и сострадание.

Помню случай, происшедший с одной иночествующей, она ушла в мир молодая. Когда Батюшка о ней спросил, пришлось признаться, что она ушла в мир. У Батюшки на глазах выступили слёзы. Он с горечью повторил её имя, и видно было, в душе он содрогнулся. Насколько Батюшка нас всех знает и помнит, молится и как он переживает за каждого из нас!..

Несмотря на наши немощи, огрубелые сердца, но есть ещё, Слава Богу, такие высокой духовной жизни старцы, священники, которые понимают боль окружающих нас, грешных. Берут на себя наши болезни и скорби так вот близко. Это и есть любовь настоящая, нелицемерная, которой так мало сейчас в мире. И всё меньше и меньше становится. Мы же, непослушные, нерадивые, слабо откликаемся на его отеческую заботу о

нас. Даже сейчас, когда Батюшка тяжело болен, мы недостаточно чувствуем его присутствие с нами. Он же всё равно не отступает от нас, как бы всегда рядом с тобой.

Иногда возникают вопросы, которые надо срочно решить, и думаешь: «Вот был бы Батюшка в здоровом состоянии, он бы помог». Начинаешь немного жаловаться ему, просить помощи, плакаться — и трудности разрешаются. Господь разрешает. Это по ответным молитвам Батюшки. Несмотря на его немощь, возраст и болезни, он всё равно молится за каждого из нас. Когда бываешь у него, то видишь. Глазки у него закрыты, он почти не слышит, но по едва уловимым движениям руки и губ видно, что он молится и крестится постоянно. С радостью убеждаешься, что он всё знает и продолжает молиться за нас. У меня такое убеждение, что если, не дай Бог, Батюшки не будет с нами, то очень резко всё изменится. И в Церкви всё изменится, и вообще в жизни всех, даже государства. Мне так кажется, что он удерживающий много злого от нас.

Он молитвенный столп — это однозначно. Ещё Патриарх Алексий II переживал о том, что старцы уходят из жизни, а из нового поколения их нет. Большой перерыв произошёл из-за революции, войны, когда были репрессии. Сейчас много мнимых старцев. Их очень много теперь, к сожалению. Без сомнения, отец Кирилл — это настоящий, большой молитвенник. Но таких становится всё меньше и меньше. И нет в них уже той силы. Мы это чувствуем, и поэтому трудно нам держаться.

А пока... Что будет и как будет, не знаю. Но пока жив Батюшка, всё равно чувствую постоянную поддержку его не только для себя, но и для всей нашей Церкви.

Считаю Батюшку своим духовником и поныне. Хотя некоторые поспешили, новых духовников себе нашли. Я считаю, что пока отец хоть и тяжело болящий, но живой ещё, не в могиле, надо быть ему верными чадами. Меня огорчает, что многие перебежали и говорят: «А у меня – тот духовник, а у меня вот – этот». Горько, неприятно даже с ними находиться.

Разные, конечно, бывают ситуации жизненные, может быть необходим духовник постоянно. Есть такие люди, которые не могут абсолютно без духовника быть. Я не могу себя на их место поставить. Они не могут, не хотят без костылей ходить. Им каждую минуту нужны костыли. Одно и то же заболевание разные люди переносят по-разному. Кто-то терпит, а кто-то прибегает к обслуге. Надо стараться, как бы ни было трудно, — на своих ножках стоять, которые натренировал нам Батюшка. Ещё держимся его тренировками. И сам Батюшка тоже живёт нашими молитвами, нашими к нему небесными «посылочками». Он призывает нас к дерзновению. Мы должны стараться стоять, терпеливо выносить скорби, неукоснительно исполнять его наказы, а не искать лёгкого. Не перебегать к другим, третьим...

Одна матушка у нас приехала из Иерусалима. У неё вопрос стоял, вернуться ли ей в Россию? У неё мама была больна. Она поехала в больницу мать навестить, а в это время там как раз отец Кирилл оказался в той же больнице. Они встретились. Её охватило такое радостное чувство оттого, что впервые она встретилась со старцем, и ей удалось побеседовать. Она ему говорит: «Батюшка, мы же вас помним, мы вас любим, за вас молимся». Он так по-детски радовался о том, что его помнят, о нём тоже молятся. Всё так чисто и непосредственно произошло. Так что наши молитвы, какие бы они немощными ни были, нужны, необходимы и ему, Батюшке нашему. Он тоже нуждается в них. Ему это приятно, потому, что он себя полностью отдаёт всем нам немощным и важен, нужен отклик, что тебя слышат. Чисто по-человечески он тоже нуждается в отзывчивости нашей, доброте, в молитвах наших и помощи...

Если мы, окружающие его, как бы приподнимаемся над землёй, такая от него идёт поддержка, то, как же он держит братию Лавры! Всеми силами! Ведь он же духовник братии Лавры. Помню, когда Батюшка приезжал в Лавру из Переделкино, то сразу чувствовалась радость у всех, особенно среди братии. Конечно, то, что Батюшки нет сейчас в Лавре – это немало-

важно. Поддержка уже не та. Многие молодые иноки уже и не знают его. Всё меняется. Конечно, любой монастырь держится на молитвах старцев. А они потихоньку, потихоньку все покидают нас и уходят ко Господу. Или, как отец Кирилл, — на покой определяются, на ложе страданий. Но и оттуда они ещё больше нам помогают. Так что будем больше молиться за Батюшку, а ему от этого прибудет сил молиться за нас, грешных и во множество раз более немощных, чем он.

<u>Монахиня София:</u>

«За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день Суда; ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься».

(Мф. 12, 36-37)

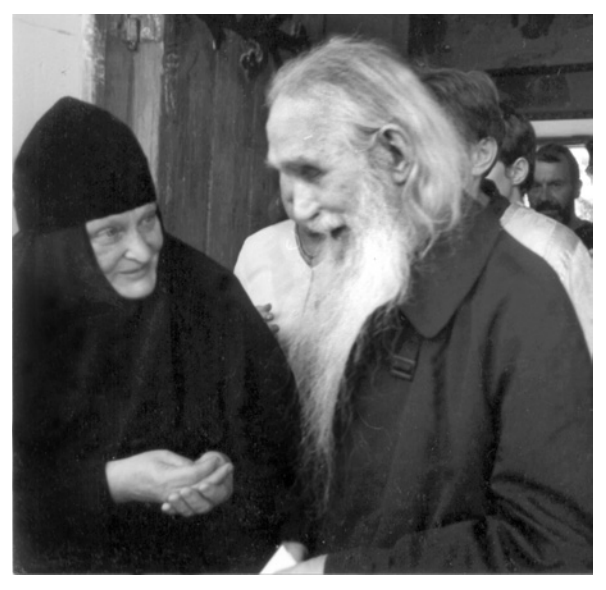
— Бывало, Великим постом, на пассии или в прилучившийся праздник иеромонах Тихон (Агриков), иеромонах Кирилл (Павлов) и благочинный архимандрит Феодорит пели втроём. Об этом отец Тихон вспоминал позже, когда был на Кавказе.

Говорили, что спал отец Кирилл всего по двадцать минут: ляжет, поспит, потом встаёт и выполняет послушание. Работает, работает до изнеможения, снова ляжет, поспит немного и вновь продолжит трудиться.

Когда отец Тихон стал преподавать в Академии, многие обязанности по казначейству легли на плечи его помощника, теперешнего духовника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрита Кирилла (Павлова). Архимандрит Кирилл до сих пор с глубоким уважением и великою любовью вспоминает отца Тихона, любя его за простоту и благоразумие.

Пять лет безвыездно я пробыла в Иерусалиме. Когда стала проситься у матушки игумены, она благословила меня поехать к архимандриту Кириллу. Поехала я в Лавру. Приехала. Какой-то дьячок мне сказал: «Знаю, кого вам нужно. Его сейчас здесь

нет. Вы поезжайте в Переделкино, идите в крестильную».

Поехала туда. И когда открылась дверь, то я увидела отца Кирилла. К нему стояло много людей. Встала и я к нему тоже. Он меня принял. Я сказала, что была на Святой Земле и меня направили к нему. Таким образом я с ним познакомилась, и он благословил к нему приходить.

Вызова из Иерусалима не было. Была я в очень тяжёлом состоянии, не знала, куда приткнуться. Никуда не берут. Когда я к нему пришла в келью, сильно плакала и сказала:

— Батюшка, — не знаю, как мне быть?

Он тихо, но твёрдо, по-отечески дал мне наказ:

— Терпеть всё. Венец получишь.

Было мне предложение от одной игуменьи идти в их монастырь. Перед этим я должна была продать квартиру. Каким-то образом отец Кирилл уведал об этом и при первой же нашей встрече строго предупредил меня: «Никогда не лишайся своего угла до последнего часа». Это отрезвило меня. Вскоре и выяснилось, что интерес ко мне той игуменьи только «квартирный». Недолго пробыв там, я вернулась домой.

Когда отец Кирилл уехал лечиться в Крым, и я приехала туда в Ливадию. После того, как его прооперировали, я устроилась там, у настоятеля местного храма. В ризнице помогала, по храму. К Батюшке трудно было попасть и там. Но мне доведлось проходить к Батюшке в санаторий. Многому полезному для души я там выучилась.

Ему было тогда 75 лет. Это было на Иоанна Богослова, Батюшкины именины (мирские). Ему испекли пирог. Он сказал: «Отдайте всё Надежде (то есть мне). Пусть весь пирог съест. Она у нас великая странница». Когда мне передали этот пирог и его слова, вначале я очень удивилась и обиделась даже. Почему «странница»? Я же не бегаю из монастыря в монастырь. Есть такие. А потом поняла, что так он мне напоминает и утешает, согревает памятью о Горненском монастыре в Иерусалиме, где я верно трудилась. Пробыла там в трудах пять лет. Батюшка напомнил мне, всколыхнул во мне утешительные, согревающие воспоминания о родной мне Святой Земле. Это необыкновенно утешило меня и придало сил и бодрости. Вот такое от Батюшки великое утешение я получила.

После Ливадии я продолжала ездить к нему в Переделкино. Он очень внимателен, всегда что-нибудь подарит. Учит основной добродетели, каковая из нас всё более уходит — смирению. При скорбях даёт твёрдую уверенность, что всё уладится. После беседы с Батюшкой никогда не остаётся вопросов. Это как в Иерусалиме. Когда придёшь ко гробу Господню, думаешь — сейчас всё попрошу, а войдёшь когда, только и говоришь одно: «Господи, прости. Господи, прости! Благодарю тебя, Господи, прости». И от Батюшки уходишь тоже обновлённой. У него много говорить не приходится. Всё уходит куда-то само собой, облегчается. Остаётся только просить у него благословения, окормления — вот и всё.

Встретилась с Батюшкой в 1994 году, в Великий пост на Страстную седьмицу. Приехала к нему в Переделкино и спрашиваю его:

— Мне одна старица сказала, что меня разорвут на части бесы?..

— Ничего тебе никто не сможет сделать. Читай 90-й псалом почаще!

Одна женщина, перехватив на службе архимандрита Кирилла, просит его благословения, чтобы раньше уйти с за-

тянувшейся службы. Она опаздывает. Ей пора бежать на электричку, ехать в Москву. Надо быстро взять вещи там и спешить в аэропорт. Уважительная причина. Но отец Кирилл не даёт благословения ей. Успокаивает, и говорит, что осталось немного, скоро служба закончится, и он с ней поговорит.

Женщина едва дождалась окончания службы. Смирив себя, послушалась, осталась. Имела беседу со старцем, где он дал ей важные наставления. Предупредил, чтобы она не спешила. Успеет вполне, без спешки.

И действительно, всё складно получалось с транспортом. Она быстро добралась до аэропорта и ждала ещё полтора часа задержавшегося вылета самолёта.

Мне рассказывали, что когда Батюшка пришёл с фронта, он два года работал где придётся и ходил к стенам монастыря, взывал: «Знаю, что мне Господь даровал жизнь! Хожу я здесь, чтобы за своих ребят, погибших солдат, молиться». Приходил он к стенам с рюкзачком и фляжкой военной. «Похожу, похожу, солнышко светит, капели звенят и птички поют. Нет, думаю, не готов. И только со второго или третьего раза я ушёл в монастырь, и навсегда» — так Батюшка поделился с нами прошлым своим.

Когда отец Кирилл заболел, несколько раз я пыталась писать ему в письмах, но не получалось. Не знаю, что и как писать, и так всё ясно. Надо терпеть и молиться и побольше любви.

Знаю, что стоят Батюшкины молитвы, они очищают разум, очищают восприятие жизни, поведение твоё. Надо очищать себя. Ум свой очищать. А если надо перестрадать, значит надо перестрадать. А как же Господь? Господь же пострадал за нас? А мы?

По поводу печати разговор был там же, в 1997 году в Переделкино. Отец Кирилл сказал:

— Тайно не будут ставить. Будет всё с разрешения человека!

У меня особо не было лишних вопросов, много я ему не задавала. Только первый месяц, когда приехала, не знала, куда

мне деться. Меня никто не брал, никто ничего не говорил. В миру уже не могла быть. Да тут ещё несчастья пошли. Я уже инвалидом стала, и возраст был не юный. «Старух не берём», — впрямую тебе в монастырях говорят. Только и спасалась тем, что Батюшка утешал... Какое бы его слово ни было, оно всегда было утешительное, сильное. Главное, что он жив, здесь, с нами!

Монахиня Алексия (Писанюк):

«Обратитеся ко Мне, и обращуся к вам».
(Зах. 1, 3)

— Господь так сподобил, что когда сыну моему Серёже было 7 лет, мы приехали в Лавру. До тех пор мы не знали, что существует под Москвой Лавра и в ней мужской монастырь. Знали только, что кроме Киева, есть ещё в Одессе да в Почаеве монастыри мужские. Когда мы пришли к Лавре, то были поражены красотой и величием её. Увидели, что люди идут в Лаврские святые врата. Вместе с ними мы вошли. А там — праздник для всей души! Такая радость!..

После этого ещё приезжали в Свято-Троице Сергиеву Лавру.

Серёжа рос с Божьей помощью. Два раза в год мы в Лавру приезжали обязательно. На преподобного Сергия осеннего и летнего. Как-то один раз опоздали на службу. Подошла я к одному архимандриту. Он исповедовал. Спросила:

— Батюшка, мы везде опоздали, а мальчику надо причаститься...

Священник ответил:

— Идите в Академию. Там служба ещё идёт.

Мы пошли. Пришли в Академию, и нам там тоже понравилось

Знала, что надо иметь духовника. Прослышала об отце Кирилле. Подошла к нему и говорю:

— Батюшка, возьмите нас в чада свои.

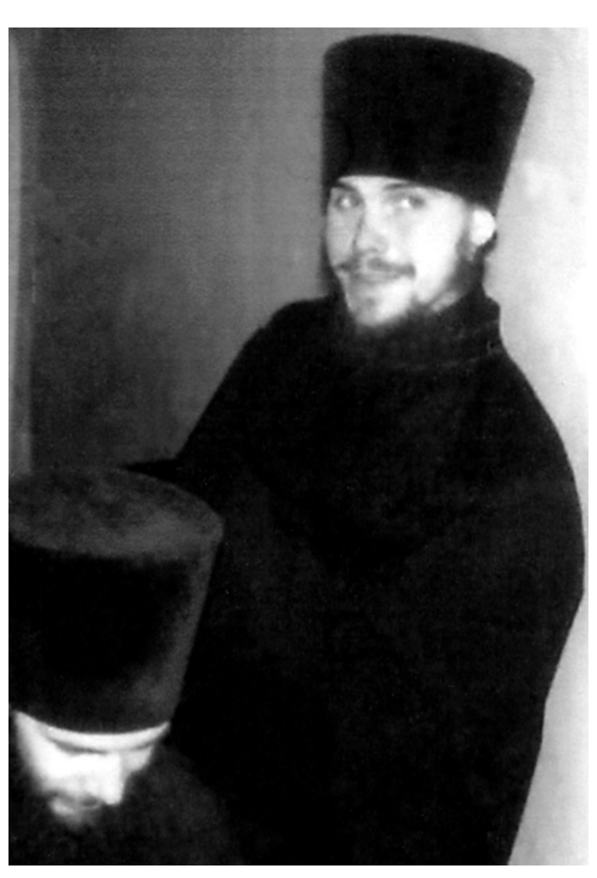
Он на меня с доброй улыбкой посмотрел, дал мне книжечку и сказал просто:

— Приезжайте.

У Серёжи стало возрастать желание поступить в Семинарию. Монахи и братия в Лавре уже были знакомые.

Серёжу приглядел и митрополит Филарет, когда был ещё в составе РПЦ МП. Держал его около себя иподиаконом. Даже когда Серёжа, учась в Московской Семинарии приезжал в Киев, митрополит вызывал его на службы и по другим делам. Ещё когда Серёже было 15-16 лет, он его ставил главным иподиаконом. Потом сын был в митрополии по издательству.

Постепенно мы отдалялись. Больше были в Сергиевом Посаде, и люди, когда меня видели, спрашивали: «Где ваш Серёжа? Он так нам нужен. Он так нам помогал!» Чем он помогал, я не знаю, но такие хорошие отзывы я слышала про сыночка. Отговаривалась тем, что учится далеко, под Москвой.

Когда Серёжа в Семинарии учился, то, конечно, отец Кирилл был для него первым советником. Он у него исповедовался, брал наставления. Батюшка его и в Академию благословил. У него и я спрашивала, когда

сын уже заканчивал Семинарию, а потом Академию, как ему быть дальше? Отец Кирилл чётко, определённо сказал:

— В монастырь.

Когда сын окончил Академию, приехал ко мне. Я ему ничего не говорила до тех пор, что его благословили в монастырь. У нас на Украине ещё сохраняется уважение к мнению родителей, родительскому благословению. Сын спрашивает:

— Мам, я заканчиваю. Как мне быть? Если идти на рукоположение — надо жениться. У меня никого нет. Но я должен через несколько месяцев решить этот вопрос.

Тогда я и сообщила ему определение отца Кирилла и моё пожелание:

— В монастырь, сыночка.

Он смиренно всё принял, без всякого возражения и даже вопросов. И всё. Видно было, что своего определения он не сделал, а, как и положено, возложил всё на решение родительское и духовника своего. Больше мы не говорили на эту тему.

Он был ещё на втором курсе, когда открылась Семинария в Киеве. Он был на каникулах. Его уговаривали: «Может, Серёжа, сюда перевестись»? Но мы привыкли к Сергиевой Лавре. Решили, уж лучше заканчивать Семинарию в Сергиевом Посаде. Здесь у него всё так хорошо шло. Послушания выполняет, за больными ухаживает. В учении хорошо было. Его уже так притянуло. Перейти на новое место уже не хотелось. Так он и остался в Троице-Сергиевой Лавре.

Закончил сын Семинарию, и его сразу же в монастырь взяли, в Лавру.

Когда владыку Филарета сняли, Серёжа полностью ушёл в заботы Лавры, монастыря. Так что Батюшка и конкретные вопросы помогал решать. Указывал путь, как, куда идти.

Когда сыночек, иеродиакон Алексий, учился в лаврской Семинарии, я уехала в Дивеево путями непредвиденными. Перед этим мне предлагали поехать в Ивановскую область знакомые сестры. Я ему пишу записочку: «Батюшка, одни

меня в Дивеево зовут, а другие в Иваново, там как-то проще». Он ответил: «В Дивеево». Отец Кирилл меня благословил в Дивеево. Вот я и поехала. Там, пока стройка была, помогала, работала. После этого приехала и спрашиваю:

— Если меня будут в монастырь брать, благословите на это?

Он благословил. Сказал:

— Можно.

В Дивеево мне предложили выписаться из Киева. После этого только вернуться в монастырь. Батюшка на это мне твёрдо сказал:

— Надо сохранить прописку в Киеве.

И тут я поступила по-своему. Переписала квартиру на Алексия. Зашла потом к отцу Кириллу и говорю:

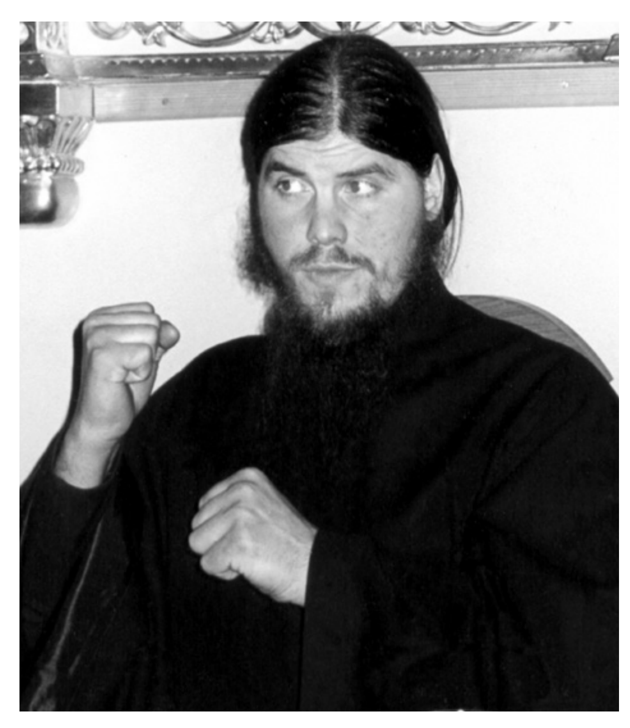
— Батюшка, вот так я поступила.

Вижу, что ему не понравилось, что я выписалась оттуда. Он уже тогда предчувствовал, наверное, беду с Алексием, поэтому и не велел мне выписываться, а я своевольничала. В результате квартира пропала. Каюсь, грешная, за непослушание перед Батюшкой. За нерадение к его указаниям.

Но, несмотря на это, он обращался со мной очень внимательно, спокойно. Как отец заботливый, поговорил со мной. Часто передавал нам подарки в Дивеевский монастырь. Помнил всех, кто там находился. Вот такой у нас внимательный, заботливый Батюшка. Мы тоже его помним, не забываем.

Приезжала я редко, потом Батюшка стал болеть. Приедешь — его нет. В последнее время, когда мой сын, иеродиакон о. Алексий окончил Академию, Батюшка поправился, всё время служил. Мы перезванивались. Батюшка звонил мне на скит в Дивеево, поздравлял с праздниками. Передавал мне и гостинчики. Батюшка всегда находит время, благодарит нежно. Очень любезно общается с людьми.

Когда отец Кирилл приезжал, либо из Переделкино, либо из отпуска по лечению, отец Алексий становился,как тень его. Был всегда с Батюшкой. Ни на минуту его не оставлял. Ходил за ним по пятам повсюду. И на службе, и по Лавре. При бесе-

де с паломниками. Был рядом с Батюшкой и днём и ночью.

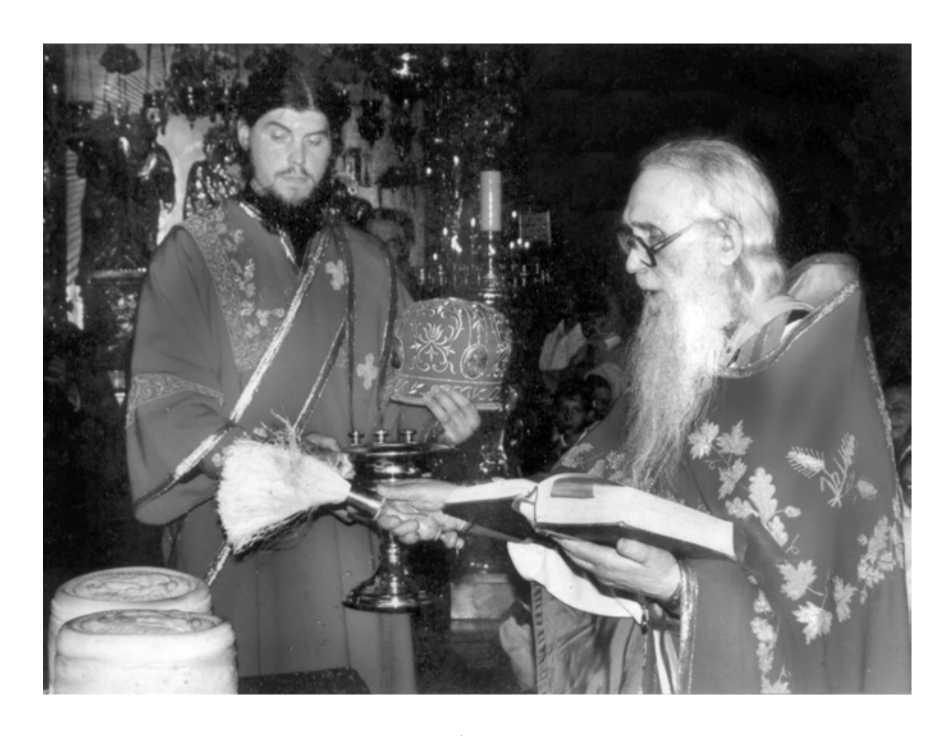
Приезжал когда ко мне сын в Дивеево, то оттуда всегда звонил Батюшке. Они настолько были слиты вместе, что бывало страшно за него. Так же не может быть безконечно?.. Он безпрекословно слушался отца Кирилла.

В Лавре у него было много ответственных послушаний. Ещё в Академии он был помощником инспектора, и часто мне, оправдываясь о задержках, звонил: «Мама, я на совещании, и мне часто приходится участвовать в решении важных вопросов». Он и регентом был, пел в Академии. Когда он был послушником, ночные дежурства были у него в храмах. Потом звонарём был, убирал в алтаре. Иногда при звонке с нетерпением говорил:

— Сейчас дежурство, а потом после уборки служу с Батюшкой.

Отец Кирилл его всегда брал с собой на службу. Мне это особенно нравилось. Волновалась только, что он много работает, а поесть, наверное, и некогда. У него, когда и усталый, голос был хороший.

Приехали как-то наши сёстры, встретили отца Алексия в Лавре и услышали, что он копает могилы, копает раздетый зимой. Приезжают и говорят мне:

— Мать Варвара (я тогда была Варвара), у вас сын так трудится!.. Так нельзя. Вы поезжайте к нему и скажите ему, чтобы берёг себя.

А я им говорю:

— Если вы видели что-то неладное, что же вы не сказали ему, что он ведёт себя не так?

Начну звонить ему и выговаривать:

— Ты как себя ведёшь? Ты надорвёшься!

Он беззаботно отвечает:

— А кто вам, мама, сказал такое? Такого нет.

Признаться, я и при встрече с ним, грешная, роптала, выговаривала ему:

— Что ты делаешь? Ты же почти священник! Ты — иеродиакон. Можешь служить, можешь петь, зачем же ты так надрываешь себя? Неужели никого нет другого? Трудника, послушника какого, который исполнял бы такой тяжёлый труд — рыть землю на кладбище?

Он на меня так посмотрел и говорит:

— Мамочка, я тебе сейчас расскажу, как хорошо на кладбище.

Как он к этому кладбищу прилепился, я не знаю. Говорит:

— Мама, там так хорошо! Когда выкопаешь могилу. Потом захоронишь. Сделаешь холмик, поставишь цветы, крест... Солнышко заходит, поют птицы, и так радостно на душе...

Он мне так рассказал о кладбище, что, представьте себе, у меня умиротворилась душа, и я стала спокойна. Получилось, что к этим могилкам у него такая любовь. Думаю: «Ну, раз ему так нравится, лишь бы он нашёл интерес в послушаниях и служил Богу». Потом, когда его уже не стало, я об этом вспоминала.

Никогда я не слышала от него, чтобы он себя пожалел, пожаловался на трудности или на какие-нибудь скорби, обиды... Когда говорила ему, что тебе же трудно! Он, улыбаясь всегда, успокаивал:

— У меня всё хорошо.

Порой он не только весь день, а и целую ночь копал, носил землю. Я пытаюсь что-то ему сказать. Он себя сильно перетруждал. Нет. Он отказывается. Всё будто ему легко и хорошо.

Особых проблем у нас не было. Потому что мы их не держали в себе, не накапливали. Отец Алексий, если что, то говорил мне, что к Батюшке, мол, поеду и спрошу. Во всём советовались разрешали вопросы сразу же. По любому затруднению. Говорим о чём, что возникает, он тут же меня успокаивает:

— Мам, я поеду и у Батюшки спрошу. Как Батюшка благословит, так и будет.

Он очень верно и во всём крепко держался за Батюшкины наставления. Не помню случая, не то что из ряда вон выходящего, а просто житейского, чтобы он не решал его с отцом Кириллом.

Часто мне звонил:

— Мам, Батюшка меня благословил вот так вот поступить. Или — не благословил.

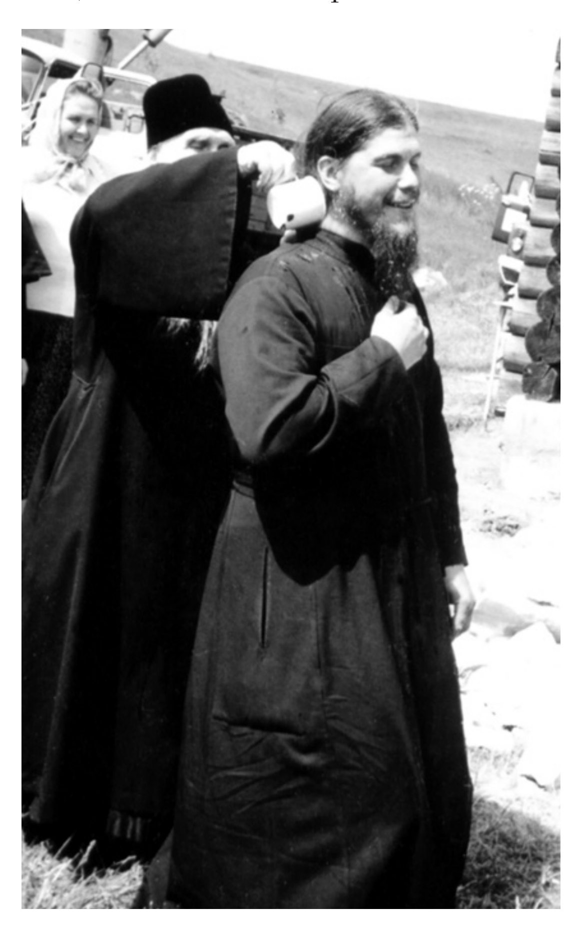
Так было всегда. Или говорит:

— Мам, я был у Батюшки, и он мне разрешил это. Не волнуйся. Или наоборот. Порой, — нет, Батюшка не благословил.

И тут уже его не остановить, не переубедить! Сынок мой, отец Алексий, без отца Кирилла ничего не делал. Всё только с ним решал. Когда отец Кирилл ездил на юг, на лечение, он мне писал: «Мама, жду не дождусь возвращения Батюшки. Столько накопилось вопросов!.. А без него, без его благословения я ничего не могу делать. Прямо повязан по рукам и ногам...»

Когда отец Кирилл возвращался, для него была такая радость!

— Мама, представляете, меня вынесло прямо как из застенка какого на свет. Батюшку видал. Всё решили. Теперь — порядок!

Привёз мне всё, что получил от Батюшки. Был в восторге. Для него Батюшка — это всё самое радостное в жизни. Вся наша жизнь и все вопросы – через него. Этим жили и живём.

Когда бывал в Лавре Батюшка, то часто с ним был и мой сын о. Алексий. Часто они ездили с отцом Кириллом на родину, на могилку родителей Батюшки. Там о. Алексий памятник сделал им на кладбище

«Приими Духа Святаго».

и оградку. Всё устроил. И как-то мне иноки Лавры рассказали:

— Мать Алексия, почему-то Батюшка так плакал, обнимал вашего о. Алексия и плакал...

Конечно, для меня это было тревожно, но понять тогда его слёз не могла. У нас хранится фотография, где отец Кирилл обливает водой из источника о. Алексия. Долго обливал Батюшка его холодной водой. Будто заново крестил. Готовил...

Потом Батюшка стал чаще отсутствовать. Часто стал болеть. Мы ездили к нему в Переделкино. И старший сын Владимир с нами. А когда у нас случилось, что о.Алексей погиб, то мы вообще были всё время около Батюшки. Он нас ограждал любовью. Вниманием и молитвой. Побудешь у него, и намного легче на душе становится. Всегда он старается что-то и дать, у него такая вот милостыня для всех, он раздаёт её всем. Что даст, то мы всё хранили. Сынок мой, отец Алексей всегда говорил:

— Если и торт Батюшка даст, надо его съесть.

С такой любовью мы относились ко всему, что от отца Кирилла получали. Настало время, когда Батюшка сильно

заболел. У него тяжёлая операция была. Тогда о. Алексей мне звонит:

— Мама, Батюшка серьёзно заболел... Мы должны о нём усиленно молиться.

По силе возможности, я старалась молиться о здравии Батюшки. И как-то пришли мы после службы в трапезную монастыря, а там читают «О здравии архимандрита Кирилла». Успокоилась я, сижу и думаю: «Не умрёт отец Кирилл». Все читаем, все в страхе, что Батюшка тяжело больной, а в душе у меня почему-то сидит: «Не умрёт он, нет, не умрёт». Отцу Алексею потом звоню и говорю:

— Сыночка, у меня такое чувство, что Батюшка не умрёт. Пусть там панику не создают, что он вот-вот...

Первое время очень тревожились, об этом говорили. Сейчас уже привыкли, что Батюшка лежит, болеет.

Теперь к Батюшке ездим со старшим сыном — иереем Владимиром. Также Батюшка его благословлял на священнический сан. Сначала ему сказал, что надо стать хорошим христианином, а потом уже и иереем.

Владимир, конечно, жаждал после смерти Алексия, торопился. Ему хотелось быстрее. Отец Кирилл всегда при моём посещении наставлял, сдерживал его:

— Пусть он не ропщет, пусть ждёт.

А я говорю:

— Батюшка, ему хочется быстрее, чтобы продолжить дело брата, служение.

Каждый раз, когда он приезжал из Киева, мы старались первым делом посетить Батюшку.

Сейчас мы посещаем отца Кирилла только на праздники, на день рождения, на Пасху и День Ангела. И всё равно радостно видеть его, даже молча он молится, с закрытыми глазами, а кажется, что он всё видит.

Сынок мой, отец Алексий разбился в дороге. Спешил ко мне, после многих длительных служб Страстной Седмицы, сразу после ночной Пасхальной службы.

И как-то, когда уже не стало сына моего о. Алексия, приезжали знакомые. Сначала они были у отца Кирилла. Приезжают ко мне, это было Рождество как раз, говорят:

— Батюшка тебе шоколадку передал и сказал: «Благополучия тебе, матушка». И больше ничего не сказал.

А я им отвечаю:

— А что мне ещё надо? Он пожелал мне всего хорошего. Больше ничего и не надо. Он молится о нас и хорошо. Больше нечего говорить.

Они подумали и согласились:

— Да, ты матушка, права... Ничего и не надо больше.

Хорошо, что Батюшка помнит, молится, что он есть.

Прошу у Господа прощение и у Батюшки, что не во всём слушалась, а поступала по-своему. Уговорам «советниц» поддалась. Взяла новый паспорт, а теперь вот каюсь об этом.

Слышала я от надёжного человека, что Батюшка доживёт до антихриста. Учитывая его состояние и возраст, значит, что это не так далеко. Так что знахарки, что про всё везде трещат, рано его хоронят. Быстрее, может, мы эту землю оставим, чем он...

Скорблю, что не сразу поначалу, когда всё ещё нормально было, дети росли под покровительством отца Кирилла, не всегда выполняла его наставления. Надо было повнимательней относиться. А у меня получалось нарушение. Отец Кирилл, как Господь — долготерпелив и многомилостив.

После гибели сына, монахиня Алексия из Дивеево переехала поближе к дорогой её сердцу могиле сына, к Лавре выпестовавшей его и к их общему духовнику — архимандриту Кириллу. Подвизается в одной из церквей Сергиева Посада, где несёт послушания и ежедневно читает общую, неусыпаемую Псалтирь.

Кузнецова Н. П.:

«Идущего ко Мне, не прогоню вон».
(Ин. 6, 35)

— Была я ещё не замужем, лет двадцать мне было. Стоит отец Кирилл в Лавре у Собора, рядом с Патриархом Пименом. Мимо них прошла я и внимательно, с удивлением на них посмотрела. Как они величественны. Каждый сам по себе. В то же время — одинаковы, близки друг другу. Вскоре отца Сергия, у которого я до этого окормлялась, произвели в епископа. Уезжая он всех благословил перейти окормляться к архимандриту Кириллу.

Сын у меня был ещё младенцем. Из Коломны я приезжала к отцу Кириллу. Все его знали и шли к нему всё время. Попросила и я отца Кирилла: «Батюшка, помолитесь за младенца Александра». Он молчит, ничего не говорит. Опять говорю:

— Помолитесь особенно за моего младенца Александра.

Батюшка смотрит на меня и улыбнувшись спрашивает:

— Особенно? Я особенно молиться не могу. Кто я такой? Могу только как другие священники.

Он очень боится гордости.

Сын вырос. Переехали мы в Сергиев Посад, тогда ещё Загорск.

Взяли сына в Лавру работать пекарем. Все мы были в большой радости, но через какое-то время враг его зацепил, он стал выпивать. Его рабочие посылали за вином. Саша чересчур добрый, безотказный был, подчинялся им. Вот беда-то и пришла. Это его и сгубило. Отец Павел тогда пытался их остановить, а мне сказал: «Они за Сашку ответят. За то, что его за вином посылают». И сейчас он, когда встретит меня, утешает: «Я за Сашу всегда молюсь». Спаси его Господи!

Встречал нас отец Кирилл, всегда улыбаясь и приговаривая: «А, Христославы пришли!» Входим к нему, полная келья

набивается, и вместе молимся. Какая это молитва!.. До души проходящая...

Про монашество я мечтала и спрашивала об этом у отца Кирилла. Первый раз он меня направил в известный большой женский монастырь. У меня тогда ещё козы были. Поехала я в указанный монастырь. Приехала и говорю:

— Меня отец Кирилл благословил. Я не опытная, ничего не знаю.

Игуменья мне говорит:

— Ты мне понравилась.

Как я могла понравиться? Не пела, не читала?..

Первое время только сидела, где указали. Потом меня игуменья вызвала и спрашивает:

— Какое ваше семейное положение?

Я говорю:

— Сын, дом, козы.

Она мне по-командирски:

— Сына отделить, коз сюда, дом продать.

Приезжаю домой расстроенная и к отцу Кириллу, говорю:

— Игуменья сказала – сына отделить, дом продать, коз туда.

Батюшка удивился:

— Дом продать?! А вы куда?..

На этом всё и закончилось. Спаси Господи всех игумений...

Когда мой сын пришёл после армии, Батюшка подарил ему чётки. Когда отец Кирилл бывал у нас, благодать с нами была неотступно. Помолится отец Кирилл, и всегда всё на работе хорошо было.

Попросила я, и отец Кирилл согласился дом нам освятить. Он был тогда больной. Но приехал. Когда Батюшка пришёл к нам, я не ожидала, потому, что он из больницы только вышел. Должен был другой священник освящать, но получилось по-другому. Отец Кирилл понял, что дом тяжёлый, непростой. Может, чего здесь за сто лет, что он стоит, бывало и

плохое в нём? Столько искушений было перед этим! Два раза дом загорался, два раза сарай загорался. Когда он приехал освящать дом, то сказал: «Давайте воды трёхлитровую банку! Крещенской!». И стал служить молебен, сам освятил весь дом. Он прозревал, что будет много искушений. После его освящения в доме так было благодатно, радостно, уютно. Спаси Господи и помилуй нашего дорогого Батюшку.

В Палестине женский Горненский монастырь есть. Отец Кирилл всё организовал там. В моём доме было столько чемоданов, столько ящиков! У меня в подвале они стояли до верха, до потолка. А с чем были ящики? Со всем! Одежда, посуда,.. много было запечатанных швейных машинок, электроплитки... Где он это доставал? Отправлял всё это туда, в тот монастырь. Монахиня Мария с группой монашек после пострига отправились туда, в Горненский монастырь. Жили они в моём доме до отправления.

Батюшкин выпуск был первым после войны. Те, с кем он учился, эти батюшки, конечно, очень высокой духовной жизни. Я – настырная. Пристала к нему с вопросом. И раз, и два... Отец Кирилл не выдержал и признался, что когда был на войне, то именно он отстаивал дом Павлова в Сталинграде. Он там бегал от одного разбитого окна к другому. Уже тогда он был верующим. Ещё раньше, до войны. С Богом в душе пошёл на фронт. Бог спасал его на фронте, и только, конечно, милость Божья помогала ему, безусловно. Как их мало осталось, таких настоящих, отважных солдат Отечества. Многие там погибли. Только сила от Бога помогла сержанту Павлову и его солдатам держаться, отстреливаться и сберегла некоторых из них.

Уже шестьдесят лет я с ним знакома и забыла многое. Конечно, он особый батюшка. Очень кроткий и смиренный. Читает молитвы всегда очень внимательно, не торопясь, не как теперь читают наскоро. Батюшка очень благоговейный.

Отец Кирилл очень понимает гонимых, безответных. Любит их, крепко стоит за них. Мне, когда я жаловалась ему на сына, строго говорил:

— Сашу не обижай, Саша хороший!

Как-то у сына ноги заболели. Пошла я к Батюшке, спрашиваю:

— Батюшка, наверное, за мои грехи Саша болеет.

Он помолчал, помолился, повздыхал, потом сказал:

— Молись, кайся. За твои ли, за мои ли... Саша хороший, его не обижай, — снова тяжело вздохнул, запечалился. — Вот выпивать стал, это плохо...

Истинные слова он сказал. Мог бы просто отмахнуться, сказать, «молись ты сама за него», а он сказал «за твои ли грехи, за мои ли». Смиренно давал понять, что он тоже грешный, как все, как и я. Он себя приравнивает к каждому из нас грешных, подавая пример смирения. Наша святая Лавра подарила нам кроткого отца Кирилла, и у него можно поучиться многому.

Хотела я часть дома продать, отделить Сашу. Он такой простой был, говорил: «Мам, мне дом не нужен». Отец Кирилл тогда уже провидел, что дом ему не понадобится.

Уже ближе к смерти Саши приезжаю к отцу Кириллу и опять с тем же:

— Батюшка, у Саши так ноги болят!

А он меня спрашивает:

— Он ещё жив?

Поражённая этим вопросом, с недоумением отвечаю:

— Жи-ив.

Прихожу домой и говорю сыну, — вот так и так Батюшка сказал. Он тоже удивился:

— Надо же, отец Кирилл не знает, что я жив? Ошибся.

Проходит месяц, и сыночек мой умирает. В сорок два года он умер.

Если человек не может сам себя вымолить, нужные плоды покаяния принести, тогда нужно просить, чтобы другие за него молиться взялись. Когда Саша умер, за него знакомые монахи Лавры принялись молиться. Кончину сыну отец Кирилл вымолил. Это всё надо было для спасения души погибавшего тогда моего сына. Батюшка сильно молился за

него, чтобы спасти от ада. И он окончил свою жизнь тихо и кротко, так что и в Лавре стали о нём молиться, кто его знал, и даже те, которые за вином его посылали. Ну конечно, материнская молитва никем не заменимая. Стала я усердно молиться. Знаю я, сын мой, Сашенька, в аду был. Из ада его вытащили, он был вытащен за волосы. Видела я это. Приснился он мне на сороковой день. За сорок дней вытащили. Сколько прочитано за него было! Сорок Псалтырей это только я с одной инокиней прочла, и в других местах читали, молили за него. Ну и сорокоусты, заказные в разных монастырях были заказаны. В Москве, в Рязани, в Коломне, в Александрове, в Киеве, в Почаеве. Так, что смерть его была благом. Господь это сделал. Так только лучше было для него, раз он не мог сам остановиться, падал. Вот Господь по молитвам отца Кирилла и подхватил его на лету, чтобы он совсем не разбился, в ад навсегда не улетел. Кроме того, хорошо, что он ушёл в 1999 году. Не получил ни штрих-кодов, ни новых паспортов, ни карточек. И то, слава Богу! Я сейчас переживаю, в страхе от всего этого. А он, миленький, свободен от таких переживаний.

После смерти сына отец Кирилл как-то мне осторожно, загадочно намекнул насчёт монашества:

— Я вот сейчас чего боюсь — уныния и расслабления твоего... Есть одна неплохая, игуменья. Она придёт к тебе. Не хочешь в монастырь к ней в Тверскую область?

Поначалу, непослушная, я сразу отвергнула это предложение:

— Никуда не могу поехать, я вообще Коломенская. Все мои знакомые и близкие здесь, в Посаде да в Коломне. В Тверских краях никого нет...

Батюшка смиреннейший человек. Ничего не ответил мне на мою грубость.

Прошло какое-то время. По этому же вопросу меня другой священник востребовал. Как-то о. Н. мне говорит: «Нина

Павловна, принимай пострижение». Пошла я с этим вопросом к отцу Кириллу и говорю:

— Батюшка, меня о. Н. благословил принять монашество.

Вот тут отец Кирилл дал мне такую загвоздку. Посмотрел на меня и говорит:

— Принять монашество, сказал о. Н., так?! Не знаю.

Стоит, молчит, опять посмотрел на меня и говорит:

— Не знаю, не знаю! А у тебя появилось теперь желание к этому?

— Не знаю, — и я повторила его слова.

У меня в молодости было сильное желание к этому. Сейчас мало осталось. Давно мне в Киеве одна благочинная Покровского монастыря об этом ещё говорила. В Коломне настоятель сказал: «Лизе (сестре моей) надо жениха. А Нине (мне) — пусть съездит в Киев в Покровский монастырь, к благочинной».

Поехала я туда в отпуск. Меня хорошо там приняли. Но я же комсомолка тогда была, передовица во всём. Срок закончился. У меня был билет, и я поспешила на работу, кончался отпуск, уехала. Сколько лет я потом тужила, почему я так сделала, почему уехала. Владыка не благословил тогда в дорогу, а я все-таки уехала. Столько лет я тужила, что тогда не осталась. Прогуляла бы неделю, ничего мне не было бы. Я была стахановка, крановщиков не хватало. Долго очень тужила потом об этом.

А при том тогда нашем разговоре отец Кирилл сказал:

— Твоё «не знаю», вот этих слов-то я и боюсь, матушка.

На этих словах мы совсем эту тему оставили.

Опоздала я на исповедь. 200-300 человек у отца Кирилла было народу, и я умудрилась опоздать при таком количестве народа. У Батюшки всегда было много народа. А тут — никого. Когда пришла на исповедь, Батюшка всех уже поисповедовал, всех отпустил. Он уже снял поручи, епитрахиль, и тут «здрасте», я подхожу к нему. Он увидал меня и только с лёгкой го-

речью пожалел меня: «Ах, Нина, Нина». И смиренно снова надел поручи, епитрахиль и пошёл меня исповедовать. Не сказал, чтобы в другой раз приходила, а кротко, преодолевая свою усталость, немощь, вернулся к аналою. Безропотно, без возмущений, без укоров, ворчаний, как истинный пастырь, терпеливый к любым выходкам своих овечек.

Батюшка подарил мне Почаевскую мазь от иконы Божией Матери, ему привезли. Когда отец Кирилл ездил лечиться на Юг, то со всего Крыма к нему ехали. Меня благословили ехать с ним. Батюшку мы оберегали очень. Он принял бы всех. На службе и после службы народу было много. Священники ходили к нему в алтарь, он их исповедовал. Много людей приходило к нему на молитву. Молились каждый день. Сам главный врач санатория приходил. Не все могли пройти, нельзя было. Там охрана. И всё равно люди шли и шли к Батюшке.

С семи утра он начинал исповедь и до обеда. Свои дела я сделала и тоже поспешила к нему. Прихожу как-то раз, опоздала, уже время обеда. Он спешил куда-то. Оделся и на выходе стоит. Холодно было, одет тепло. Выходит из двери, а я корю себя: «Ах ты, такая-сякая, дескать, опоздала». Батюшка же, ни слова не говоря, возвращается, снимает с себя одежду. Принял меня. Вот насколько он переживал за всех своих чад, как бы им только что-то сделать в угоду их души и спасения.

Я то — немощная, не езжу, а кто ездит в Переделкино, то говорят, что у него глаза закрыты. Уверена, что он молится.

Если он в памяти, то он обязательно молится за нас. Глаза закрыл, чтобы к нему не привязывались с лишними разговорами.

Не знаю, что говорить про Батюшку. Без него — никак. Жизни своей не представляю. Скажите, что он совсем плохой? Ну, и что? Главное — живой, и с ним хотя бы мысленно можно беседовать.

Перед последней болезнью Батюшку увезли из Лавры, сам он, может, и не поехал бы. Потому что Лавру он очень любит и бросать её не хотел. Сейчас он просится сюда в Лавру, не пускают.

О последних временах Батюшка говорил: «Время короткое, время трудное, не малодушествуйте! Настольная книга — Евангелие и Псалтирь. Ходите узкими путями. Не бойтесь мук и страданий ради Царствия Божьего!».

Сильно меня чиновники донимали, заставляли новый паспорт взять. Они со злорадством мне говорили:

— У нас и на отца Кирилла новый паспорт лежит.

Тогда я им ответила:

— Он лежит у вас в столе, но не в его кармане! Никогда он антихристовых документов не возьмёт. Это я знаю точно!

Говорил Батюшка нам давно ещё так: *«По всему видно, что к кончине идём. Трудитесь в основном над душой, своим спасением. Не бойтесь пострадать ради Истины. Душепагубного ничего не принимать!»*

Это старец великий в жизни, конечно. Очень на исповеди всех успокаивает. Как он смиряет человека, чтобы мы осознали свои грехи. Призывает к спасению. Молитва требует ума и глубочайшего смирения. Вот отец Кирилл этим обладает. Его уроки очень важны не только для нас, но и всем, кто хочет идти путём спасения. Если их записать, собрать – это будет духовное, полезное поучение другим духовникам и нам, прихожанам.

Игумен Игнатий:

— То, что отец Кирилл большой старец, — это всеми признано. Поэтому на его плечи выпал тяжёлый крест за нас всех.

Помню те времена, когда тут ещё был жив схиархимандрит Пётр с Афона. Он был духовником отца Кирилла и всей Лавры. Вскоре, о. Петр оставил своё духовничество и стал готовиться к переходу в мир иной. Его заменил архимандрит Кирилл. С тех времён, где-то с 1969 года отец Кирилл стал духовником всей Лавры. Конечно, большой крест он понёс. Почему? Потому что в те, советские времена нужна была осторожность и в то же время правильное, духовное направление. В тех трудных условиях он старался и многим помог. Тогда же он был казначеем Лавры. Братии ещё было мало. Очень многим он помогал, и Словом Божиим, и материально выручал. Всем, чем можно, помогал людям.

Тогда я приезжал только посмотреть, что такое Лавра. После армии работал вдалеке отсюда. Набрал отгулов и приехал в Сергиев Посад. Думаю, поеду, посмотрю, что там за Семинария, что там за монастырь. Для меня тогда все батюшки были одинаковые, всё новое, потому что я был здесь впервые.

Мы со знакомым подошли к отцу Кириллу. Тогда я ещё не исповедовался и ничего не понимал. Но отец Кирилл мне сразу дал благословение переехать сюда. И всё, никаких тогда разговоров с ним я не имел. Потом я подходил к Батюшке регулярно на исповедь. Он стал моим духовником.

В монастырь я тогда не готовился. Осматривался, знакомился с обстановкой. Потом уже появилась духовная близость. Как в армии, особо антимоний я не разводил. С отцом Кириллом у меня всё было чётко. Подойду, вопрос решу и дальше пошёл. Поэтому не было лишних разговоров в те времена, да и воспитан я был по-военному. Это были ещё времена самых сильных гонений. Всего несколько лет прошло, как Хрущев сказал, чтобы к концу семилетки покончить с религией. И по работе так же, подойду, вопрос решу с Батюшкой, и

пошёл дальше работать. Потом уже, приглядевшись, проверив себя, конечно же, по благословению архимандрита Кирилла, я подал прошение.

Заступался ли Батюшка за гонимых? Это вопрос не простой и частный, для каждого отдельного случая. Человека не выгоняют из монастыря. Он сам себя выгоняет. Если человек сам себя отторгает от монастыря, то его никто не удержит, ни наместник, ни духовник. Но бывает, что несправедливо поступают, оклеветали человека, или, допустим, не по злому умыслу что-то сделал. Ну вот так получилось у него. Всякое бывает. Конечно, это вопрос духовника. Бывали и такие моменты, конечно. Общий духовник Лавры должен стоять за всех. Отец Кирилл всегда боролся с несправедливостью. Как священник, как духовник. И не только за кого-то в отдельности, но и за всех. Несёт он этот крест, конечно, и доныне. Даже сейчас, в немощи своей — молитвами, душевным волнением за нас всех.

Думаю, такого, что произошло после советского времени в конце 80-х годов, и отец Кирилл не ожидал, и мы не ожидали, во что мы окунёмся. Нас опустят ещё намного ниже, чем мы были в советское время. Никто не ожидал, что придёт такая изощрённая, душегубительная система. Думали, что мы уже покончили с этим безбожным атеизмом, и воскреснем. Оказывается, не тут-то было. Враг рода человеческого, со своими слугами, конечно, подстрекают и опускают ещё дальше и дальше, как Адама и Еву. Сначала обольстив, будете, мол, «как боги». А потом настолько довёл человечество, что людей продавали в цепях и кандалах уже как скотину, торговали людьми. Дьявол надсмехался над человеком, обещая людям одно, а довёл до скотского положения, смеясь над человеком, над образом Божием. Так и в наши дни враг рода человеческого не дает образу Божьему воскреснуть. Если бы Господь нас не спасал, то сатана уже давно бы погубил всё человечество. Господь даёт возможность каждому человеку немножко осознать и духовно воскресать умом, совестью, любовью, верой. Немножко оживать, чтобы человек возвратился в своё Отечество. А Отечество

человека — это душа человека. Отечество наше в Боге, потому что мы образ Божий. Созданы по образу и подобию Его. Отец Кирилл всеми силами внушает нам это, помогает в этом укрепляться и стоять. Особенная опасность потерять это возрастает в последнее время. Многие правильные воззрения в нас, тех, кто многие лета окормляется у отца Кирилла, переняли от него и важные, нужные, правильные установки.

Есть смешной пример такой. Вся Европа трепещет перед числом 13. Люди зашли там в тупик из-за этого числа. Казалось бы, что тут страшного? Такая у них развитая цивилизация. Ракеты в космос летают, а числа 13 боятся. Ни номера такого домов там не найдёте, ни номера квартир, ни этажа такого нигде нет, все боятся этого числа. Почему боятся? Потому что Господь вместе с двенадцатью апостолами составлял количество — 13. Поэтому сам дьявол трепещет перед этими Божественными проповедниками. И привёл в трепет весь мир. Да ещё самое страшное в этом числе для дьявола — единство в троице, единица и тройка. Поэтому мы видим, несмотря на их кичливость, надменность и самоуверенность, насколько они в тупике, под гипнозом у дьявола. И в народ запустили, будто число тринадцать — это «чёртова дюжина». Для него, дьявола, а не для нас эта цифра страшна. Он трепещет от этого числа. Мало того, что сам трепещет и привёл весь мир в трепет, заставил весь мир трепетать от этой цифры. Если посмотреть хотя бы с этой стороны, то становится ясно, почему Россия по-настоящему свободна. Она не имеет стольких страхов. Не трепещет от примет и суеверий.

Ни из одного присоединённого или побеждённого после агрессии народа Россия не создавала рабов. Сами трудились, развивались, побеждали врагов. Рабов не было. И не нуждались в рабах, потому что творческие способности, они не подменяются, не покупаются в человеке, подразумевая под собой образ Божий в человеке, что ничем не заменишь. Поэтому дьявол трепещет, ненавидит Россию.

Ни один художник, ни писатель, ни конструктор или архитектор не доверит свои творческие способности никакому другому человеку, ни за какие деньги, чтобы не быть рабом чужих воззрений. Потому что это Божественное свойство. Только Бог-Творец может создавать всё новое. Он дал человеку это Божественное свойство — творчество. Если люди, личность, семья, государство, вся страна способна к творчеству – она не нуждается в рабстве. Поэтому славяне никогда не имели рабов. Творчество не нуждается в рабстве. У нас ещё в советское время, перед перестройкой, люди занимались творчеством, будь то на заводе, в сельском хозяйстве и др. отраслях. Враг рода человеческого ненавидит творческие способности человека, поэтому весь мир настраивает против творцов. Свободные, творчески развитые славяне всегда защищались с честью. Ни на кого не нападали, чтобы грабить другие народы. Наоборот, чтобы прекратить эти войны. Монголо-татарское иго вынес русский народ. Победа над игом, грозившим всей Европе, пришла через русскую кровь. Европа через русскую кровь освободилась от Наполеона, от Гитлера, от тоталитарного режима Ленина, химеры коммунизма. Казалось бы, что весь этот хвалёный Запад должен был бы оценить нашу жертвенность, невыносимое напряжение, борьбу в одиночку и труднейшую, с большими потерями победу, Мы защитили и сохранили их ценности. Они должны были понять и оценить то, что из-за России они ещё имеют хоть какую-то свободу, а они налетели в конце девяностых на нас, как коршуны, грабить Русь Святую. Они слепы, их так настраивает дьявол, что они в нас слепо «видят» врага, для них враг — Россия. Для дьявола смертельный враг — Россия. Из-за Её духовной мощи, которую прежде всего несут наши старцы и один из сильнейших несущих эту мощь, конечно же — архимандрит Кирилл. Пока такие заступники у нас есть, Россия наша будет стоять и конечный погубитель не сможет прийти и погубить всё человечество до конца.

Архимандрит Кирилл научил нас многому. В том числе и любви, осторожности к слову. Любви и бережности к

нему. Недаром и Евангелие от Иоанна начинается «Вначале было Слово...». Отец Кирилл, будучи в самом пекле войны, в Сталинградской битве, главным событием для себя считает то, что нашёл там разбитое снарядом Евангелие. Собрал его по листочку, при малейшей удобной минутке читал его и пронёс через всю войну. Сказал об этом так: «Я шёл с Евангелием и не боялся». Вот какую силу даёт Слово!..

«Вера есть основание, на котором строится вся духовно-нравственная жизнь христианина.

Мы должны так мыслить, чувствовать, и говорить, и поступать, как поступал Сам Господь и как Он заповедал нам в Евангелии, чтобы неверующие не укоряли нас, что мы живем не по вере».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Ещё с большевистской революции начали искажать наш Богом данный нам язык. Сейчас нам навязывают и вовсе язык звуковой, обезьяний. Славянский язык — особый, сам по себе творческий. Почему? Потому что Бог дал язык для души, чтобы душа всегда была направлена к источнику света, к любви, к Богу, как подсолнечник утром всегда к солнцу! Весь день к солнцу, и вечером тоже к солнцу. Так славянский язык ни одного грязного слова не имеет. Слова даны нам только для души. Не для материального, не для земного мира, а для души. Это язык мыслящий, творческий.

Что пишет книгу? Рука или мысль? Конечно, мысль. Кто создает картину? Мысль или рука? Ясно, что рука исполняет. Раз мы мыслящие, значит творческие. Творческие способности — это Божественное свойство у человека. Ни одно творение в мире не имеет творческих возможностей. Только Бог и человек. Вот эти-то творческие способности сатана и ненавидит, трепещет от них.

Славяне всегда были славный народ, потому что славили Бога. Слово для души не могло быть придумано земным че-

ловеком. Слово для души могло произойти только от Бога. И поэтому слово «человек», «чело» и «век» произошло от Бога. Это чело-душа, и век — вечная. Душа вечная. Старость — «ста» и «рост». Сто лет растёт душа вечная. Умер — «у» и «мер». Много меры, урожай пришло время собрать. Именно эти однокоренные слова нашего призвания на земле — они Богом данные, для того чтобы душа всегда росла, собирала урожай в своей жизни. Умер — пришла пора, наступила мера, собирать урожай твоей жизни.

Слово «мечтать» — меч и тать. Меч — убивать, тать — вор. Из-за мечтания многие земные беды. Если бы мы значение слов знали, то мы никогда бы не мечтали. Из-за мечтаний много бед. Все тюрьмы заполнены. Все семейные развалы из-за мечтаний. Сошлись молодые, женились, друг друга понимают. Потом дьявол навязывает им мечты. Муж мечтает в одну сторону, а жена в другую. А что значит мечтание? Это значит, в тайне от другого мыслить. Дети мечтают своё, а родители своё. И эти мечтания становятся разными идеями, разными целями. И становятся люди чужими друг другу. Потому что мечтают. Вот как играет дьявол с нами. Семьи разрушаются. Друг друга не понимают. И разбегаются как враги. Вот куда ведёт «безобидное» – «меч» и «тать». А если бы не мечтали, а рассуждали. «Рас» «суд» «ждали». Жди суда ближнего и уже мечтаний не будет. При рассуждении является истина! Дети, рассуждая с родителями, будут понимать, что рассуждения родителей ценнее, полезнее, чем с приятелями. Всегда будут советоваться с родителями, будут уважать родителей. Тогда придут к единому лучшему результату. Будет семья единая. Вот как важен наш язык. А когда нас переводят на звук, звуковой язык, вместо славянской азбуки: «Аз», «Буки», «Веди» — я, буквы ведаю (знаю). И далее. «Глаголь» «добро» — говори доброе, и т.д. Перевели же всё это богатство на обезьяний язык: А, Бе, Ве и т.д. — пустой мёртвый звук. Звук ловит только животное, звери, птицы, обезьяны. Где пустой звук, там нет творчества. Обезьяны не творческое животное. Нас и

превращают в стадо обезьян, животных, зверей. Поэтому нам внушили, что мы произошли от обезьян, потому что мы свой, Богом данный язык, творческие стремления потеряли. Душа всегда должна быть направлена к источнику света, к жизни, к любви, к Богу. Через слово. Вот что значит наш язык, вот какое мы имеем богатство!

Всякая нечисть всегда старается найти обоснование и успокоить себя, что есть ещё нечестивее. У них всегда есть оправдания. Это и есть путь нечестивых! Ещё Геродот писал, что славяне никогда не убивали пленных, а отпускали с миром. А крепостное «право» пришло к нам с Запада, вместе с западными советниками Петра первого. Всё время нас сбивали с правильной дороги жизни. И только отцы Церкви нашей помогали находить и сохранять нужный путь. В наше время одним из таких хранителей и путеводителей безусловно является архимандрит Кирилл (Павлов) – братский духовник главного столпа нашей Веры и нашего Отечества — Свято Троице-Сергиевой Лавры.

Сегодняшнее состояние Батюшки надо воспринимать тоже духовно. Не надо паниковать. Возможно, Господь держит его на этом свете, чтобы воскресить, как Лазаря, для Своей славы. Нам тогда будет ещё большее утверждение и крепость через отца Кирилла, когда Господь его восставит и даст нам его как путеводитель, путеводную звезду для последней битвы с антихристом.

Думается, что если Господу будет угодно спасти Россию, то ему не нужно собирать многие полки. Он одного берёт и ставит путеводной звездой для всего народа. И тогда народ поднимается и воскресает, и имеет правильный путь спасения. Так было при царе Давиде, когда он был ещё отроком. Бог может взять одного и через него разрушить всё с виду неприступное и монолитное. Около этого одного соберутся все и мигом низвергнут любую тиранию. Это показали наши: Минин и Пожарский, Суворов, Димитрий Донской, Александр Невский, Феодор Ушаков, Скобелев, Жуков и другие. У нас такие светильники!

В школах уже не учат про них ничего, не хотят говорить, но они есть, помогают нам и сейчас.

Господь милостив, раз такого исполина духа, как архимандрит Кирилл, держит на земле и нам даёт через его подвиги пример, назидание. Будем надеяться на милость Божию, что он для нас восстановит вновь Батюшку, и будет он для нас как путеводная звезда для нашей России, для нашего спасения.

Отец Кирилл несёт тяжеленный крест за нас много десятилетий. Поэтому нам надо молиться за него, чтобы Господь укрепил его, дал ему здравие духовное и телесное. Нам же укрепление и стояние в Вере и благочестии.

Иеромонах Геронтий:

Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною.

(Мк. 8, 34)

— Архимандрита Кирилла знаю с 1983 года. В Семинарию поступил и учился я по его благословению, а потом поступил в Троице-Сергиеву Лавру. На мой вопрос Батюшка сказал, что есть Воля Божья, пиши прошение и поступай. С тех пор я у него окормляюсь, пользуюсь его духовной поддержкой, молитвами, мудрыми советами и наставлениями. Что меня привлекло в старце? Его любовь, смирение, дар рассуждения. Эти качества редки в наше время. Их сочетание я увидел в отце Кирилле. Подкупают и его забота, отеческое попечение о каждом из нас. Он глубоко вникает в суть наших проблем и ответ даёт не спеша. Не сразу говорит, а помедлит с ответом вроде бы и на простой вопрос. Потом я стал понимать, что Батюшка молится, перед тем как ответить, чтобы спросить Волю Божию. Это очень важно.

Всегда мы приходим к Батюшке со скорбью или проблемой, он поддерживает нас ласковой улыбкой или какой-то шуткой,

подбадривает братию. В его присутствии мы всегда чувствуем отеческое тепло. Бывали неразрешимые, казалось, проблемы, но после исповеди и молитв старца всегда всё разрешается и становится простым и ясным.

После того, как я по благословению отца Кирилла поступил в Семинарию, долго его не видел. Начал уже привыкать жить по самочинию. Нерадение появилось, привыкание к благодати, к обыденной жизни в Семинарии, к службам. Однажды шёл по коридору и увидел Батюшку. Был поражён его видом. Подошёл к нему и говорю:

— Батюшка, по вашему благословению я поступил в Семинарию.

— Цени, цени и дорожи, — сказал он и посмотрел на меня внушительно.

Эти три слова на меня очень подействовали. Только по его молитвам я ободрился и стал учиться усерднее. Вовремя я встретил его, и старец укрепил меня.

Отец Кирилл разделял с братьями и монашеское правило. Мы приходили к нему в келью и молились вместе с ним. Для нас это было большим утешением. Ощущалась благодать Божья. В его келью мы приходили и на духовные чтения. Несмотря на усталость, отец Кирилл читал Библию, святых отцов, устав монашеский и другие душеполезные книги. Конечно, некоторые из нас считали, что не нужно обременять старца и молиться надо в своих келиях. Но эти общие молитвы и беседы очень объединяли братию и дух согревали. У отца Кирилла особый дар духовничества.

Будучи ещё студентом в Семинарии, я видел воочию, как братья шли к нему, открывали свои помыслы, исповедовались и выходили с просветлёнными лицами, утешенными. Укреплялись в духовном преуспеянии. Жизнь монашеская не должна быть застоем в духовной жизни. Поэтому цель христианина и монаха — стремиться постоянно к духовному совершенствованию жизни по заповедям Божьим. Отец Кирилл как духовный руководитель умеет открывать в человеке лучшие

качества души. После беседы с ним стремишься к духовной работе над собой, к преуспеянию в этом.

У Батюшки слабое здоровье, он часто болел, но никогда не отказывал в помощи и даже, когда ему совсем было плохо, братия получала от него утешения.

Первыми наставлениями отца Кирилла для нас были при поступлении в монастырь его беседы, на которых он давал нам, послушникам, назидания, как вести себя в монастыре. Ходить на службы, читать Святое Писание, Псалтирь... Как вести себя на службах. Но основное его наставление — как относиться правильно друг к другу. Увещевал, чтобы мы каждый почитали другого собрата выше себя. В этом и заключается уважение к ближнему и любовь. С этого начинается истинное монашеское общежитие, без этого монастыря быть не может. Это основное правило. Себя уничижать, а ближнего возвышать. «И тако исполните закон Христов». Надо убить в себе все страсти, изничтожить в себе и приобрести великую тишину души, любовь друг к другу.

Опоздал я как-то, зашёл в трапезную, когда вся братия уже поела. Контакта ни с кем не имел, кроме прислуживавшего в трапезной. И то только поприветствовал его. Принёс себе всё сам. Сел один, покушал, убрал за собой, оделся и вышел. Вдруг выбегает за мной послушник.

— Простите, что я на вас возгневался.

Вот как можно легко и вроде бы «ни с чего» быстро разгневаться. Даже по незаметному, мелкому какому-то пустяку. Оказывается, за те 10 минут я, сам не подозревая того, смог его чем-то ввергнуть в искушение. Чем? Вот как враг даже в мелочи донимает. Как трудно с этим бороться. Батюшка всегда учит — только, когда ты сам в себе сжёг все страсти, то можешь учить других. Сколько монастырей распалось из-за скороспелых «учителей». Без мудрых, опытных советов, таких, какими наставляет отец Кирилл. Есть, конечно, такие монастыри, которые вроде бы и существуют, но где не любят друг друга. Разве это монастырь, обитель милосердия?

Не могла к отцу Кириллу приблизиться и нечистая сила. Это видно из рассказа одного иеродиакона. Однажды ночью он с Иисусовой молитвой решил посетить кельи братьев. Пошёл. В одной спят, в другой спят... Пошёл к келье отца Кирилла. Слышал, как Батюшка бодрствует, негромко молится там. Хотел войти, а какая-то сила выносит его обратно и не даёт войти. Несколько раз он пытался, и что-то не допускало его. Днём он удивлённо признался отцу Кириллу:

— Ходил с молитвой по кельям. Ко всем зашёл, а к вам не смог, не удалось войти. Не пускала какая-то сила как стена.

Отец Кирилл улыбнулся и сказал:

— Прости. При молитве я как за высоким забором. Ничего не слышно и не видно мне.

Отец Г. рассказывал такой случай: «В келью пришёл, лёг и чувствую, что душа моя вышла из тела и на шкафу под потолком находится некоторое время, а тело лежит на кровати. Потом Батюшке рассказал, что я как будто раздвоился. Отец Кирилл ответил: «Знаю одного монаха, у него тоже душа вышла и у иконы Божьей Матери находилась некоторое время, а потом опять вернулась». Вот и получается, что душа у каждого может в разных местах оказаться. У одного рядом с иконой Божьей Матери, у другого на шкафу... «Как кто заслужил» — подивился отец Г.

Одна из прихожанок исповедовалась у отца Кирилла о грехе своём. Так получилось, то ли у неё были какие-то отклонения, то ли по зависти вражьей, она стала клеветать на Батюшку. И мать её подала на отца Кирилла в суд, что он обижал её дочь, неправильно поступал. На суде Батюшка стоял, как кроткий Агнец, молился и не оправдывался. Судья посмотрела на отца Кирилла и на обвинителей и всё поняла. Она оправдала Батюшку, а им дала строгий выговор. Вот как истинное смирение и сила молитвы отца Кирилла обличила их. Даже через сердце судьи прошло понимание — вот кто не-

винный, истинный монах. Вы на него клевещите, а он молчит. Его смиренное состояние, кротость и молитва разрушили все хитросплетения бесов и их козни. Он мог привести десятки доводов и свидетелей за себя, а он этого не сделал. Всё и всех побеждает кротость и смирение.

После Семинарии Батюшка благословил меня продолжить учение в Академии. В то время многих отправляли в другие монастыри, на приходы. И многие, чтобы продолжить окормляться у старца, старались оставаться в Лавре, продолжая учение.

После 50-летнего молчания на Валааме вновь зазвучали колокола, начались службы, и братия из Лавры принимала участие в его восстановлении. Послали туда и меня в качестве духовника немногочисленной братии. Там началась монашеская жизнь. Очень трудная жизнь. Нужны были особые, мудрые советы и старческие молитвы. На первых порах было очень тяжело, и мы часто обращались к отцу Кириллу. Кстати, духовное благословение на открытие монастыря первоначально исходило именно от него, от отца Кирилла. Когда нам

предложили поехать, то мы сразу к нему обратились, и он нас благословил. Были такие периоды, когда нам казалось, что это дело невозможное, неразрешимое. Советы отца Кирилла делали проблемы понятными и разрешимыми. По его молитвам опять рождалась надежда, что обитель будет восстанавливаться и возрождаться. И это действительно происходило на деле.

На первых порах отец Кирилл приезжал к нам на Валаам. С ним приезжали другие монахи, и для нас это была большая крепкая поддержка. Каждый приезд Батюшки на Валаам был связан с утешением для братии. Он нас объединял, учил смирению, кротости, терпению.

Был у нас там праздник престольный. Мы после службы пошли в трапезную. Батюшка, ни слова не говоря, сел туда, где сидят послушники. Мы его подняли и стали пересаживать на почётное место. Этим поступком Батюшка дал нам предметный урок из Евангелия — не стремись в первые, не садись на почётное место. Отец Кирилл всегда не только читает Евангелие, но и исполняет на деле его святые слова.

Именно у отца Кирилла мы учились молитве. Как бы он ни уставал за день, как бы он себя ни чувствовал, сколько бы людей он ни принял за день, он всегда вечером приходил в ке-

Чин о панагии.

лью, где мы его ждали, и вместе мы исполняли монашеское келейное правило. Батюшка передавал нам свою любовь к чтению слова Божия. Евангелие он читал непрерывно. Это было удивительно. Он припадает к нему, как к живоносному источнику и старается это нам передать. Поэтому он имеет такие дары. Дар суждения, дар любви и другие дары.

Приходилось иногда бывать с отцом Кириллом на лечении, куда его направляли. С первых дней Батюшка начинал читать книги, читать и писать письма. И так всё время лечения, «отдыха» в трудах. Уезжая, он заботился о многих. Дивно, но он такой предусмотрительный. Привозил подарки для всех. Для знакомых, близких и даже для птиц. Он любит кормить птиц, котиков и собачек. И в этом его подражание Всеблагому Творцу. Создателю, который помышляет обо всём Своём творении. Отец Кирилл уподобляется всепопечительному Богу, и животные чувствуют его любовь.

У отца Кирилла необыкновенный дар утешения. Как после пасмурной погоды наступает просветление, солнце, так и любые скорби, уныние и проблемы, поведанные ему, разрушаются. Приходилось часто обращаться. Поначалу было много трудностей и разногласий. Чаще писали ему и получали письменные ответы. Проблемы разрешались по советам и наставлениям отца Кирилла в письмах.

Был такой случай. На скиту подвизался один брат, который самочинно занимался Иисусовой молитвой. Одно дело заниматься молитвой по книгам. Другое дело по молитвам опытного старца. Видимо, были допущены ошибки. Однажды, во время молитвы, ему привиделся яркий свет и при этом он почувствовал ослабление духовных сил и телесных. Не мог понять, что с ним. Мы ему сказали, что, похоже, не от Бога это посещение. Обратились за советом к отцу Кириллу. Он помолился и сказал, что это искушение от падших духов. Это прелестное состояние. Главное — опыт смирения, это нам старец всегда и внушал. Занимаясь молитвой, надо не забывать об исполнении Евангельских заповедей. Правильная молитва проистекает из жизни по Евангелию. Тогда и молитва будет истинная, а не прелестная. Этот путь приведёт к спасению души, к Богу.

Однажды я был рядом с отцом Кириллом. Ему было тяжело, так как со всех сторон его теснил народ. Мне было видно, как он собирает свою волю и выдержку, чтобы не причинить

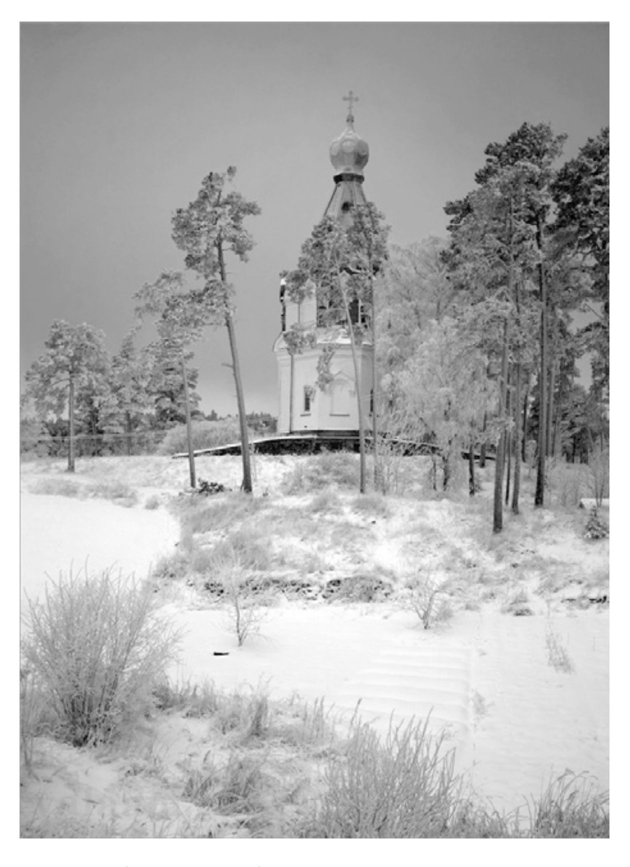
Богоявление. Валаам начало 90-х г.

никому скорби. Такими примерами он ненавязчиво учит нас любви к ближнему и смирению. Всегда во главу угла он ставит любовь. Сам, что говорит, то и исполняет всей своей жизнью.

Мы собрались ехать на Валаам. Сошлись у отца Кирилла в келье за наставлениями. Были немножко в печали и унынии. Батюшка нас утешил, подбодрил, сказал: «Вы будете выше нас». Это удивило нас. Ведь мы чувствовали свою немощность и растерянность перед суровым местом. Батюшка строго нас напутствовал: *«Любить надо свои скорби, а не бежать от них в более комфортные условия. На земле нашей много создано обителей людьми, которые лишали себя комфорта и уходили в леса, непроходимые чащи и создавали там чудные храмы с помощью Божьей и молитвой. И потом к ним присоединялись многие, и таких примеров у нас много».* Отец Кирилл так и сказал: «Не надо бояться скорбей, суровых условий».

Ободрённые и укреплённые, уехали мы на Валаам. Знали, что это северное место, созданное Богом для молитвы. Север вообще к этому более располагает. Особенно этот остров посре-

ди Ладожского озера. Тишина лесов, скал, бушующая Ладога — это всё располагает к уединению. Как святые отцы говорят — молиться надо до крови.

Первое время на Валааме были проблемы с питанием. То, что мы привезли, закончилось, а тут начался Великий пост. Если бы не было молитв старцев, то многие из нас этого бы не вынесли. За нас молились, и поэтому мы выстояли, родилась наша общая, соборная молитва. Кроме отца Кирилла, были ещё молитвенники за нас: отец Николай Гурьянов, отец Павел Груздев. Братия тоже к ним обращалась. Отец Павел приезжал к нам на Валаам и рассказывал, что он был здесь, когда всё ещё было разрушено, служил молебен на мощах Германа, по 70 километров ходил по скитам. Ходил он всегда босиком, такой он был подвижник. Отец Николай никогда не был на Валааме, но всегда горячо молился, и братия чувствовала поддержку его духа и сильной молитвы. У него окормлялись многие наши монахи. Наместник был тоже чадом отца Кирилла. Мы получались кровные братья у одного отца. Нас всех это сближало и роднило. К Батюшке обращались и писали письма. Он отвечал или тоже письмом, или молитвой.

о. Павел Груздев.

Как-то раз мы приехали с одним собратом к Батюшке. Встретились, попали к нему. Он нас обогрел, утешил. Собрат остался, а я ушёл. Он, видимо, пожаловался отцу Кириллу на меня. Батюшка позвал меня и сказал: «Ты будь покротче. Действуй любовью». Мне на всю жизнь это запомнилось. Это было правилом его жизни. К себе построже, а к другим снисходительней.

В первое время решили мы строго поститься. Был уклон, чтобы пищу вкушать только в трапезной. В келье ничего не вкушать и даже не пить. Сначала показалось, что это очень хорошо. Но братья были к этому не готовы. Питание было скудным, и условия климата суровые не по силам. Начались искушения и ухудшения отношений. Возникли напряженность, недуги, лукавство. Не у всех было одинаковое здоровье. Отец Кирилл и тут был с нами. Посоветовал, что надо давать послабление. После этого мы стали больше пить чай и устраивали полдники по благословению игумена. Духовная атмосфера улучшилась, объединяла нас общая молитва Иисусова.

По своём приезде к нам Батюшка прочитал наш монастырский устав и сказал, что он у нас непростой. Трудности были и плоды были. Первые братья приехали в декабре. Они были разные. К примеру, иеродиакон Авраамий прибыл по благословению отца Павла Груздева. Он был родом с юга. При новом климате к 42 годам он быстро потерял все зубы. По настоянию вра-

чей он переехал в Подмосковье. Служил на приходе, но через 2-3 года решил всё-таки вернуться на Валаам, хотя врачи ему не разрешали. Уезжая с благополучного прихода иеромонахом, от комфорта, удобных условий и благоприятного климата, он, улы-

о. Кирилл на Валааме.

баясь, сказал приунывшим и полюбившим его прихожанам: «Уезжаю умирать». Это в 45 лет. Вот каков подвиг быть на Валааме. Вот почему отец Кирилл, провожая первых монахов Лавры возрождать Валаамский монастырь, сказал, что там будут те, кто будут выше и лаврских монахов.

Вспоминается и другой приезд отца Кирилла на Валаам, когда он беседовал с братиями. Один брат подошёл и пожаловался на своё духовное состояние. Старец, видя его состояние, чтобы поддержать унывающего и вселить в него надежду, ласково сказал ему: «А кто не падал?». Дал понять, что все мы немощны: но надо вставать и трудиться. Грешнику есть покаяние. Батюшка поступал по Евангельски. Ведь сказано — Господь льна курящегося не угасит и трость надломленную не сокрушит...

Одна раба Божия подошла к отцу Кириллу и попросила его святых молитв. Говорит: «Вы ведь имеете дерзновение перед Богом». Отец Кирилл, чтобы отразить всякий повод к тщеславию, сказал кротко: «Да, мы дерзкие». Таким образом, откло-

Архимандрит Кирилл с братией Валаамского монастыря.

нил даже всякий намёк к превозношению, к высокоумию. И в то же время призвал к дерзновению, к которому призывал и прп. Серафим Саровский.

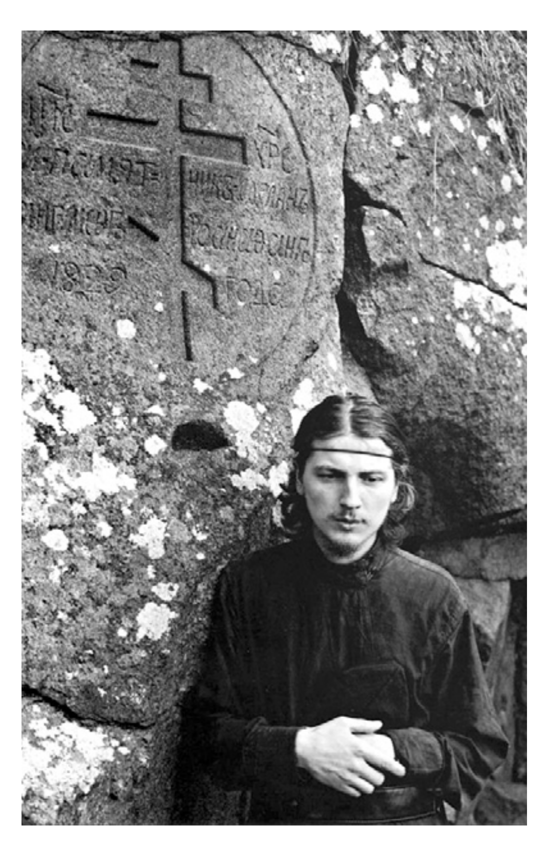
Было 40-летие монашеского жития архимандрита Кирилла. Мы стали его поздравлять. Он этого не любил. Отмахиваясь, усмехнулся:

— Да, 40 лет как в монашестве... Уже мужичок в рясе, — с иронией сказал он о себе, чем снова преподал нам урок смирения. Как избегать тщеславия. Других надо возвеличивать, а не себя.

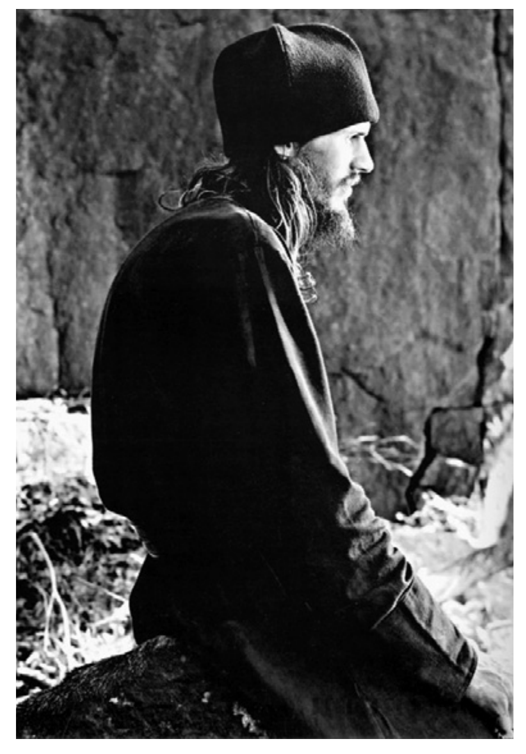
Поскольку самая важная Заповедь о любви самая трудная, то враг старается больше сеять раздора в монастырях., где люди безотлучно друг с другом. Подозрительность, нелюбовь, немирность, осуждение возникают. Батюшка очень следил за этим в

нас, учил побеждать всякую неприязнь. Один раз я сказал ему о своём искушении. Он ответил: «Да, только один недобрый помысел на ближнего, как один штрих у иконописца меняет изображение всей иконы. Помысел враждебный, нелюбовь меняет, очень вредит, искажает всё». Получается, вовремя не отогнанный покаянием недобрый помысел ложится началом раздора. Особенно новоначальные послушники легко уязвляются этим. Принимают порой как свои помыслы, а ведь это от лукавого. Нет у послушника ещё опыта борьбы с помыслами. Каждая добродетель трудом стяжается, внутренней работой над собой, молитвою, усилием воли, крепким упованием на Господа. И когда мы спрашиваем помощи Божией, то рассеиваются и побеждаются страсти, искореняется самолюбие, себялюбие, гордыня. Этот опыт приходит со временем, конечно.

Отец Кирилл говорит, что нужно вырабатывать в себе воздержание. Спросил я его, как надо вырабатывать в себе это? Он ответил: «Это кропотливый, повседневный труд. **Надо ежедневно быть внимательным к себе, постоянно. Страсти быстро возвращаются»**.

Своим примером Батюшка учит правильной молитве. Об Иисусовой молитве он сказал так, что: «*Надо начинать со смирения и сокрушения сердца своего*». Даже про себя, опытного монаха, духовника, на-

ставника других, он сказал: «У меня сердце ещё не очищено». Дал понять, будто, даже он несовершенный молитвенник. Показал нам, как и с чего нужно начинать и как труден, но необходим этот путь. С каким поучительным смирением, без позы это было сказано.

Когда он совершал таинства в Церкви, то уходил весь в молитву и пропускал через сердце каждое слово. С него сразу хотелось брать пример и осознание, как нужно молиться. Этот опыт нас очень укрепляет в монашеском житии. Как стяжать добродетели, преодолевать страсти и как приобретать надмирность.

Один из иеромонахов говорил и допустил ошибку. Мы сказали ему об этом, но Батюшка поправил:

— *Мы, бывает, на внешних моментах заостряем внимание, а главное теряем*, — что мы ближнего обижаем, того не замечаем. Есть же правило: **«Покрой грех брата твоего».** Главное — никого не обидеть, не огорчить. Поддержать, помочь, — вот что должно быть более важным.

Он часто повторяет правило Амвросия Оптинского: «Никого не обижать, никому не досаждать, и всем моё почтение».

Ко мне как-то обратилась одна раба Божья и поделилась своими впечатлениями о Батюшке. Её привлекло в нём и по-

служило исправлению и наставлению на путь истинный вот что:

— После исповеди и Литургии отец Кирилл вышел, посмотрел на меня с такой любовью. Вручил мне просфору и посмотрел мне в глаза. Это были не глаза, а два больших озера. В них было столько христианской любви и желания о моём спасении!.. Господь всё открыл мне через старца. Один его взгляд с любовью дал мне всё.

В 1993 году отец Кирилл направил о. Рафаила (Берестова) на Валаам. Тогда тот был иеродиаконом. По приезде на Валаам его быстро рукоположили в иеромонаха и постригли в схиму. Назначили духовником в Гефсиманский скит. Когда он был на Валааме, то если возникал трудный вопрос, он ездил к Батюшке в Лавру и советовался с ним, как ему поступить в том или ином случае. Он рассказывал и о молитвенном общении с Батюшкой, когда ему было трудно в болезни. Лежал он в больнице, и были у него сильные искушения. В этот трудный момент для него отец Кирилл утешал его. Он как бы слышал его голос, как тот даёт советы ему. Эти невидимые посещения и слова подействовали на больного укрепляюще. Чтобы проверить, не прелесть ли это была, потом он спросил Батюшку: «Отец Кирилл, так и так, что это такое было? Действительно ты разговаривал со мной или мне показалось?» Отец Кирилл усмехнулся и подтвердил: «Ну, что же, если ты был так расстроен, то тебе нужна была поддержка».

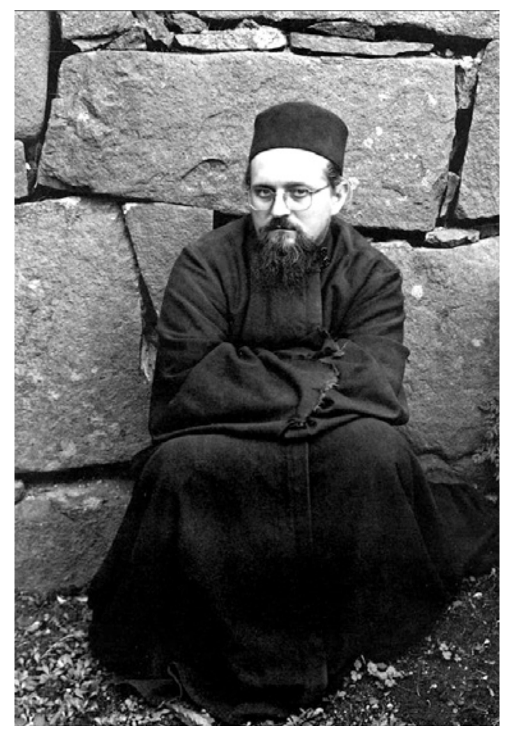

Вот такая духовная связь, это, конечно, через молитву. В то же время это не было прелестным наваждением. Почему? Потому что при встречах всегда эти моменты проверяются. И Батюшка, когда так бывало, всегда подтверждает. Это не надуманное что-то. Такая существует духовная связь, это, конечно, через молитву, совершается такое единение с духовником.

Бывают видения разные, и искушения, и духовные брани. Конечно, все нападения и помыслы надо записывать и потом при встрече со своим духовным учителем проверять, не отклонился ли ты от правильного пути. Отец Кирилл укрепляет и поддерживает, указывает всегда на ошибки, а где — действительно правильный поступок. Такое духовное окормление у старца очень важно. Это подтверждают и другие примеры.

Одна духовная дочь отца Кирилла из Молдавии как-то мне поделилась, что она сильно Батюшку чувствует. Говорит: «Как зуммер такой слышу, что Батюшка обо мне молится, за меня». Понял я, что она сильно доверяет своим помыслам, но не проверяет их. И что она находится в состоянии прелестном.

Этот путь очень опасный. Многие по любви к старцу и по неопытности духовной самонадеянно принимают всякие самомнительные помыслы. Вот здесь враг и может находить лазейку. Поэтому надо не доверять себе. Всегда у духовников спрашивать, так это или не так. Проверять молитвою, чтобы не было ошибки, чтобы не было повреждения духовного. В таких случаях враг является и чувственно, и мысленно. Пытается сбить с правильного пути. Отвлечь от молитвы, увлечь в погибель через самовозношение и через самонадеяние. Вот и повреждаются люди. По примерам отца Кирилла надо учиться нам прежде всего урокам смирения и самоукорения. Чтобы убегать от самонадеянности, гордыни, тщеславия. Чтобы любовью побеждать зло, добром. И чтобы побеждались всякие искушения, а их в жизни предостаточно.

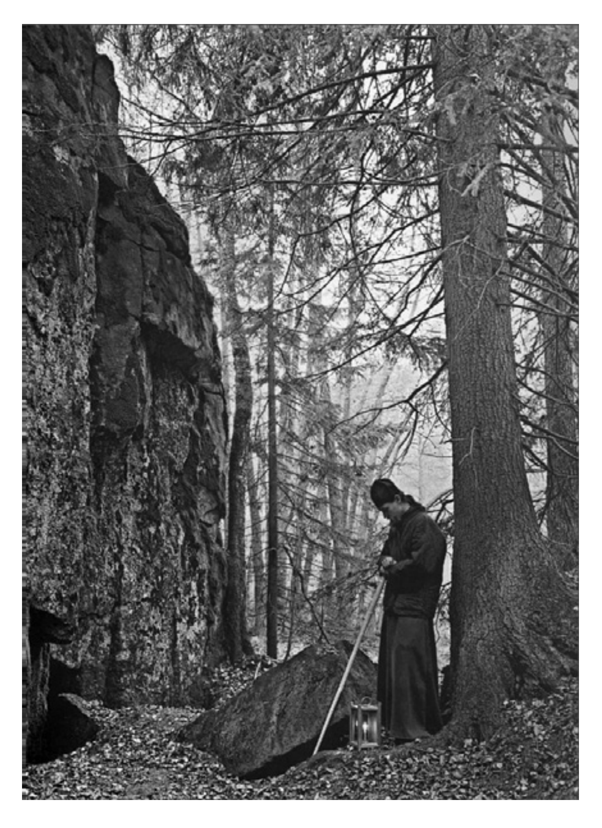
Старец — как врач, всегда больше внимания и больше заботы оказывает болящему, тому, кто больше в немощи, болезни. Особенно отец Кирилл заботится о духовном здравии священства, «врачей». Потому как от них, в свою очередь, зависит здоровье других иноков и прихожан. Если «врачует» больной, неисцелённый лекарь, то дело плохое, опасное. «Врач, исцелись прежде сам»! Вот поэтому Батюшка уделяет особое внимание настоятелям, духовникам монастырей, приходов. Им двигает забота о пастве, всех находящихся в том или ином трудном положении.

Монастырь — это ещё не рай. В миру мы свободно определяем, хотим общаться с человеком или нет, нравится он нам или нет. В монастыре такого выбора — нет.

В одну из поездок отца Кирилла на Валаам с ним ехал один архимандрит. Когда они плыли на корабле, Батюшка задумчиво посмотрел на мрачные скалы и леса Валаамские и сказал: «Если здесь не иметь чистой молитвы, то с этого места убежишь». После этого понятно становится, почему он особо заботился о таких вот отдалённых и разорённых монастырях, о поддержании их. Понимал всю трудность возрождения. Действительно, если не иметь правильной молитвы среди этих суровых условий, можно, конечно, в крайнюю степень отчаяния прийти. Благодаря заботам и молитвам Батюшки за нас в тот трудный период, первые четыре года, мы чувствовали особый духовный подъём. Неустанно трудились почти в безнадёжных условиях. Братья занимались Иисусовой молитвой. Открывали помыслы, часто исповедовались и старались смиряться друг перед другом, так как, занимаясь молитвой без смирения, можно повредиться. Бесы тут как тут. Всегда противодействуют

благому начинанию. В эти годы монастырь преодолел особенные трудности. Всё это благодаря тому, что чувствовалась, прежде всего, сильная духовная поддержка, молитвы о нас отца Кирилла.

Правильно было задумано, что изначально из Лавры были посланы «несущие балки», те из братии, которые имели духовный и монашеский опыт. Этим накопленным опытом держались и братию поддерживали, тем, что всегда помнили отца Кирилла, его наставления. В голове у нас при той или иной ситуации всегда был вопрос: А как бы поступил, что на это сказал бы Батюшка? Через это мы получали ответы. Это давало нам верные ориентиры, уверенность и отвагу. Таким невидимым духовным образом мы соединялись с ним. Связь наша была постоянна, не прерывалась. Братия Валаама равнялась на отца Кирилла и от него исходила во всех своих действиях.

Отец Кирилл всячески заботится о нас. Постоянно соединялся с нами, расспрашивал, как идут наши дела. Помогал в решении трудностей советами и приездами своими. Он ведь тогда уже был сам в преклонном возрасте, больной и немощный, но тем не менее находил в себе силы так далеко ехать, чтобы нас поддержать и укрепить. А дорога к Валааму непростая. У

Батюшки столько болезней! Он вынес столько операций! Не ради прогулки он ездил к нам. Помочь и нам, «несущим балкам» — наместнику, и нам, помощникам его. Мы понимали: духа если не будет, то разойдутся все. «Духом же живем, духом и да ходим». Почему создаются монастыри? Почему человек уходит в лес, в дебри, в болота, порой один, и там создаётся монастырь? Потому, что дух у первопроходцев сильный. Они не боятся не то что зверей, неустройства, злых людей, а и самих бесов. Они никакие опасности будто и не замечают. Люди к ним, как мотыльки, на свет слетаются. «Заражённые» силой, энергией их духа. А сколько есть «благополучных монастырей»! Где дух давно ушёл и братия расходится, несмотря на сытую и лёгкую жизнь там. Так что отец Кирилл не просто приезжал, а давал нам этот духовный импульс, подпитывал, ободрял нас. Убеждён, если бы не было у нас тогда постоянного общения с Батюшкой, то

мы бы там не выжили. Попросились бы обратно в свои монастыри и приходы. Здесь ведь жизнь походная. Где и что поешь? В первое время и это было порой проблемой. А в Лавре и на людных приходах — всё налажено.

Много монастырей помог создать отец Кирилл. Дивеевский монастырь. Благословил игуменью Сергию. И средства изыскивал, и сестёр туда направлял. И Толгский монастырь. И Горненский в Иерусалиме. И ещё множество. Всё возможное он туда направлял. Ещё и Валаам. Чем не Сергий Радонежский наших дней?

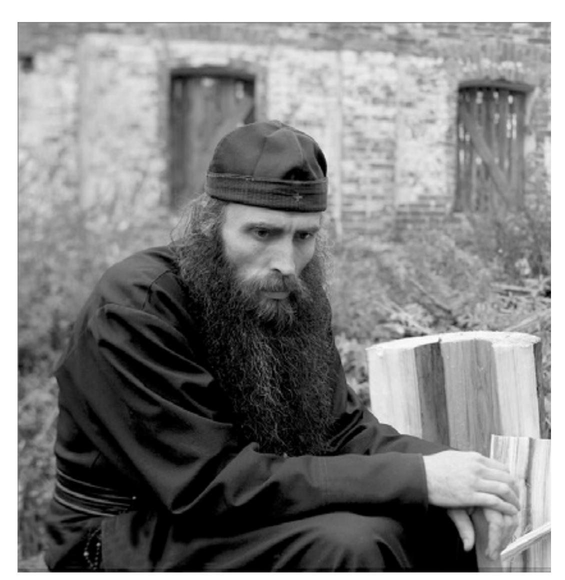
В 1993 году отца Кирилла представили к награде, на второй крест. Батюшка решил скрыться и незаметно ушёл, когда его награждали. Награду не носил. Пришёл как-то в воскресный день на службу. Наместник, будто обращаясь ко всем, грозно говорит: «Отцы архимандриты, почему вы не носите вторые кресты?» Отец Кирилл сразу понял, что это относится к нему, послал келейника и надел крест за послушание. Вот такая смесь — желания избежать славы человеческой и должных кротости и смирения.

Отец Кирилл учит нас: *«Если ты даже абсолютно прав, но весь в страсти, в гневе, остановись, не продолжай. Лучше уйди,*

так как другая сторона, также пребывающая в страсти, тебя не услышит. Раздор, непонимание только усилятся. Истины между вами не будет. **Прежде всего мир!»** Вслед за Господом отец Кирилл несёт всем Его приветствие: «Мир вам!..»

Зашёл я по делам в алтарь, там Батюшка исповедовал. Перед ним на коленях стоял архиепископ с послушанием, по-детски в простоте и с таким покаянием!.. После исповеди важный с первого вида архиерей прямо просиял весь и изменился обликом. Это действия молитвы старца.

Другой епископ мне рассказывал, что задолго до его хиротонии, на исповеди отец Кирилл сказал ему: «Трудись, владыка» — и это сбылось. Прошло много лет, а епископ не забыл это — всегда помнит. И ещё третий, подобный случай. Как-то я подхожу к келье отца Кирилла, а передо мной стоит игумен. Открывается дверь, и Батюшка его зовёт. Говорит ему: «Владыка?». Игумен смотрит на него с удивлением и ничего не понимает. И какое же было удивление, когда вскоре я услышал о его наречении во епископа. Вот такие дары прозорливости у Батюшки. Всегда его слова сбываются. Он часто предупреждал на много лет вперёд и о духовных трудностях, опасностях.

Лет 10 назад у нас в Лавре была одна бесноватая. Она ходила возле храма Иоанна Предтечи, когда игумен Герман там отчитывал. Кричала: «Герман, Герман, ты думаешь, что это ты меня отчитываешь? Это отец Кирилл за всех молится».

Один из братии как-то смущался на другого брата в монастыре. И пришёл, стал жаловаться Батюшке на этого брата, что вот, мол, смущаюсь его поведением и вообще хочу уйти. Батюшка строго его осёк и говорит:

— Знаешь, здесь в Лавре все монахи хорошие! Все добрые, можно сказать, святые. Почему ты так плохо о нём отзываешься? Почему ты его осуждаешь?

Это строгое внушение так подействовало на жалобщика, так вразумился он, что остался в монастыре и изменил свой образ мышления, своё отношение к братии. Вот такое Батюшкино вразумление. Строгое. Добрый — это совсем не «добренький». Он бывает и очень строгим.

Как-то отец Кирилл, глядя на братию, задумчиво сказал: «Да, вот сейчас братия многие даже не подозревают, а в будущем многие из них могут стать мучениками».

Когда отец Кирилл был перемещён в Переделкино, и его долго не было, то у братии начинался разброд между собой. Когда же он приезжал в Лавру, то все духовно подтягивались, чувствовали — что-то изменилось. Отец домой приехал! Это чувствовали все сразу до известия об этом, даже ещё не видя его. Если отец Кирилл уезжал на лечение, тоже чувствовалось

Прощание с братом. Погребение.

на братии. Возникали охлаждение, обострения. По возвращении Батюшка всем подарочки привозил. Кому грушу, кому веточку винограда, кому ещё что-то и сразу братия вся объединяется, чувствуют дух, умиротворение, пробуждение к духовному труду над собой. Начальство тоже добрело. Помню, как-то стоим на службе, наместник грозно на нас смотрит и настроение не очень у всех приятное. Вдруг появляется отец Кирилл. Подошёл к Престолу, приложился, посмотрел на всех. Ласково улыбнулся и я вижу, как меняются лица наместника и других. Братия сразу ощущает радость. Это я много раз наблюдал. Вот она — отеческая любовь. Отец приехал, и братья снова осознают общность, единство. Все друг к другу тянутся. Как в Евангелии, когда фарисеи говорили об учениках Господа, что они не постятся и руки не моют, а им сказано было, что когда от них Жених отнимется, вот тогда и будут поститься, скорбеть. А сейчас радость! Так появление и нашего духовного отца приносит нам всегда радость и умиротворение.

Постриг. Отречение от мира.

Сколько подарков Батюшке приносят, иконы заламинированные, ещё чего-нибудь из Иерусалима много иногда привозят, и отец Кирилл передаёт всё людям. Одаривает, одаривает... старается эти святыни не задерживать у себя, а распространяет. Отдаёт тем, кому это очень нужно.

Батюшка наш болеет, в тяжёлом недуге, но как воин на посту — бодрствует!

Келейница как-то спрашивает у него, скованного болезнью: «Ну, как вы, Батюшка, не унываете»?

Он ей, находясь в таком тяжёлом состоянии, в ответ:

— А зачем?..

Вот она — детская чистота. Он как-будто и представления не имеет об этом широко распространённом недуге. Вот у кого поучаться-то надо!.. Будто не знает, что такое состояние может порабощать человека. Почему? Да потому, что некогда ему этой глупостью заниматься. Времени на сон и отдых минимальный, и то постоянно не хватало у Батюшки. Но других-то, он знает, как может скрутить бес уныния. Вот он и показывает, как надо относиться к этому недугу. Не обращать на него никакого внимания. Будто его и нет совсем. Тем самым отвергать его сразу, не принимать.

Однажды спросили одно ответственное лицо: «Может, другого духовника надо назначить для братии Лавры, вместо больного архимандрита Кирилла?» Тот категорически отверг

Игумен Панкратий с братией монастыря, начало 90-х годов.

такой совет, ответил: «Нет. Хоть он и на одре болезни, но мы все находимся у него в сердце». И это сильно ощущается, что он и ныне, в немощи своей, болеет за каждого брата обители нашей и духовно укрепляет всех.

Иеродиакон Симон:

— В 1992 году я впервые приехал в Лавру. До этого близко знаком был с чадами архимандрита Кирилла, которые уже по многу лет окормлялись у него. Матушка Марфа – монахиня Богоявленского монастыря г. Костромы, более 30 лет она ездила к Батюшке. Она мне и посоветовали поехать к нему. Так мы познакомились в 1992 году.

Меня тогда очень интересовал один вопрос:

— Батюшка, хочу стать монахом. Благословите меня в какой-нибудь монастырь поступить. Что мне для этого нужно делать?

Батюшка зашёл за ширмочку, долго там был. Потом выходит, спрашивает:

— Какое у тебя образование?

— Учусь в институте. Пока не закончил.

Отец Кирилл помолчал, испытующе на меня ещё взглянул и сказал:

— Посоветовал бы я тебе Семинарию закончить.

— У нас в городе духовное училище есть. Может быть, мне его закончить? – спрашиваю я.

— Нет, я всё-таки тебе здесь посоветовал бы поучиться.

Стал я, грешный, противоречить:

— Может, всё-таки у нас, в нашем городе? Уж больно мне хочется в монастырь поскорее.

Батюшка успокоил меня:

— Не торопись, я не настаиваю.

Наша беседа продолжилась, и в конце беседы Батюшка опять напомнил мне про Семинарию:

— И всё-таки я бы посоветовал тебе в лаврской Семинарии поучиться.

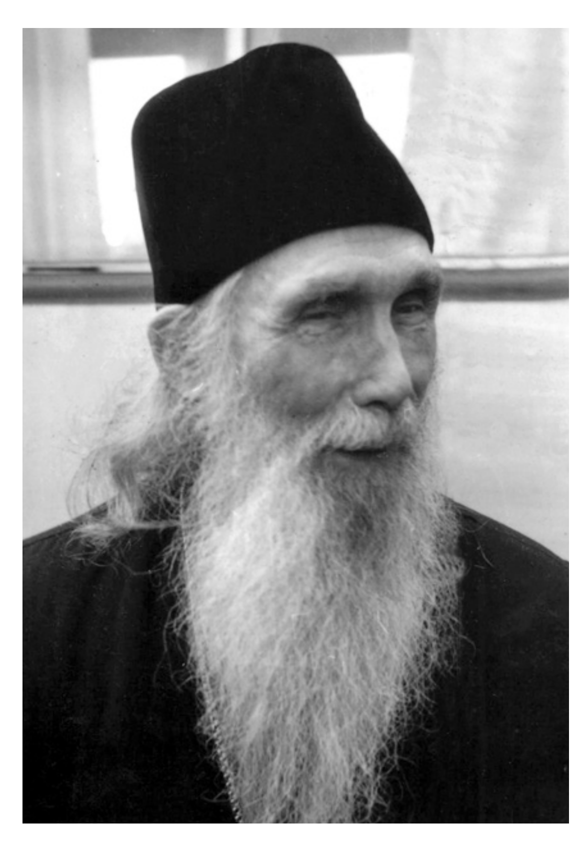
Задумался я, приехал домой и потом уже в письмах я общался с Батюшкой. Так произошло первое моё знакомство с Батюшкой.

Владыка не отпустил меня, сказал, что у нас скоро своя Семинария будет. Сейчас поучишься в училище, потом оно уже будет Семинарией. Получится, как Батюшка благословлял. Смалодушествовал я, согласился. Остался.

Третий год уже проучился, а там что-то с документами никак не получается. Семинарию всё не открывают.

Поехал я к отцу Кириллу за разрешением недоразумения, возникшего по непослушанию ему. Батюшка благословил меня на иконописное отделение поступать. Владыка при этом известии снизошёл и отпустил меня в Лавру. По молитвам отца Кирилла удалось мне поступить.

Батюшка в это время чаще был уже в Переделкино. Трудно было туда выбираться, и я у него спросил:

— К кому вы меня благословляете, вас вот нету?

Он грустно на меня посмотрел и благословил к о. К. ходить.

Матушка Марфа уже почила к тому времени. Она алтарницей всё время была. Много гонений она перенесла. Но она уповала на молитвы отца Кирилла. До того имела веру в его святые молитвы, не сомневалась и получала всегда помощь и содействие от него. У неё фотография Батюшкина была, и она всё время молилась: «Батюшка, помоги!». И помощь получала и меня убеждала, чтобы я тоже к нему обращался в молитвах.

Как-то она сильно заболела. В это время я помогал в монастыре, и мы её перенесли в другую келью. Но она воспротивилась и попросила вернуть её в прежнюю келью: «Меня в ней навещал и благословлял отец Кирилл». Мы перенесли её обратно, и она там быстро успокоилась и поправилась.

Она мне рассказывала, что когда Батюшка её в монастырь благословлял, он благословил иконой Божьей Матери. А там, на иконе, две святые жены на полях были. Но кто, разобрать было невозможно из-за древности иконы. У них в монастыре появилась одна сестра-иконописец. Матушка дала ей эту ико-

ну, чтобы по возможности та смогла разобрать, что же это за святые. И когда та раскрыла загрязнения, то оказалось, что с одной стороны Мария, а с другой Марфа. Матушка же была до монашества Марией, а в постриге стала Марфа. Вот так прозорлив отец Кирилл! Задолго определил, что Мария будет в иночестве — Марфой.

Конечно, мы всегда уповали и уповаем на молитвы Батюшки. Всё время и в письмах я просил его помолиться обо мне и получал всегда утешительный ответ и молитвенную помощь. Однажды он мне написал: «Буду за тебя молиться». Так вот я по молитвам отца Кирилла нахожусь сейчас в монастыре. Молюсь, грешный, чтобы Господь дал мне крепости и умереть в монастыре, а Батюшку сподобил милостями Своими и в этой жизни, и в будущей.

Бехтерева Е.С.:

«Я есть хлеб жизни. Идущий ко Мне, не будет голоден и верующий в Меня не будет иметь неутолимой жажды никогда».

(Ин. 6, 21)

— Началось с того, что я приехала вместе с художником-реставратором Алексеем Артемьевым познакомиться с архимандритом Кириллом в Троице-Сергиеву Лавру. Желала попасть к нему на исповедь. Народ стоял, ждали его. И я тоже стою в сторонке. Вдруг выходит отец Кирилл.

Когда я увидела Батюшку, то сразу поняла, что это — он, и у меня сразу потекли слёзы из глаз. От него идёт такая благодать, что невольно начинаешь волноваться, умиляться, и, вообще необыкновенное чувство охватывает. Такое умиление, благоговение он вызывает к себе. Даже сейчас, когда мы говорим про него, — то же самое ощущение происходит, как будто с ним в постоянном общении находишься. Охватывает чувство не умиления, а скорее благоговения перед ним.

Он отличается от других батюшек тем, что живёт всем своим сердцем, ничего не оставляя для себя. Одни из духовников исходят от ума, от мудрости, а отец Кирилл, имея всё это, ещё включён сердцем. У него, прежде всего, идёт сочувствие к человеку. И через это сочувствие он видит человека и весь его путь. Многие старцы видели через ум, через прозрение, а Батюшка через сердце. Мои внуки, пообщавшись с ним, когда они были ещё маленькие, часто говорили: «Какой Батюшка добрый, какой добрый!» Восклицали это со слезами на глазах. Отец Кирилл — это сама любовь. Он источает её постоянно. Это и при разговорах с ним, и даже в его письмах. Как всякий верующий человек, я хотела иметь такое духовное окормление и такого духовного наставника, тем более, что я занималась общественной работой.

Кроме того, ещё до встречи с Батюшкой, мне всегда хотелось знать, кто является нашим Небесным Покровителем? Кто оказывает нам помощь, защиту?

Один раз во сне, так бывает, когда сильно просишь, мне приснилось в тонком сне, что в узком помещении собрался народ перед храмом. Все ждут, что должен явиться преподобный Сергий Радонежский. Волнение среди людей, и я тоже среди них, и долго-долго ждём. Тут появляется старенький священник. Он проходит вдоль массы собравшихся, берёт меня за руку и резко ведёт меня за собой в храм. Там к солее. Мы останавливаемся. На аналое лежат иконы. Тот старец берёт икону Сергия Радонежского и подносит её ко мне. Приложилась я к иконе и тогда поняла, что основной, помогающий нам — преподобный Сергий Радонежский. Он следит за нами, и оказывает помощь в наших делах, благословляет на добрые дела.

Потом, когда я встретилась с отцом Кириллом, я узнала его. Он как раз и был тем стар採еньким священником-монахом, который дал мне икону преподобного Сергия Радонежского, чем и разрешил мой вопрос.

В тот раз мы прошли в посылочную. Обычно Батюшка мало говорит. Что мы рассказывали ему и о чём говорили, я

уже не помню. Получили мы от Батюшки благословение. Он за нас помолился.

После этого я уже довольно часто приходила к нему на исповедь. Как-то раз после исповеди я зашла в часовню, где источник, там вода святая течёт. И вдруг увидела ту икону, которая мне приснилась. Ту, которую мне тогда старец давал. Тут же я увидела, что находившийся в часовне священник — наш отец Кирилл. Это меня опять как громом поразило. Побежала я его догонять, он уже уходил. Рассказала ему о виденном. Батюшка с улыбкой выслушал, благословил меня. После этого я поняла, что отец Кирилл, конечно же, является сегодня как бы помощником преподобного Сергия Радонежского здесь, в Троице-Сергиевой Лавре. Это сразу стало мне ясно. Значит, помимо того, что он молится о нас, он, как и Преподобный, молится и о России, чтобы Отечество наше возродилось и шло по правильному пути. Так что помощь его очевидна.

Значение архимандрита Кирилла и сейчас необыкновенно велико и значимо для всех. В этом меня убедило одно подтверждение того, что отец Кирилл был и есть и поныне как бы незримый наместник Лавры. Он не подлежит никаким нашим досужим человеческим мнениям, рассуждениям о его состоянии, определении «пользы» для него. Он именно удерживающий нас от ещё большего падения, чтобы мы хоть на этом уровне удержались.

Чем больше я беседую с людьми о Батюшке, тем более меня удивляет, каким огромным и каким подавляющим всякое представление о человеке является отец Кирилл. Поражаешься, как можно так истязать себя, как он. Как можно служить до полной беззаветности себя, полной отдачи. Причём, изо дня в день, из года в год. Это же даром не даётся. У Батюшки, каких только болезней нет. И он имеет больше, чем кто-либо, право пожалеть себя, поосторожничать, а он совершенно не думает о себе. Возможности же поберечь себя он имеет большие. Пользуясь таким уважением в Лавре, и среди верующих, он имеет много поводов и причин до такой степени себя не исто-

щать. Занять привилегированное положение можно и в монастыре. Неспешно ходить, важничать, надменно проповедовать, поучать, жить комфортно. Батюшка себе такого не позволяет. Наоборот, некоторым разрешал послабления, себе же — никогда! Видимо, такая природа у него особенная, военная.

Батюшка с другими солдатами под Сталинградом сидел зимой в течение двух месяцев в поле, в сугробах. Конечно, из–за перенесённого им тогда в войну, у него множество тяжких болезней. Там он научился терпению, приобрёл крепость воли, оттуда его мужество, и терпение, и сила.

Восьмидесятые годы были у нас временем развала. В то горячее время много вопросов волновало нас. Целая программа была разработана по развалу России. Зарубежные организации и компании разрабатывали, внедряли разрушение нашего сильного государства. Наши враги хорошо «поработали» вместе с Западом.

Мы знали, что наверху не желали знать, что происходит среди народа, как люди смотрят на ситуацию, каково большинство. Мы боролись, кое-что удавалось изменить. Правда, по большому счёту, правительство и Горбачёв с нами не считались, не боялись огласки. Там в правительстве тоже шла борьба. Но силы были неравными. Потому что все силы зла США, Израиля, Запада, огромные деньги были брошены на развал нашей страны. Один ныне живущий, бывший работник ЦК на мой вопрос:

— Ну, что же вы всё проморгали? Не помогали нам? Как допустили?

Он грустно ответил:

— Да нас там всех потравили. Я один из руководства большого отдела еле-еле выжил.

Там было и просто физическое уничтожение неугодных людей, препятствующих злу, тех, кто мешал разрушению страны.

Кое в чём всё же они были вынуждены считаться с нами. Наши усилия стали принимать масштабы всей страны. Расходились плёнки магнитных записей наших вечеров, и все

с очень большой надеждой смотрели на нас. Успехи наши были потому, что вся наша деятельность направлялась, уточнялась отцом Кириллом. Часто мы ездили к нему, советовались и благословлялись у него. Поэтому многое даже в тех условиях погрома нам удалось сделать.

Редко я обращалась по личным вопросам к отцу Кириллу, чаще по общественным делам. Позже я стала к нему обращаться и по личным вопросам. В то время я стала участвовать и в работе «Русского Собора», который возглавлял генерал Стерлигов. Он был тогда ещё некрещёным. Говорю ему:

— Как же так? Вы возглавляете «Русский Собор», — а вы не крещённый? Собор — это слово православное, церковное.

— Я хотел бы креститься, но никак не соберусь. Уже готов давно, да всё никак не получается, — ответил он.

Поехала я к Батюшке. Рассказала ему, что у нас должен состояться съезд, а Стерлигов не крещённый. Показала фотографию генерала ему. Он и говорит:

— Ну, хорошо, ты меня подожди, я потом приду.

Батюшка ушёл. То ли он меня испытывал, то ли ещё что, но пришёл он только через три часа. Смиренно сидела я в посылочной, на скамеечке, с терпением и благоговением ждала его. Думала, что, может, он забыл про меня? Может, дела его какие-то отвлекли? Он же в это время молился усердно. Было видно, что отец Кирилл был сконцентрирован очень сильно. Потому что когда он появился, я увидела, что он весь сияет. Весь белый. Как на рисунке преображения прп. Серафима Саровского. После усердной молитвы он в таком необыкновенном состоянии находился. Я была поражена таким изменением его, но, конечно же, не стала об этом говорить. Отец Кирилл неожиданно и говорит:

— Надо креститься завтра!

Как?!.. Послезавтра у нас съезд, а Батюшка говорит, что завтра надо креститься. Ну что мне делать?

Отец Кирилл принёс несколько крестиков, передал их мне и говорит:

— Пусть выберет себе, что он захочет. А остальные тебе.

Ещё раз подтвердил Батюшка сказанное им, чтобы генерал Стерлигов завтра же крестился. Немного помолчав, пояснил:

— После крещения человек по-другому видит, по-другому смотрит на вещи.

Надо было действовать немедленно. Утром я поехала в храм. Молитвами отца Кирилла крещение свершилось. В дальнейшем Стерлигов стал окормляться у отца Кирилла. Потом и сын генерала, Герман, стал к Батюшке приезжать. Знаю, что он просил благословения у отца Кирилла на свою акцию по поводу запрета абортов.

1993 год очень запомнился. Конечно же — 4 октября 1993 года, когда был расстрел Дома Советов. Такой ужас там творился, когда расстреливали лучших людей страны. Старалась я не занимать Батюшкино время рассказом об этих событиях, поэтому подробности не сообщала. Другие, наверно, ему говорили об этом. Когда я пришла к отцу Кириллу, он спросил:

— Сколько там погибших?

— Не знаю, разное говорят. Кто-то — 5-7 тысяч, кто-то 7-9 тысяч. Официально 143 человека.

Точной цифры не было. Это было сильное потрясение. Страшно было смотреть в будущее. Отец Кирилл смягчил моё смятение. Дал снова силу в вере, желании жить и действовать далее.

На следующий же день я пришла к проходу перед Домом Советов. Там, где убивали людей. Стояли свечи, лежали поминальные записки, венки, весь забор исписан. Народу никого не было. Всё было тихо, торжественно и страшно! Это настолько было тяжело и давило на душу, что я чувствовала, что мёртвые просят поминовения, просят отпевания, панихиду. Было такое чувство, что их души тут витают. Ощущала я это чисто физически довольно сильно.

12 октября был 9-й день после расстрела, а отпевания нигде не совершали. Ходила я в близлежащие храмы, расположенные неподалёку, разговаривала со священниками. Все только отмалчивались и ничего не говорили. Я взывала: «Как же так?! Давайте совершим отпевание невинно убиенных людей». Но никто не реагировал на мои слова. Тогда я поехала к отцу Кириллу и говорю ему:

— Батюшка, просто вопиют убиенные об отпевании. О том, чтобы была совершена Панихида по ним. Ведь многие крестились в самом Доме и во время расстрела.

Батюшка твёрдо поддержал:

— Нужно послужить панихиду!

С этим он меня и отпустил.

По возвращении в Москву, по благословению и молитвам отца Кирилла тут же Господь свёл меня с отцом Олегом, который проводил Крестные ходы во время октябрьских событий вокруг Дома Советов. Он сказал: «Пойдём»! Мы собрали людей, певчих, и возле поклонного Креста у стадиона, где тоже расстреливали, совершили первое отпевание. Душа моя успокоилась после этого. А через два или три дня Церковь официально совершила там первую заупокойную службу. Уверена, что отец Кирилл как духовник видимо, сказал патриарху Алексию II о необходимости всенародного церковного отпевания. Служба

Первая панихида на месте расстрела защитников Отечества. Октябрь 1993 г.

была торжественно совершена. Возглавлял её епископ Алексий (Фролов). Он, конечно же, не мог самочинно прийти и служить без высочайшего указания. После этого в церквах безбоязненно священники стали проводить заупокойные службы по убиенным в октябре 93 года. Также торжественно была отслужена заупокойная служба и на сороковой день после расстрела. Это было, конечно, по просьбе отца Кирилла. Больше никто бы не дерзнул напомнить об этом Патриарху. Вот такова заслуга, безстрашие перед высшими лицами Церкви отца Кирилла. Он совершил в те дни по-настоящему гражданский подвиг.

Больше на эту тему мы не говорили с Батюшкой. Он всё и так хорошо понимает. Не задавала я лишних вопросов.

Помогал мне Батюшка и в личных вопросах. Много всего было в жизни, всяких искушений, нападений, но я справлялась. Как-то я сказала отцу Кириллу:

— Батюшка, чувствую, что я какая-то нервная стала.

Он говорит:

— Это плохо. Не надо нервничать.

И то, как он это сказал просто, но убедительно, что после этого я сразу перестала попусту переживать. Стала спокойней воспринимать многие вещи, мудрее, рассудительнее.

Мама у меня умерла в 1984 году. Она перед смертью хотела мне что–то сказать, исповедоваться и попросить прощение, но не смогла. Не успела. И вот прошло много времени, лет десять, наверное. Вдруг на меня наплыли эти воспоминания, и какая-то связь. Чувствую, что не могу от этого оторваться. Меня тянут мысли о маме. Догадалась я, в чём мама хотела признаться, в чём исповедаться, но не осмелилась. Когда я пришла к отцу Кириллу, то спросила: «Батюшка, или я так дурно думаю о маме, или всё не так»?

Он задумался, отошёл в сторонку, помолился, как обычно он это делает, когда его конкретно о чём-то спрашивают, и сказал:

— Всё забудь! Прости её и забудь, а то очень опасно это. Не думай об этом. Иначе можно сойти с ума.

У меня как отрезало, я успокоилась.

Запомнился такой ещё показательный случай, который красноречиво продемонстрировал мне одновременно Батюшкину доброту и отвагу. Как он самостоятельно, решительно принимает решения. Пусть и в не очень сложной, но немножко неприятной ситуации.

Мы приехали с внуком, ему тогда ещё было лет шесть, к Батюшке в Переделкино. Очень долго прождали. Было холодно, сырой ветер, у меня мальчишечка заболел там. Несколько часов мы ждали, я смотрю, у него такой жар поднялся! Положила я его на какой-то столик. В общем, он у меня был уже в плохом состоянии, в лежачем. Высокая температура, и всё... Когда пришёл Батюшка, я говорю:

— Вот, Серёжа у меня что-то заболел, температура — а ехать ещё обратно домой из Переделкино надо. Чувствую, мальчик у меня никакой. Волнуюсь. Как мне быть? Как довезу его обратно?..

Батюшка посмотрел на мальчика, задумался. Потом решительно сказал:

— За мной одна дама должна приехать. Поедем с нами.

После того, как он ушёл, пришла та важная женщина, которая должна с Батюшкой ехать. Я её предупредила, что отец Кирилл благословил, у меня мальчик заболел. Она резко ответила мне:

— Нечего! Не надо мне этого. Я не посажу вас в машину.

Тут Батюшка выходит. Взволнованная отказом, говорю ему:

— Батюшка, извините, вот так и так.

Он строго, но очень мягко по тону, мне ответил:

— Садись в машину.

Мы в недоумении, но пошли сели. Я рядом с Батюшкой, Серёжу посадила подальше, чтобы, не дай Бог, не заразил ту женщину. Она очень была недовольна, но возражать Батюшке не стала. Он же с ней беседовал в дороге очень любезно и корректно, ни словом не выразив ей какого-либо укора. Постепенно и она успокоилась.

Этот случай показательный, как надо принимать твёрдое решение в непростом положении, и уметь загасить возможность какой-либо неприятной ситуации или конфликта. Убедилась я при этом воочию, как важна в духовнике твёрдость. Хотя он в данной ситуации в зависимости от той дамы находился. Дама и так вроде одолжение делает, что старца подвозит, куда его позвали, а тут ещё мы, да ещё с болезнью. Она готова была ещё резче нас прогнать. И мы бы вовсе ушли. Но Батюшка удивительным чутьём, вовремя пришёл и этому всему не дал разгореться, неприятному столкновению. Он рисковал. Она могла и ему совсем отказать. Это духовный талант. С одной стороны, благое отстоять, и в то же время не обидеть никого. И не было конфликта, он не возник по существу. Когда нужно было кому-то помочь, отец Кирилл о себе никогда не думал нисколько. Ни на что не смотрел. Главное — помочь! Так вот. Такая доброта, отзывчивость всегда у Батюшки. Так она проявилась и в этом случае. Очень нам помог. Иначе внук заболел бы очень тяжело.

Мы доехали до Москвы. Им дальше в другую сторону надо было ехать. Взяла я Серёжу на руки, поблагодарила всех. Благословилась у Батюшки. Мы быстро доехали, слава Богу, до дома. Он переболел немножко. Но ничего особенного не было, при помощи, по молитвам и тревогам Батюшки.

Люди бывают очень разные. Некоторые услышат от кого-то, мол, надо к старцу идти... И едут массово с какими-то пустяками, с мелкими глупостями идут к нему. Иногда даже было и роптали мы про себя на таких, дожидаясь своей очереди, чтобы войти к отцу Кириллу. Некоторые очень подолгу задерживались. Часто, конечно, злоупотребляли его добротой, его временем. Всякие бывали. И просто зеваки, любопытствующие, душевнобольные были... В общем, самые разные. Батюшка всех принимал тем не менее. Порой очень тяжело ему приходилось. Народу очень много всегда было. Приезжали люди издалека, со своими болями, проблемами важными, и наболевшими, с духовными трудностями, страдавшие, и настрадавшиеся. Нигде не находившие утешения. Как к последней надежде, ехали к Батюшке. С большим благоговением и трепетом. Никого отец Кирилл, как Господь, никогда не отгонял.

Из книги «Словарь Русской цивилизации»:

КИРИЛЛ (в миру Павлов Иван Дмитриевич), архимандрит (Род. 8.09.1919), церковный и общественный деятель, братский духовник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Родился в д. Маковские Выселки Михайловского района Рязанской области.

Отец Кирилл редко упоминает что-либо из своей мирской жизни, полагая, видимо, после вступления на духовный путь этот период менее значимым. Известно лишь из одного редкого интервью, что родился и вырос он в верующей крестьянской семье. Но, по его словам, «с 12 лет жил в неверующей среде у брата и растерял всю свою духовность». Возвращение к духов-

ности произошло во время Великой Отечественной войны. «Великая и страшная», как характеризовал её отец Кирилл. Отечественная война «была попущена самим Господом, который, не желая никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле, очищая развращённый и утративший веру народ, чтобы спасти тех, которых можно спасти. И когда стали открываться храмы, такой был подъём в народе! – рассказывает отец Кирилл. — Народ пошёл в храмы.... После Сталинградской битвы, когда мы прибыли в тамбовские леса на отдых, в один воскресный день я пошёл в Тамбов. Там открыли единственный храм. Собор был весь голый, одни стены... Народу — битком. Священник о. Иоанн, который впоследствии стал еп. Иннокентием Калининским, такую проникновенную проповедь произнёс, что все, сколько было в храме народа, навзрыд плакали. Это был сплошной вопль...»

Отец Кирилл с самого начала войны участвовал в военных действиях солдатом. Сержантом пехоты. Самым тяжёлым военным испытанием для 22-летнего сержанта Павлова было ожидание генерального Сталинградского сражения в поле, в снегу, почти без пищи под постоянным обстрелом врага в течение целого месяца. После освобождения Сталинграда произошло событие, окончательно изменившее его жизнь. Однажды, неся караульную службу, среди развалин дома, сержант Павлов поднял из мусора книгу. Это оказалось Евангелие... «Я шёл с Евангелием и не боялся... — вспоминает Батюшка. — Просто Господь был со мною рядом, и я ничего не боялся». Сержант Иван Павлов дошёл до Австрии. Он был награждён орденом Славы и медалями. В 1946 году в Венгрии он был демобилизован и приехал в Москву.

Закончив Духовную Семинарию, он 25.08.1954 г. принял монашеский постриг в Свято-Троице-Сергиевой лавре. Так начался многолетний молитвенный подвиг архимандрита Кирилла. Вначале он был пономарём (1954), а в 1970 был назначен казначеем Лавры (до 1985). И братским духовником (по настоящее время). Духовно окормлял Патриархов Пимена и

Алексия II. Архимандрит Кирилл награждён церковными орденами прп. Сергия и св. князя Владимира.

Как в прежние времена прп. Сергий Радонежский, так и в наше время отец Кирилл является хранителем чистоты Православия и традиций русского монашества. К нему, в Сергиеву обитель, стекаются верующие со всей России. Здесь, в тесной комнатушке, или в узком коридорчике флигеля Патриаршей резиденции в Переделкино, с трепетом и надеждой часами ожидают люди счастливой возможности увидеть доброе, светлое, дорогое лицо Старца и получить его благословение. Всех принять Батюшка не может, ведь день не растянешь. Но пока сильно не занемог, принимал иногда сотни людей ежедневно. Приём длился до полуночи, лишь с небольшими перерывом для короткого обеда и дневной молитвы.

Люди приходят к Батюшке со своими скорбями, просьбами, проблемами и все получают утешение и помощь, совет и наставление. И, уходя, прижимают к сердцу бумажную иконку, книжку или конфетку — дорогое Батюшкино благословение. Батюшка немногословен. Но такой добротой и любовью светятся его глаза, что всегда покидаешь его келью утешенным и окрылённым, со слезами умиления: ведь как говорил Ф.М. Достоевский: ***«Нет большего счастья для русского человека, чем плакать на груди у старца».*** И все знают, что после их ухода Батюшка будет молиться за них, и все их дела управятся, как того хочет Господь...

Продолжая традицию русского старчества, архимандрит Кирилл считает своим долгом заботиться и воспитывать молодых монахов. После вечерней службы в Лавре спешат к нему в келью монахи для духовной беседы, которая длится глубоко за полночь. Как к прп. Сергию, благословляющему русских воинов на ратные подвиги против татаро-монгольского войска, к архимандриту Кириллу приходят за советом и благословением, прося его святых молитв, не только священники и монахи, но и офицеры, православные миряне, общественные и по-

литические деятели, интеллигенция, журналисты. Приходят порой семьями, с детьми.

Е.С. Бехтерева.

— Когда ты имеешь духовного наставника и имеешь с ним духовную связь, ты всегда о нём думаешь и всегда внутри задаёшь себе вопрос: а вот как Батюшка на это смотрит? Как ты будешь исповедоваться перед ним? И это побуждает совесть. Это останавливает от каких бы то ни было нехороших поступков, которым без духовника у тебя не хватило бы сил противостоять.

Ныне без Батюшки очень плохо. Думаешь о нём всё время. Как же он там сейчас. Он столько сил на нас потратил. Принимал в день множество людей. Сколько бы народу ни было, всех принимал. Все хотели попасть к нему, все нуждались в его слове, и он принимал всех. Никого не обходил, не отказывал людям. До изнеможения отдаёт нам себя. Иногда за полночь только уходил. А у него ещё большое монашеское правило! Ответы на письма...

Какое терпение у него! Мы просто поражаемся.

Сейчас многие молятся о нём, чтобы ему полегче было в его болезни. Но, видимо, Господь даёт так, чтобы Батюшка побыл сам с собой наедине, чтобы мы его не безпокоили. Надо ведь когда-то и со своей душой побыть наедине. Для этого милостивый Господь даёт болезнь, немощь и старцам. Отводит их от нас, назойливых и непослушных. Может, это для того, чтобы он мог хоть немножко и в себя погрузиться. Ему же никогда не было возможности побыть одному, с собой. Может быть, таким образом, для этого Господь отвёл ещё такое, когда люди, наконец-то, ему так не досаждают, не докучают, не отвлекают от его души. И нам польза. Только теперь мы начинаем ценить всё, что Батюшка вложил в нас. Вспоминать и заново осознавать, получать новые более глубокие уроки того, что он нам советовал, говорил, наставлял. Того, что раньше при встречах с ним мы недооценивали и мало осознавали.

Братия Лавры около своего духовника. 2008 г.

Не забываем и мы отца Кирилла. Очень многие молятся, чтобы Батюшка ещё задержался на земле. Потому что это придаёт осознание того, что Батюшка с нами ещё. Думает о нас, молится, бережёт нас. Конечно, это даёт нам большую силу и бодрость в трудном нашем пути.

С другой стороны, переживаешь, как Батюшке тяжело в это время, и молимся, чтобы Господь облегчил страдания, чтобы ему это пребывание здесь было не так тяжело. Сколько силы он и сейчас даёт людям!

Монахиня Неонила:

— У меня с отцом Кириллом был такой необыкновенный случай.

Лет 14 тому назад я приехала в Лавру. Был праздник преподобного Сергия. Вся братия после службы вышла из Успенского храма и направилась в трапезную. Шёл среди них и отец Кирилл. Многие хотели, как и я, взять у него благословление. Но не получалось, так как братия быстро удалялась. Мне стало грустно оттого, что я не взяла у него благословления. И

вдруг что-то меня подтолкнуло, я как крикну: «Батюшка! Отец Кирилл! Благословите меня!» Видимо, громко крикнула. Он оглянулся, улыбнулся и так по воздуху меня благословил. А я вслед ему: «Батюшка, Батюшка!..» Меня охватило такое умиление. Так стало радостно на душе!...

Потом его увезли в Переделкино, и из-за многих послушаний я не могла к нему поехать. Но, когда мне трудно, я с ним мысленно беседую. Подхожу к календарю с его портретом и по-простому, от себя говорю: «Батюшка! Помоги разрешить такой-то вопрос. Помолись за меня». И как-то, Божьей помощью разрешается всё.

Наш отец Герман — тоже великий молитвенник, так как он духовное чадо отца Кирилла. Он всегда говорит об отце Кирилле, что это — святой человек. Он много о нём рассказывает. Благодаря молитвам отца Кирилла и я оказалась в храме. Тружусь здесь.

У нас, как умирают какая бабушка или пожилой человек, то родственники приносят в церковь молитвословы, записочки разные, которые им не нужны. И вот однажды, после службы принесли прямо полмешка бумаг. Что-то меня насторожило, чтобы всё не сожгли. Стала разбирать. Были там и фотографии отца Кирилла. Я так обрадовалась! Подошла к настоятелю и говорю, что ко мне отец Кирилл пришёл.

— Как пришёл? — спрашивает он.

Достаю фотографии, показываю, а он мне говорит:

— Сохрани их. Отец Кирилл — особый человек.

Вдруг вижу документ. Подлинник клятвы царя-мученика Николая при вступлении на Престол. Получается, что через видимое явление отца Кирилла мы и драгоценный документ, связанный с Царём-мучеником, обрели. Батюшка нам послал.

Наша художница Наталья, которая писала икону Царя-мученика, по благословению текст найденной царской клятвы, написала на обратной стороне иконы.

Таким образом, незримо отец Кирилл помог нам не только обрести святыню, засвидетельствовав об этом своим присутствием, в виде своих фотографий, что это дар от него, но и украсил, преумножил силу писанной в то время иконы.

В том мешке бумаг были и отдельные страницы старых, дореволюционных газет. В одной были приведены слова царя Николая к своему сыну, цесаревичу Алексию: *«Сынок, я благословляю тебя управлять Державой. Но запомни, что семья тоже важное дело»*. Как важны эти слова, это послание нам теперь, когда всё направлено на разрушение семейного доброго уклада и благочестия. Из этого отцовского, августейшего совета, я полагаю, что если бы у нас все семьи были бы такие же порядочные, как царская, то и дела в Державе были бы на высоте. Если бы все семьи были верующие, все ходили бы в храм. Мужья честно трудились. Не тащили бы домой всё, что не попадя. Не лгали, не подличали, не воровали. В порядочной семье жена не радовалась бы этому, а говорила — отнеси туда, откуда это взял. Вот тогда и был бы порядок в семье и в стране. Не продали, не растащили Россию, не произошла бы революция и разгром мощной русской Державы. Царь-отец дал сыну, цесаревичу-мученику благое наставление, чтобы и его семья была примером для всех семей нашей страны. И именно они, царственные мученики, всей своей образцовой семьёй, не дрогнув, пошли на унижения, заключение, мытарства и страшную смерть. **Все. Всей семьёй!..**

После злобных насмешек большевистских газеток, низвержения и убийства Царской семьи, всё было разгромлено и поругано, и мы через это до сих пор страдаем. Души человеческие все порушены. До сих пор мы не можем их восстановить. Вот в чём основная наша беда. Этой главной задачей нам нужно прежде всего заниматься, трудиться над этим. Только высоконравственные члены семей могут пойти и выдержать такое. Этим многое долго держалось. Об этом нам неустанно говорит наш великий наставник — архимандрит Кирилл.

о. Иоанн:

— Один из примеров осторожности был преподан нам от отца Кирилла.

В то время, как многие с восторгом восприняли разрушение прежней атеистической власти, он был осторожен, показывая пример смиренномудрия, чтобы мы устойчиво оставались на верном пути и не сбились с дороги. Чтобы мы не поверили новой форме всё той же погибельной власти, на сей раз — «демократии». Уже атеизму никто не доверял, и многие люди пришли к вере, даже коммунисты-атеисты перед перестройкой были повёрнуты лицом к Церкви. В перестройку воры, поработители стали грабить Россию и стали нам навязывать систему хищническую, не от Бога, а от дьявола. По молитвам отца Кирилла, мудрому, сдержанному его отношению к происходящему, многие монахи, священники и епископы, в отличие от современников, сдержались от эйфории тех лет. Тем самым удержали паству и народ в главном. Божья система — не разрушать, а создавать новое, созидать, творить, проявлять творческие способности. Только из-за России дьявол со своими слугами не может погубить всё человечество до конца. Поэтому дьявол трепещет, ненавидит славянские народы. Мы кому враги, и кто наш враг? Тот, кто ненавидит всё творческое, дела добра, тот естественно враг Божий, враг человеческий. В тот трудный момент, когда СМИ и оболваненная, но шумная часть народа в 91-м году поддержали всех этих грабителей, жуликов, пришедших к власти, осуществивших нелегальный захват власти, на отца Кирилла свалилась тяжелейшая ноша — быстро разобраться в наступившем хаосе и давать точные, правильные оценки происходящему. Многие духовники в то время не стали этим заниматься, отгородились оправданиями о «неотмирности» Церкви. Батюшка же наш не оставил нас наедине с людоедами и лжецами, смело вмешался в жизненный процесс. При молитве и смиренном рассуждении является истина. Он обрёл её и нам дал точные оценки и направления.

Ему не просто, много у него от этого появилось влиятельных врагов. Хищная душа не может переродиться в одночасье, от одной беседы с Батюшкой. (Хотя бывали и такие случаи). Новая власть сильно смутила нашу паству в то время. Дана была свобода безнравственности, разбою и захвату. Сегодня надо купить, вырвать дешевле, а завтра надо продать дороже. Так формируется хищная душа. Создалась страшная система, которой дьявол опутал Россию. Ввели доллары, а доллары ввести — это полное «заражение крови» страны. Русские люди ничего не могут купить, американцы же для себя и своих прихвостней печатают эти доллары, как бумагу. Деньги чемоданами делятся, так продают Россию. Брат брата продаёт. Возникло ужасное, гибельное для нас состояние. Царили хаос, стихия, «хватай пока можно!..». В людях раздвоилось сознание. Потому что двум господам работать не возможно. Надо служить или земному, временной иллюзии, благам земным, ложным. Или Богу! Мы подошли тогда к самому краю. Каково было в такое трагическое время не только самому разобраться, но тем паче других наставлять и утешать, давать им правильный выбор?.. И вот отец Кирилл, дай Бог ему здоровья, вовремя смог сориентироваться, что эта система не от Бога, а от дьявола! Стоит в этом правильном направлении и, конечно же, вразумляет, укрепляет нас. Можно сказать, всю Россию. Помогал пройти нам труднейший этап, до того момента, когда все придут в сознание. Может, Господь поможет нам избавиться от этого ига последнего, ига нечестивых антихристовых сил.

Из нас всё время делают врагов. Казалось бы, всякие, ныне живущие в Европе и Америке, которых Россия защитила и спасла от Гитлера, должны быть нам благодарными. Они же сейчас визжат на весь мир, что у них главный враг — Россия. СССР разрушили, осталось только им Православие разрушить. В «благодарность» они навязали нам и грабительскую систему торговли. Погубители навязали нам ВТО и прочие удавки, чтобы мы разучились окончательно создавать, а только прода-

вать всё за безценок. Всё стали продавать. Дошли до того, что стали детей России на абортированный материал продавать людоедам. Уже и души продают. Вот до чего дошли. И естественно, отец Кирилл в этот трудный для всех момент, когда произошёл нелегальный захват власти, и нам навязали такую пагубную, нечеловеческую систему бизнеса, грабительства, Батюшка непримиримо восстал против такого направления разрекламированного повсюду нашими властями и СМИ. Он смело отвергает и обличает это.

Когда создается хищная душа, тут уже не до того «веруешь — не веруешь в Бога», а вырабатывается подлая душа. Такая душа никак не может вписаться в Божественный мир любви, в будущий мир. В этом наставляет и укрепляет нас отец Кирилл. Сколько душ он спас от погибели!..

Первая мировая, а за ней и Вторая мировая война — это было фактическое уничтожение Христианских цивилизаций. Немцы тоже являются христианами, хоть и католики, так и Русь была христианской. Нас столкнули между собой излюбленным талмудическом способом «разделяй и властвуй». Два исповедующих христианскую Веру народа были дважды за столетие направлены друг против друга, для уничтожения прежде всего христианской цивилизации в них. Вместе с коммунистическими репрессиями это столкновение, война погубили сто десять миллионов невинных людей. А сколько уничтожено произведений христианского искусства, библиотек, храмов? Этого никто не считал и не считает. Тогда казалось бы, уже всё! Диавольские силы победили, ан нет! Не вышло и тогда. И сейчас идёт невидимая война, но уже внутри одной страны, нашей. Жертв — не менее. Уничтожается по два миллиона людей в год в России, а мы стоим! Чем? Духом. Только им. Дух в нашем народе держит одна только Православная Церковь. Источают же в ней этот животворящий дух наши святые, наши мученики и те светочи Веры, которые верно передают нам основы Православного учения — наши исповедники, наши старцы, наши духовники. И, конечно же, в этом огромная заслуга

отца Кирилла. Всё это время он держится правильного пути и нас ведёт, укрепляет в нём.

Елена Фёдоровна:

«Не плоть, а дух растлился в наши дни».
(Ф.И. Тютчев)

— Много лет назад служил у нас, в тульском селе, очень почитаемый о. Владимир. Придёт причастить, а денег тогда мало было, так ему продукты давали, а он как уходит, так под подушку обратно и положит. Потом его забрали и не знаем, где он голову сложил. На одних Соловках сколько народу погибло! Большущие списки с именами!..

Как только Троице-Сергиева Лавра открылась, наш Батюшка, фронтовик Иван Павлов, сразу туда ушёл. Сначала трудником был, потом диаконом, потом монахом, а потом уже 50 лет является духовником Лавры.

Мне сейчас 85 лет. Вся моя семья окормляется у отца Кирилла. Когда внук Женя учился в вечернем институте, работал в Министерстве, то, приходя к Батюшке, жаловался, что там матом ругаются, подсиживают друг друга. Батюшка сказал ему:

— Женя, дуй оттуда, иди в Семинарию.

— Я же ничего не знаю.

— Ничего, почитай, будешь знать.

И действительно, почитал книги и сдал на пятёрки, а конкурс был очень большой. Закончил сначала Семинарию, потом Академию, а потом направили его во Францию, так как он знал французский язык. Теперь там служит.

По Батюшкиному благословению я лечу людей травами. Как-то меня пригласили читать лекции врачам в одном санатории-профилактории. Пожаловалась я Батюшке, что преподаю, а у них в одно ухо входит, а в другое выходит. Тогда Батюшка дал мне новое послушание:

— Пока этим больше не занимайтесь. Лучше идите, обучайте священство.

Всего я объехала 47 монастырей за 15 лет, и везде меня хорошо принимают по молитвам Батюшки. Сначала поехала в Иоанно-Богословский монастырь. Настоятелем был отец Авель, с ним — всего семь монахов. Там очень благодатно было. Потом была в Иосифо-Волоцком монастыре. Там настоятелем был архимандрит Феоктист, 12 помощниц и 4 монаха. Спрашиваю настоятеля:

— Как же так? Когда к Иосифу Волоцкому приехала мать, так ей не разрешили быть на территории монастыря, он за воротами с ней разговаривал.

— У нас подсобное хозяйство, цветник. Много здесь уборки, стирки, еду надо готовить... Что могут сделать 4 монаха?

При встрече я рассказала отцу Кириллу об этом «бабьем царстве» в мужском монастыре. Батюшка грустно ответил:

— Сейчас нечему удивляться.

Батюшка, наверное, беседовал потом об этом с отцом Феоктистом (он тоже у него окормляется), и после этого женщин выселили. Те «монашки» уехали и теперь в Курской епархии. Остались одни монахи. За что и пострадал о. Феоктист от властей. Оклеветали, изгнали его.

Потом я была в Дивеево. Игуменья благословила меня читать лекции и уехала. А благочинная сказала: «Некогда, некогда». Позанималась я с врачом три дня и уехала. Там есть нарушения. Спрашивала я их:

— Кто спилил 12 тополей, где ходила Божья Матерь?

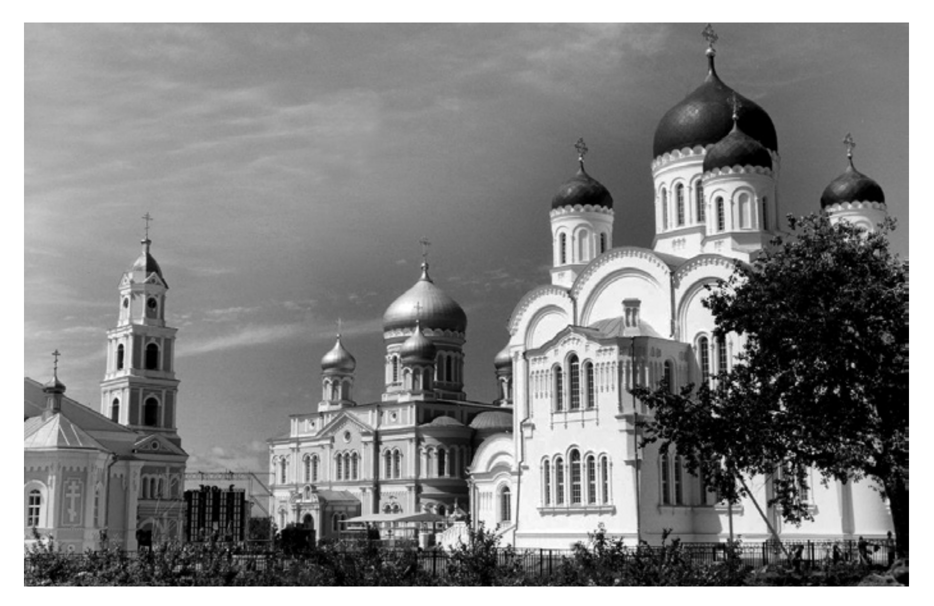
— Не знаю.

— Это же не один, а двенадцать!?

— Не знаю.

Понятно, что без высокого «благословения» этого не сделать.

Была в другом монастыре. Там принимала 26 монашек. Среди них есть очень больные, после операции. Говорю игуменье, что не надо посылать их на тяжёлые работы, они очень

больны. А она говорит: «Пусть трудом спасаются». Поехала к отцу Кириллу. Спрашиваю:

— Где же любовь? Они же тяжелобольные?!

Он голову опустил, долго молчал. А потом говорит:

— Бывает мать, а бывает мачеха.

Больше ничего не сказал.

Была в Оптиной пустыни. Там у меня ученик готовит супы с корнем лопуха. Его спрашивают:

— Грибами пахнет, а где же грибы?

Как-то мы с матушкой Варварой были у старца Павла Груздева. У неё болели зубы.

Отец Павел ей говорит:

— Что ты спрашиваешь у меня? Вот доктор, — и показывает на меня, а мне сказал: Люби людей, лечи людей, но бойся людей.

Потом я отца Кирилла спрашиваю, что это значит?

— Черной силы много, и они лезут везде. Не дают людям добрые дела делать, — ответил он.

Ко мне приходили из Богородичного центра, приносили книги. Батюшка сказал:

— Книги им верните. Лечить их надо, они люди. Лекарство им дайте в коридоре. В дом не пускайте.

После поездок приезжала к отцу Кириллу и рассказывала о поездках. Один раз говорю: «Вам поклон от того-то». Он посмотрел куда-то вверх и говорит: «Да знаю, знаю. Поминаю».

Как-то спросила у него:

— Есть ли сейчас старцы?

Он ответил:

— Старых много, а старцев мало. Это о. Иероним Санаксарский, о. Ипполит, о. Николай Гурьянов, о. Феофан, о. Адриан, о. Павел (под Донецком). Последний служил с Серафимом Тяпочкиным. Я ему (о. Павлу), жаловалась, что очень много больных, очень устаю, просто валюсь. А он говорит:

— Valись, вались, но молись и трудись.

И ещё говорил:

— Рак не дурак, клещами хватает да к Богу тащит.

— Как понять? — спрашиваю.

— Когда человек здоровый, зачем ему Бог? Сам всё «знает». А как сляжет, и пошевелиться не сможет, так «Господи, помоги».

И ещё сказал:

— Будете спасаться скорбями и болезнями. Правительство «поможет». Они у нас — волки в овечьей шкуре.

Пишут мне, что дети сидят у телевизоров, компьютеров. Ходят с голыми пупками, беременные затягиваются и бывают выкидыши. К примеру, дочь моих знакомых болеет. Но по 5 часов сидит за компьютером, нервная. И вдруг она как зарычит, что мне страшно стало. Сказала я, чтобы она исповедовалась и причащалась. Не слышат. Думают, что без этого обойдутся. Не обойдутся.

Отца Кирилла спрашиваю:

— Что делать?

— Скажи им: Кто вам дорог, ребёнок или телевизор?

Вот так мне Батюшка сказал. Я им всё так и передала.

В 2001 году отец Кирилл сказал:

— Советский паспорт отменили и этот отменят, а электронный брать нельзя. Скажите своим сверстникам. Или же дети докормят, или в богадельню, но паспорт брать нельзя.

Как-то была в Лавре, в день преподобного Сергия. Приехало много владык, а храм-то маленький, все не помещались, а как отцу Кириллу выходить, так весь народ к нему сдвинулся. Еле сдерживали. Вот я и подумала: «Вот человек прожил жизнь, а у него ничего нет. Ни машины, ни дома... и на нём — всё монастырское. Другие большую власть и богатства имеют, а к ним народ не рвётся. У отца Кирилла нет власти особой, а народ весь к нему льнёт. Он всем и последнее всё отдаёт».

Надо нам спасать свою душу и сохранять целомудрие души, как делает это отец Кирилл. Сколько он имеет болезней, язв на себе и никому не говорит, не жалуется об этом. Так как знает, что может этим повредить своему духовному началу, крепости духа, терпению.

Как-то я говорила Батюшке:

— Больные, приходя ко мне, врачей осуждают. Слушаю их и поддакиваю, а это — грех.

— Вы им говорите, что если вы пришли, то лечитесь, а не становитесь соучастниками осуждения. Дабы не навредить себе ещё больше, — посоветовал отец Кирилл.

У меня дочь с внучкой пошли в институт. У внучки госэкзамен. Накануне по совету Батюшки были у блаженной Матронушки с просьбой о помощи. Так вот, когда внучка сдавала экзамен, то засохшую розочку от Матронушки положила в нагрудный карман. А как сдала экзамен, то заметила, что розочка расцвела. Вот такое чудо.

Иногда отец Кирилл ездил лечиться. Когда он ездил в Ливадию, то мы тоже туда с внуком ездили. Неподалёку от него останавливались и ходили его навещать. Там есть храм

Покрова Пресвятой Богородицы. В войну на этой церкви образовалась трещина, а потом сама зарубцевалась.

Как к Батюшке приеду, встану на коленки, а он: «Вставай, вставай. Не восемнадцать лет». Или: «А, труженица пришла».

Отец Кирилл очень кроткий. В Переделкинском храме у нас была староста. Она — полная, ей всегда жарко. Часто она форточки открывала, устраивала сквозняки. Батюшка же с нами, прихожанами, среди народа стоял. Иногда очень больной, немощный, но ничего никогда не скажет. Что делать? Встану, чтобы его загородить от сквозняков. Ведь он такой слабый, а от него никогда никакого протеста или даже замечания не добьёшься. Как такой человек дожил более чем до девяносто лет? Только необыкновенной милостью Божьей, Его защитой и помощью.

Людмила Дмитриевна:

«У человеков невозможное, но не у Бога. Все возможно суть у Бога».

(Мк. 9, 46)

«Вера без дел мертва есть».
(Иак. 2, 18)

— 30 лет назад мы с мужем переехали сюда. Тут — святая земля! Один послушник Лавры сказал мне: «От преподобного Сергия Радонежского на сто восемьдесят километров во все стороны идёт его благодать и благословение».

Когда я первый раз пришла в Лавру, в конце семидесятых годов, мне вражья сила подсунула некоего «Василия», ходил здесь такой, как «старец». Он поначалу в Лавре работал. Масло выдавал. Его засекли на месте, что он делает нехорошие дела. Сняли за это. После этого он не покаялся, не исправился, а стал разыгрывать из себя юродивого. И всякое

плохое про монашество и церковь говорить. Людей сбивать с толку. К нему подходили, он «благословлял». Привлекал он и тем, что то, что он говорил, всё было так, всё исполнялось. Тогда я ещё неопытная была. Никогда не видела таких людей. Он мне сказал, чтобы я приходила каждое утро к нему, и он будет мне всё рассказывать про меня, и что меня ждёт на этот и другие дни. Так привлёк нас, меня и дочерей моих, мужа. Потом сказал нам: «В церковь не ходите. Там всё не так». Но я всё равно ходила с детьми в храм. Как-то выходим после службы из Успенского собора, он подлетел ко мне, схватил за руку, потащил к аналою, шипит:

— Смотри, что здесь лежит!

— Икона лежит. Воскресная, — отвечаю я.

Он весь трясётся:

— Ты смотри, как она написана!..

Подумала я и говорю ему опять:

— Я прихожу к Господу! Верю, что это наш Спаситель, и я чту и прикладываюсь к Нему.

Он аж зубами заскрипел:

— Я тебе говорю, не ходи, а ты всё равно сюда ходишь! Так вот знай, что весь этот собор и другие церкви под землю пойдут, и ты с ними!

— Даже если так и будет, нас, верующих, ангелы–хранители выведут, как Лота и его семью. Господь же знает, что мы с чистым сердцем ходим молиться сюда.

Этот «Василий» отшвырнул мою руку, сказал:

— Ну и стой здесь! Ну и ходи.

И боком-боком отбежал от меня.

После этого я подошла к архимандриту Кириллу. Тогда Батюшка был доступен. Немного ещё людей окружало его. Можно было свободно подойти. Спрашиваю отца Кирилла:

— Батюшка! Скажите, пожалуйста, вы же знаете, что здесь ходит по Лавре Василий?

— Знаю, — ответил отец Кирилл.

— Он говорит, что в Церковь нельзя ходить.

— Бегите от него, как от огня. Он самый настоящий колдун. Уходите от него.

После этого я уже была осторожна и далеко обходила стороной этого «старца» Василия.

Враг за это мне отомстил. За то, что я порвала его сети, сплетённые «Василием». Через некоторое время ушёл муж. Я была очень расстроена и не знала, как жить дальше с детьми. Молюсь. Но больше даже не о том, чтобы он вернулся, а о том, чтобы спасти его душу. Это было 20 лет назад. Никого не знаю. Где найти защиту, опору? Конечно же, побежала в Лавру. В это время закончилась служба и наместник, архимандрит Алексий, произносит проповедь: «В наше время нередко так бывает, что или муж оставляет жену, или наоборот. Да, это печально, грех. Но, может быть, этим Господь даёт испытание. К кому ты пойдёшь? К Господу или в обратную сторону? Если с Господом, то он будет человека того вести, а если с противной стороной, то это в погибель. Будет один блуд, грязь и смерть».

Точно так случилось и с нами. Я к Богу с детьми больше прилепилась. А муж с погубителем сдружился. Но я молилась и за него, и за тех несчастных женщин, которых он привлёк к себе. Чтобы они остановились в грехе, покаялись. Господь всё прощает при раскаянии и изменении поведения. Только нераскаянные грехи не прощает.

Услышала, что в Лавре есть иеромонах Димитрий. Хоть он и молодой, но прозорливый. Сколько я не искала его, не могла найти. И вот, вижу, два послушника ведут сгорбленного совсем иеромонаха. Спрашиваю: «Как зовут батюшку?» Послушники отвечают: «Димитрий». Он ещё молодой был, а так сильно страдал радикулитом, что и выпрямиться не мог. Я к нему:

— Батюшка!

Он меня сразу же спрашивает:

— Чем вам помочь?

Рассказала я ему, какое у меня положение образовалось, что муж ушёл. Как мне быть? Какой вы дадите совет?

— Идти только к отцу Кириллу. Он всё даст тебе, — ответил он и добавил. — Не буду ничего говорить. К отцу Кириллу! Завтра же. Я проверю.

Как быть? Тогда я у другого священника окормлялась. У отца Кирилла людей много! Он меня не знает, по существу. Как я пройду? На следующий день вижу, пришёл отец Димитрий, смотрит, как я. Больной такой. Еле стоит. Вдруг выходит ко всем отец Кирилл, и зовёт: «Людмила, зайди». Оглядываюсь, думаю, какую другую вызывает. Он опять повторил и машет мне. Я растерялась. Откуда он знает моё имя?

Вхожу. Отец Кирилл расспросил меня. Кто я? Откуда? Где и с кем я живу?

Потом отец Кирилл сам стал говорить. Ко всем он относится с любовью. Осторожно так, аккуратно стал меня ешё дополнительно расспрашивать:

— Муж военный?

— Да, — отвечаю я. Слышала, что он к военным особенно относится с уважением. Спрашиваю. — Как мне быть?

Он покрестился, помолился и отвечает:

— Молись, молись. Исповедуйся почаще, причащайся. За него продолжай молиться. Придёт он к тебе. Больной. Никому не нужный. Такой придёт. Самое главное — спасти душу человека. Не то, что он будет у тебя, а спасти его душу. Прощай, всё прощай. Поминай. Приходи ко мне.

Вышла я от отца Кирилла расстроенная. Ничего по-житейски радостного он мне не сказал. Думаю: «Всё. Больше я к нему ходить не буду».

Когда я пришла вначале к отцу Кириллу, сорок лет мне тогда было и был большой прилив энергии. Тут начался Великий пост. Я решила: «Буду поститься строго! Ни постного масла, ничего такого, скоромного ни грамма не стану есть. Буду так стараться».

А тут, на работе, вдруг плохо со мной стало. С перепугу сразу к отцу Кириллу пошла!

— Батюшка! Вот так и так со мной. Руки и ноги задрожали. Сил лишилась. Никогда такого не было.

Про пост свой ничего не говорила. Батюшка хитро так улыбнулся и, как всегда, спокойно, ласково, но с укорением спрашивает:

— А кто тебя благословил постное масло даже по субботам и воскресениям не потреблять? Благословение на это дано всем.

Молчу я, что ответить? Батюшка назидательно, в урок мне, ещё спрашивает:

— Самовольничаешь? Теперь я тебя так благословлю. Всю неделю будешь с постным маслом есть. Все будут праведными, а ты нет, чтобы пригнуть твою гордыню и чтобы восстановились твои силы. Вот так. Нельзя так делать. Как благословили, таким образом и поступай.

На этом моё самочинное «подвижничество» и закончилось.

И точно. Как только я выполнила то, на что меня благословил отец Кирилл, чувствую, силы мои вернулись. Ничего не слабеет, не дрожит. Снова по-прежнему я в крепости нахожусь.

Тут возникает такая история. Рядом с нами жила молодая татарка Нурия. Она мне рассказала, как она видела Богородицу.

Это было в 1976 году. Нурия устроилась диспетчером в одно из отделений милиции г.Казани. Как-то поздним вечером она и один из милиционеров увидели одинокую девушку. Невдалеке были посадки, где часто собирались подвыпившие. Нурия с милиционером подозвали к себе девушку. Та подошла, но, как отметила Нурия, высокая трава не мешала ей идти и не подминалась под её ногами. Когда девушка подошла, они поразились её необыкновенной красоте. Милиционер и диспетчер предложили её подвезти куда нужно, потому как время позднее, рядом парк, дискотека, много лихих, пьяных людей разгуливает в это время. Она согласилась. Села в машину. Спросили её: «Куда вам?» Молчит. По виду в чёрном, длинное одеяние. Подумали, что монахиня может быть? Предложили:

— Вас, наверное, в Кремль надо отвезти? Там церковь есть.

Она кивнула утвердительно. Поехали. Прибыли. Пассажирка не выходит.

— Вам сюда? — спрашивают.

— Нет.

И голову склонила, молчит.

— Может, вам на улицу...? Там тоже церковь есть. Правда, они все там — музеи и все закрыты.

Пассажирка утвердительно кивает головой. Едут. Приехали. Она не выходит.

— Вам же сюда!

— Нет.

— А куда вам?

Молчит.

— Может, тогда вам на такую-то улицу?

— Да.

Поехали. Прибыли. Не выходит.

— Вам не сюда?

— Нет.

И так более трёх часов возили загадочную девушку. Потом решили привезти её на прежнее место. Может, тогда она вспомнит, куда ей надо...

Когда привезли снова на Водоканал, она вышла из машины и сказала:

— За ваше доброе сердце, терпение, внимание ко мне сообщу вам. На Столбищенской улице есть церковь чудотворной иконы Казанской Божьей Матери. Вы туда приедете и поклонитесь иконе, и вам за это будет большая благодать.

Благодетели ответили ей:

— Мы не верим иконам, вере Православной. Мы верим только единому Богу, аллаху. Мы – мусульмане.

Девушка, не смутившись, повторила:

— А вы всё равно придите и поклонитесь чудотворному образу. И вот вам подарок от Меня.

Протягивает на ладони, в развёрнутой фольге, что-то в виде шоколадки, только рассыпчатой, как порошок. Нурия тогда сразу же завозражала:

— Нет, нет. Мы не из-за подарка вас возили. Просто хотели помочь.

Тут же не стало ни шоколадки, ни самой Девушки. Благодетели остолбенели. Потом выскочили из машины. Стали бегать вокруг машины, искать Её. Нет. Не нашли. Сели обратно в машину. Стали кругами ездить, фарами всё освещать, хотя уже светло стало. Нигде нет!

Что это такое? С Кем они ездили?

Нурия твёрдо заявила, что поедет в указанную церковь, только если мать ей разрешит. Та же категорически запретила: «Мы должны оставаться в своей вере! К церкви даже не подходить! Это не наше, и всё».

Рядом с ними жила русская, православная, очень добрая женщина Анна. Её все уважали. Как-то Нурия ей рассказала о той встрече. Анна возрадовалась:

— Так это же Божья Матерь явилась тебе!

Настроенная матерью, Нурия возразила:

— Откуда я знаю, она или нет.

— Давай я тебе иконочку одну покажу, — предложила Анна и подала ей икону Казанской Божьей Матери.

Нурия аж вскочила при виде её, вскрикнула:

— Она, Она с нами была!

Анна с завистью тоже вскричала:

— Ну, надо же! Так, чтобы Сама Богородица была столько времени с тобой!..

Плачет даже:

— Ну, надо же. Это чудо! Настоящее чудо! Тебе надо обязательно сделать всё то, о чём Она сказала. Сходить в ту церковь. И я с тобой пойду.

Эта церковь находится в селе Малые Кабаны, недалеко от аэропорта. Нурия, получив «установку» от своей матери,

так и не была там. Анна же часто ездила в ту церковь и усердно молилась там.

Через пять лет после этого, в восьмидесятом году, когда Нурия поведала мне, грешной, эту историю, я прицепилась к ней:

— Возьми меня с собой, когда домой поедешь. Я хочу побыть там, в той церкви, помолиться перед той иконой.

— Когда отпуск будет, может, и поедем, — неохотно согласилась она.

Я уж молилась, молилась... На удивление, нам обеим одновременно отпуск дали. Встретили нас мать и сёстры её очень плохо, даже враждебно встретили меня. Ругали на своём языке Нурию.

Ей, Нурии, строго-настрого сказали: «Ты её до церкви доведи, и пусть она туда входит, а ты ни в коем случае не заходи».

4 ноября, в день Казанской Божьей Матери, было тепло, солнце. Все в Казани удивились этому, потому что два месяца каждый день шли дожди, было пасмурно, и вдруг такое вот.

«Дорогие братия и сестры, что значит брать крест свой? Это значит идти тесным и скорбным путем непрестанной борьбы со страстями и похотями, с соблазнами мира, с искушениями диавола, терпеть случающиеся болезни, беды, напасти, гонения, изгнания и смерть, если угодно будет Господу послать это нам. Вся наша земная жизнь есть труд, болезнь, печаль и воздыхание, есть не что иное, как непрерывное несение креста, который слагается из разных печалей, скорбей и болезней, какие встречаются нам в нашей жизни, из всевозможных тягот, трудов и забот, которые обязан нести каждый как член человеческого общества. И вот, чтобы быть со Христом в Его славе, должно идти с крестом своим за Ним, должно подражать и уподобляться Ему как своему Господу и Главе. Не уклоняйся и ты, христианин, от Голгофы, от креста терпеливым перенесением до конца всех неприятностей, огорчений и скорбей житейских, посылаемых от Бога».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Храм при нас открыли. Я вошла в него и увидела ту чудотворную икону. Она небольшая, из латуни выплавленная. Прихожане рассказывали, что в первое время после её обретения эта икона была горячая, многие, прикасаясь к ней, исцелялись. А после все «привыкли», пошло забвение, и она перестала быть тёплой и целительной. **Все чудеса по силе нашей веры!**

Продолжаются иногда чудесные исцеления от неё, но уже меньше, реже. Когда с ней ходят Крестным ходом, при этом все прикладываются, но те, у кого какой нераскаянный большой грех, не могут к ней прикоснуться. Как будто какая стена, отталкивающая их, встаёт перед ними. Некоторые схватываются за живот, корчатся от боли...

Когда я пришла в этот храм, мне так хорошо стало. Как в доме родном! Но я, окаянная, подумала про себя: «Побыла, посмотрела, приложилась, и всё. Прощайся навсегда. Пора домой».

Как только я так подумала, моя свечка у иконы подскочила с подсвечника и упала к моим ногам. Мне стало так страшно, и я про себя вскричала: «Прости меня, Матерь Божья! Конечно же, я буду к тебе приезжать, рассказывать и привозить к Тебе многих людей». Тут же снова испугалась: «Это же обет. Его надо исполнять».

По возвращении сразу же к отцу Кириллу пошла, и всё ему подробно рассказала. Батюшка поддержал мою решимость, сказал: «Вези людей, кто только захочет». Тут же отец Кирилл дал распоряжение келейнику: «Запиши этот рассказ на магнитофон». И ко мне: «Вези, веди людей туда». Это уже и благословение духовного отца! Как тут не слушаться?.. Вот и вожу туда по 15-20 человек каждый месяц, а то и больше.

Там же, в Казани, я разузнала про явление этой иконы Казанской Божьей Матери. Трудно это было сделать. Потому что девяностолетнюю старосту той церкви похоронили буквально за четыре дня перед моим приездом. Она всё знала, записывала, опрашивала всех. Все же её записи родственники после похорон сожгли.

Мне удалось разыскать другую очень старую бабушку, к которой меня и привели. Она спросила:

— Вы кого ко мне привели?

Ей ответили, что из Москвы, она хочет знать про явление Казанской иконы Богородицы нашего храма. Та в ответ:

— Ну, всё. Теперь я скоро умру. Мне сказано было, что перед смертью я должна об этом рассказать. Я давно уже прошу, а смерти всё нет. И вот она уже рядом.

Стала рассказывать, что в 1910 году в Казани украли большую, более двух метров высоты, икону Казанской Божьей Матери. Все многочисленные прихожане очень скорбели, плакали, что нет теперь этой иконы. И вот как-то во время молебна был голос: «Не плачьте! В селе Большие Кабаны появится этот образ. Маленький лик, но с великой силой, и вы утешитесь». Но появилась икона не сразу, а только через три года.

Появилась таким образом. Между домов текла небольшая речка. Из речки поили в деревянном корыте лошадей. И как-то один молодой мужчина, сын лесника, наливая туда воду, вдруг увидел — что-то блестит в воде, наклонился, видит, икона из латуни, стоит сама. Он взял её, передал матери:

— Смотри, что я нашёл.

— Где нашёл?

— Из речки зачерпнул.

— Поставь в божницу, к другим иконам, — предложила мать.

Утром подошли к красному углу, а он весь и пол залиты чем-то и благоухание по всей избе.

Три дня хозяйка, не придавая значения происходящему, тряпкой вытирала неизвестно откуда появлявшуюся «жидкость».

Первые, кто поняли, что за чудо явилось в том доме лесничего, – колдуны. Перед этим домом была проезжая дорога. Снегу было по пояс, и они барахтались в нём, далеко обходя этот дом. А ещё через одну несчастную, не говорящую с детства и почти парализованную. Она сама добралась как-то до дома лесника, но тут же упала, стала биться в судорогах, изо рта пена потекла. К ней доковылял один, невдалеке живший, с сильно искривлёнными ногами, инвалид на костылях. Стал бить своим костылём по штакетнику дома, созывая на помощь. Прошёл к калитке, обернулся, а его костыли-то вон где лежат, брошены!.. Вот так, два исцеления сразу. Людей много собралось. Вынесли икону из дома. К ней приложились все. Одна слепая из присутствующих, увидела красивую Деву, которая дала указание: «Стройте часовню в честь явления иконы».

Построили красивую часовню, с колокольней. Поместили туда икону. Освятил всё тогдашний митрополит Леонид. Народу собралось! Когда Крестным ходом пошли, колдуны кругами метались, кричали. Освятили часовню также 4 ноября, в день иконы Казанской Божьей Матери. Потом началась Мировая война, революция, гонения на Церковь... Икону перенесли в соседнюю церковь. В часовне сложили зерно, потом

химикаты, а потом клуб с кино и плясками поместили там. Но Богородица не дала долго глумиться над Её часовней. Ударила молния и она сгорела быстро, как свечка.

Когда я опять была у отца Кирилла и снова рассказала о том, что узнала, Батюшка сказал: «Если это для тебя, то должно быть три подтверждения, не во сне. Тогда ты говори людям и веди туда людей».

Подтверждения те случились, произошли.

Первое. Сестра моя вышла замуж за молдаванина. Уже двое детей у них были большие, и вдруг они разводятся. Суд. Муж её всех знает, всех купил. Она плачет: «Все мы остаёмся без дома, без имущества. Как жить?.. Суд уже закончен, всё закрыто, что делать?» Мы стали ходить, искать выхода.

Помчалась я к отцу Кириллу:

— Батюшка, помоги! Так вот и так с моей сестрой.

Он помолился, потом сказал:

— Вам с мужем надо срочно ехать туда. (Мы ещё жили вместе).

— Зачем? Суды уже закончены в пользу её мужа.

— Летите. Срочно. У Бога всё возможно.

— Мужа не отпустят с работы.

— Отпустят. Езжайте.

Благословил. Чудом мужа отпустили и меня тоже. Ну, что ж, надо выполнять. Поехали.

Повторный суд назначили. Со стороны мужа моей сестры, их адвокат только руками развёл. Такого на его веку не бывало!

Идём мы на суд. Пока дожидаемся, я молюсь Божьей Матери о помощи. Видим, идёт муж сестры, улыбающийся, с ним человек двадцать свидетелей в его пользу. Ему открыли двери. Его впустили туда. Ждём.

Выходит секретарша суда. Подзывает мою сестру и говорит:

— На все вопросы, которые вы поставили перед судом, муж ваш согласился в вашу пользу. Свидетели не нужны.

Перекрестилась я:

— Матерь Божья!..

Старый адвокат рот открыл и вскричал:

— Это чудо! Сколько я работал, сорок лет, такого не бывало! Ни от кого я не слышал такого! Он же всё выиграл! Всё его! И вдруг... Это какое-то наваждение!

Мы сразу же пошли в храм благодарить Богородицу. Это было в праздник Введения во храм Божьей Матери. К тому же там неизвестная женщина подарила мне Евангелие. В те годы! Ничего же не было тогда.

Второе. Один сослуживец мужа пригласил всех на пикник. Решили собраться подальше от посёлка. Снегу много, по колено. Побыли. Вернулись домой. Муж спрашивает: «Где твоё обручальное кольцо?». Смотрю, — нет его. Я в ужасе, помолилась. Пошли на утро. Весь снег истыкан дырками от упавших шишек, ветвей. Где тут найти?!. Иду, молюсь, пообещала, что буду ходить в церковь чаще. Вдруг муж, шедший впереди, спотыкается, падает, встаёт и протягивает мне кусок снега и говорит весело: «Вот оно!» Как? Это невозможно!.. Второе чудо! Мы стали ходить чаще в Лавру.

Третье. Мы уже все в храм ходить стали, молиться, а одна из дочерей моих в артистки захотела. В театральный институт подала документы. Все экзамены сдала. Взмолилась я к Божьей Матери, чтобы она не допустила, разрушила всё. Как? Она всё успешно сдала. Прошла. Поехали списки смотреть. Смотрим, а её фамилии в списках нет. Дочь рыдает: «Как? Я же сдала!». Везде вместо её фамилии другая указана. Вернулись домой, она плачет. Успокаиваю её:

— Ничего, устроишься в мастерскую и будешь шить нужные людям вещи. Поступишь на следующий год на регентский курс.

— Я ничего не знаю.

— Преподобный Сергий тоже поначалу плохо успевал, а потом во всём стал прекрасно разбираться. И тебе будет такое, по молитвам.

Ей попались именно два билета, по тем лёгким вопросам, какие она знала. Дочь чудом избежала бесовской прелести. Не стала артисткой и чудом же поступила в Семинарию.

После совершившихся трёх, таких ярких подтверждений милости Божьей Матери, когда отец Кирилл принял меня и я всё рассказала, он благословил меня:

— Чем больше будешь ездить, тем лучше. Людей вози.

И вот уже тридцать лет я езжу в Казань, к той чудотворной иконе. Вожу людей по двадцать человек. Они просят о своём Богородицу, подают записки на молебен Ей.

Отец Кирилл очень любит образ Казанской Божьей Матери. И меня выслушал обстоятельно и благословил ездить к Ней. И туда, на восток, в сторону Казани, крестным знамением осенил.

Иногда одна еду. Никто со мной не едет. Ноги, всё тело болит. Годы уж!.. Но когда подъезжаю, такая благодать охватывает меня. Всегда, где-то чем-то люди помогают. Даже там, в Татарии. И всё время, когда еду, думаю про Батюшку. Чувствую его молитвы и заботу.

Один раз я на целый час опоздала на поезд. Часы встали. Всё, думаю, пропали билеты. Сорвалась поездка. Но всё-таки иду на перрон. Смотрю, состав какой-то отправляется. Догоняю его. Проводника последнего вагона спрашиваю:

— У вас какой поезд?

— На Казань, — он отвечает.

Я радостно спрашиваю, такой-то номер и время отправления? Он отвечает:

— Да, он. Мы задержались.

Впустил он меня, и я по вагонам в своё купе прошла. Там все переволновались, взбудоражены были. Что такое? Почему такая задержка с отправлением?..

Вот какие удивительные случаи бывают! По благословению и молитвам отца Кирилла на целый час поезд задержа-

ли. Ровно, насколько я опоздала! Вот какие молитвы у отца Кирилла!..

Один из священников, почитателей Батюшки как-то спрашивает меня:

— Так и продолжаешь ездить в Казань?

Отвечаю ему:

— Да, езжу.

— Когда собираешься опять ехать?

— Завтра.

— Не езди.

— Почему?

— Сделай перерыв. Не езди в этот раз.

— Не могу. Я Матери Божьей обет дала ездить.

— Ну, ладно, — вздохнул священник. — Да будет воля Божия.

И что вы думаете? У Арзамаса была большая авария. Сошёл поезд с пути. Буквально за секунды перед нами. Мы бы обязательно, наш состав, потерпел бы крушение. Нас потом вокруг, через Рязань, в объезд пустили ехать до места.

Вот как сильный дух отца Кирилла перешёл и на одного из чад его.

Более тридцати лет я к Батюшке хожу. Однажды только что-то взбрендило мне: «Не пойду сегодня к отцу Кириллу». Выходной день был у меня. Решила – отдохну, дела поделаю лучше. Но переборола. Дала себе команду идти к отцу Кириллу. А тут мне вдруг стало плохо! Дышать нечем. Окна и двери открыла. Села. Совсем плохо. Поняла я, что это враг мне так делает, чтобы сильней «обосновать» причину неприхода моего к Батюшке. Решила его обмануть, погубителя-то. Мысленно даю себе команду, что сейчас в магазин пойду. Сразу чувствую, стало мне легче. Поднялась я. Взяла для видимости сумку. Вышла из дома, а сама на автобус, да в Лавру.

Прибыла к отцу Кириллу. Чистосердечно покаялась. Рассказала, как было. Батюшка посмеялся и, улыбаясь, подтвердил:

— Да, это враг был. Он тебя не пускал.

Похвалилась я, какую уловку проявила. Он одобрил:

— Правильно сделала. Но признаюсь тебе, и мне было с утра тревожно за тебя.

Благодарная, я спрашиваю:

— Молились за меня?

Батюшка даже удивился:

— А как же! Конечно, надо же тебе было помочь!..

Всей семьёй мы ходили к отцу Кириллу. Особенно дочь. Трудно ей было. Молодые, у них больше страстей, больше и искушений. Батюшка ей наказал: «Как экзамен какой у вас будет, ты перед этим ко мне приходи». По его молитвам у неё удачно проходили зачёты и экзамены.

Однажды я попросила Батюшку дом нам освятить. Отец Кирилл согласился. Насторожила я его, говорю:

— У нашего дома общая длинная скамейка стоит и там все бабы собираются болтать и сплетничать. Как бы они вас не увидели, а то мало ли чего намелят на вас.

Батюшка не смутился. Спокойно отвечает:

— Господь устроит. Всё будет хорошо.

Сказал, чтобы в двенадцать часов ждали его с помощником. И что вы думаете? Прямо перед полднем пошёл дождь. А когда дождь, те болтушки расходятся и не сидят у моего дома на скамейке.

Батюшка приехал с тремя священниками. Они освятили наш дом. Святой водой всё окропил отец Кирилл, а мужу, зная его нетвёрдость и предвидя его шатания, чуть ли не полведра

на загривок вылил и сказал: «Смотри, не туда выворачиваешься. Не туда смотришь. Будь осторожен». Муж не удержался, не послушался Батюшки. Отец Кирилл утешил меня: «Не скорби. Ты же вон какую войну с врагом затеяла, через твою верность Казанской Божьей Матери. Надо и пострадать. А муж твой вернётся. Оставят его все. Больной, а придёт к вам. Ты его не отвергай. Самое главное, душу человека спасти».

Во время освящения дома священники пели, так хорошо. От чая, застолья Батюшка стал отказываться. Сказал, что надо спешить. Но мы упросили, и они ненадолго задержались. Уходя, отец Кирилл всем нам сказал: «Приходите к нам в Лавру, приходите. Будет всё хорошо. Не отходите от Господа. Будьте всегда рядом с Ним».

Один раз руки у меня сильно разболелись. Тарелку не могу держать, а их вон сколько перемыть надо!

Чего только не делала: и мазями мазала, и шерстяной верёвкой перетягивала. Ничего не помогает... Решила — пойду к отцу Кириллу!

Пошла, а он сам идёт мне навстречу. Стала ему жаловаться: «Рука сильно болит». Батюшка улыбнулся. Взял, перекрестил мою руку. Шепотком помолился. Вернулась я обратно, а у меня рука нормальная, не болит!..

Когда он тут, в Лавре был, так хорошо, легко было. Чуть что, идёшь к нему и всё проясняется, разрешается, приходит в норму.

Однажды я так сильно затосковала по нему! Прямо на вечернем правиле к нему вслух обратилась. После этого он всю ночь во сне со мной разговаривал, утешал меня. Проснулась. Ничего не помню, а он всю ночь беседовал со мной. Давал мне советы.

Про историю с Казанской иконой Божьей Матери я просила отца Кирилла, чтобы он послал мне человека, который записал бы всё о ней. И написал интересно. Как такое не опи-

сать?!. И вот Батюшка послал мне для этого вас, отец Виктор... чтобы многие узнали о чудотворной иконе Божьей Матери.

Сейчас церковь та восстановлена. Вся сияет! Подумали, как бы часовню, где явилась икона, восстановить. И восстановили.

Нелегко это далось. В самом начале меня предупреждал отец Кирилл, что нелегко будет: «Надо будет и пострадать. Враг будет мстить. Но ты не бойся. Постепенно себе благодать наберёшь. Трудись, молись, исповедуйся и причащайся. Господь поможет. Выстоишь».

И с дочерью моей тоже непросто было. Познакомилась она с военным, а он неверующий. Я ему говорю:

— Ты ещё священником будешь.

— Как так?

— У тебя голос вон какой. Его Господь дал. Для Божьих служб он и нужен. Все услышат!

Отец Кирилл его благословил. Он и на самом деле стал священником. Отец Кирилл благословил его в Казахстане служить. Там он храм восстановил. Всё наладил. Отец Кирилл предрёк ему:

— Ты три храма будешь строить.

— Как так?

Батюшка похлопал его по плечу:

— Ничего, ты сильный, военный. Выдержишь.

Так оно и случилось.

Он после отца Кирилла взбудораженный пришёл:

— Ну, если и в церкви будет, как в армии, то я не знаю, уж как и быть.

— Будет ещё хуже, чем в армии. Но ты будешь знать, что служишь Господу. Должен научиться терпению. Спаситель говорит в Евангелии, что будут скорби, болезни, несчастья всякие, но Он всегда с нами, — напомнила я ему.

Восстановил он, отец Александр, полностью церковь, там, в Казахстане. Туда они взяли и вторую мою дочь Татьяну.

Как-то сообщают: «Пропала Татьяна! Что делать? Сообщи телеграммой». Я сразу к отцу Кириллу. Он так ласково улыбнулся мне и говорит:

— Молитва быстрей, чем телеграмма.

Стали мы вдвоём молиться. Помолились. Потом Батюшка встал с колен, и говорит:

— Придёшь домой, а там телеграмма, где сообщение тебе: «Нашлась дочь твоя».

Бегу домой. А там, точно, лежит в ящике телеграмма, а в ней: «Нашлась Татьяна».

С отцом Кириллом было прямо, как говорят, «у Христа за пазухой». Исполнение того, что он говорил — моментальное.

Мы избаловались. По любым мелочам всё к нему бегали. Так было и у дочери, когда она заканчивала регентское отделение и готовилась к концерту. Вдруг сообщают, что её заменили, она петь не будет. Расстроилась она сильно и побежала к отцу Кириллу. Попросила келейника его, чтобы он передал записку к нему с её жалобой. Батюшка был болен, и келейник через несколько минут вышел от него и передал Батюшкины слова: «Скажи, пускай идёт. Всё будет хорошо». Она возвращается, а её взволнованно встречают и говорят: «Мы тебя искали, искали. Куда ты делась?! Иди! Сейчас твой номер. Исполняй».

Батюшка наш, отец Кирилл — само чудо!

Он говорит ненавязчиво, и некоторые порой не придают значения его словам. А зря. Он иногда говорит в шутливой форме, чтобы не обидеть, но всё, что он скажет — далеко не шутка.

Когда идёшь на исповедь к Батюшке, людей много у него. Говорить надо точно всё. Его не обманешь. Он всё знает. Он помнит и называет всех-всех, по их именам.

Ещё вначале был такой эпизод:

Прихожу к нему и жалуюсь: «Дочь, Татьяна, почему-то не хочет к вам идти. Никак не могу заставить». А он отвечает: «Когда ты ей расскажешь хорошенько, тогда и придёт, и я с ней поговорю».

Поговорила я с ней, и мы действительно пошли с ней к отцу Кириллу. Пришли, а на проходной говорят: «Батюшка заболел и никого принимать не будет, даже священников». Прошу дежурного передать отцу Кириллу, что мы были, приходили. Смотрим, а он, Батюшка, вышел из братского корпуса. К нам спешит и сразу обратился к дочери моей:

— Танечка! Ну что ты думаешь, что я тебя не люблю? Я тебя так люблю!

Потом открыл дверь посылочной. Завёл туда дочь и давай её утешать:

— Давай поговорим. Что же ты ко мне не ходила? А я вспоминаю тебя каждый раз. Я же молюсь о тебе. На тебе чаёк. Он будет тебе напоминать обо мне, пока ты его весь не выпьешь. А когда выпьешь, за новым придёшь. Приходи. Сейчас я лежу. А до этого сколько принимал людей, а тебя всё не видел...

— Батюшка! Там столько людей. У нас много занятий. Стоять долго я не могу, — дочь ему в ответ.

— Я часто выходил, но тебя не видел. Приходи. Я тебя сразу же приму.

Дочь улыбнулась ему и согласилась:

— Обязательно приду. Скоро.

Вот такой человек. Больной, а встал, вышел к нам, чтобы только утешить, успокоить. Чтобы не потерялся, не отпал от церкви хоть один человек.

Ко мне обратилась женщина и попросила:

— Мы с дочерью очень хотим в монастырь, в Дивеево. Как бы нам пройти к отцу Кириллу, за благословением. У него столько людей. Нам не попасть к нему.

— Давайте, попробуем. Как Бог даст, — предложила я.

Повела её к Батюшке. А он сам нам навстречу вышел, открыл дверь и пригласил:

— Заходите.

Эта женщина зашла к отцу Кириллу. Через непродолжительное время выходит радостная и тут же чуть не бросается мне на шею, кричит:

— Матушка! Отец Кирилл благословил меня в монастырь, и именно в Дивеево. Да тут сама игуменья из Дивеево приехала и была у него в это время. Батюшка благословил прямо сейчас ехать с ней туда. Как я вам благодарна! Какой чудный Батюшка, отец Кирилл!..

Мне тоже радостно, говорю ей:

— Вот видите, что значит у такого старца побывать. И сам дверь открыл, позвал, и вот подарок вам такой. Вы уж не посрамите его. Старайтесь трудиться в монастыре.

— Конечно. Это счастье-то какое мне Господь дал!..

Не любит отец Кирилл подхалимов. Да и они чувствуют это и сами устраняются, уходят от него. Потому что их лукавые речи он сразу распознаёт и не обращает на них внимания. Они не имеют успеха над ним.

«Если мы желаем быть истинными христианами, то должны всеми силами стараться возбудить в себе дух христианского смирения и стремление служить другим. Чтобы мы полюбили смирение и не думали, что оно может унизить нас, мы должны всегда помнить, что этой добродетели прямо обещана награда и что гордость ненавистна и Господу и людям, смирение же привлекает благоволение Божие и людей».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Однажды Батюшка вышел и собравшихся к нему повёл в комнатку посылочную. Встал у входа, пропускает людей. Некоторые так приторно слащаво улыбаются, говорят ему всякие приятности, а он их не слушает и этих людей даже отводит в сторону. Не пропускает со всеми.

Мы тоже — не мёд. Часто так бывало. Батюшка только выйдет, к нему как рванутся все, как стиснут! Некоторые ничего не соображают. Идут напролом. Как он иной раз Богу душу не отдавал, сдавленный любопытствующими, зеваками? Один раз и мне досталось. Желая его охранить, я упиралась, как могла, изо всех сил, чтобы сдержать массу. Батюшка же худенький, болезненный. Да и лет немало. Один раз я предложила ему:

— Батюшка! Вы уж не выходите ко всем, где много народа, а то раздавят вас. Что мы без вас будем делать? Скажите келейнику. Он знает всех нас, чад ваших. Вызовет. И вы в сохранности будете.

Отец Кирилл усмехнулся и ответил:

— Да нет. Надо выходить, ко всем обращаться. Их, многих, тоже к стаду Божьему собирать.

— Так раздавят же!

— Ничего! Господь поможет, — улыбнулся опять отец Кирилл и добавил, похвалив мою заботливость, — Да вот и вы помогаете, ограждаете. Так что не пропадём!

С другой стороны, последний келейник его не пускает нас к Батюшке, грубит. Как-то пожаловалась я на него отцу Кириллу. Он только вздохнул и смиренно произнёс: «Знаю я про это. Слышал не раз. Он такой. Просил его не раз. Но сделать ничего не могу». Вот Батюшкина кротость! Он архимандрит! А пойти жаловаться, требовать замены помощников себе — не может. Никогда, ничего себе не просит. Уж чего с ним только не было, чего порой не творили некоторые, никому никогда не жаловался.

Приехала одна из моих дочерей, «в положении», и сразу к Батюшке. Он сам её увидел, подошёл к ней и ласково сказал: «Ты сегодня подойди ко мне».

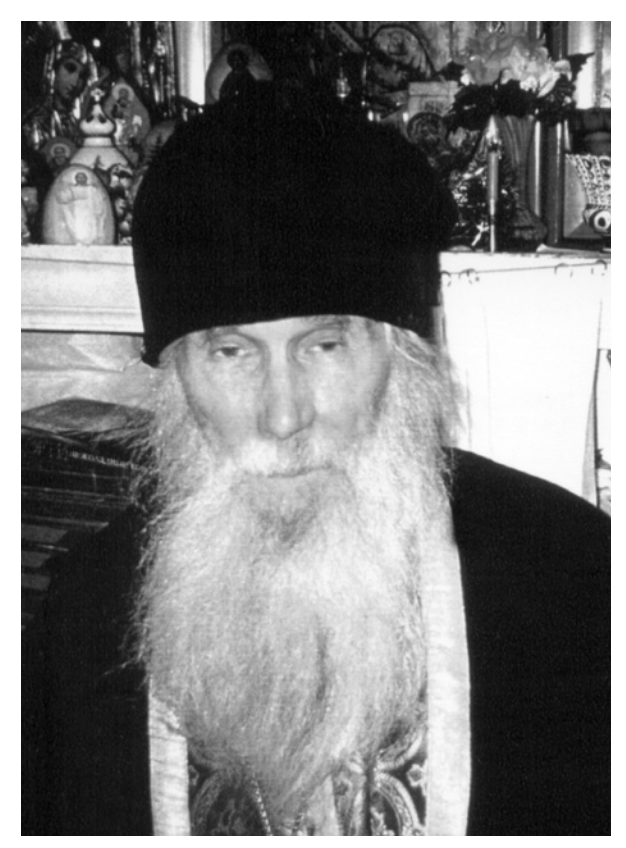
Мы пошли вечером к нему. И опять этот келейник не допускает нас. Мы в недоумении. Говорю ему: «Ты же стоял рядом и слышал, как отец Кирилл сказал, чтобы мы к нему пришли. И ты нас не пускаешь? Ты же видишь, к тому же, в каком положении дочь». Келейник этот будто и не слышит. Демонстративно вызывает других людей. Дочери становится плохо. Мы уже собираемся уходить, и тут он, наконец, разрешает нам пройти. Пропустил одну дочь. Она из последних сил дошла до Батюшки. Оттуда вернулась, будто и не намаялась в ожидании, бодрая, радостная. Как нас поддерживает, вылечивает, даёт сил и надежды Батюшка наш!

По случаю я была в Прибалтике, и там меня водили к их известному старцу. Он сказал про архимандрита Кирилла: «Это есть столп! От земли до неба!».

С Батюшкой, когда он был здесь, в Лавре, было очень легко. Все неприятности на работе, дома, или ещё где сразу отпадают. Только подойди к нему, он только благословит – и всё!.. Всё нормально становится. Всех снова любишь, и к тебе отношение меняется. Опять всё по-доброму.

Всегда Батюшка говорит ровно, доброжелательно, но твёрдо, без сомнений в своих советах. Помолится, но потом уже твёрдо, уверенно говорит о том, что надо делать. Мы только и делаем, что сомневаемся то в одном, то в другом, а у него никаких сомнений, неуверенности после молитвы не бывает.

Поздравляли мы отца Кирилла с церковными праздниками. Он всегда на них бывает довольный, весёлый. Радуется открыто, чтобы и нам дух поддержать, праздничное настроение поднять. Всех при этом наградит. Для всех подарки найдёт. У него келья всегда завалена, запасал всё для раздачи. Яйца, конфеты, иконы, книги... Никого не упускает, чтобы чего-нибудь не дать. Нас для умножения нашего дерзновения просит: «Молитесь, молитесь обо мне. Ваша молитва очень сильная». Да какая там в нас, немощных, суетных, молитва? А он всё время повторяет, поддерживая нас: «Молитесь, молитесь».

У меня, как и у многих, был один затаённый грех, который я боялась Батюшке поведать. И вот на исповеди отец Кирилл говорит мне:

— У тебя один грех есть. Боишься его сказать? А надо... Я знаю, но я хочу, чтобы ты сама свои уста открыла и сказала. Выгнала его из себя. Иначе враг будет ещё больше за это мучить. Злодей этот всё записывает, всё!

Поборолась я с собой, а потом сказала. Батюшка обрадовался и довольный говорит:

— Ну вот, теперь хорошо.

Меня вдруг сомнение взяло, спрашиваю:

— Батюшка! Вдруг то, что вы знали, и то, о чём я сказала, не одно и то же? Если не этот грех?

Отец Кирилл уверенно подтвердил:

— Этот, этот!

Всё видит. Очень он интересный, прозорливец!

Однажды, по болезни, отец Кирилл долго отсутствовал в Лавре, и я стала ходить к о.К. (тоже духовному чаду отца Кирилла). Он два раза принял меня на исповедь, а на третий

день нет. Своих выслушал, а меня – нет. Расстроилась я, а потом поняла, что о.К., любя Батюшку, не желает расхищать его «стадо». Так он поступил, чтобы я не прилеплялась к нему. Осталась при отце Кирилле. Вначале я не поняла этого, пришла в большую досаду, спросила:

— Куда же мне идти?

Отец К. негромко, с назиданием ответил:

— Куда хочешь. А ко мне не подходи.

Пришла я в отчаяние: «Как быть? Где мне увидеть отца Кирилла?». И тут вижу — идёт Батюшка навстречу! Я так обрадовалась:

— Батюшка! Я так хотела вас видеть, если бы только знали!

— Знаю, знаю, как к другим священникам пробиваешься.

— Вас же нет, — пытаюсь я оправдываться.

Он по-доброму, с улыбкой предлагает:

— Ну, рассказывай.

Стала я ему сбивчиво говорить. Минут пятнадцать пересказывала всё. Смущения мои, бесовские нападения на меня. Всё, всё... Он слушал внимательно. После того, как я ему сообщила, отец Кирилл ответил:

— На бесов не обижаются и никому не докладывают. Потерпи. И всё пройдёт.

У отца Кирилла и те, кто окормляется у него – очень интересные люди. Сам же он – великий человек.

Как-то жалуюсь Батюшке на то, что мало чего понимаю, запоминаю из сказанного им. Отец Кирилл по-отечески слегка улыбнулся и сказал:

— А ты не торопись. Понемножечку, потихонечку запоминай. Запоминай. Тебе не будет быстро, сразу открыто. Потихоньку. Собирай по крупинкам, если не можешь брать охапками.

Поразмышляла я и пришла к выводу, что отец Кирилл абсолютно прав, и в отношении меня, моей жизни. Как она сложилась. Даже то, что я живу без мужа, и то – благо. Очень мно-

гого бы я не получила, если бы ухаживала, заботилась о муже. Тратила бы время на его пожелания или нежелания, а так я свободна. Собралась, и пошла в храм, на молитву. Ни у кого мне не нужно отпрашиваться, уговаривать. Сколько я благого получила и от служб в Лавре, и от Батюшки!..

Нас он радостно встречал, обогревал своей добротой, лаской. От этого порой казалось, что у него самого жизнь уютная. Как сыр в масле катается отец Кирилл в монастыре. Но были скорби у него, и большие. Он же никому об этом не расскажет и даже виду не покажет. Разве что доймёт уж слишком чего, и случайно при этом окажешься. У монахов никогда скорбей «нету», а на самом деле есть у них и скорби, и болезни. И несправедливости терпеть им приходится, порой похлеще, чем у нас, но они никогда об этом не скажут. Молча, про себя — всё перетерпят, а для всех у них одна доброта и благожелательность. Этим особенно отличается отец Кирилл. Мы грешные из грешных, всё ноем, жалуемся, ворчим, а он порой еле встаёт больной и идёт к нам. Встречает так, как будто ангелы к нему пришли и ждут его. Один раз я видела, как пришла к Батюшке известная артистка. Вся разодетая, намалёванная. Впереди всех встала. Мы внутренне возроптали, а Батюшка и к ней обратился, и её не оставил вниманием. Потом, когда я выразила ему своё недоумение об этом, отец Кирилл ласково ответил:

— А ты помнишь евангельскую заблудшую овцу? Ведь её пастырь в первую очередь стал искать и спасать. Вы, верные, подождёте, поймёте, потерпите, а она нет. Быстро взбрыкнёт и сиганёт в сторону. Куда? В пропасть!

Стыдно мне стало за свой вопрос. Поняла я Батюшкину заботу о всех, без различий и ограничений. Как Спаситель принимал всех. Никому не отказывал. Так и он...

Выходя к людям, отец Кирилл для всех выносил кому печенье, кому конфеты, кому иконки... Все руки тянут к нему, получить от него что-нибудь. И я тоже тянусь к нему. Невысокая, поэтому мне ничего не достаётся, другие перехватывают. Когда я подошла к нему, у него уже ничего не осталось. Он поискал

в карманах и дал мне бумажечку. Мне немного обидно было, я даже не посмотрела на неё. Пришла домой. Развернула, а там стихотворение написано. На память, смысл такой: «Доченька! Если тебе трудно ко мне подойти, не переживай. Когда я буду дома, ты подойдёшь ко мне и мы с тобой поговорим. Решим все твои вопросы, и всё будет хорошо». Так складно и душевно написано. Я наплакалась от умиления.

«Вера воодушевляла мучеников идти неустрашимо на смерть ради Христа и увенчивала их победными венцами на небесах. Мы с вами, дорогие братия и сестры, плывём по житейскому морю, чтобы безбедно достигнуть тихого пристанища в вечности, а потому крайне необходимо всем и каждому из нас иметь веру в Господа нашего Иисуса Христа.

Благо человеку, если он найдет в себе духовные силы противостоять этому искушению и в напастях сохранит веру, иначе вместо желаемого избавления от временных бед он может погибнуть навеки.

***Если в трудных случаях обратимся к Богу с молитвою веры,* то по вере и будет нам*, как сказал Сам Спаситель* *(Мф. 9, 29)*, ибо всё возможно верующему».** *(Мк. 9, 23)*

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Когда я стала жаловаться на болезни свои, немощь, работа тяжёлая, годы уже немалые... отец Кирилл на это твёрдо ответил:

— Работай до конца. Не уходи.

— А если меня уволят?

— Тогда они все твои грехи на себя заберут. Но сама не уходи. Работай, как работаешь. Всем как себе самой делай. За каждого переживай. Пусть это будет правилом для тебя. И тебя

никто никогда не прогонит. Преподобный наш отец Сергий за таких стоит.

Сильный наш Батюшка!

Кто чистый сердцем, священники, монахи, или мы, прихожане, окормляющиеся у него, все — сильные. Господь не оставляет нас.

Главное, чтобы в нас не было маловерия, сомнений. Враг же не спит. Сеет раздоры, несогласия. Но у нас есть, чем отбивать эти нападения. Божьим словом, молитвами святых наших. Были же примеры этому. Когда бесы хотели прогнать преподобного Сергия, а он силою молитвы так их отбросил от себя, что стена его келии упала при их бегстве.

Мы сами по себе ничего не можем, только Господь всё может. Трудно нам бороться, но возможно. Бывают, конечно, случаи нападений, когда «Господи, помилуй» даже не можешь сказать. Особенно, когда это во сне бывает. У меня было такое. Привиделось мне какое-то чёрное чудище. На меня идёт. Не могу молитву произнести, даже перекреститься. Но понудила себя, и только произнесла: «Да воскреснет Бог!..», как чудище это, зашипев, сдулось. Рассказала об этом отцу Кириллу. Он ответил: «Не верь снам. Но про этот сон можешь рассказывать. Он поучительный».

Дочь как-то не была давно у Батюшки. Его в Переделкино перевезли. Упрекаю её, а она мне в ответ:

— Так туда же невозможно попасть. Никого не пускают.

— А ты всё равно съезди. У меня ноги сильно болят, годы к тому же, а ты молодая. Тебе легко. Даже если приедешь, поклонишься только на окна его кельи, и то благодать тебе большая будет.

Скорбела я о том, что сама туда не могу съездить. Вдруг одна из тех, кто ездит в Переделкино к отцу Кириллу, протягивает мне иконку Святой Троицы (Батюшка очень любит этот образ). Засмущалась я: «Ну как же, ты от себя отрываешь. Это тебе он дал». Она возражает: «Батюшка мне две иконки дал.

Вот эту, вторую, для тебя. Я теперь только это поняла. Всё думала, почему, для кого он мне вторую даёт? Теперь всё ясно. Тебе он её и передал. Бери!»

Спрашиваю её:

— Как Батюшка-то наш?

— Мы как придём к нему, постоим около него, приложимся к его руке. Получим подарки, к которым он прикоснётся, передавая, и всё. Разговоров никаких! Поклонимся ему и выходим. Нам достаточно и этого.

Раньше отец Кирилл мог кое-что говорить. Люди придут, видят, что губы его движутся, будто он хочет сказать что-то, спросят его:

— Что-нибудь надо?

Батюшка отрицательно качнёт головой. Едва слышно и понятно ответит:

— Люди просят моих молитв. Я за них молюсь.

И продолжает свои беззвучные молитвы.

Сейчас мне тяжело ходить. Ноги болят. И Батюшка далеко. Все, кто ездит к нему, всё время передают мне от него подарочки.

Когда отец Кирилл был ещё здесь, в Лавре, выздоровел после очень сильной и опасной болезни, я при встрече посочувствовала ему:

— Батюшка! Вам так трудно, так тяжело!..

Он с улыбкой ответил:

— Нет. Мои чадушки так молятся за меня! Живу только по их молитвам. Не отпускают меня, когда мне плохо, благодаря их молитвам становится лучше.

Мы все, если узнаём, что отец Кирилл заболел, сразу становимся читать Псалтирь. И сейчас всё время читаются за Батюшку псалмы, молитвы многими им окормляемыми.

Мы за него, а он за нас. Так вот мы пока и живём, и Лавра стоит, монахи устав чтут, подвизаются.

Запомнилась Пасха 1982 года. Идёт Пасхальная служба! Наро-оду! Не продохнуть. Меня так сжали... В конце службы вышел на амвон отец Кирилл и стал бросать деревянные яйца, «писанки», в народ, поверху. Люди руки поднимают, стараются поймать их. Кто ловит. В кого и попадёт. Радостные крики, смех... Впереди стояли старушки, давние чада Батюшки. Куда им! Они и не пытались ловить «писанки». Ручки сложив перед собой, умилительно стоят. Вдруг одно яйцо попало в лоб рядом стоявшему мужчине, и отскочив, упало прямо в сложенные руки одной из бабулек. Вот и нежданный подарок от Батюшки. Он это увидел, обрадовался, засмеялся. Бабушки возрадовались. Мужчина, почёсывая лоб, тоже смеётся. Вот радость-то!.. И она всегда с нами! Никогда не пропадёт, не кончится. Через это мы и питаемся духовной пищей, которой напитал нас отец Кирилл и которая нам даёт и дальше держаться, стоять, совершать молитвы.

<u>Монахиня Мария (Ерёмина):</u>

«В мире скорбными будете.
Но дерзайте, ибо Я победил мир».
(Ин. 7. 12)

— По милости Божьей мне выпало большое счастье общаться, исповедоваться и окормляться у отца Кирилла, получая от него духовную школу Троице-Сергиевой лавры.

В 80-е годы я много слышала от людей о духовнике братии Лавры — архимандрите Кирилле. Они много рассказывали о старце, как он любит чад своих и ведёт их по пути к Богу, к спасению души. С какой любовью о своём духовном отце рассказывали чада его! И мне очень захотелось хотя бы один раз попасть к нему на исповедь. От всей души и от всего сердца я начала о нём молиться. Молиться о даровании ему здравия. Подавала о нём записочки по святым местам, где я бывала во время отпуска, — в тогда ещё мало действующие монастыри.

В Троице-Сергиеву Лавру я тогда ездила часто на службы, в праздничные и воскресные дни. Поначалу были только записки к Батюшке с просьбой помолиться о мне, грешной, с чадами и родителями.

С отцом Кириллом моя встреча состоялась в 1992 году, когда я трудилась в Донском монастыре. Трудиться в монастырь меня благословил в 1991 году чадо отца Кирилла, насельник Донского монастыря (ныне покойный) архимандрит Даниил Сарычев (+ 8.09.2006).

Работы при открытии монастыря было очень много, трудились все не покладая рук, начиная с братии монастыря и кончая уборщицей храмов и помещений. Здоровье моё начало сдавать, лежала в больнице, стало болеть сердце... Врачи запретили много работать... Вот тогда-то я и попала на встречу с отцом Кириллом. Болея и лёжа в постели, я мысленно обращалась к отцу Кириллу: «Батюшка, помоги мне. Ты же всю братию монастыря окормляешь и любишь, и я их люблю.

Не хочу уходить из обители Божьей Матери. Донской монастырь стал ближе дома родного! Болезнь же вырывает оттуда. Что делать?».

И сразу звонок от сестры и духовной дочери отца Кирилла: «Батюшка принимает в Переделкино!» Не знаю, откуда силы взялись, я встала и поехала к Батюшке. Приехала вечером, было 17.50. Служба в храме Преображения Господня начиналась в 18.00. Оставалось 10 минут, а у «крестильни» стоит 8 человек. Говорят, Батюшка через 10 минут уйдёт. У меня мысль: «Даже если по одной минуте на человека, то меня не примет – нет времени. Собралась уходить... и вдруг стремительно открывается дверь — на пороге отец Кирилл: «Лида приехала... заходи!». В душе у меня удивлению и радости нет конца, и эти внимательные, добрые, голубые глаза... Рванулась со всех сил, боялась, что передумает Батюшка. Сразу встала на колени и изложила ему все свои беды и скорби.

— Не унывай... Самое главное — не унывай... А что ты ещё умеешь делать?

— Шить, вышивать мама научила с детства.

Батюшка задумался немного, потом сказал:

— Вот и иди к Танюше в пошивочную помогать, она там одна трудится...

Вышла от него, лёгкая, повеселевшая. Пошла на службу в храм Преображения Господня.

«Подражание, уподобление человека Богу как Отцу светов состоит в освящении и себя и других светом истины и нравственной чистоты».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

На одной из служб смотрю Батюшка входит в алтарь... Слышу его родной голос оттуда. И будто на Небе побывала. Служба вся в ликовании для меня прошла и будто за одну минуту. Вот так с первой встречи и многолетней молитвы о нём отец Кирилл стал для меня самым близким человеком, кото-

рому я исповедовалась и поверяла все свои тайны, мысли и признания о совершённых поступках.

В 94-м году, когда был большой постриг в монастыре, мне довелось, по милости Божьей, обшивать братию Донского монастыря по благословению старца Кирилла.

Бывало, приедешь к нему на исповедь, а Батюшка прибаливает, стоишь, ждёшь как маленький ребёнок, даже перед Богом стыдно, что досаждаешь ему, но вспомнив евангельское: «Стучите и отверзется вам... Будьте как дети», смиришься и терпеливо ждёшь...Как награду получаешь встречу с ним, такое утешение!..

Неважно себя чувствовала и смогла приехать в Лавру только к Всенощной службе. Стоим у проходной к братскому корпусу, ждём отца Кирилла. Вечер, звонят колокола на службу, народ Божий расходится кто на службу, кто домой, в Москву... многие решили, что Батюшка не выйдет... Решила и я идти на службу. Вдруг вижу, медленно выходит отец Кирилл, с келейником. Батюшка улыбается, взяв мой толстый запечатанный конверт, с улыбкой произнёс: «О, записок-то сколько...» Вздрагиваю от удивления, откуда он знает, что там именно записки? Написала я о тех, о ком нужно помолиться, о братиках-послушниках, молодых монахах нашего Донского монастыря, о сёстрах труждающихся, их детях, нуждах...

Батюшка, увидев мой испуг, успокоил: «Прочтём, не волнуйся, про всех прочтём».

Обрадовалась я: «Родненький ты наш отец духовный. Как же Господь тебе открывает о нас, немощных, грешных, скорбящих!..»

Помню, семья священника Д. (сейчас сын их Алексей стал священником благодаря окормлению, направлению отца Кирилла) нуждалась в совете Батюшки. Мы с матушкой Екатериной позвонили отцу Кириллу. Он говорит: «Приезжайте». Пригласил, благословил, мы и поехали.

У них родился четвёртый ребёнок, назвали Кириллом. По дороге помогала им управляться с детьми. Так было див-

но смотреть, как все четверо прильнули к маме в электричке, когда она начала читать молитву о путешествующих к преподобному Сергию Радонежскому. Затем все вместе помолились о Батюшкином здоровье, чтобы принял нас.

Отец Кирилл чувствовал себя неважно, и нам пришлось у проходной немного подождать. Там были ещё ожидавшие его. Стоим, просим про себя: «Батюшка, миленький, выйди к нам...» Всех деток родители попросили помолиться... И вот «наш папочка», как приехавшие звали его между собой, выходит. Для нас он и есть родной, любимый «папочка», в смысле русского понятия о самом родном, близком человеке... Тем более, что у меня и у некоторых из собравшихся не было отцов. Они погибли на войне. Нам не досталось в детстве родительского, отцовского тепла. Отец Кирилл, чувствуя, наверное, это, особенно изливал на нас тепло своего сердца. Оно не иссякает, по милости Божьей, никогда.

Стоим мы и в этот раз — Батюшкины дети (от 4-х месяцев и до 50 лет), ждём безнадёжно. Вот он выходит! Медленно идёт к нам. Напряжённо всматриваюсь в его лицо, оно слегка желтоватого цвета, отёки... Сердце моё защемило сильно, болеет он... Про себя шепчу: «Родненький, потерпи нас, немощных», а к Царице Небесной вопль: «Мати Божья, утешь его чем можешь, родную монашескую душу! Ты одна ведаешь и знаешь его скорби, болезни, немощи...»

Батюшка, чтобы поддержать, утешить нас и всех собравшихся, благословляет, дарит кому иконки, кому шоколадки с

улыбкой... А затем по-отцовски говорит мне отдельно, строго, как приказ: «На длительный отдых!». Слабое здоровье моё, ещё с послевоенного детства, и впрямь сильно расшаталось. Загрустила я, что от дел надо на время отойти. Но и врач-кардиолог накануне не отпускала меня долго из кабинета. Объясняла, что мне необходима госпитализация в кардиоцентр. Пришлось рассказать о грустном... Батюшка благословил ложиться в клинику. И диво дивное, а там врач – верующая. Она была ко мне очень внимательна. Увидев мои книги, молитвослов, иконы, она приятно улыбалась и сама кланялась и прикладывалась к иконам. Так что за Батюшкину молитву лечение прошло, как в хорошем сне.

Бываем мы недостойны своих духовников. К ним предъявляем требования высокие, а сами часто не исполняем и то немногое, что они нам назначают. Так бывало и со мной. Как-то, весной 1994 года, работая очень напряжённо, испрашиваю у отца Кирилла благословение на помощь важному лицу, а сама этого не хочу... Надеялась, что и Батюшка меня в этом поддержит. А он молчит... и даёт неожиданное для меня благословение на это послушание. Мне становится не по себе, а отец Кирилл подбадривает, улыбается. В ответ я смущённо шучу: «Я не трус, но боюсь». На следующий раз Батюшка по-отцовски заботливо спросил, выполнила ли я его благословение. Вспомнив известные слова «подальше от царей – голова целей», я с трепетом, заикаясь, отвечаю: «Батюшка, не хватило силы воли, и, зная этого человека, его немощи, пока не решаюсь». Батюшка ничего не отвечает на это. Не выказывает никакого недовольства. Молчит, молится... Через минуту он повернулся ко мне, и ободряя, укрепляя меня, улыбнулся и сказал: «Всем нужна забота и помощь. И «этим» людям тоже». Я готова была тогда от стыда сгореть, за своё малодушие. Уезжаю от Батюшки, недовольная собой, наполненная твёрдой решительностью как можно быстрее и лучше помочь «этому человеку», как я называла его до этого Батюшке. И всё милостью Божьей и молитвами отца Кирилла совершилось хорошо, добром и любовью.

Благословение на монашество у меня произошло таким образом.

Когда дочь моя решилась выйти замуж, я бегом поехала к Батюшке. Тревожно спрашиваю его об этом... Душа неспокойна. Он же как-то по-отцовски, ласково мне говорит:

— И ты выходи.

Недоумевая, я спрашиваю:

— Как? Сколько можно? Хватит! Один раз было.

Батюшка поднял голову и глазами на Небо показывая, смотрит... Сразу я всё поняла. Этим взглядом он без слов меня спросил: «Хочешь Туда?..» У меня и радость, и тревога. Ответственно!.. Жених Небесный! Это было прикровенное благословение на монашество. Да какое! Самое главное и ответственное для меня.

На праздник Благовещения Пресвятой Богородицы и свт. Тихона Московского я, недостойная, по милости Божьей, приняла постриг, дав обеты у Алтаря Господня. 20 лет прошло с того времени.

Когда бывает очень тяжело, вспоминаю исповеди, как их Батюшка проводил. Как нас наставлял, чему он нас учил, учил молиться, любить друг друга, быть православными. Он был и есть – соборный Батюшка. От него всегда исходит такое тепло! На всех, на целые массы людей.

У отца Кирилла всегда всё так просто и в то же время – так мудро. После беседы и исповеди на прощание он протягивает нам подарки. Всегда чем-нибудь одарит; книги, иконки... Да с таким непростым, значимым названием. Обласкает, как самый близкий, добрейший отец. От него никто никогда не отходит без утешения. Когда однажды у него спросили о том, что бы он в свою очередь очень пожелал для себя, он сказал: **«Я бы хотел утешить вас всех».**

Сейчас я рассказываю и плачу — это слёзы не о Батюшке, а о нас, что мы, безутешные, теперь без исповеди у него, бесед с ним, остаёмся как бы сиротами. Когда в некоторых из нас оскудевает энергия Батюшкина, он чувствует это и

поддерживает нас, через свои молитвы и утешения, посылаемые нам.

Какие бы скорби у меня ни были, — всегда получаю от него утешение, силу святой помощи. Чувствую по сию секунду, как он любит всех нас, как он молится о нас. Он и сейчас даёт свет церковной школе народной, выполняя окормление не только Троице-Сергиевой Лавры, но и всей нашей Церкви, всей России.

«Пусть никто не отчаивается в своём спасении, ведь примеры святых указывают нам, что люди всякого сословия при разных обстоятельствах и условиях жизни достигли вечного блаженства. Не место спасает человека и не его положение, а одно только требуется: чтобы твоей работой и жизнью не нарушались требования совести и закона Божия».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Артемьев А.В.:

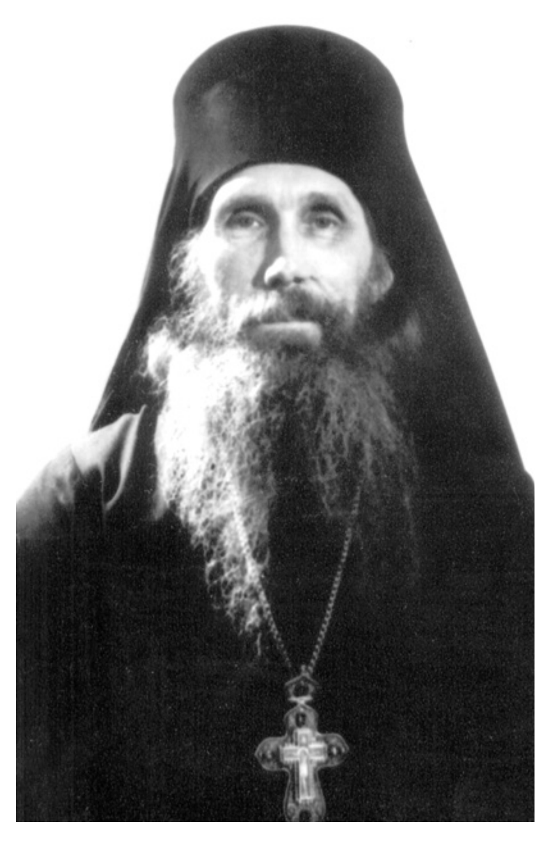
— Встречи наши с отцом Кириллом начались в середине 70-х годов. Мы с моей, ныне покойной супругой, познакомились с одним семейством, которое живёт в Сергиевом Посаде. Их дочь Н. показала нам фотографию архимандрита Кирилла, и произнесла: «Он такой добрый!». И та интонация, с которой эти слова прозвучали, открыла нам, что здесь что-то особенное. Нам неудержимо захотелось прикоснуться к этой доброте.

Первая встреча с Батюшкой у нас произошла в Лавре. Точнее, в «посылочной», где он принимал людей. После первой же встречи я был просто потрясён. Совершенно. Даже самим внешним видом отца Кирилла. «Вот, — думаю, — Господи, даже обликом Батюшка удивительно схож с самим преподобным Сергием!». Был очень удивлён его каким-то таинственным сходством с Преподобным. Он выглядел будто ожившее

изображение преп. Сергия Радонежского с его знаменитой пелены. Сходство было поразительно полным — и внешним, и внутренним. Сходство это, я бы сказал, какое-то глубинное. И внешне: глаза, весь склад лица, и всё... А самое главное, внутренняя общность... Есть фотография отца Кирилла, когда он молодой пришёл в Лавру. На фото он, ещё новоиспечённый семинарист, стоит боком, справа от о. Тихона (Агрикова). На этой фотографии тоже — общие черты с Преподобным. Даже строение головы такое же, как у отрока Варфоломея в известной картине художника Нестерова. Весь склад его смиренного лица совпадает с ликом святого.

В первый день нашей встречи у меня была исповедь. Ещё более я был покорён им. Батюшка чем-то отличается от других старцев. Он немногословен, не красноречивый собеседник, не велеречивый. Сколько я у него ни исповедовался, он отвечает, даёт советы, немного отвернувшись, одновременно молится. Его молитва... Это что-то удивительное. Иногда, когда я начинал ему говорить, он будто не слушает. Продолжаю говорить ему, исповедуюсь и вдруг начинаю удивительным образом чувствовать его. Понимать, что он не просто отвлечён, а молится за меня, переживает. У него слух настроен абсолютно. Вдруг он ловит какую-то мою живую интонацию и говорит: «Так, так, Алексей, давай, давай, давай...». То есть он почувствовал, что у меня что-то раскрывается. Что греха таить! Иногда на исповеди мы, грешные, говорим какую-то чепуху. А он терпеливо ждёт, подтаскивает нас к существу-то и, почувствовав, что у тебя пошло такое... активно начинает помогать, вытаскивать нечисть из тебя. Так и в этот раз он чуть повернулся ко мне и только сказал: «Давай, давай...» И всё!.. Это же сильнее, чем любая проповедь, мудрёные слова. Это совершенно потрясающее участие, сопереживание со мной. У меня просто слёзы хлынули после такого. Чувствуешь тогда, что он душу твою на руках поднимает. Вот Батюшка какой!

Иногда же поисповедуешься по-другому. Просто поговоришь с ним, а он только улыбнётся тебе, подтверждая твои

благие намерения и уже — хорошо. Накроет епитрахилью, прошепчет молитву, перекрестит. Он крестит всегда с такими как бы ударчиками по голове. Четыре раза стукнет по темечку пальцами. Их чувствуешь, он тебе ими весь ум просветляет, всю душу твою вычищает.

Все мы сидели, стояли у этой «посылочной», уткнувшись в молитвословы. Кто-то в полголоса пытался что-то рассказать о себе соседу, а там, за дверью, в маленьком помещении, как цветы в благорастворённых сумерках, раскрывались перед отцом Кириллом души людей.

Лица выходивших оттуда, всегда преображённые, иногда со слезами, иногда счастливые, иногда взволнованные. Но вот, наконец, сам попадаешь в эту крошечную каморку, увешанную иконами и лампадами, получаешь благословение от Батюшки, вспыхивает пронзительное чувство: «Вот так когда-то предстану я пред Господом». Надо успеть сказать о самом главном, о самом больном. Батюшка, слегка отвернувшись, молится. А потом накроет твою голову епитрахилью и не спеша перекрестит её, покаянную, стукнув пальчиками в темечко с каким-то сердечным участием. Назовёт тебя по имени, иногда что-то скажет, а иногда всего лишь благословит своей старческой десницей, и летишь домой, как на «воздусех». Как в детстве, когда

бабушка или дедушка прижмут к себе и скажут: «Не будешь больше так делать? Ну, иди с Богом, гуляй».

В определённые дни он принимал исповедь у семинаристов и насельников Лавры в левой части алтаря Успенского собора. Эти янтарные осенние сумерки в Лавре незабываемы. В полумраке собора у северной стены небольшая очередь ожидающих исповеди. Входят и выходят по одному. Мужчинам-мирянам тоже можно. Батюшку в полумраке алтаря почти не видно, но от него исходит сияние, воспринимаемое не глазами, а каким-то другим органом чувств. В ушах звучат слова апостола Петра: «Господи, хорошо нам здесь быть».

Какими словами описать впечатление, которое не связано ни с какими событиями, а является лишь результатом моего неожиданного свидетельства чего-то сокровенного?

Были ещё эпизоды, которые трудно изложить. Мне бы хотелось подчеркнуть один момент в отце Кирилле. Элемент красоты его духовной. Я бы даже сказал — эстетики. Ведь он же удивительно красив.

Когда в конце 80-х годов перестройка была, все давали интервью. Подлетели к Батюшке журналисты. После в своём интервью с ним, опубликованном в газете, написали, что он человек удивительного обаяния. Обаяние — это термин не церковный, светский, но, тем не менее, в какой-то степени это очень к отцу Кириллу подходит. На меня это произвело впечатление. Я понял, что даже люди не церковные уловили в нём эту красоту духовную, притягательную простоту. Открытость и обаяние, которое действует на всех людей, абсолютно, неотразимо. Хотя сказать, что он «видный», важный человек, нельзя. Бывают такие, величественные, высокообразованные, несут себя, вокруг них целая свита, а присмотришься — пустые, мелкие. Батюшка наш, вроде бы с виду, человек простой, невысокий, а насколько значителен, в своей молчаливости. Простец — как раз и есть та самая высокая характеристика для духовных людей, особенно для старцев. При этом в нём есть загадка и скрытое, глубокое обаяние личности. Необычны и его манера говорить, его

голос. Голос — это огромная значимая субстанция, в которой существенно выражена личность человеческая. Один голос несёт в себе что-то содержательное, глубокое, а другой — пустой. Голос отца Кирилла прежде всего несёт с собой необыкновенный заряд доброты. Несёт притягательную силу. Очень мягкий тембр его голоса. Вроде ничего особенного нет. Но там что-то в нём такое... бездна доброты, участия. А его манера говорить! С одной стороны, очень простая, доступная. Он даже чуть-чуть неуверенно произносит слова. Осторожно, робко, чтобы не задеть собеседника. Такая внутренняя духовная деликатность в разговоре и в поведении.

Не собираюсь его с кем-то сравнивать, но, с другой стороны, есть священнослужители, которые рубят сплеча, говорят самоуверенно. А тут при всей глубине его видения, а оно у него такое, что нам, грешным, и представить трудно, такая осторожность. При всём при этом как будто бы неуверенность его речи, это и создаёт в Батюшке особый образ. Он не берёт тебя за руку или за шиворот и не диктует. Он как равный с тобой разговаривает, как близкий человек. В нём немногословность и осторожность к собеседнику — уникальны. Порой ему достаточно тихо и просто сказать: «Не надо, не делай этого». И всё. Или, одобряя, поддерживая, сказать: «Давай, давай». И этого вполне достаточно. Без долгих и заумных рассуждений. Абсолютно неповторимо, необъяснимо его ненавязчивое влияние на людей. Это редкое качество, которое является результатом огромного духовного труда, молитв, служения и видения. Он – личность необыкновенно просветлённая. Батюшка столько видел! Для меня, например, явно и очевидно, если Батюшка что-то благословляет, это дело каким-то образом всё устраивается. Даже вопреки всякой логике, вопреки всем неблагоприятным событиям, устроениям. Благословение отца Кирилла — всепобеждающе!

«Надо быть истинными христианами, надо воплощать в себе дух веры и любви, научиться смотреть на свои согре-

шения, а не осуждать брата своего. И этим мы покажем свою любовь ко Господу, и тогда Господь в ответ на нашу любовь к Нему возлюбит и нас, и введет в вечное Свое царство добра, правды, мира и любви и сделает нас наследниками вечного блаженства».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Когда-то, в середине 70-х годов, художники и другие, люди церковные, решили, что надо действовать в это время. Мы решили проводить семинары, лекции на духовные темы. Поехали к Батюшке испросить благословения. Дело не в том, какие он слова произносил, а в том, с какой интонацией, с каким внутренним обертоном он всё произносил. Вначале он выслушал нас и говорит: «Давайте, давайте. Дело хорошее, нужное». С озабоченностью, поддержкой и участием сказал. Мы были очень рады. Благословились у отца Кирилла в то ещё советское время.

Десять лет в центре Москвы еженедельно проводились духовные семинары. Читались лекции и доклады не только учёных, но и многих наших филологов, историков. Священники выступали. Это совершалось через общество «Знание». Ездили в паломнические поездки с выступлениями. Несколько странным было это для того времени, но мы были вооружены благословением отца Кирилла.

Однажды пришёл один посторонний человек. Посидел, послушал и захотел донести на нас, о темах наших бесед. Но у него ничего не вышло. Быстро и легко мы отбились. Вот такая сила отца Кирилла в его благословении. Он сказал: «Давайте, делайте...» И всё. Жёсткая, идеологическая систем дала сбой на наших действиях.

Тогда мы были люди только немного церковные. Церковность — это сложная вещь. И по сей день я не считаю себя человеком достаточно церковным. Грешим, многого не соблюдаем, и всё же та благодать, какую на нас ниспослал отец

Кирилл своими молитвами, охраняла, вразумляла, помогала нам делать много полезных дел.

В основе всего лежит любовь. Если она есть, то — есть. У нас была любовь к Церкви, к церковной культуре, к нашей русской истории, к Родине нашей, к России. Отец Кирилл помогал нам в раскрытии и приумножении этого. Он сам является воплощением этого всего. В нём мы ощутили, что помимо того, что сказали журналисты о его обаянии и других хороших качествах, через него мы открыли для себя, что наша Россия — это Святая Русь. Это то, что мы любим, и единственное то, что нужно любить более всего русскому человеку. Поэтому при встрече с отцом Кириллом мы не могли только поговорить, исповедоваться, и потом всё забыть.

К сожалению, не ездили мы к нему часто, не общались в той полной мере, какой нужно было. Ленились. Вроде бы в Лавру ездить далеко, работа... Всякие причины находились. Но всегда мы направлены душой к Батюшке. Он стал для нас — светом. Светом, который ведёт к радостному, необходимому. Скажу так, Батюшка для меня — это идеал. Пусть это слово не совсем церковное. Понимаю, что у нас в Церкви существует огромный сонм святых, которых мы почитаем, которым мы молимся, но мы с ними физически не общались. Из ныне живущих людей, с которыми мне довелось общаться, более просветлённого не человека, а именно — явления, такого, как отец Кирилл — не встречал. И скорее всего не встречу более никогда.

Не в порядке сравнения. Мы общались и с отцом Иоанном (Крестьянкиным). Батюшка сам нас послал к нему, был такой момент. Сказал, что вот с этим вопросом езжайте к нему. Мы поехали. Отец Кирилл написал записочку с просьбой нас принять. Отец Иоанн нас принял, мы изложили ему свои проблемы. Он высказал своё глубочайшее почтение к отцу Кириллу. И всё же отец Иоанн и отец Кирилл — разные. Отец Иоанн гораздо более деятельный, разговорчивый, что-то объясняющий очень активно... Он другого склада, чем отец Кирилл. Более определённый, более уверенный в своей правоте. Батюшка же

наш отец Кирилл привлекает нас обратным. Своей осторожностью, мягкостью, деликатностью. Направленностью на свободу, которую он даёт всем в своём выборе и поступках. Он оставляет каждому Богом данную волю, свободу всем, кто к нему обращается. Эта бережливость, почтительность к каждому более убедительно и более сильно действуют. Его простая, лишённая манерности и важности интонация. Его кроткий взгляд. Вся его личность — сами по себе многому учат. Он не просто что-то диктует. Он раскрывает, и ты сам начинаешь думать и приходить к какому-то выводу, убеждению. Отец Кирилл осторожно подводит тебя к **твоему** решению, и ты вдруг что-то начинаешь понимать. Открываешь для себя: «Вот, Господи, в чём же дело! Вот как надо поступать!» Батюшка мягко, совсем негромким тоном лишь подтолкнёт вперёд: «Ну, ну, хорошо. Давай, давай...»

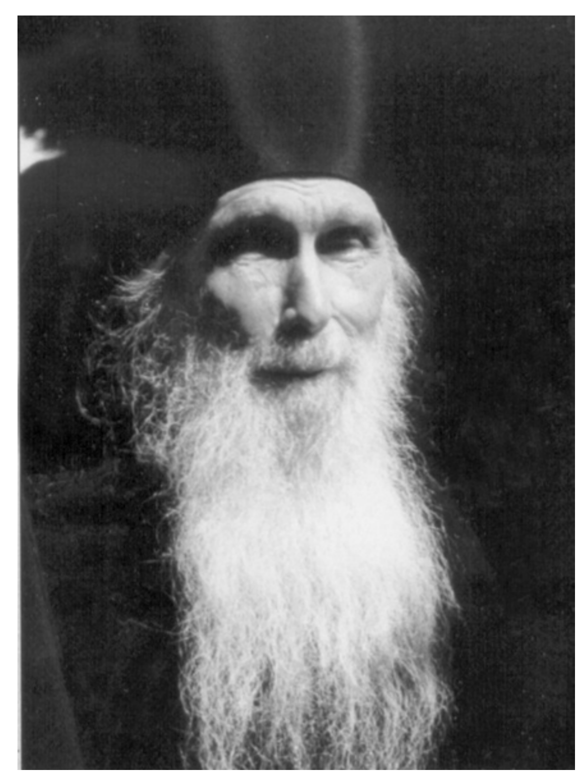
Давно, на одной из исповедей, я говорю:

— Батюшка, вы знаете, у меня есть сомнения. У меня даже вера пропадает. Возникает такое нехорошее убеждение, что работа моя меня более духовно утверждает, чем хождение в церковь.

Такое признание, довольно резкое, рискованное. Помню, отец Кирилл со спокойным видом это воспринял и говорит:

— Ну что ж, Алексей, ну я понимаю, понимаю. Но только знаешь что, ты церковь не бросай. Не бросай.

Это непередаваемо, такая интонация, мягкая, добрая. На всю жизнь я запомнил. Он мне не сказал, мол, как ты можешь так?!.. Церкви предпочитаешь там что-то! А он сказал: «Ну что ж, бывает... ничего. Ты не переживай, не пугайся, — и мягко, по-родительски попросил: «Но ты церковь всё-таки не бросай». Уж куда там бросать? После таких-то слов его ко мне, обращения!.. Тем более на самом-то деле я не собирался бросать. Не стал он длинных проповедей мне разводить, цитировать святых отцов. «Ты только не бросай». Такая просьба его и — всё. Не знаю, как это назвать, стиль его что ли такой или настрой. Такой вот мирный дух отца Кирилла. Мягкий, человечный... и удиви-

тельно близкий. Это не просто наставник, а друг ближайший. При этом прекрасно понимаешь, что это за высота. Лавра для нас тогда, почти целиком — музей с туристами, ожила! Осветилась тихим светом, исходящим от его личности. Его светлой и ласковой души.

Мы часто ездили к нему. Раз в месяц-то всегда ездили. При этом не считали никогда себя такими уж прямо духовными чадами отца Кирилла. Признаюсь, мне не очень понятно, что это такое вообще — духовное чадо. Потому что степень подчинённости духовному отцу разная бывает. Насколько я читал в книжках у отца Алексия (Мечева), были духовные чада, которых отец Алексий сам пресекал, чтобы они на каждый шаг не спрашивали у него благословения. До такой степени у нас этого не могло быть, потому что, во-первых, мы не так часто могли к Батюшке попадать. Во-вторых, наша психология была уже иная, испорченная атеистическим воспитанием с детских лет, но в каких-то трудных вопросах жизни мы приезжали, выясняли нужные нам вопросы...

У моей супруги было серьёзное заболевание. Ей предлагали срочно делать операцию. Мы поехали к отцу Кириллу. Притом, что он удивительно мягок, но и очень определёнен в важных вопросах. Он и тогда помолился, как всегда, а по-

том твёрдо, уверенно сказал моей жене: «Не делай, не надо, не надо». И обошлось тогда. Не стали мы делать операцию, и всё чудесным образом, само по себе прошло. Подивились мы такому особому дару отца Кирилла. Ведь это же был большой риск — давать такой совет, противоположный мнению специалистов. А если бы получилось наоборот? Супруга моя вдруг скончалась бы тогда?.. Как опасно — брать на себя такую ответственность! Долго мы радовались и поражались: «Господи, как же Батюшка узнал это? Откуда он это может понимать? Это же чисто медицинская проблема!».

В то же время знаю людей, которые к нему ездили с подобным вопросом, и которых он уверенно благословлял на операцию. А вот нам он сказал: «Не надо». И потом мы узнали, что эта операция настолько рискованная и приводит к жутким результатам... Так что в трудных, жизненных ситуациях мы всегда к нему прибегали и спрашивали у него благословения, совета. Попасть к нему было не так уж просто. Иной раз возвращаешься ни с чем, часов 8-10 простоишь в ожидании, а бывает — напрасно. Не попадёшь к нему.

Когда храмы открывались в начале 90-х годов, и мы взялись за такое. Поначалу было некоторое смятение, но мы начали хлопотать. По всей Москве я числился в семи общинах, в семи храмах. Мы все друг друга знали. При открытии нашей церкви нам сказали, чтобы мы не вздумали подавать прошение в Патриархию, чтобы от них кого-то дали нам в настоятели. Мол, вам дадут, вы потом намучаетесь... Мы решили сами искать священника. Поехали к отцу Кириллу. Он благословил, говорит: «Делайте, делайте» и предупредил: «Но осторожно». Мы особо не придали последним словам значения, а зря... Потом, когда мы сами же нашли о. С., то опять поехали в Сергиев Посад. Отец Кирилл без радости, но в целом одобрил наши усилия. Через какое-то время произошла довольно странная вещь. Этот настоятель, которого мы утвердили, не возлюбил почему-то нас. Стал прогонять. Поехали мы опять к

отцу Кириллу. Пожаловались ему и спросили его. Он в ответ сам спрашивает нас:

— У кого окормляется ваш о. С.?

— У отца Иоанна (Крестьянкина).

— Вот вы к нему и поезжайте. Поезжайте и скажите, что от меня приехали.

Поехали мы в Печоры. Пошли к отцу Иоанну. Он был уже немощный. Его келейница говорит: «Вы ему напишите всё, я ему передам, а он вам напишет ответ». Мы всё написали, по возможности объяснили. Отец Иоанн написал ответ, что если бы отец Кирилл благословил вас уйти из этого храма, то я бы просил отца Кирилла отменить его благословение. Вот такая была формулировка. И через келейницу передал на словах: «Сопротивляйтесь». Мы в недоумении спрашиваем келейницу:

— Как сопротивляться? Что это значит?

— Ну, как хотите, так и понимайте. Отец Иоанн так и сказал: «Сопротивляйтесь и ни в коем случае не уходите из храма», — напоследок сказала келейница и ушла.

У нас после этого ещё год продолжалась тяжёлая ситуация. Мы ходили к отцу Кириллу. В этой ситуации я ему говорю:

— Батюшка, не могу я исповедоваться у него. У нас нет никакого взаимного понимания. Он ничего не хочет слышать. Какая тут исповедь может быть?

Отец Кирилл в мирной своей манере ответил:

— Ну, ну,.. не исповедуйся у него... не надо. Где–то в другом месте совершай это.

Батюшка никогда, ни в чём не насиловал волю другого человека. Главное — мир. Недаром же в народе говорится «плохой мир лучше хорошей войны».

Отец С. как-то ворвался к Батюшке и сказал: «Давайте, всё!». Отец Кирилл пошёл навстречу. И вот мы собрались все, сидели часа три... Отец Кирилл терпеливо сидел, слушал молча. У него кот в ногах. Выслушал, высказаться дал всем. Человек 15-20 было прихожан и о. С. Все до единого человека, что там

присутствовали, высказались. Отец Кирилл сказал о. С. мягко, как только он может:

— Ты не кичись, тебе от Бога много дано, но ты не кичись...

Дал ему Батюшка наставление. Там были и сторонники о. С. Нам же отец Кирилл сказал:

— Ну а вы как? Будете слушаться отца С.?

— Батюшка! Да конечно! Мы готовы. Но относительно того, чтобы мы ушли. Как мы можем уйти, когда и владыка нам сказал, что я вас не отпускаю?

Отец Кирилл опять увещевающе обратился к настоятелю:

— Отец С., ведь это твои овечки. Ну что же ты так с ними? Ты их люби.

Ответом был эпизод прямо душераздирающий, потрясший меня чёрствостью. С таким в жизни я никогда не сталкивался. Отец С. вскочил и говорит:

— Как?! Вы считаете, что я должен их простить, что ли, за всё?!

Отец Кирилл негромко подтвердил:

— Ну, конечно.

Тот с гневом, хлопнув дверью перед отцом Кириллом, ушёл. И всё.

Отец Кирилл не тот человек, который удивляется таким вещам. Он нас с тёплой, ободряющей улыбкой благословил:

— Идите, идите, всё... Оставайтесь, слушайтесь...

— Батюшка, мы одного хотим, чтобы как-то всё умиротворилось, и нам ничего не надо.

— Идите, идите с Богом.

Кончилось всё это очень просто. Нас выгнали с треском. На организованном настоятелем приходском собрании. Собралась какая-то публика, которую мы первый раз увидели. Как это обычно делается. Нас эти новенькие, не имеющие никакого отношения к приходу, «переизбрали». Главное, мы соблюли мир. Каковой нам преподал отец Кирилл. Не шумели. Приняли всё без раздражения. Бог — всему судья и устроитель.

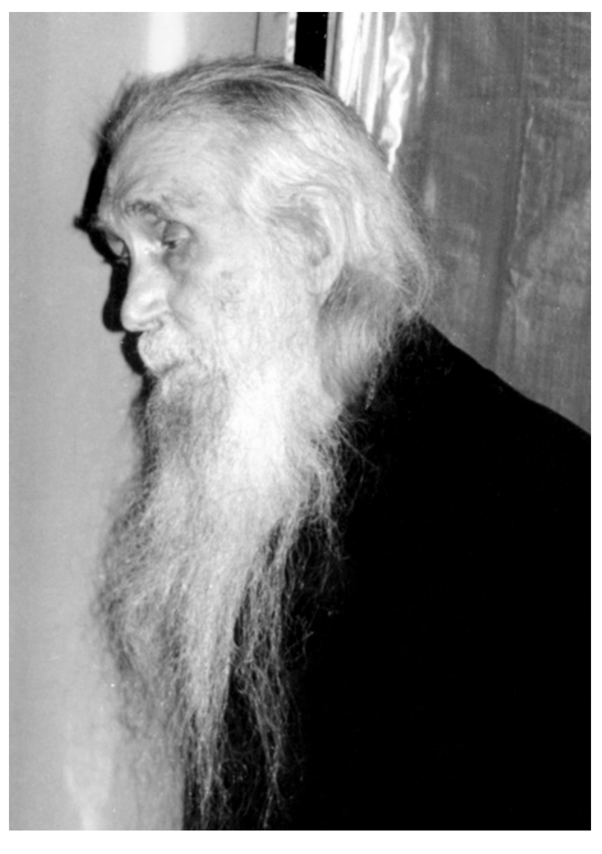
На каждой встрече с Батюшкой всегда было что-то значимое. Почти все случаи, что я ездил к нему и исповедовался, они у меня в памяти остались, врезались. Иногда что-то отец Кирилл говорил, а иногда ничего не говорил, благословлял и всё. Наблюдал я и поучительные эпизоды, которые не со мной связаны, а с кем-то другим. Осталось же во мне то, что я сам непосредственно пережил.

Меня привлекают всегда светлые моменты. Помню, когда был в келье отца Кирилла, что-то ему передавал. То ли письмо какое-то, то ли что-то ещё. Был там минуты две всего. Неповторимое чувство! Будто в Царствии Небесном находился. Какие-то цветы, растения, клеточки для птичек, кормушки там у Батюшки висели. И всё светлое, радостное. Наблюдал я и встречу его с отцом Матфеем (Мормылём). Они соседи были, через стенку. Для меня это незабываемое впечатление: отец Кирилл вышел в коридор, тут открывается дверь, и отец Матфей выходит. Как они мимолётно встретились друг с другом. Какая между ними была любовь! Такого в мирской жизни никогда не увидишь. Это только в житиях описывается. Они просто поздоровались, а чувствовалось, что они прямо засветились внутренней радостью от встречи. Хотя они там каждый день встречались. Это незабываемо. Как это описать? Это только видеть надо.

Интересовался я, когда про отца Кирилла писали, интервью печатали. Его спрашивали о Сталинграде. Про награды. Он, желая отвести эту тему, скромно отвечал: «Да так, есть кой-чего. Так...» Знаю со слов других людей, что он испытывал гонения и в Лавре. Не безоблачное существование у него было. И это правда, а не домыслы.

У каждого человека есть какие-то вещи в жизни, которые являются направляющими. Которые постоянно существуют мерилом, точкой отсчёта в его поступках, в форме поведения и т.д. У меня есть две персоны в этой жизни нашей, которые для меня являются путеводными звёздами. Это Фёдор Михайлович

Достоевский и отец Кирилл. Что касается Батюшки. Сказать только, что всё измеряется тем, что в какие-то минуты жизни он мне говорил, так, мол, поступай, а так не поступай, это далеко не всё. Это не самое главное. Конечно, это важно, когда человек даёт конкретные указания, духовный отец или старец. И если это действительно оправдывается жизненной ситуацией, это всегда очень наглядно и

показательно. Но мне представляется гораздо более важным такой момент, что трудно объяснить рационально. Могу сказать такую вещь, может даже простую и понятную. Почему у меня висят фотографии отца Кирилла? Когда у меня трудное положение, я смотрю на него и спрашиваю: «Батюшка, как мне поступить?» И он мне отвечает. Как это происходит, не знаю, но возникает определённая ясность в той или иной ситуации. Много лет, как он заболел, я не могу попасть к нему и не могу услышать его ответ на мои вопросы. Поэтому обращаюсь к нему вот так, через фотографии, его образ, который в моей душе остаётся на всю жизнь. Прошу: «Батюшка, подскажи, вот как быть...?». И он мне помогает. Помогает часто тем, что я вспоминаю при этом нечто похожее из того, что я уже от

него получил. Хотя я понимаю, что могу и впасть в прелесть, в некий мираж. С другой стороны, как ещё я могу с ним общаться, когда его рядом нет? Слава Богу, что он ещё жив! Связь неразрывная между нами есть!

Обращаюсь к нему не только в трудные, критические моменты жизни, когда надо что-то выбирать. В повседневности всегда пребываю как бы под его взглядом, его наблюдением за мной. Как под зраком Божьим. Это дисциплинирует. Если делаешь что-то не то, посмотришь на него и будто слышишь: «Ой, не надо бы этого делать». И сразу наступает отрезвление.

Во всём облике отца Кирилла, во всём его духовном мире, в котором он пребывает и по сей день, есть понятие духовной красоты. Не принуждения, не диктата, не жёсткого наставления, а тонкой деликатности и глубокого контакта. Не знаю, насколько благочестиво сопоставлять его с Достоевским. Но у Достоевского его старец Зосима в «Братьях Карамазовых» — не то что буквально, но тот же взгляд и что-то такое, идущее от сердца. Не от начётничества, не от холодного знания, а от сопереживания с тобой. И тот, и другой прошли большую школу страданий в этом мире. Они не озлобились, вынесли благой урок из этих страданий. Ещё больше очеловечились. На мой взгляд существует два вида страданий. Страдания безблагодатные и страдания благодатные. Безблагодатные, которые озлобляют людей, а бывают страдания благодатные, когда человек всё переносит, самые невероятные страдания, а становится добрее. Шире начинает воспринимать жизнь. Отец Кирилл — это старец любви. Он настолько любвеобилен! Старец Даниил давно, ещё в семидесятые годы, сказал: **«Свято Троице–Сергиева Лавра — сердце России, а отец Кирилл — сердце Лавры».** Именно не лицо Лавры, не голова и не душа даже..., а именно сердце, которое бьётся тихо, неслышно, наполняя духовно-кровеносную систему не только Лавры, но и всей Православной России. К нему всегда ехали люди со всей России, чувствуя это биение. Ехали даже с Дальнего Востока, из Мурманска,.. отовсюду. Не за мудрёностью, а порой за про-

стым пониманием, за этой сердечностью. Вот этого в наше время у нас очень мало, это сильно истощилось. Все — «всё знают». У нас есть много умных людей, которые всё понимают, всё читали, могут всё объяснить, на всё указать и т.д. А отец Кирилл никогда заумно не богословствует. Не произносит долгих речей, кроме служебных проповедей. Проповеди его по форме немудрёные, но и в них привлекает, притягивает эта сердечность, простота и постоянное обращение через них к живому человеку, к сердцу каждого. Подкупает в нём удивительная теплота, которая от него исходит...

Если я хоть в какой-то степени человек воцерковлённый, то, конечно, в этом главнейшая роль отца Кирилла. Он открыл мне это для моего сердца, не для ума. Для ума-то я читал много, я продукт своего времени, интеллигент. А вот отец Кирилл открыл подлинное, сердечное и то, что не заменишь никакими словами. Просто можно сказать: «Я его видел», и всё. Это ни с чем не сравнишь, ни с какими книгами, ни с какими писаниями, ни с какими даже проповедями. Вот я его видел и слышал его голос, его интонации. Наблюдал его поведение, реакции на какие-то вещи. Общался с его личностью неповторимой. С его духовным миром. Какую-то толику своего духовного мира он мне, надеюсь, передал. И она, эта толика, настолько для меня драгоценна, что я могу с уверенностью сказать — это самое драгоценное, что я в своей жизни принял в свою душу. Самое незабываемое. Всё, чем я живу. Хотя эта жизнь, можно сказать, незаметная, незримая, её трудно сформулировать...

Отец Кирилл самим своим обликом, своим образом показывает нам всем, каким изначально был замысел Бога о человеке, и какими он хочет нас видеть.

Евангелие для отца Кирилла — сила, опора, солнце самой правды. И все его ответы, вся его реакция на современную жизнь, она оттуда — из Евангелия, с которым он никогда не расстаётся.

«Сейчас люди читают много книг, но самое главное — читать книгу книг — Евангелие! Через это чтение будет укрепляться вера и добрая воля, будут просвещаться ум и сердце».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

У меня есть знакомые. Они захотели поздравить его в День Ангела. Отец Кирилл был уже болен, плоховато себя чувствовал, но ещё говорил. Он был в Переделкино. Была тогда с ними целая группа монахов, послушников, человек 20... Прошли они к Батюшке. Когда к нему подошли, то были потрясены: он, оказывается, их всех помнит по именам. А он некоторых видел когда-то всего раз или два. Более того, он каждого спрашивал о его делах, которые он знает и помнит. Ну, это разве не удивительно?..

При всём том, что его пол-России знает, но он, так сказать, не громогласный.

Его духовная красота — особая. Эта ласковая тишина, красота, которая ему дана, видимо, от природы, от Бога, от его молитв, это стало всей его личностью. Такой красоты человеческой я, пожалуй, ни у кого не встречал. Такой гармонии, нежности и доброты. Он всегда добр. Один только раз, когда у нас с о. С. были нестроения, и он поехал к Батюшке без нас. Стал что-то требовать от Батюшки. Знакомые, присутствовавшие при том, рассказывали, как они удивились: «Мы никогда отца Кирилла не видели таким. Видим — о. С. стоит у двери, что-то с гневом требует от Батюшки. Отец Кирилл немного побледнел. Видимо что-то услышал слишком дерзкое, плохое. Негромко, но отчётливо он сказал непрошеному собеседнику: «Уходи отсюда. Уходи отсюда, тебе говорят». Так, что если надо что-то отстаивать, Батюшка снова становится воином.

Много сейчас старчествующих, мудрёных советчиков, а вот соучаствовать в наших бедах, сопереживать, брать на себя наши скорби, этого почти нет. Этим-то и отличается от многих отец Кирилл.

Даже когда он молчит, а ты исповедуешься у него, он сострадает тебе, с болью молится за тебя. Вот это его состояние так тебя выворачивает всего. Всё из тебя разом выйдет дурное, выскочит. Даже если он ничего на это не скажет тебе, после этого,.. а больше ничего и не надо. Он так за тебя переживает! Так твоё имя произнесёт! Это совершенно неповторимо. Или скажет всего два слова добрым, идущим от сердца голосом, и... как на парусах летишь потом от него. Причём, у всех остаётся такое чувство, что кажется, он только его одного по-настоящему понял и полюбил. Проникся его бедами и скорбями. И поэтому его любит, тревожится о нём больше всех! Так душевно, индивидуально, внимательно, как никто другой, разбирается с ним. Даже не подозреваем мы при этом, что такое же убеждение поселилось во всех других побывавших у Батюшки. Вот какое ещё чудо имеется в отце Кирилле и изливается на всех приходящих и обращающихся к нему. Это — чудо искренней, неподдельной Любви!..

Ирина:

«Сила моя в немощи совершается».
(ап. Павел)

— За Бога порой надо и пострадать. Были такие времена, а они вполне и повториться могут. Помню, когда я ещё училась в школе, на Пасху шлагбаум поставили по улице: загородили проход к церкви. До церкви семь километров. Мы, дети, через овраги, лесополосы, болота шли на ночную службу. Нас всех записали, и потом в школе, заставили лечь на пол пластом, тех, кто был в церкви. А кто не был — стали пинать нас ногами и пинали нас наши же соученики со смехом и радостью. Терпели мы издевательства спокойно, даже с радостью, без всякого зла. Помню, при Хрущёве, как церковь в селе нашем разрушили.

Было время, били Библией по голове, а благодать у нас на душе сияла от радости от тех ударов. Казалось, солнце не на небе, а возле тебя, всё терпели за Господа. С работы выгоня-

ли из-за поездок на святые места, лишали многого. Евангелие было трудно достать.

Однажды ехала в город игуменья мимо нашего дома. Я ей пожаловалась, что не имею Евангелия. Она ответила, что если только сильно желать, то и в мусоре найдёшь. Так оно и получилось. Нашла я Евангелие у партийщиков буквально в корзине для мусора. Спросила разрешения и взяла себе. Когда та игуменья назад ехала, у меня в руках уже было Евангелие.

Там, где я жила, воспитывал нас Глинский старец, Царствие ему небесное. Он тридцать лет в монастыре провёл. Когда Глинскую Пустынь Хрущёв разорил, старец нас благословил поближе к Лавре, в Загорск тогдашний, переехать, и сказал: «Пусть будет твоим духовным отцом архимандрит Кирилл».

Со временем мы переехали туда. Поначалу никого не знали Как-то, смотрю, идёт отец Кирилл, я к нему:

— Батюшка, возьмите нас в свои духовные чада.

Он махнул головой («Хорошо»). Так мы к Батюшке и начали ходить.

Первое впечатление было такое. Пришла я на исповедь, у меня вопрос возник. Думаю: «Сейчас у Батюшки спрошу, как мне поступить. Так или по-другому в этом деле».

А он сам меня вдруг спрашивает:

— Ты сегодня Евангелие читала?

— Батюшка, нет, — удивлённо ответила я.

Не успела. Много и долго до этого работала. Пришла к четырём часам утра, к самому началу исповеди. Он строго посмотрел на меня и говорит:

— Вот ты иди домой, почитай Евангелие, и весь вопрос у тебя разрешится. И всё тебе сразу станет ясно.

Взяла я благословение и ушла. Почитала Евангелие, и до вечера у меня весь вопрос решился.

Пришла после этого. Написала 20 вопросов Батюшке, спросила его:

— Батюшка, ответьте мне на мои вопросы. Где неправильно я поступила. Буду знать, что сделала не так, как надо.

Отец Кирилл посмотрел, что я написала, и сказал мне:

— Ты всё правильно сделала.

И напомнил:

— Читай Евангелие, когда трудность какая будет. Евангелие — это беседа с Богом.

И действительно, сколько ни читай Евангелие, оно всё новое и новое. Это целое, огромное, чистое море. Благодати Духа Святого в нём нет конца.

«Бога нашего мы должны любить прежде всего почувству своего долга, по чувству нашей зависимости от Него, потому что Бог — наш Творец. Он нас сотворил, Он даровал нам всё, что мы имеем. Наша жизнь и все окружающие нас предметы, которыми наша жизнь поддерживается, — всё это для нас ничто иное, как Божий дар. Мы обязаны Богу всякой струёй воздуха, которым дышим, всякой каплей воды, которую пьем, всяким куском хлеба, которым питаемся, — одним словом, всем, что имеем и что служит к нашей пользе. Мы обязаны Богу нашим здоровьем, всякой душевной радостью, всякой доброй мыслью, всяким благочестивым чувством и расположением, всяким благородным делом, всяким утешением, чувствуемым в несчастии, — словом, мы обязаны Богу совершенно всем. Бог есть любовь, наилучший Отец, источник всех благ».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Знает отец Кирилл и будущее про нас. Мечтала я с детства о монашестве. Батюшка других постригал в монашество, а мне сказал: «Тебе некогда будет с чётками стоять. Детей у тебя очень много будет. Да больных сколько, а строений-то сколько!.. Давай, трудись».

У Лавры очень много голубей пасётся. Все их подкармливают. Батюшка так радеет о всяком живом существе, и нас поучает, что птиц кормить надо только белым хлебом, а серый

проедает у них желудок. Вот куда простирается его забота, и за пределы Лавры, и не только о человеке.

Отец Кирилл часто напоминает, что из церкви или монастыря ничего брать нельзя. Никакой даже не нужной никому вещицы. Одна женщина забыла про этот запрет. Не послушалась. Позарилась на остатки от праздничной трапезы приезжавших на их приход важных лиц. Взяла немного рыбьей икры и понесла своим внучатам, хотела порадовать их. Вместо похвалы она услышала противоположное. Внуки сразу закричали: «Бабуска своловала иклу из целкви. Нельзя оттуда блать, глех, глех!». Все смеялись. А смех то — горький. Дети, чистые создания, напомнили всем, что надо жить по совести. Они даже не дотронулись до принесённого деликатеса. Икра-то та, после этого, никому в горло не полезла. Отдали её нуждающимся, а себе строгий урок получили. До сих пор там все помнят: из церкви кто берёт — это огонь обжигающий. Всё вокруг сжигает и опаляет — так учит нас отец Кирилл.

Одна женщина ночевала у нас и всю ночь переписывала целую тетрадь грехов, и я тоже сидела с ней и переписывала себе список грехов с её списка. Когда пошла к Батюшке, он взял, прочитал несколько переписанных мною грехов, и спросил:

— А ты знаешь, что это за грехи?

— Не знаю.

Батюшка разорвал мой список и строго сказал:

— Чтобы я не видел, что ты у кого чего переписываешь. Исповедывай то, что тебя укоряет, именно твою совесть.

В паломнической поездке один молодой священник на исповеди назначил мне поклоны.

— За мои грехи или близких? — спросила я его.

Он многозначительно ответил:

— Мир гибнет, тебе надо молиться.

Когда я приехала и рассказала отцу Кириллу об этом, он сказал:

— Без меня нигде ничего не принимай, а то запутаешься.

Как-то пришла я к отцу Кириллу на исповедь. Вошла, сама же не об исповеди думаю, а о том, когда Марфа приедет? Он отошёл от меня, и дверь плотнее закрыл, а форточку открыл. Вижу в окно, мимо проходят два служащих монастыря. Первый другому кричит: «Когда Марфа приедет?» Второй отвечает: «Через неделю выедет и через две недели будет». Постояла немножко я, поклонилась смущённо Батюшке и, ничего не сказав ему, вышла. Подумала: «Ответ я получила через тех двух работников. К исповеди же не готова. И в таком состоянии пришла! Кого я захотела обмануть? Он же всё видит насквозь!». И, правда, точно так и случилось, как сказал мне Батюшка устами тех работников. Главное же, я запомнила урок о том, что нельзя смешивать мирское с духовным. Нельзя в суете приходить на исповедь или на службу, думая в это время о другом.

Перед Успением Божьей Матери я пошла к Батюшке, и говорю:

— Тревожусь за Наталью. Что-то её всё нет. Благословите пойти на почту и позвонить, чтобы приехала.

— Не ходи и не звони по телефону, а позвони по духовному «телеграфу». Помолись, и она приедет, — ответил он мне.

Помолились. И сразу же получила телеграмму, что она едет.

Отец Кирилл заранее всё знает. Начну говорить о чём на исповеди, а он иногда продолжает. Как будто я ему заранее об этом говорила.

Пошла я раз к Батюшке за благословением, чтобы побыстрей лететь самолётом в один город. Батюшка не благословил: «Потом», — сказал. После, немного времени прошло, и я всё же не утерпела, полетела без благословения. Еле билет купила, с большим трудом. Два салона в самолёте были заняты отслужившими солдатами. Они были пьяными, дебоширили. При полёте что-то случилось с самолётом. Объявили, что дела наши плохи, но не пугайтесь. Мы над морем летим. Как посмотрела я вниз, из окна самолёта, мне стало безумно страшно. Рядом со мной сидел один солдат. Он был не православный, мусульманин. Это ещё больше напугало меня. Да и все перепугались. Взялась я читать акафисты Божьей Матери и святителю Николаю. Молодой мусульманин говорит мне:

— Не видел два года родителей. Неужели не увижу их совсем?

И просит меня:

— Бабушка, дайте мне что-нибудь помолиться вашему Богу.

Дала я ему книжечку с молитвами. Он с жадностью тоже стал читать. Когда мы закончили читать молитвы, сразу же объявили, что наладилось всё у самолёта. Слава Богу! А вот дела свои не решила. Напрасно ездила и время и деньги потеряла. Еле живой осталась. Вот, как не слушать духовного отца!..

Прошло время и отец Кирилл благословил лететь по тому важному делу. Приехала я в аэропорт. Подошла за билетом.

Билетов нет. Вдруг кассирша с радостью зовёт меня обратно, кричит: «Женщина! Идите скорее. Есть один билет. Самолёт скоро вылетает!»

Как родная мать, всё объяснила, куда бежать, к кому обратиться. Место дали служебное, впереди. Не почувствовала, как и прилетела. Пронеслось всё, как одна минута, а лететь было четыре часа. И всё решила по приезду, сразу, без трудов.

Большие беды у нас за непослушание, и наоборот. Это непонятно было вначале, а потом уяснила для себя, что отец Кирилл для нас — закон, и нарушать его нельзя! Духовника надо внимательно слушать, и всё в точности исполнять.

Рассказывала мне женщина. Был сильный снег, много намело. Лопаты для уборки снега не оказалось. Пошла она к рабочим. Они чистили снег у церкви и уже заканчивали. Лопаты складывали в угол. Сочла она, что ничего плохого не делает. Подошла и просит у рабочих: «Дайте мне лопату, на несколько часов. Принесу вам обратно».

Дали ей лопату. Идёт с ней, а за ней идёт В.М., он был тогда начальником над рабочими. Что делать, куда деваться? Остановиться? Признаться? А вдруг подведёт рабочих? Состояние её никудышное. Совесть замучила, жжёт, хоть в землю провались. Лучше бы тысячу дала и купила себе лопату. Тут и сердце защемило, заболело. Шёл начальник за ней до самого выхода из церковной ограды. Нет сил, какой срам и стыд. Ну, и чего? А ничего! Ничего она не смогла делать. Еле до дома дошла и от переживаний тех слегла. Какой там снег чистить? Едва оклемалась. Сразу бегом с той лопатой в храм. Отдала лопату обратно. От греха подальше. Недаром говорят, и я ей передавала слова Батюшки на этот счёт, что из церкви нитки и бумажки, клочка, ничего брать нельзя. Сколько раз об этом отец Кирилл говорит, а мы всё своё. «Ничего, мол, я малость, немного. Оно там и не нужно... Может и не нужно, а ты — не бери! И всё тут. Вот принести что нужное, это мы «забываем», а взять порой не забудем.

Как-то в выходной день стала искать себе причину не идти в Лавру. Особенно на Вечерню всё повод искала. Нашла, не пошла. На второй день снова «трудности» всякие нашлись. По протоптанной дорожке-то легче к греху бежать! Батюшка заметил это. Стал молиться за меня, и меня как магнитом потянуло к нему. Пришла, исповедалась. Он обличил меня и в других слабостях. Помолились вместе, и у меня кончились хандра и отговорки. Появились снова дерзновение и лёгкость в благом направлении.

***«Дорогие братия и сестры, живущие в мире, вы должны твердо верить, что житейские заботы и попечения не могут послужить преградой к достижению спасения, если мы всем сердцем будем стремиться к нему и на каждом шагу своей жизни искать его, по заповеди Спасителя:* Ищите прежде Царствия Божий и правды Его, и сия вся приложатся вам»** *(Мф. 6, 33).*

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Появился молоденький семинарист, по жизни почти сиротка.

— Бери, — говорит мне отец Кирилл. — Опекай. Будущий монах, за тебя будет молиться.

Тот семинарист слёг в изолятор.

— Беги, подопечный твой заболел, — понуждает меня отец Кирилл.

Через некоторое время Батюшка опять меня вызывает и говорит:

— Семинаристу нашему по состоянию здоровья отпуск дают. Ехать ему некуда, так что и ты езжай к себе на родину. Отпуск бери и его с собой. Только пусть облачение не снимает ни в дороге, ни в доме.

Послушала Батюшку, а сама в себе думаю: «То место, где я работаю, мне нравится. Всё там так красиво сделала, цветов

много насажала. Подремонтировала кое-где. Зачем мне ехать? Другого кого сюда назначат, а меня отсюда попросят». К тому же у нас в деревне не очень-то воцерковленные были люди. Теперь и храм построили, и почти все в него ходят, а тогда, в семидесятые годы, был храм разрушен. Размышляю в себе: «И я ещё не совсем старая, да с молодым монахом домой приехала... Не поймут, в чём дело». Явно, что это мне враг всё внушал. Отговорилась я какой-то причиной. Тот семинарист куда-то в другое место поехал один.

Ещё до того, как он возвратился, чего я так опасалась, из-за чего не поехала с ним и произошло: меня с того хорошего места убрали. Вот и рухнули мои все расчёты, из-за которых я не послушалась отца Кирилла.

Уговорила меня одна женщина попросить отца Кирилла помолиться. Не получается у неё с пропиской:

— Наотрез отказали.

Ей отец Кирилл дал совет:

— Иди к преподобному Сергию, проси его.

Пошла. После этого пошла снова в милицию. Отвечает ей паспортистка:

— Приходите через три дня, посмотрим.

Она в слезах благодарности опять бежит к мощам Преподобного.

На третий раз ответили ей:

— Ладно, давайте документы и приходите через день за паспортом с пропиской.

Папа мой зайдёт к Батюшке, тот обнимет его: «Труженичеты наш». Стою у дверей, дрожу, думаю, сейчас отец Кирилл все мои «секреты» выдаст папе, ох и попадёт мне. Нет, Батюшка никогда не выдавал никого. Даже в шутливой форме. Исповедь — дело серьёзное и тонкое. С этим «шутить», легкомысленно поступать нельзя. Рана от этого будет глубокая, а порой и незаживающая во всю жизнь.

Строго держал нас отец Кирилл. Но не всегда мы слушались.

Истинно преданы Богу старцы, любо жить с ними рядом. С ними всегда под присмотром мы были, как дети за отцами. Теперь Батюшка заболел, и нам трудно стоять, на всё отговорки появились. Без присмотра теперь мы. Нет теперь таких батюшек.

Бывало, пойду к отцу Кириллу, пожалуюсь на начальство, что меня ругают. Батюшка так красиво улыбнётся, погладит по голове и вздохнёт о моём непонимании.

Содержались тогда мы в строгости. Идя на службу, не вкушали никакой еды. Только после поздней службы ели. Вечером тоже после вечерней службы ничего не вкушали. Побольше бы таких батюшек, соблюдающих пасомых.

Теперь пост упрощаем. Праздники не чтим, работаем, и всё впустую. Радости никакой. Господь благодать нам даёт, но мы её не берём. Рассказывают:

— Господь послал апостола Петра на землю: «Иди, раздай благодать в церковный Праздник». Он пошёл в церковь, а там мало народа. В основном все вовне, заняты своими делами. Одни строят дома, другие стирают, третьи на поле работают, все хлопочут о земном в Праздник. Апостол горько вздохнул и вернул благодать обратно на Небо — некому её здесь раздавать.

Однажды в три часа ночи сплю и слышу голос Батюшкин: «Открывай дверь, приехала Н.». Нежась, думаю: «Три часа ночи. Никто не должен приезжать». А и правда, звонок звонит. Выхожу на улицу, точно, Н. с Москвы приехала, Говорит мне сразу, у порога:

— Знаешь, пришла с Вечерни. Легла спать. В 12 часу голос Батюшки: «Вези свитера, что вязала для Афона. Уезжают, ждут срочно». Позвонила я знакомым. Они довезли меня до Сергиева Посада.

Она быстро сунула мне в руки большую сумку, наскоро сказала:

— Держи, я побежала. Люди ждут, обратно ехать

И что же вы думаете? Бегу в Лавру, в такое-то время! Только захожу на проходную, а там отец Кирилл. Ждёт, волнуется, поторапливает:

— Давай быстрее, автобус уже отходит.

Посмотрела, а в автобус уже садятся монахи на Афон.

Представляете, какое чудо! Как Батюшка нас растолкал, лежебок? Он, видимо, и в это время молится за всех.

Много всего было, очень много.

Отец Кирилл как-то говорит:

— Ты строитель. Много детей у тебя будет.

Думаю: «Как «будет»?.. Я уже немолодая, одинокая. Тех детей, что у меня есть, совсем немного...».

А оно так и получилось, что вверил Батюшка мне много детей чужих в свои.

— Воздвигай гимназию. Детей надо учить, поднимать будущее поколение.

От такого благословения я так расстроилась, что сразу домой не пошла после службы, а в сторону источника свт. Николая. Молилась Богу, что с меня выйдет? Испугалась поначалу. Что ж, надо было начинать, и дальше пошло: дом странноприимный, храм Марии Магдалины в больнице, гимназия. А там как Воля Божья будет.

Приду, бывало, к Батюшке с жалобой, что болит голова или рука, а он мне в ответ: «И у меня болит». И всё перестаёт болеть от его слов. Когда смотришь, что у него толпа людей всегда с утра и до вечера, то становится стыдно за свои жалобы.

Четыре года добивались мы, чтобы открыли в больнице храм. Не получалось. К Рождеству отец Кирилл поздравил меня иконкой Марии Магдалины из Иерусалима. И вскоре разрешили нам. Открыли мы церковку и именно в честь Марии Магдалины, в диспансере. Преподобномученица Елизавета Федоровна ещё больницу и храм при ней построила, когда

мужа её Сергия убили. Госпиталь, чтобы лечились больные во время Первой мировой войны. И смотрите, сколько лет прошло, а сохранилась эта больница, теперь и храм при ней есть. Великая княгиня очень любила преподобного Сергия Радонежского. Мужа звали же Сергием, в честь Преподобного, вот она с любовью и сделала для людей. Врачи — добрые, верующие. В каждом кабинете иконки и у главврача. Молебны отслуживаются. Отец Кирилл всегда интересовался, покровительствовал нашим трудам.

По его молитвам и православную гимназию сделали. Очень тяжело с ней было. Дали нам детский садик разбитый. Там свалка была... Расстроилась я. Скоро должны были ученики учиться, а ничего нет. Переживала, жаловалась:

— Батюшка, мне так тяжело стройки начинать.

А он говорит:

— Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

Господь нам помог. Собрались родители, дети, начали расчищать. Привезли по благотворительности одежду, приодели, приобули детей. У нас быстро всё хорошо получилось. Теперь гимназия процветает. Детишки учатся. Всё, слава Богу! С Батюшкой всегда всё ладится.

В другой раз отец Кирилл благословил меня на новое трудное дело:

— Строй странноприимный дом. Странников принимай. Всех бери. Люди в Лавру приезжают. Надо, чтобы люди больше Богу молились да детей к любви Божьей приучали.

Помолись, и Бог тебе поможет.

Когда Батюшка сказал, что надо строить, я заартачилась, мол, тяжело. Он немного приподнялся и мягко так попросил:

— Ты ж строитель, давай строй.

В недоумении я. Никогда не училась на строителя:

— Как, Батюшка, не знаю!

— Начинай, Бог поможет.

— То место, сказали, продаётся аж на аукционе по Московской области. Не знаю, как и подступиться. Там знаете, что творится?..

— А ты помолись и верь, верь! Господь даст.

Действительно, выиграли мы на аукционе это место. Но когда пошла за проектом, мне говорят:

— Надо его восстановить так, как было.

В исполкоме женщина и говорит:

— Это бывший странноприимный дом. Вы должны его также восстановить.

Представляете?!.. Как всё совпало! Откуда это Батюшка про это узнал? Ясно, «откуда». Оттуда! От Бога!..

Ничего я не заканчивала строительного, а пришлось строить. Отец Кирилл меня успокаивал. Говорил, что лёгкого ничего не бывает. Нужно всё трудом добывать. Трудись и трудись, Бог тебе будет помогать.

— Батюшка, что же это такое? Опять надо новую стройку начинать?

— Только в трудности есть спасение. Через тучу надо проходить. Если тучи будешь бояться, то не перейдёшь на «тот берег». Через преодоление — есть спасение.

И вот, слава Богу! Сейчас у нас всё отстроено, и тоже принимаются люди, как в прежние времена. Много здесь людей перебывало. Много и детей в этом доме родилось.

Как-то приехала издалека, из Киева, мать с сыном, просится на ночлег. Сына хочет в Лавре оставить, а жить негде.

— Возьми, — уговаривает.

Бегу к Батюшке:

— Как быть?

— Пусти, бери.

Оставила их, мать и Серёжу (Писанюк), поначалу он невысоким был, потом как вымахал! Большущий стал. Мать уехала в Дивеево, а он остался. Людей любит. Всем помогает. Кому обувь завяжет, кому пальто застегнёт, а уж дрова

рубить с охотой бежит. Печку топит. Живём спокойно, хорошо. Вдруг повестка ему в армию. Сообщили матери, она тут же приехала. Он на Вечерне в это время был. После вечерни обстригли его.

На утро сходил на службу, причастился. На первый автобус опоздал. Пока искал, и на второй опоздал. «Не переживайте, — кричит ему начальник в военной форме. — Скоро ещё автобус приедет».

Подбежал ещё один семинарист, тоже причащался. Есть на свете Бог! Начальник сообщил им: «В первом уехали одни хулиганы, во втором автобусе одни тюремщики. А вы, два Божьих парня, одни поедете».

Уехали. Мать плачет, рыдает: «Серёжа!» Не знаю, как её успокоить. Видно, через меня Батюшка действовал. Говорю ей: «Не плачь! Господь всё видит и слышит. Сына тебе вернёт. Выгонят сами его. Сейчас верующих гонят, чтобы и других они к Богу не привели. Через месяц точно приедет, не плачь».

Она на меня глаза вытаращила, спрашивает:

— Как это? Такое не бывает!

— Всё бывает! Пойду к Батюшке, отцу Кириллу, попрошу. Он помолится.

Мать успокоилась, говорит:

— Если его вернут, то я тебя в воздух подниму. На руках своих.

Прошёл месяц. Пришла в Лавру. Захожу в Трапезный храм на службу — в притворе стоит Серёжа. Глазам своим не верю. Спрашиваю:

— Серёжа, как ты сюда попал?

— Выгнали, — отвечает.

— За что?

— Вначале сказали: «Молчи про Бога». Потом изолировали одного в комнате, а потом и вовсе выгнали. Сказали: «Уходи отсюда. Ты здесь всех к Богу приведёшь, а нам солдаты нужны. Не раздумывающие».

Пошли мы преподобного Сергия благодарить, к его мощам.

Только я приложилась, поблагодарила, выхожу, стою у выхода. Вдруг меня кто-то сзади приподнимает и кидает вверх. Как я не закричала?!.. Не знаю. Как не умерла от страха? Оказывается, это его, Серёжи мать, Варвара, пообещала же. Вот и выполнила. Подбросила меня вверх.

Бегу к отцу Кириллу:

— Батюшка! Одни приключения у меня.

А он в ответ мне:

— Подожди, ещё не конец.

Серёжа вскоре принял монашество. Жить стал в Лавре. Вскоре стал иеродиаконом Алексием. Недолго только он прослужил. Забрал к Себе Господь чистого ангела.

Сколько он бездомных, замёрзших, погибших схоронил!.. А как он мать Христину хоронил!.. Она в трапезной работала. Его часто в поездки посылали, и она ему в дорогу поесть чего всегда приготавливала. Когда её хоронили, такой мороз крепкий стоял! Я стояла окаменевшая от холода. Мороз — колючий, сильный, а он в одной безрукавке. Для удобства. Земля-то, как камень. Ломом приходилось долбить. От него пар идёт. Он весь мокрый, а долбит – долбит... по крошке. Один. Мороз! Мы дрожим, стоим, а он в одной маечке... Выкопал. Засыпал. Захоронил. Всё, как положено, сделал. Без скидок на мороз, на то, что одному по сути это не по силам... Любили все его. Он был — очень добрый и отзывчивый.

Молюсь за него, а однажды на Вечерне не помолилась. И мне

снится наш иеродиакон Алексий, в белом облачении. Вышел с левого выхода из Алтаря, и во весь голос, на весь храм кричит: «Почему ты сегодня за меня не помолилась?» Мне так неловко стало перед всеми. После этого никогда не пропускаю помолиться о нём.

Был и такой случай. Приехала женщина с маленькой девочкой, и моя маленькая была. Желая порадовать гостей, отрезала я и дала детям по дольке колбасы, забыв, что постный день. И что же? Как только я вошла к отцу Кириллу на исповедь, он мне строго сказал: «Чтобы этого никогда не повторялось! Умри, но не давай». Только после этого он меня поисповедовал, но к причастию не допустил.

Тогда мне показалось, что иконы немного отвёрнуты от меня в сторону. Так стыдно стало! Перед Господом, перед святыми. Боялась на лики их взглянуть. Так, опустив голову, всю службу и простояла. Сам Господь, Божья Матерь и святые меня укоряли. Они же живые! Всё видят! Если ты молишься, а пришёл на службу наевшись, или как я, перед детьми согрешившая. Не подготовилась внутренне, духовно, то никакая молитва от тебя не пойдёт, и до тебя благодать Божья не дойдёт. Святые — они же живые, дышат. Если ты беседуешь с ними, то ты просишь их живого отклика на твои мольбы. Полностью должен быть человек подготовлен, соответствовать этому. Чрево не должно быть обременено пищей, голова свободная от других мыслей, забот, светлая.

В советские годы, при правлении коммунистов, гонении на верующих какая твёрдость была в людях!.. Помню одну женщину, врача. Она много трудных операций сделала. Как-то привезли ей одну пациентку. Она ей, ещё в советское, атеистическое время сказала: «Ты слепая с детства. У тебя тяжёлое заболевание, но я тебе постараюсь помочь. Только одно условие. Знаешь «Отче наш»?

Та ответила:

— Не знаю.

— А «Богородица Дево, радуйся»?

— Не знаю.

Врач строго посмотрела на пациентку и поставила твёрдое условие:

— Я тебе операцию делать не буду. Дам тебе денег доехать до дома. Поедешь домой. Научишься молитвам «Отче наш», «Богородице», Символ веры, поисповедуешься, причастишься, и тогда приедешь на операцию.

Та послушалась. Всё сделала. Легла на операцию. Операция прошла блестяще и она впервые увидела окружающее.

Вот что Бог делает! Помогает тем, кто с Ним. Без Него — ничего не получится. **«Без Мене не можете делать ничесоже».** Читаем в Евангелии, но не исполняем.

Спрашиваю женщину, большую начальницу:

— Ты крещёная?

— Да.

— Крестик носишь?

— Нет.

— Молитвы, какие знаешь?

— Нет.

— А как же ты тогда ведёшь народ? Управляешь нами? Как ты даёшь направление на дела наши? Сама не зная, куда и как идти?

Она пожала плечами, и всё. Вряд ли что хорошее от этого получилось у неё. У таких и личная жизнь неудачно складывается, задубевших партийцев.

Другой пример, ободряющий. Приехала группа паломников в Лавру, на несколько дней. Видно сразу — истинные христиане, почти у всех на руках дети, рядом — несколько старших. Дедушки, бабушки пожилые. Живые семьи, ничего не скажешь. И на причастие идут. Любо было, нельзя было без слёз смотреть и на трёхлетнюю девочку. С каким благоговением она причащалась. Истинно — Божье дитя. Подходя к распятию, где сидела пожилая женщина, почти закрывшая подход к

Распятию, девочка обошла с трудом мимо неё и приложилась. Женщина чего-то ей грубо буркнула. Девочка насторожилась, разведя руками, потом трижды удивлённо проговорила: «Это наш Господь!». Истинная защитница Божья. Мы все радовались о такой ревности к Господу, да ещё в таком возрасте.

«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою *(Ин. 13, 35)*, ***— говорил Господь в последней, прощальной беседе ученикам Своим. И действительно, живое единение, взаимная любовь и общение всегда были самыми отличительными чертами христианской жизни в лучшие времена ее развития»*.**

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Никогда в отпуске не была. Никаких курортов и домов отдыха не видела, не знала, слава Богу! Одно дело закончу — отец Кирилл новым загружает. И так постоянно... Говорит при этом: «В труде и терпении зарабатывай себе вечное благоволение».

Поругалась я как-то перед праздником. Беда, причащаться надо, исповедоваться, а у меня в душе — каша из обиды. Мол, ни за что меня обидели. Пересилила я себя и пошла к отцу Кириллу. Жалуюсь ему. Посмотрел он на меня и сказал: «Иди домой. Успокойся, почитай Евангелие и приходи». Пошла, открываю, там сразу читаю, само открылось, где написано, что душа к совершенству очищается опалением, обжиганием, как золото, искушением. Прочитала и пришла снова к нему.

— Ну, поняла, сколько обид тебя ещё ждёт? Это всё надо для твоего же блага, укрепления. Иначе, что дальше будет — не выдержишь, — сказал Батюшка, исповедовал и благословил причаститься.

Отец мой до самой глубокой старости всей деревне помогал в строительстве. Батюшка очень его любил. Мама с детства на клиросе пела. Дедушка старостой церкви был. Вместе со священнослужителями его замучили в неизвестном месте и

бабушку на месте замучили. Все церкви разбили, разграбили безбожники. Остались детки сиротки, так и доглядывали старшие за маленькими. Помню, мамочка лампадки зажжёт, позовёт всех поклончики делать, честности учила. Бог всё видит!

Только после настойчивых уговоров, благословения отца Кирилла я поняла, что не бывает ничего напрасного. Всё приходит со временем, теперь ясно, почему я на стройках с детства мешалась да подсматривала, как что делают.

Деток много у нас, да ещё из детских домов. Вот и получается то, что сказал отец Кирилл о том, что детей много будет, так оно и вышло. Старость не чувствуется от этого послушания. Одна радость. Отец Кирилл очень любит детей.

Каждый год отец Кирилл служил на Пасху в Троицком храме ночную службу и бросал пасхальные яйца, а дети все стояли на службе впереди и ловили. Такая радость, пение и детский крик: «Христос Воскресе!».

Поехала я к отцу Кириллу в Переделкино. Иду с красивыми цветами от станции. Вдруг ко мне обращается какая-то женщина. Просит, чтобы я взяла от неё цветы. Букетик простых полевых ромашек. Соглашаюсь их взять. Иду, несу цветы. Смотрю, мои розы красивые, а те ромашки неказистые. Думаю, пройду немного и выброшу их. Но передумала. Решила оставить. Живое же. Передала все цветы для Батюшки, и те ромашки тоже. И что же вы думаете? Там ещё красивые букеты были от других людей. Но более чем через две недели я опять ездила туда. Смотрю, а на подоконнике Батюшкиной кельи стоят именно те ромашки. Не роскошные букеты роз, которых было много. Не мой, тоже представительный букет, а именно те ромашки, которые я собиралась выбросить. Келейницы мне сказали, что их сам отец Кирилл попросил оставить, поставить на видное место. И они более бодрые по виду, чем в то время, как я их получила.

Вот! Даже цветы чувствуют расположенность к ним и изо всех сил стараются быть свежими, красивыми. Жить и радо-

вать нашего дорогого, болящего Батюшку. Он выбрал изо всех видных букетов эти скромные, полевые цветы. Они изо всех сил старались его отблагодарить, подарить ему радость. Так же и с людьми. Отец Кирилл не отбирает себе людей богатых, влиятельных, знатных. Хотя к нему много таких ходило. Он больше любит людей простых. И они, именно такие люди более ему признательны, верны, отдавая ему ответную любовь свою.

Опубликованы проповеди отца Кирилла. Люди их читают, слушают их. Но невозможно передать, пересказать их живое действие, когда они произносились Батюшкой на службе. Это было особое, непередаваемое действие. Как он их говорит! И часто при этом ещё повторит: **«Живите по совести — вот ваша обязанность**. *Что на сердце тяготит — это грех. Любите Евангелие, пусть будет вашей настольной книгой. Молитесь Богу, Матери Божьей и всем святым. Это наша христианская обязанность»*.

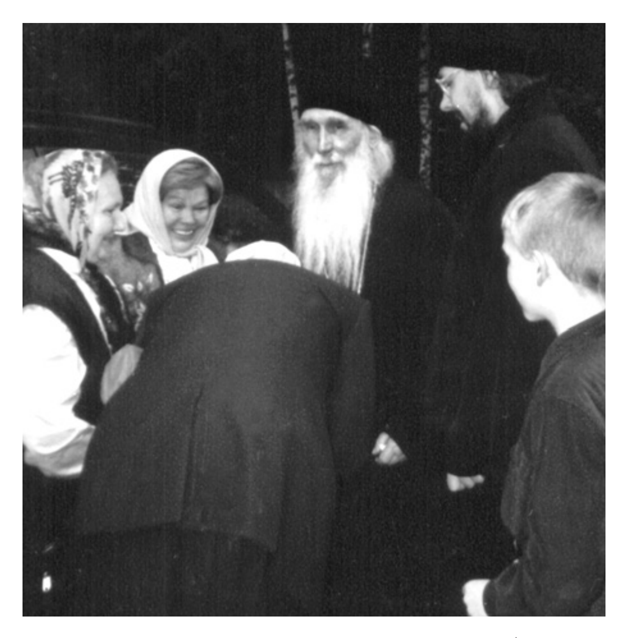
После службы все окружают Батюшку, прохода не дают. Все толпятся именно к нему, за его благословением. Долго ему приходилось добираться до кельи, а потом и там — поздравление братии, подарки, беседы, утешение....Он высокий, яркий светильник. Видит и горит светом Евангелия. Ответ на каждый вопрос он ищет и получает через него.

Батюшка наставляет нас, что надо всегда бодрствовать, молиться и трудиться. Тогда все благие дела будут совершаться.

Особенность отца Кирилла состоит в том, что он с одной стороны похож на других священников, и в то же время имеет свои, только ему присущие черты. Каждый ребёнок ищет свою мать. И мы вот уже много лет, как прилепились к нему и дышим всё это время его духом. Живём только этим.

Все батюшки добрые, внимательные. Все они очень хорошо относятся к нам, но волнующие нас вопросы и исповедь мы совершаем у отца Кирилла. Дело в том, что и врачам-то не каждому доверишься, не к каждому пойдёшь открывать свою болезнь, а тут недуги духовные!.. Отец Кирилл очень внимательный

врач. Скрупулёзно изучающий и излечивающий недуги. Он никогда не спешит, не торопит. Докапывается до глубоких причин болезни. До корней, которые образовались давно, много лет назад. Порой ещё в детстве. Отчего болезнь-то и выявилась. К другому священнику подойдёшь, а он формально, не докапываясь до основы, быстро скажет чего-нибудь, и всё. Зовёт уже следующего. Ему побыстрей надо. Он более самонадеян. Отец Кирилл же всегда начинает с молитвы. Только потом осторожно принимается за главный вопрос. Всё подробно расспросит и даст действенное верное лекарство.

У отца Кирилла строгий отеческий устав. Мне не нравится, к примеру, когда кто-то говорит, что если болен, то пост для него отменяется. Отец Кирилл по этому поводу мне говорил, что если годик исполняется ребёнку, даже ему в среду и пятницу нужно воздерживаться давать молоко.

Если отцу Кириллу принесут чего съестное, он и это тут же начинает раздавать другим. Фрукты, овощи, сладости... Ничего себе не оставляет. Вот такая выдержка, самоконтроль, самодисциплина. Это и нам не мешает иметь в строгости, если действительно хотим спастись. Батюшка говорит: *«Если будешь исполнять то, что тебе даёт духовник, то никогда не запутаешься»*. И действительно, когда в точности исполняешь то, о чём тебе говорит духовник, тогда у тебя всё идёт хорошо,

плавно. Без неприятностей и срывов. Хорошо, что отец Кирилл очень строгий, требовательный.

«Всякое благое дело без скорби не совершается».
(прп. Варсонофий Вел.)

В начале 90-х годов страшное время пришло. Всё без радости. Жизнь лукавая настала, Господь опять предан, снова в большинстве отреклись почти все от Него. Защиту нашли в лукавом законе потребления, а закон Божий отвергли и слушать не захотели. Богом же предупреждено, что будет, если не будем чтить Его, а мирское, тленное опять изберём.

У нас одна дорога — только по пути Божьему идти. Поэтому, когда нам другое проповедуют, не можем с этим смириться. Ленивы мы и слабохарактерны. Из нас выходит один грех, ропот, недоумения. Хочется, чтобы все наставлялись и укреплялись. Мы росли, когда молитвословы, акафисты от руки переписывали, ничего не было. Не было книг духовных, а теперь всего полно, но никто толком не читает, а лезут порой и проповедовать.

Пусть поучатся нынешние проповедники у малых детей, говоривших истину, если старцев отвергают. Сейчас только через старцев и детей маленьких Господь просвещает многих. Дети чистые, и от младенца глагол истинный. Малый старого вразумляет.

Первый мой, Глинский старец учил: «Человек может умереть не только от вина, но и от чрезмерного объедения, воды, сна.... Всё потреблять нужно умеренно. Придёт время тяжёлое, голодное. Поэтому мы должны приуготовляться к этому. Научиться мало есть, пить, спать. Света, газа, тепла тоже не будет. Приучитесь мало потреблять всё это, чтобы легче было перенести невзгоды. В одно утро проснётесь, а все магазины будут закрыты, и на дверях будет написано, что в связи с какими-то неполадками временно магазины закрыты, но

это обман. Всё будет закрыто, а в это время все продукты ночью вывезут, и тогда откроют пустые магазины. Оставшиеся продукты будут выдавать только тем, кто согласен на чип и печать. Начнутся гонения на истинных христиан, но Матерь Божья нас покроет и по молитвам Новомучеников будет нам защита. Тяжело будет, до войны дойдёт, взявшие число зверя омоются на этой войне кровью».

Когда я пересказала это отцу Кириллу, он согласился. Помолчал и негромко подтвердил:

— Да, время такое придёт.

И потом снова строго и твёрдо сказал:

— Каждый день надо быть на службе. Всякий раз, присутствуя при пении «Иже херувимы...», получаешь большую благодать. Человек, получивший такую благодать, если в этот день предстанет даже на Суд Божий, то к нему ангелы подойдут, а не бесы. А если не был на Литургии и благодати такой не получил, то при Суде подлетят бесы. Перепугаешься и не сможешь молиться. Пропадёшь, попадёшь не туда, куда надо. Важно не столько начало, как важен конец. Не рождение твоё, а смерть твоя. Как и с чем ты её встретишь. Потому важно быть в готовности всегда. Иметь, преумножать эту благодать.

Отец Кирилл сам несёт и нас научает строгости к себе. Он не даёт нам никаких послаблений. Ни в еде, ни во сне, ни во времяпровождении, посещении служб. Всё строго выверено. Оберегает нас от суеты, назидает: *«Если будете молиться и всё исполнять, как надо, то Господь будет Сам всё вам подавать»*.

Приехал о. А. к нам домой и говорит:

— Время приближается.

Испугалась я, пошла к отцу Кириллу. Говорю ему:

— Батюшка, о. А. сказал что всё, теперь плохо будет.

Батюшка поднял голову к небу, долго смотрел туда, потом сказал:

— Он ещё недосказал, что в домах будут совы и филины жить.

Смотрю на Батюшку, а он мне добавляет:

— Чего смотришь? Дети стёкла разобьют, никто там жить и не будет.

А ведь и вправду наступит когда-нибудь и такое время. Через наше охлаждение, отход от Церкви, а потому одичание и хаос наступит, как уже было после революции. Скоро, наверное, снова сами себя губить будем.

Привозили икону Божьей Матери из Чикаго. Вся она в крови. Нас помазывали от этой иконы. Батюшки сказали: «Страшное будет кровопролитие там, откуда эта икона». И правда, вскоре всё сбылось. Взорваны были небоскрёбы в Нью-Йорке. Страшный смерч и наводнение смыли, разрушили много домов с людьми. Во многих странах начались войны и массовые гонения на христиан.

Грядут времена тяжёлые и для нас, но Русь — это сталь непобедимая. Не зря её Матерь Божья полюбила. Даже природа это доказывает. Посмотрите хотя бы на ёлки. Верхушки их, как кресты в небо направлены и зимой и летом одним цветом, не меняя своего вида. Так и мы должны при любой ситуации свою веру держать. Не подпуская к себе врагов, другую веру. *Пусть помнят иноверные. Никогда им не победить Россию!*

Архимандрит Илия:

«Поминайте наставников ваших, которые проповедали вам слово Божие: подражайте вере их. Иисус Христос вчера и днесь, Тот же и во веки».
(Евр. 13, 7-8)

«Не может град укрытися верху горы стоя».
(Мф. 5, 14)

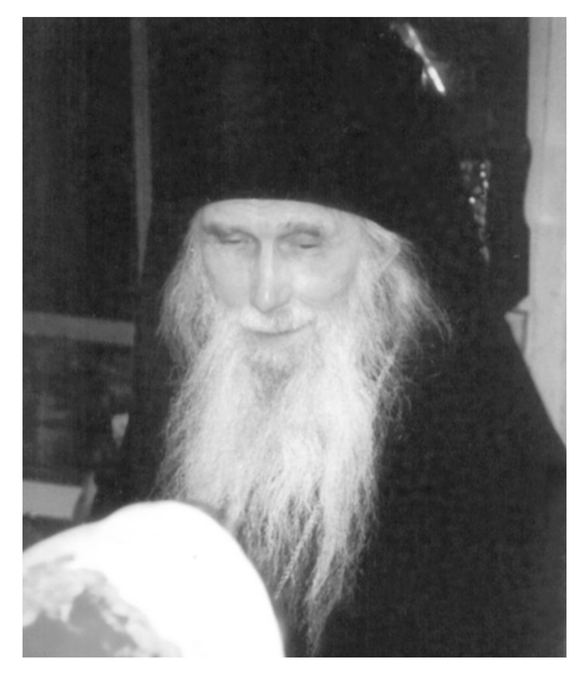
— Вся жизнь отца Кирилла это — пример!

Ещё в шестидесятых годах нас дисциплинировал во многом его действенный пример беззаветной самоотдачи монашеско-

му долгу и людям. Порой, после тяжёлых послушаний хочется понежиться, но мысль о том, что отец Кирилл более твоего устающий давно уже на ногах, поднимает тебя с постели, или со стула. Хочется побыстрей закончить послушание, пораньше уйти в келью, но ты видишь, что отец Кирилл не торопится, терпеливо, обстоятельно исполняет своё послушание, или после службы внимательно беседует, исповедует людей. Будет до 2-3 часов ночи стоять. Как тут убежишь в тепло и покой? Хочется вкусненького, соблазн появится, но вспомнишь, что отец Кирилл строго соблюдает посты, хотя он тяжко страдает от многих, тяжёлых, фронтовых болезней. Келейники жалуются, что он порой всю ночь катается от боли по полу, а утром показывает всем бодрый вид, что он «как огурчик». Как тут принять соблазн, искушение? И так во всём.

Как-то нам отец Кирилл говорил:

— Если положить на одну чашу язык наш, а на другую чашу все наши добрые дела. То даже если их много будет и все они будут богоугодны, всё равно греховный язык наших осуждений и злословий перетянет в ад.

Архимандрит Кирилл — живой опыт духовности. Пример несгибаемой, необыкновенной твёрдости во всём, что касается духовных основ веры и благочестия, чистоты, неприятия каких-либо отступлений от заповеданного и переданного нам святыми отцами, в том числе твёрдое неприятие экуменизма и

опасностей глобализма. Он и сейчас — русский солдат, сержант Павлов сражающегося Сталинграда. Люди ему верят, любят его.

Великодушие, вот что ещё отличает отца Кирилла. Он умеет оправдать, не замечать слабостей других. Вот кто действительно может не осуждать и не злорадствовать по поводу грехов окружающих, а покрывать их щедротами своей души. Более того, страдать о них, как о своих. Пламенно молиться, просить Бога и желать искоренения их. Он — истинный отец.

Не исполняем мы то, чему учил нас отец Кирилл. Не чтим мы Бога как должно. Не любим должным образом ближнего своего. Следовательно, не знаем Его по-существу, не близки Ему.

Нам предстоит создать, дать возможность, чтобы наш дорогой Батюшка, архимандрит Кирилл (Павлов) был понят и услышан в широких массах не только через опубликованные его проповеди, но и через непосредственные свидетельства людей окормляющихся у него. Оценён, как великий духовник. Действительно, — «Духовник всея Руси», как назвал его Патриарх Алексий II, сам окормлявшийся у него.

Наталья Дарыкина:

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ СОЛДАТА И ПАСТЫРЯ

Родился Иван Дмитриевич Павлов в Рязанской губернии. К 12 годам осиротел и подрастал в семье брата. С 1939 года стал солдатом. В очерке генерала-полковника А.И. Родимцева «Дом солдатской доблести» рассказано о том, как сержант Павлов с тремя бойцами захватил 4-х этажный дом на «нейтральной полосе» в центре Сталинграда. Как прислали ему подкрепление и как они начали обороняться от обступивших их врагов.

Подробно изложены первоначальные эпизоды с репликами и диалогами героев. Но вдруг живые картины обрываются

явно из-за недостатка настоящих свидетельств, из-за дефицита фактов. В огненном котле Сталинградской битвы, наверное, жизнь защитников этого Дома, их смерть и выживание остались без помощи и подкрепления. По какой причине генерал-полковник Родимцев А.И. не рассказал о финале этого героического противостояния? Вместо заключительных эпизодов даётся политическое обобщение. Тайна осталась тайной, как же совершилось это чудо.

Из истории Сталинградской битвы мы знаем, что этот дом мужественно держался с 27 сентября 1942 года до 2 февраля 1943 года. В течение 4-х месяцев под сжигающим огнём держались защитники. Одни погибали, и на их место пробирались другие. Генерал Родимцев называет лишь несколько фамилий, известных с самого начала этой операции. По историческим документам там побывали 24 бойца. Кто же из них уцелел? Какая сила спасла их? Народ передаёт из уст в уста, что защитником этого дома был Иван Дмитриевич Павлов.

Отец Кирилл (Павлов) — человек скромный. О себе, о своём мужестве по защите дома Павлова не говорит ни слова, отведя себе скромную роль одного из защитников Сталинграда. Причину победы в этой неравной борьбе он видит в помощи Божьей. Господь нужных людей посылает, даёт им опыт и мужество.

В проповедях он вспоминает страшную Отечественную войну, рассказывает о событиях, которые случились в жизни некоего молодого человека, хотя излагает факты собственной судьбы. Так,однажды пришла к нему женщина с ребёнком, чтобы старец благословил сына, дабы жил он в благочестии. Батюшка достал иконочку Божией Матери Иверской и благословил ребёнка, рассказал при этом историю другого мальчика. В детстве бабушка дала ему иконочку Иверской Божией Матери (она считается покровительницей отца Кирилла) и научила его молитве «Богородица Дева, радуйся...» Бабушка всегда просила носить иконочку на груди. Мальчик всегда носил её и читал молитву. Но бабушка умерла, молитву он постепен-

Сражение за Сталинград.

но забывал, правда, иконочку с груди не снимал. Представляю состояние матери с ребёночком, когда услышав этот рассказ, она поцеловала эту иконочку.

В начале Сталинградской битвы, Иван Павлов попал в плен, оказался в лагере смертников. Повели их на расстрел. И вдруг, перед глазами его встала, как живая, бабушка и говорит: «Молись Матери Божьей!» И он стал истово просить Богородицу. Увидел в небе Её и услышал голос, который ему подсказал трижды: «Отходи тихонько в сторону. Я с тобой. Не бойся». Словно в тумане он видит, как отдаляется от всех, а конвоиры с овчарками уже не сзади, а впереди. Так удалось сержанту Павлову чудесным образом спастись.

Никто не знал этого до тех пор, пока отец Кирилл не попал в больницу. Дело было в 60-е годы гонений на церковь. В приёмном покое его не хотят записывать, как священнослужителя и принимать запрещено. Один врач сжалился и спросил: «Ну, вы хотя бы на фронте были»? Старец признался, что он участник войны. Монахи монастыря подняли документы и узнали, что он прошёл всю войну от Сталинграда до Румынии, Австрии, Венгрии. После он охарактеризовал себя и других пришедших в монастырь: «Все мы, кто там тогда был, с фронта, как я, кто с угольных шахт, были испытанные жизнью...»

Кирилл в переводе означает «солнце». Проповедь старца о прощении обид завершается словами, которые полезны всем. **«Кто преследует гневом и мщением других, не заслуживает ли сам отмщения и гнева Божия? Нет милости не сотворившему милости».** Нам это нужно помнить и исполнять. ***«Не будьте побеждены злом, но побеждайте зло добром, тогда Господь помилует вас не только в этом веке, но и в будущей жизни. Ибо только милостивые помилованы будут»,*** — учат нас и апостолы.

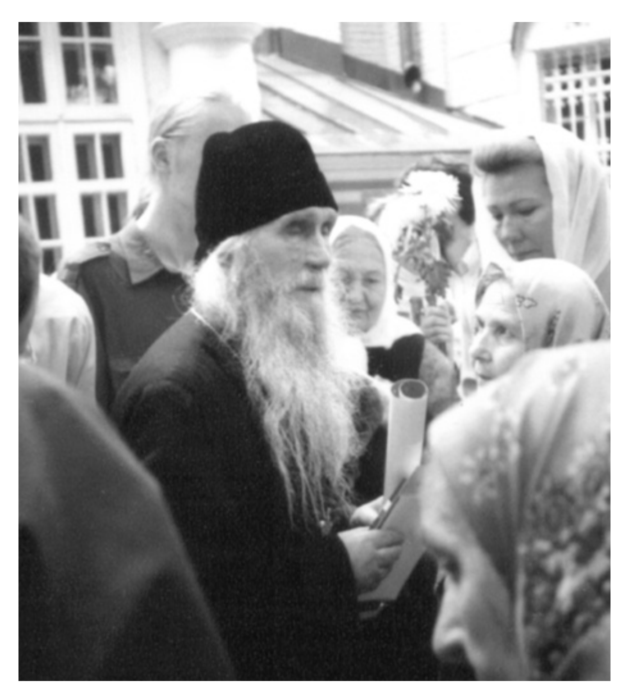
Более 60 лет назад, 21 апреля 1946 года, после 26 лет в обители Преподобного Сергия в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре в Пасхальную ночь вновь зазвонили колокола. Именно с 1946 года начался духовный путь демобилизованного воина Ивана Дмитриевича Павлова, участника Сталинградской битвы, защитника Дома сержанта Павлова.

Отец Кирилл был духовником не только в Троице-Сергиевой Лавре, но и последних лет жизни Патриарха Алексия I. В течение 20 лет был духовником Патриарха Пимена. Он же являлся духовником и Патриарха Алексия второго.

С раннего утра он исповедовал прихожан. Найти дорогу мне помог белобородый монах. Пока шли к проходной, он охладил мой пыл:

— Много грешников сюда приезжает к нему, но иным путь сюда заказан — не могут пройти. Господь не позволяет.

И всё-таки во мне теплилась надежда. В крошечной келье-исповедальне с 7 утра после общей исповеди ждут свидания с Батюшкой приезжие со всех концов страны. Там очень тесно и душно. Для них исповедь стала необходимой, как дневной свет. Это монахини, женщины с детьми, девушки с отрешёнными глазами, молодые люди студенческого возраста. Изредка открывалась заветная дверь, и показывался молодой келейник Батюшки. Жестом или взглядом он приглашал к старцу.

В 12 часов отец Кирилл вышел усталый из комнатки-посылочной. К нему поспешили женщины с детьми. Он положил руку на головку одного ребёнка, спросил его имя и повторил весёлым голосом: «Коленька», и весь просиял. Мама другого мальчика сказала, что её сын не видит на один глаз. С братиком играя, повредил. Отец Кирилл коснулся глаза, прочитал беззвучно молитву и вышел.

По возвращении он пригласил маму с тем мальчиком первыми. Некоторые женщины благоговейно касались одежды отца Кирилла. После исповеди, на улице я обратилась к Батюшке за разрешением написать о нём. Он в недоумении развёл руками. Что-то детское и беззащитное было в движении его лёгких прозрачных кистей рук.

— Не время, — сказал старец в смущении.

Архимандрит Кирилл парадных интервью никому не даёт. Это ему не нужно. Ни о мирской, ни о какой другой славе он не печётся. Старец посвятил свою душу Богу и молится за весь православный мир.

Отец Кирилл пошёл к братским корпусам, в одном из которых, на втором этаже расположена его келья в два оконца. Под холодным резким ветром невесомая фигурка старца прогнулась как парус и, грезилось, что он сейчас улетит.

Некоторое время спустя, в окружении братии, он прошёл в трапезную, а вернулся с кусочками белого хлеба — покормить птиц. С двух до пяти, вместо отдыха, он продолжал исповедь. А потом началась Всенощная служба до глубокого вечера.

На исповедь к истинному старцу за словом утешения приходят митрополиты и епископы, весь монашествующий и иноческий чин, студенты духовных школ. Не только России, но и из множества стран приезжают к русскому старцу, желая получить душевное и физическое исцеление.

В Лавру приехала в прошлом артистка оперно-симфонического оркестра, виолончелистка. Она страдала сердечными приступами. «Скорая» приезжала к ней чуть ли не ежедневно. Молодая женщина приехала к отцу Кириллу с кислородной подушкой и мешком лекарств. В кармане она держала листок с адресом, куда сообщить, если она умрёт по дороге. Отцу Кириллу она сказала, что верит в то, что у неё духовное заболевание. По учению святых отцов, больное сердце — это страсти. Отец Кирилл накрыл епитрахилью голову исповедующейся и сказал:

— Если веришь, что у тебя заболевание духовное, то будем лечиться духовно.

После этого старец потребовал, чтобы она выбросила мешок своих лекарств.

— Вы что?! — возмутилась дама. — Я сразу умру!

— Не умрёте, — спокойно возразил ей отец Кирилл.

Долго она возмущалась, не соглашалась. Всё же пересилила себя и выбросила все привезённые с собой лекарства. После этого отец Кирилл продолжил «лечение»:

— Мяса никакого не ешь — это нагрузка на сердце. Кроме того, мясо — это тоже страсти, а нужно учиться — полному безстрастию. Пост, молитва, частая исповедь, причастие Святых Христовых Тайн. Ходить на исповедь только ко мне, — таково было заключение отца Кирилла.

Через год и восемь месяцев врачи сказали той артистке, что можно считать, что сердце у неё — здорового чело-

века. После этого она изменила всю свою жизнь. Закончила Санкт-Петербургскую духовную Академию, регентское отделение и посвятила свою жизнь служению Богу. Не пропускает ни одного молебна, ни одной утренней и вечерней службы. Надо видеть её лицо! Глаза льют свет доброты и понимания. В общении с ней у всякого тает в душе жестокосердие, пропадает отчаяние. Своим преображением эта женщина обязана своему духовнику. Она призывает и рассказывает всем, что отец Кирилл проповедует в основном о любви и прощении. И этому нам надо следовать неукоснительно.

Каков этот старец, можно судить о послушании, которое дано ему от Господа: Создавать истинный духовный храм Богу, куда входят не камни безчувственные, а души людей, сияющие чистотой, целомудрием, незлобием, святостью. Ибо Господь говорит**: «Царствие Божье внутри вас есть»** и ценит душу выше и больше целого мира. Как это ответственно и свято. Какая должна быть глубина смирения и чистота сердца. Как нужно любить Бога, какою нужно обладать любовью, чтобы вместить всех в своё сердце. Святость старца заключается в любви.

22 июня 1993 года в день Ангела при постриге архимандрита Кирилла, отмечали его 75-летие и 40-летие после окончания духовной Академии. Собрались священники его выпуска, сокурсники. В день торжества он служил Литургию и причащал. У себя в келье раздавал подарки. Священники благодарили Господа, что даровал всем такого ходатая пред Господом за нас, грешных. В ответ на это отец Кирилл сказал такие слова: «Не достоин, не достоин, не достоин... Молиться я не умею. Душа отягчена грехами. Не вы, а скорее я вас должен благодарить. Сколько раз я был на пороге смерти, и вы вымаливали меня. И это истинно так. Я нуждаюсь, всех вас прошу — не забывайте меня в ваших святых молитвах. Любите друг друга. Облекитесь в любовь. Мы знаем из священного Писания: **«Если я говорю языком человеческим и ангельским, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий... Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносит-**

ся, не гордится, не безчинствует, не ищет своего, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит… Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют её. Если бы кто давал все богатства дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением»…

В праздник святителя Николая чудотворца при служении на подворье Свято-Успенского Пюхтицкого женского монастыря отец Кирилл после службы беседовал с прихожанами... Утверждал всех в смирении, терпении, любви друг к другу. Имея всё это, можно тогда идти в монастырь.

«Комсомольская правда»,
14 апреля 1996 г.

Лидия Извекова:

В декабре 1996 года архимандрит Кирилл благословил меня съездить на родину в село Троекурово Лебедянского района Липецкой области и разыскать у местных жителей две чудотворные иконы Божьей Матери «Владимирская» из разрушенного и закрытого в 1929 году Илларионовского монастыря. Поехала я туда со своей родственницей Марией. Разыскали мы обе чудотворные иконы у местных жителей. Одна икона Божьей Матери «Владимирская Троекуровская» находилась у Александры. Эту икону взяла её мать из монастыря, когда его разоряли, и принесла домой. Очень просила я, но Александра не согласилась передать икону возрождающемуся монастырю. Вернулась я в Москву и рассказала всё отцу Кириллу. Батюшка меня снова благословил поехать туда и выкупить у владельцев чудотворные иконы, но они и на это не согласились. Тогда я поехала к благочинному округа. Он меня поддержал, но они и ему отказали. Всё же иконы вернулись в монастырь, куда было и положено, неожиданным образом.

В скором времени ночью в дом Александры ворвались бандиты и выкрали икону, которую она не отдавала добровольно.

Через две недели икона была найдена и передана в монастырь. А другую икону, вторую, владелица всё-таки сама передала в монастырь. Батюшка Кирилл благословил сбор денег на ризы, украшения для них...

Однажды я стояла в очереди на исповедь, и передо мной зашёл мужчина к Батюшке, но быстро вышел, и, обратившись ко мне, попросил меня сфотографировать его с Батюшкой. Сфотографировала я их и быстро вышла, но жалела, что не попросила мужчину сфотографировать и меня с Батюшкой. Но когда в следующий раз приехала, то незнакомая мне сестра передала мне фотографию, где я беру благословение у отца Кирилла. Так Батюшка догадался о моей печали и утешил меня.

В другой раз я была в монастыре, и меня пригласили в трапезную помочь. Потрудилась я там, и меня пригласили на приём к Батюшке зайти. Он туда как раз приехал. После исповеди отец Кирилл дал мне два кусочка белого хлеба. Сказал, что я голодная. Удивилась я от того, что знала, я ведь пойду в трапезную и там поем. Когда же я пошла в трапезную, — она была закрыта. Так, всё предвидя, Батюшка меня накормил.

Моя знакомая пригласила меня в паломническую поездку в другой город на машине. Поехала я в Лавру взять благословение у Батюшки, но он меня не благословил. Сказал, что не надо далеко ехать, и я не поехала. Моя знакомая попала в аварию, но, слава Богу, осталась жива.

По моим житейским вопросам отец Кирилл всё предвидел и благословлял принимать правильные решения. Многому он выучил меня на трудном пути спасения.

Одна прихожанка спрашивает отца Кирилла:

— Батюшка! Что лучше: милостыню подавать или свечей больше ставить?

Отец Кирилл, улыбнувшись, тихо ей отвечает:

— Ещё лучше Псалтирь читать.

Приехавшая в Лавру паломница путано что-то объясняет отцу Кириллу. Он долго пытается разобраться в том, чем она с ним делится. Потом всё же берётся навести порядок в разговоре, спрашивает собеседницу определённо:

— А он кто?

— Иеромонах.

— Откуда он? Из какого монастыря?

— Никакого. Он так, в миру монах.

Чуть приподняв брови, отец Кирилл даёт своё определение:

— Я таких монахов не знаю.

Одна женщина, возила своего сына за 4 года до его смерти к отцу Кириллу, в тайной надежде на исцеление. Отец Кирилл благословил тогда мальчика, и сказал: «Человеком Божьим будет». Мать не поняла тогда, ведь только прп. Алексия называют человеком Божьим, а у сына другое имя?... 40-й день смерти того мальчика как раз и пришёлся на празднование Алексия, человека Божия.

Знаю старенькую Надежду Климову, которая родилась и всё своё детство провела в Сталинграде. И до, и во время, и по-

сле войны. Их дом был в том районе, где стоит Дом сержанта Павлова. Она категорически утверждает: «Мы все — и взрослые, и дети — кроме как «Дом Вани Павлова» этот Дом и не называли. Не Якова, а Вани (Ивана) Павлова!». Скрывается это только по причине столетней преемственности преступлений и беззаконий наших атеистических властей и по монашескому смирению, неотмирности отца Кирилла (Ивана) Павлова.

Как-то, ещё в начале 90-х годов, я сказала Батюшке о том, что у меня не лежит душа читать синодик об упокоении убиенной Царской семьи. Тогда они не были ещё причислены к лику святых. Отец Кирилл ответил мне: «А ты и не читай. Они же — святые!» Я была утешена и возрадовалась душа моя, услышав такой ответ. А вскоре слова Батюшки подтвердились всецерковной канонизацией Царственных мучеников-страстотерпцев.

6 декабря 1996 года перед исповедью Батюшка говорил нам, что наступают апокалипсические времена. Многие забыли Бога. Но нам надо всё претерпеть. Весь ум надо устремлять к вечности и Богу Единому угождать. Надо читать и знать Евангелие, так как не у всех во время гонений оно будет. Читать Псалтирь, Деяния апостолов, Апокалипсис. Будут гонения, надо быть готовыми.

31 августа 1998 года отец Кирилл говорил: *«Наступают трудные времена. Будут вводиться магнитные карточки. Неизвестно, какую информацию туда ввели. Эти карточки не брать! Лучше умереть с голоду. Времена последние. Придут лжехристы и прельстят даже многих избранных. Бодрствуйте и будьте готовыми к испытаниям. Надо трезвиться и бодрствовать. Враг невидимо присутствует и соблазняет. Мы все — одна семья, и Бог — Отец наш. Мы должны очень следить за собой и не должны оскорблять близких и окружающих. Надо соблюдать заповеди и жить по ним, так заповедовал Господь. Не искать славы, наград, почестей, приобретений, стяжания мирского... Надо быть христианами не по названию, а по жизни. Особенно строго надзирать за своими поступками. Не де-*

лать злого. Каждый за своё слово даст ответ и будет судим. Следить за своими словами. Каждое слово учитывается, от своих слов оправдаешься и от своих осудишься».

Батюшка перед исповедью повторил о том, что надо уклоняться от создаваемых ныне врагом разделений. Любить ближнего во что бы то ни стало. Бодрствовать и быть готовыми к испытаниям. Отец Кирилл советует всем православным христианам больше, день и ночь читать Евангелие:

«В нём, в Евангелии, заключена вся Истина. Всем и каждому нужно обратить на это пристальное внимание. Особенно это нужно тем, кто может раскрыть для всех евангельские образы и донести слово Божье до души народа.

Сейчас люди читают много книг, но самое главное — читать книгу книг — Евангелие! Через это чтение будут укрепляться вера и добрая воля, будут просвещаться ум и сердце».

Виталий Максимов:

«Путь Божий есть ежедневный крест».
(прп. Ис. Сирин)

— Архимандрит Кирилл духовник монахов самого главного нашего светильника — Свято Троице-Сергиевой Лавры, священства и многих из нас, мирян.

ДУХОВНИК — это тот, кто неусыпно стоит на страже, защите душ вверенных ему Богом людей. С предельной честностью, самоотдачей и отвагой. Действительно, только «душу свою полагая за овцы», можно исполнять такое высочайшее предназначение перед Богом. Отец Кирилл, один из немногих, кто несёт в полной мере, достоин этой тяжёлой, в высшей степени ответственной чести. Недаром он являлся духовником трёх Патриархов.

В течение многих лет и мне, среди других мирян, недостойному, довелось окормляться у великого Старца — отца Кирилла.

В последнее время меня более всего тревожит тема наступающего повсюду глобализма. Поначалу иерархи Церкви, а вслед за ними священники встали на правильную оценку наступающего бедствия. Говорили о том, что это — зло. Пагубно для душ человеческих. А потом быстро переметнулись в обратную сторону. Стали убеждать нас в том, что это де, не опасно, не вредит душе человеческой. Будто нет в «кодах» шестёрок и тому подобное. Так, я слышал по «Радонежу», как «мученически» стенал перед микрофоном о. Артемий Владимиров, что его «потащат из квартиры»... А через несколько дней он же, по радио, без зазрения совести, с прежней активностью говорил прямо противоположное. Другие священники также либо наглухо закрылись от этой важнейшей темы, либо тоже рьяно утверждают то, на что они получили указание.

Только отец Кирилл внимательно выслушивал меня по этой теме и не только соглашался со мною, но и поддерживал меня, укреплял в отношении тревоги по этому вопросу. Жаловался я ему на то, что государственные власти, чиновники ведут нас к погибели. Но что самое худшее — представители нашей Русской Православной Церкви, по существу, не противодействуют, а своим фактическим бездействием помогают им в этом!.. Подготавливают всё к тому, чтобы всех опечатали. Страшно, что Церковь наша не тревожится, что при чипировании людей, нумерации человек лишается вообще всякой свободы своих действий, рассудка и гибнет. Какую программу ему заложат, как в компьютер, такую человек и будет выполнять. Не будет осознавать даже, что это не его мысли и поступки. Эту систему дьявол оставил на последнее. Хочет надсмеяться над человеком, над образом Божьим. От первого греха до нашего последнего времени дьявол не имел такой возможности, чтобы лишить человека даже имени его и образа Божьего. За человеком всегда оставался выбор — покаяться, попросить прощения и примириться с Богом. А уже когда человек чипирование примет, вначале в документы, а потом и на лоб или на руку, уже поворота не будет! В «Откровении»

Иоанна Богослова, не говорится, что будут требовать отрекаться от Христа, — а своими компромиссами, поступками человек примет печать антихриста отречётся от Бога. Не говорится, что будут требовать отрекаться от Христа, совершенно нет, а *своими компромиссами, поступками человек доведёт себя до отречения от Бога.* Мы подошли именно к такому краю. И вот отец Кирилл, дай Бог ему здоровья, чтобы Господь продлил его дни, стоял и стоит твёрдо, честно, неуклонно в этом правильном направлении — неприятия такого поворота событий и, конечно, укрепляет всех нас, всю Россию.

Сейчас многие в смятении. Потому, что силы погибели нашей укрепляются благодаря нашей трусости и соглашательству. Они совершают, уже не скрываясь, всё более наглые, открытые действия по разрушению последних защитных укреплений наших. Разрушаются через ювеналку семьи, отбираются дети, разврат и разложение становятся основой для пагубных действий правителей. Разве можно от этого отгораживаться, замалчивать это или просто пробалтывать, не предпринимать никаких сильных, противодействующих мер? Единственный, кто из известных представителей Церкви прямо, определённо возражает против такого разгула зла, был и есть — архимандрит Кирилл. Он один не побоялся воспротивиться одобрению принятия антихристовой нумерации, не подписал позорную бумагу «Богословской комиссии» ещё в 2002 году, открывшей шлюзы уничтожения душ человеческих. Низкий ему поклон и честь от всех нас, верных чад Русской Православной Церкви!..

Валентина Нестеренко:

«Бдите убо, яко не знаете дня, ни часа,
в который Сын человеческий придет».
(Мф. 25, 104-113)

«Дух дает жизнь, плоть не даёт никакой пользы».
(Ин. 6, 24)

«Ходи вслед Мене взем крест».
(Мк. 10, 45)

— Работала я директором предприятия. Меня неожиданно увольняют, будто бы за нарушение пожарной безопасности и не отдают трудовую книжку. Я остаюсь без работы. Пошла я к знакомой бабуле. Когда я рассказала ей свою историю, она повезла меня к отцу Кириллу за советом.

Батюшка мне сказал: «Молись». Это ведь был 1988 год, а вскоре и 1990г... События лихие. Кто меня восстановит? Стала я ездить по монастырям, в храмы ходить, и часто ездила к Батюшке. Как-то он мне сказал:

— Не беспокойся. Всё тебе восстановят и всё вернут. Возьми мои чётки и молись по ним».

Потом отец Кирилл благословил меня подать документы в суд.

— Ты получишь трудовую книжку, всё получишь, — уверенно сказал Батюшка.

На день рождества Богородицы городской суд в 1992 году вынес решение о восстановлении меня на работе полностью. Мне заплатили за все четыре года, что я не работала, отдали трудовую книжку, как Батюшка сказал — так и случилось. Это был первый случай помощи от Бога через Батюшку.

Дальше по жизни мы от него не отходили. Как что, так — к Батюшке за советом. Стала думать, что мне делать дальше? Батюшка сказал, что надо пойти работать в церковь. Вдруг, у меня умирает сестра на Украине. Остаётся у неё пьющая дочка и мальчик 8-ми лет. Я к Батюшке:

— Как быть? Как их вырвать с Украины?

— Поезжай! — дал мне благословение отец Кирилл.

По молитвам Батюшки я легко забираю племянницу с сыном, и мы без препятствий, всего за 60 рублей добираемся до

Москвы. Трудно даже себе представить! Сразу поехали к отцу Кириллу поблагодарить и получить совет, что мне с ними делать. Батюшка озабоченно осмотрев нас, сообщает мне о неутешительном своём решении:

— Ты не потянешь. Хватишь с ними горя.

С тем и отпустил, подумать и всё взвесить.

В это время, организовывается поездка на остров к о. Николаю. Еду я с мальчиком неблагополучной племянницы на остров. Рассказываю старцу о создавшемся положении, прошу дать совет, что мне делать. О. Николай мне говорит: «Знаешь, что, моя дорогая, при себе держать ребёнка, при себе!»

Когда я с мальчиком вернулась с острова, мы опять поехали к отцу Кириллу. Я ему всё рассказала. Тогда отец Кирилл дал моей племяннице много красных яиц. Это была Пасхальная неделя. Одно яйцо у неё упало. Она заплакала:

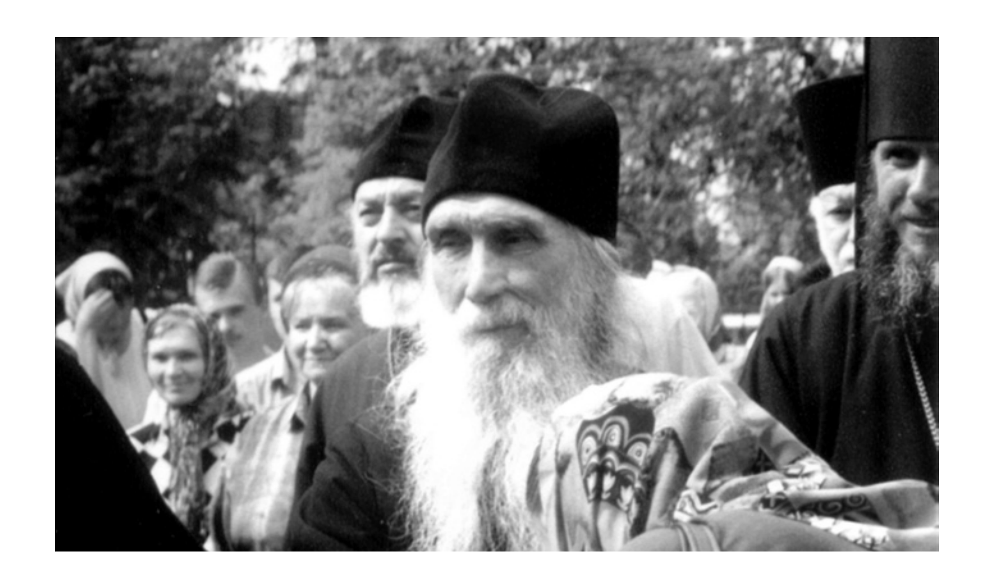
— Ну, вот, опять грех какой-то будет!

— Ничего не бывает без воли Божьей, — утешил её Батюшка и помолившись сказал ей. — Знаешь что? Ты подлечись, потрудись и выходи замуж. Создавай заново семейную жизнь.

Такое ей было благословение отца Кирилла. Её сын, на время, стал жить у меня и учиться в школе.

Каждые три месяца мы ездили в Оптину пустынь. Мальчик знал много молитв. Стал послушным и внимательным. Вдруг вызывает меня отец Кирилл и благословляет на опекунство сына племянницы. Он остался при мне. Племянница сделала так, как сказал ей Батюшка. Каким–то чудесным образом, она попала в лучшую московскую клинику. Лечилась. Потом уехала в Вышний Волочок — трудилась. Ухаживала там за больной женщиной. Приезжала с паломническими группами в Лавру. Во время такой поездки, она познакомилась с молодым человеком, за которого вышла замуж. Всё произошло так, как сказал ей отец Кирилл.

Отца Кирилла перевели в Переделкино, но я всё время ездила к Батюшке со своей наставницей — бабулей из магазина.

Она вперёд, и я за ней к Батюшке. Он сказал, чтобы я слушала её во всём, и благословил. Успокаивал меня, что всё устроится. Называл он меня — Софринская, потому, что бабуля моя имела дом в Софрино. Мы часто привозили Батюшке чернику, для его лечения и передавали её келейнице Н.

Однажды мы приехали к Батюшке. Стоим в очереди, и сомневаемся — попадём, или нет сегодня? Вдруг, ко мне подходит молодой человек с ребёнком, и говорит: «Матушка, можно ли записочку передать Батюшке. Передайте. Я уже здесь два дня. Не могу к нему попасть. Мы из Брянска». Подаёт открытый листок, а там написано: «Батюшка, дайте хотя бы 150 рублей нам с ребенком доехать». В другой руке у него дощечка. На ней написано: «Помогите». Даже расплакалась я от жалости к нему. Обратилась тут же я ко всем, и все, кто стояли в очереди, собрали ему деньги и продукты. Он тоже заплакал. Говорю своей бабуле:

— Поехали, домой!

А она мне удивлённо:

— Ты же к Батюшке хотела?

— Я всё уже сделала, — уверенно ответила я ей.

На самом деле, я почему-то, была твёрдо убеждена на тот момент, что Батюшка меня для этого и позвал туда.

У наставницы моей брат решил поделить с ней дом в Софрино. Ей тогда было уже за семьдесят. Она очень волновалась, что может вообще остаться на улице. Батюшка сказал ей, чтобы она собрала и привезла документы на дом. Собрала она чертежи и все необходимые документы. Привезла их к Батюшке. Он посмотрел, перекрестил их и сказал: «Живи спокойно. Всё у тебя останется». И сегодня она живёт в доме том. Ей уже девяносто лет, а брат и все претенденты на дом умерли. Дом ей остался. Никто больше её не тревожит.

Когда начались перипетии с присвоением нам «номеров», я поехала к отцу Кириллу. Его как раз, только недавно привезли из Барвихи. Между собой, мы ожидающие у ворот говорили о том, что Батюшка доживёт до антихриста. И что сейчас отец Кирилл главный, кто сражается с антихристом...

О будущем отец Кирилл говорил:

— Потому, как общая масса верующих уменьшается и охладевает, сейчас наступает время индивидуального спасения. **Каждый — сам иди на крест.**

Говорил, что школы будут закрывать. Так оно сейчас уже и происходит. Школы, библиотеки, больницы, а кое-где и церкви закрываются, как «нерентабельные».

Отец Кирилл ведь меня и всю семью спас. Племянница вышла замуж, мальчик закончил техникум. Он стал человеком церковным. Работает. Прислуживает в алтаре. Один монах, тоже сказал мне, чтобы я постаралась, чтобы он не брал никаких документов электронных.

Как-то мы приезжали к отцу Кириллу, он встал на колени и сказал: «Батюшка, почитайте мои грехи». Батюшка очень его любит. По молитвам отца Кирилла держится и моя племянница. Всегда говорю своему племяннику, что он всем обя-

зан Батюшке. Твой духовный отец — это отец Кирилл. Когда вы приехали с Украины, у нас никого не было. Мы не знали, куда с украинскими документами приткнуться. И вот как нас Батюшка принял, так всё образовалось, он нас и ведёт. Мы постоянно молимся за Батюшку. Читаем за него Псалтирь. Племянница не пьёт, не курит, и тоже читает. И бабуле, наставнице моей — 92 года, тоже живёт. Сестра меня просила не бросать её детей. И по молитвам отца Кирилла всё пока держится.

Владимир Цыганков:

«Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим».

(Притч. 14, 15)

— Бог очень милосерден. Он очень любит старца нашего отца Кирилла. Помогает ему и в болезни. Не оставляет его великая Милость Божья!

Сколько мы терзали сердце его своими недоумениями, каковые сваливались на его голову... Теперь он хоть отдохнёт от этого. За годы его тяжелой болезни наши немощи, лень и нерадение увеличились, усилились. Да и общее отступление выросло. Батюшка же наш — воин не только в войне с видимыми врагами, но и невидимыми врагами Церкви. И в обострившейся ситуации, в свои девяносто лет он бы не оставил боевые позиции, если бы не подкосил его тяжёлый недуг. Он и сейчас бы продолжал объяснять людям, где правда, отстаивать её. Сколько бы недоброжелателей ни набрасывались на него по поводу смелых его воззрений, он, как и в Сталинграде, не отступает. Стоит до конца. Бог определил отцу Кириллу другой подвиг. Через болезнь уберёг его и он не сгорел до конца. Светит, учит нас твёрдости и терпению на своём высочайшем примере и доныне.

Существует чёткое, ясное мнение наших великих старцев, их заключение по вопросам антихристовой глобализации: номеров, паспортов, чипов... По вопросам экуменизма, соучастия в нечистоплотных деяниях мирских властей. Некоторые прислужники лукавого тявкают, но не могут опровергнуть их суровые, правдивые определения. Они устойчивы, неприкосновенны! Следовательно, — святы! Они каждому оставляют свободную волю поведения в этом. Хотите, прислушивайтесь, следуйте этим установлениям великих старцев современности. Хотите — не слушайте. Ваше дело. Дело вашего спасения или погибели. Всё в дарованной Богом, вашей воле. Только не надо лукавить, лгать, изворачиваться!.. По Божьей милости, нет надобности у старцев вступать в полемику с записными крикунами. Они своё сказали. В основном, в людской массе, так и не услышанные многие старцы наши уже перешли в райские обители. Авторитетнейший, несгибаемый старец Кирилл скован узами болезни. И нет теперь возможности всякой нечисти испачкать, опорочить кого-нибудь из них стойких наших защитников. И слава Богу!

Истинность и незыблемость предупредительных установок отца Кирилла прозвучала вовремя. Многим они помогли удержаться от гибельного выбора. Величие его стояния в Православной вере, в наши предантихристовые времена — неоценимо!

По величайшей Милости Спаситель сохранил нам неопороченными, не оскверненными не только веские, убедительные высказывания, но и сами образы сих великих, святых старцев. Остался в чистоте надмирного сияния и ныне ещё пребывающий среди нас, один из ярчайших среди них — архимандрит Кирилл.

Уже только за такую отвагу в отстаивании истины и правды в лукавых нововведениях, ныне преследующих нас, отец Кирилл достоин высочайшего почтения и уважения.

<u>Монахиня Мария (Белова):</u>

— Впервые с архимандритом Кириллом я встретилась в 1966 году. Специально приехала в Переделкино для этого. После литургии Батюшка вышел. Стал беседовать с прихожанами, каждому отвечал на вопросы и благословлял. У меня не было вопросов, я просто хотела, чтобы он помолился обо мне и благословил. Мне хотелось увидеть его и побыть рядом с ним.

Когда я увидела его, у меня было такое впечатление, что ко мне подошёл совершенно молодой человек. Он выглядел, конечно же, старцем, уже преклонных лет, но глаза его были такие светлые, голубые, даже не могу передать, какие чистые у него глаза. Я увидела в нём светлого 18-ти летнего юношу, но очень умудрённого и знающего жизнь, видящего и меня, знающего, зачем я пришла.

Батюшка сразу при благословении меня произнёс поговорку прп. Амвросия Оптинского: «Жить не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и... — добавил от себя, — **не раздражаться**».

«Мы оказываем деятельную любовь даже тем, которые сделали нам зло, потому что чего мы не хотели бы сделать для этих людей по собственному расположению, то делаем для Бога, Которого любим и Который любит и их. Кто любит ближнего для Бога, у того любовь к ближнему необходимо искренна, потому что Бог, Которого он любит, видит всё и ненавидит притворство, неискренность и всякую неправду.

Поэтому ни истинная любовь к Богу не может быть без любви к ближнему, ни истинная любовь к ближнему — без любви к Богу. Любовь к Богу и любовь к ближнему соединены неразрывно. А посему все любите больше всего Бога, но любите и всякого ближнего, как самого себя».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Оптина пустынь. Место упокоения оптинских мучеников.

С 1993 года, после убиения мучеников Оптинских, ежегодно я ездила в Оптину пустынь. Тогда я страдала грехом раздражительности. Боролась с ним, но ещё не исправилась, и вот благодаря тому, что отец Кирилл сразу же указал мне на главную мою слабость, да ещё поговоркой прп. Амвросия Оптинского, я особо обратила на неё внимание. Мне стало стыдно, и я ещё сильнее взялась за искоренение этого греха в себе. Это всколыхнуло меня, потому что в то время Оптина пустынь была для меня колыбелью, где я начинала свою духовную жизнь. Батюшкина поговорка укрепила меня в правильности моего пути. Когда я была у него в келье, то ничего напрямую не спросила, но он мне опосредованно подтвердил, чтобы я обратила особое своё внимание на главное препятствие моего духовного развития, чтобы не унывала и держалась этого пути и я поняла ещё, мой путь — монашество. Это то, что ждёт меня впереди.

После того, первого благословения отца Кирилла у меня изменилась жизнь, но оставались ещё трудности в семейной

жизни. Написала ему письмо... Просто перечисляла всех своих родных, с кем и что произошло, и попросила его святых молитв. Ничего не ждала в ответ на своё письмо. Через какое-то время я получила ответное письмо. Когда открыла конверт, то поняла, что Батюшка своей рукой написал коротенькое письмо, которое содержало в себе поддержку, и в то же время приглашение посетить его в Переделкино. Для меня это было такой неожиданностью, что я очень долгое время не могла даже собраться поехать.

Через какое-то время всё-таки обрела решимость поехать туда. Показала письмо келейнице, сказала, что у меня приглашение от Батюшки. Народу было очень много. К отцу Кириллу всегда трудно попасть, я и подумала, что просто нереально увидеть его, обратиться, потому что человек 200 хотели попасть на беседу к нему. У меня были скорби, я даже не могла сформулировать их, задать вопрос. Не знала, как и что спросить. Думала, что Батюшка помолится, и всё образуется само собой. Через некоторое время вышла келейница, пригласила меня и со мной вошли ещё три священника.

Все говорили, что он болен, ему тяжело, и я ожидала, что мы увидим немощного слабого старца. Но оказалось всё по-другому. Отец Кирилл после беседы со священниками сам открыл дверь в свою келью и пригласил меня на беседу.

Когда я вошла, мне было неловко, не знала, что мне говорить. Расстроилась, что зря только отнимаю время у Батюшки. Он посадил меня рядом с собой. Я села, но ничего не могла сказать, просто сидела и молчала. Тогда он сказал:

— Ты же писала мне, просила помолиться. Расскажи, какие у тебя скорби?

При этом я ничего не могла произнести. Тогда он поднялся и спросил:

— У тебя дома книжки есть духовные?

— Да, есть.

На это он сказал:

— Вот и пасись среди книг.

Набрал мне несколько книжечек, которые я до сих пор храню, и они отвечают мне на мои вопросы.

Когда мы с Батюшкой прощались, он мне дал в подарок большую шоколадку «Седьмое небо» и благословил. Единственное, что я спросила у него напоследок, нужно ли мне вернуть свою фамилию. Он спросил, какая у меня фамилия. Я назвала. Он сказал:

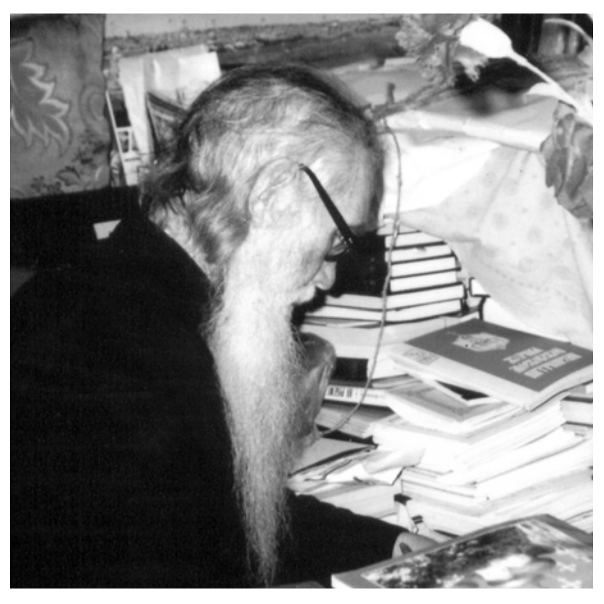
— Очень красивая. Конечно, нужно восстановить свою фамилию.

В том письме, которое отец Кирилл мне прислал, была вложена икона Богородицы «Черниговско-Гефсиманская». Когда я вернулась домой, то поняла, что на трудные мои вопросы он мне уже давно ответил этой иконочкой и тем пребыванием с ним, какое я получила. Неведомым образом. Ничего не получив словесного от меня и не ответив мне подобным, конкретным способом, он как-то тайно вложил в меня ясность и понимание, лёгкость и уверенность. Мне стало необыкновенно легко и радостно. Со многими проблемами я быстро управилась, а перед неустраняемыми скорбями я облегчённо, с терпением смирилась. Отошли, отлетели от меня усталость, ропот, нетерпение и даже раздражительность. Обрела я новое дыхание и дух снисхождения к немощам ближних и милосердия.

О старце трудно говорить, потому что это само по себе — явление на земле. Пересказать общение с ним — очень трудно, и объяснить, что ты на самом деле в этот момент переживаешь — невозможно. Это как предстояние перед самим Богом. Оно в этот момент самое острое и необъяснимое.

Провожая меня до двери, отец Кирилл благословил меня и повторил: «Пасись среди книг» и с тех пор я работаю в церковной книжной лавке. До этого у меня была работа в школе библиотекарем. Думаю, что это не без молитв Батюшки. Он всегда печётся о всех людях, которые к нему приходят и всех поминает настолько, насколько мы помним о нём и даже больше.

То, что хранится в книгах, которые дал мне отец Кирилл, постепенно сбывается. У меня была проблема с мужем. Оказалось,

что проблема была не в муже, а в моём терпении. Муж у меня был некрещеный. По молитвам Батюшки он крестился. Когда же его настигла тяжёлая болезнь, тогда нас и повенчали. Пока трудности остаются, не закончились, Батюшка нас направил и укрепил. Поэтому мы уповаем на Господа и молитвы его, что всё сложится как Богу угодно. Во всём, по наставлениям отца Кирилла, я пытаюсь видеть промысел Божий. Следовать воле Его и по мере сил выполнять благословение Батюшки. Хоть у меня была очень коротенькая встреча с ним, но она изменила всю мою жизнь.

Среди прочих книг, которые мне подарил отец Кирилл, имеется книга Феофана Затворника. У нас стоял вопрос о покупке дома. И вот, по молитвам отца Кирилла, мы купили дом далеко от Москвы, но именно около обители Феофана Затворника. Недалеко от Выши, там сейчас женский монастырь.

То непродолжительное общение с Батюшкой было скорей не простое, не конкретное «вопрос-ответ», а действительно духовное. Он по-видимому видел всё вперёд, и я поняла тогда, что жизнь у меня будет не простая, а потому-то мне и надо держаться святых отцов. Истины держаться, не рассеиваться, не уходить в светскость, т.е. идти узким путём и придерживаться, поучаться, как мне проначертал отец Кирилл, вначале поучениями святых отцов. Далее идёт другая книга, подарен-

ная Батюшкой — об Афонских старцах. Среди них о. Паисий Святогорец, который предупреждает о последних временах, в которые мы и проживаем. Теперь, по мере сил, каждый борется с теми явлениями, которые происходят во всём мире, в нашей стране и в Церкви в том числе. Выполняю Батюшкино благословение — читаю книги те, которые он мне рекомендовал, которые касаются спасения души. Батюшка всё сказал и о том, как вести себя и в будущем. О том, что надо отказаться от новых грядущих нововведений, порабощающих нас.

Была у меня ещё такая ситуация. Лет десять назад я ездила в Иерусалим. То, что я увидела в Израиле, насторожило меня. Пока это не последние времена, но некое приближение или переход. Мы уже осознаём и остро чувствуем это. Именно там я услышала, что отец Кирилл будет последним светочем. Как только он закроет свои глазки, на Земле начнётся новый виток дьявольского распада. То, что сейчас происходит, пока ещё не предел. Всё стремительно продвигается дальше. Поэтому христианам — малому стаду, как учит нас отец Кирилл, надо быть очень бдительными и твёрдыми в Вере.

Благодаря молитвам Батюшки и его благословению, вот уже почти 20 лет я медленно, но двигаюсь по пути спасения. Спаси Господи отца Кирилла за его труды, за его молитвы.

9 Мая я несколько раз поздравляла его открытками. Всегда помню, что он — защитник Родины и молюсь за него, как за воина земного и небесного. Благодарю Бога, что он есть, и хотелось бы, чтобы он был ещё с нами, потому что очень страшно оставаться беззащитными среди того, что происходит.

Жураковская Л. В.:

— 14 лет назад я приехала в Москву, у меня были большие сложности с поиском работы и жилья. Не знала, как мне жить, что мне делать. Ездила во многие места и одно из первых мест, которые я посетила, было то, где находился архимандрит Кирилл (Павлов). Он был тогда в Переделкино, как и сейчас.

Когда я подошла к крестильне, где Батюшка исповедовал и беседовал с людьми, там была очередь. Мне пришлось подождать. Была я последняя. Стала ждать. И вдруг чувствую, все мысли, которые у меня были; сумбур, страх, ужас, все куда-то рассеялись, улетучились. С Украины мне пришлось спасаться бегством от мафии и у меня были долги, я вообще не знала, как жить.

Стояла благоговейная тишина, и когда меня пустили к Батюшке — теплота, чистота, уют, сам воздух молитвенный окружили и успокоили меня, когда вошла — вижу пожилого монаха. Остававшиеся ещё страхи, тревоги, которые были во мне, сразу все ушли. Возникло такое ощущение, что я пришла домой, всё решено уже лучшим образом. Всё будет хорошо. Может это была одна из первых благоговейных минут моей жизни, когда будучи просто в панике, я не знала, как мне жить. Тут вдруг я ощутила отеческую заботу и неподдельную любовь ко мне.

Слушая меня, отец Кирилл вышел на улицу и, продолжая напряжённо внимать мне, стал кормить голубей. Уже без страсти, спокойно я рассказывала ему, как мне плохо, с чем я сюда приехала. Старец мало комментировал передаваемые мною ужасы, вздохи, как бы просто сидел и кормил голубей. Но во мне было такое ощущение, что я с родным отцом, который слышит меня не просто слухом, но всею душой своей. Тогда я своим состоянием, как бы подошедши к кульминации своего разрыва души и тела, вновь соединилась с ними. Выслушав меня, Батюшка ничего не ответил, благословил и всё. Сказал мне: «Работай». На этом всё и закончилось. Но после этого чудесным образом мне стало намного легче. Скоро, по его молитвам, я устроилась и с работой, и с жильём.

С этого момента, с этой встречи кончились мои страхи. Началось моё стояние в бедах и скорбях, потому, что они есть везде и немалые, и от всех них не набегаешься, «от себя не убежишь». Главное — найти опору в жизни, и я нашла её у отца Кирилла.

Эта замечательная встреча была для меня одним из первых откровений моих, как надо исповедоваться, вести себя собранно. Внимательно вести беседу со старцем — тихо, мирно, много не говорить. Благодарна я за эту встречу. За полученное мною благословение от одного из великих старцев. Его благословением я до сих пор живу и работаю. Помогаю и людям. Молюсь о здравии архимандрита Кирилла, помню, что есть у нас такой благодатный старец, чрезвычайно благодарна ему. Он меня просто спас тогда, я была на грани полного отчаяния.

Хочу сказать большое спасибо и всем тем скорбям, которые приключились в моей жизни. Через них я пришла к Богу, к Церкви, к отцу Кириллу. Пытаюсь жить по-православному, не обижаться на обижающих меня, не хвастаться мирскими успехами. Поняла, что главное — порядочность, честность, вера в милость Божью. Вот тот «капитал», что я за эти годы накопила по благословению старца, отца Кирилла. Спасибо ему и нижайший поклон.

«Чтобы уметь жить, надо уметь терпеть.* Царствие Божие нудится, и употребляющие усилие восхищают его** *(Мф. 11, 12)*. ***Хотите ли, по заповеди Божией, стяжать совершенную любовь, которая бы любила и врагов, — размыслите, как можно это исполнить. В людях мы встречаем часто недостатки, нередко пороки, иногда и ненависть к себе; а это располагает к неуважению людей, к отвращению от них, ко взаимной ненависти, а не к любви. Как же можно стяжать любовь ко всем? Если решишься твёрдо и научишь себя с терпением взирать на недостатки и пороки людей и на самую ненависть к тебе, тогда возможешь возлюбить всех, не преставая ненавидеть пороки. А без терпения сего нельзя приобрести».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Сейчас прошли годы. Поняла я, что Господь очень мудро поступил, взяв меня с родины моей — Украины и силой пере-

местив сюда, в Россию. Тут я нашла Бога, тут я нашла Веру и помощь духовную.

Конечно же, и после этого много скорбей было у меня, но теперь они мягче, с терпением проходят в моей жизни. Теперь я понимаю, когда приходит к тебе что-то страшное, то не надо паниковать — это испытание. Преодолей его, не теряя добра в себе. Это и благость Божья, потому что ты поднялась ещё на одну ступеньку вверх по лесенке усовершенствования в твоей жизни, к дальнейшему поиску Бога.

Всему этому научил и дал мне это понимание — благодатнейший наш Батюшка, отец Кирилл.

Профессор Недоступ А.В.:

«Не отвержи мене во время старости: внегда оскудевати крепости моей, не остави мене».

(Пс. 70)

«Братие, должны есмы мы сильные немощи немощных носити и не себе угождать».

(Римл. Зач. 116)

— С отцом Кириллом я познакомился в 1984 году осенью. Он приехал в Крым на лечение и там ещё больше заболел. Моя знакомая была его духовным чадом. Попросила меня слетать в Крым и посмотреть заболевшего. Это было в Алуште. Тогда я ещё не знал его.

Привели меня и ещё одного доктора. Простенький домик, где он жил в маленькой комнатке. Много тогда было в ней и на улице встревоженных людей. Отец Кирилл лежал на кровати. Лицо его было благодушное. Первое ощущение у меня было, образ сложился такой — благодушие и улыбка. Все встревожены, а он улыбается. После осмотра я убедился, что он болен

пневмонией в тяжёлой форе. Температура, одышка, сердечный ритм нарушен... Там был хороший доктор, который его лечил. Мы переночевали. На следующий день мы его ещё раз осмотрели и улетели, оставив рекомендации лечащему врачу. Всё делалось правильно, и Батюшка выздоровел, наконец.

У него лёгкие с давних пор, с военных лет больны. У него был туберкулёз, который он получил в снегах Сталинграда. Была у него хроническая пневмония. Он пережил тяжёлое ранение, язвенную болезнь 12 перстной кишки, болезней много накопил... Потом он попал к нам в клинику 1-го мединститута. Его там прооперировали.

Как врач, могу признаться, что иногда пациента и не хочется слушать. Перед тобой лежит кардиограмма, а он длинно рассказывает, в ненужных подробностях, что там кольнуло, здесь стрельнуло... Это не имеет никакого значения. Кардиограмма показывает истинное положение его организма, безо всяких утомительных и ненужных разговоров.

У меня был один знакомый пациент. Он приезжал и вот так много говорил. Я его не останавливал. Потом говорю:

— Давай я тебя послушаю.

— Да нет. Зачем? Не надо, — отказывался он.

Вот так. Разгрузился, сбросил с себя. Может, месяца на два-три ему хватит этого, чтобы побегать, чувствовать себя «в норме».

Священники и врачи похожи во многом. Встретишь такого человека, как отец Кирилл. Душу ему наизнанку вывернешь, грехи откроешь. После хорошей исповеди на душе становится легко.

Порой при таком обильном словоизлиянии задаёшь себе вопрос — почему Батюшка не уходит? Он внимательно, терпеливо слушает, вникает в твои передряги и одновременно молится. У него молитва в крови, в мозгу. По его внешне безмолвному состоянию не каждый осознает и оценит его сопереживание с тобой. Людям новым, незнакомым с ним, может

показаться, что он отсутствует, находится в своих размышлениях, но это не так. Он всегда предельно внимательный, сохраняющий присутствие своё и сознание в твоих бедах и скорбях. Ты — нужен ему, как родному отцу. Твои заботы его волнуют и тревожат. Отец Кирилл на редкость неравнодушный духовник. Ему важен и нужен каждый к нему обратившийся. А, значит, и он всем — нужен. Один из удерживающих в нашем тяжёлом и опасно шатающемся положении.

Удивляет, какой он кроткий и терпеливый. У него одно время в келье был телефон. Приехал я к нему. Он мне говорит:

— Сегодня позвонил кто-то пол-пятого утра. Долго мы разговаривали.

Представляете? Батюшка в такое время, а ложится он после длинного монашеского правила и ответов на письма в три-четыре часа ночи, и он с тем человеком приветливо поговорил! Ни упрёка не высказал, ни замечания, зачем тот в такое время его тревожит. Рассказывал мне об этом, как обычно, просто и доброжелательно.

Что из себя представляет келья Батюшки в Лавре? Она маленькая, тесноватая, форточка всегда была открыта. Там сидели синички, и у них всегда лежал корм, еда. Батюшка любит кормить птичек, белочек. Он и в Переделкино их кормил. Все стены кельи увешаны иконами. Горы пакетов с дарами, которые ему приносили и которые он потом раздаривал. И мне тоже доставалось. Часто на столе лежала газета «Красная звезда». Он её выписывал и «Сельскую жизнь». В этом читалась его армейская и крестьянская принадлежность. Он всегда был в курсе дела.

Однажды патриарх Алексий II сказал про Батюшку: «Это трёхглавый духовник Всея Руси». Видимо он имел в виду то, что отец Кирилл был духовником трёх Патриархов России.

Это было ещё в советское время. Религия должным образом меня не занимала. Но когда приспела пора, — так накрыла жизнь, что ужас. Ноги сами в храм понесли! Стал втягиваться. Появились друзья. Кружок евангелистский организовали, как чайную, под прикрытием. В этом окружении я нашёл священника, который меня в веру вводил. Там много было знакомых отца Кирилла. Была ревность о Боге. Мне теперь не страшны никакие уклоны. Ни вправо, ни влево. Такая там была у всех доброта и взаимопомощь.

«Господь и Спаситель наш всегда близ нас есть во всякое время дня и ночи, что Он есть всемогущий Помощник и Избавитель наш во всех обстояниях и превратностях жизни и что мы, немощные и неразумные сами по себе, подверженные различным обуреваниям в жизни, непрестанно имеем нужду в Его божественной помощи. При окружающей нас тьме ночной, среди этих обуревающих нас волн жизни, мы можем обрести истинный покой и безопасность, только в сердечном убеждении, что мы плывём по сему морю житейскому, подобно апостолам, не сами собою, а по воле Господа: понудил Иисус, как говорит евангелист, учеников своих войти в лодку — плывём к предначертанному Господом берегу вечной жизни, в блаженное пристанище Царствия Божия. Плывём в невидимом, но тем не менее спасительном для нас присутствии с нами Самого Господа, ходящего по морю и укрощающего волны».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

По поводу антиглобализма отец Кирилл очень решительно настроен, а с другой стороны, осторожен по этому вопросу. Когда его завалили письмами и запросами об ИНН, келейни-

ца Н. говорила, что он сильно расстраивался. Ведь надо было отвечать. У всех совершенно различные обстоятельства. Он не знал, что отвечать. И даже мне говорил, что есть такие письма от отцов семейств, которые работают в небольших городах на градообразующих предприятиях. Завод в городе один. Если он не возьмёт «номер» — его уволят. У него семья, дети в школу ходят. Что ему делать? Это очень индивидуально. Но в отдельных случаях надо решать индивидуально. Так власти подвели нас к жёсткому выбору, до крайности. Наше священноначалие говорило, что нет ничего страшного, и до сих пор уклоняется от конкретных решений. Отец Кирилл единственно мужественный из всех, отказался, не подписал заключение Богословской комиссии. Он чётко определил для всех — опасность есть!

Насчёт паспорта он мне сказал: «Принял я решение, что паспорт брать не буду, а Вы, как хотите». И я написал заявление насчёт ИНН в приёмную президента Путина. Написал, что не хочу принимать по религиозным соображениям. Ответ мне пришёл очень быстро. Ответили, что уважают моё мнение. Заявление моё передали в какой-то юридический отдел. А дальше что? Думаю, что дальше я могу сделать? Снова написал новый протест. На том и успокоился. Потом в картотеке своих документов всё равно оказался у меня «номер». С новой же электронной карточкой, которую сейчас будут вводить, дела будут намного серьёзнее. Электронная карта — это всё, это предконечное. Куда пошёл, что купил, кому позвонил, чем болен... всё по ней контролировать будут. За каждым! Это уже совсем близко к концу. С этим надо что-то сегодня же решать.

Келейница Л. ругалась, что «машину железную поставили», и она Батюшке не даёт спокойно «уйти». Я ей тогда возражал. Сейчас она уже этого не говорит. Дело же было очень серьёзное. Сердце его, истомлённое многими испытаниями, болезнями и трудами, начало отказывать. Необходимость стала в постоянной поддержке его сердца. Сам он принял решение, чтобы его госпитализировали. Положили мы его в кафедраль-

ную клинику на Пироговке. Поставили ему стимулятор, и всё пошло хорошо. Батюшка стал жить. С этой «машиной» он уже 10 лет прожил и многих за это время спас. На всё — воля Божья.

Тогда он добродушно сказал:

— Машинку мне привезли, я её святым маслицем помазал, чтобы она хорошо работала.

Келейник Батюшки стоял «на страже» у его палаты, жил с ним в больнице. Как только информация распространилась, что отец Кирилл лежит у нас, народ повалил к нему. Он никому не отказывал и эти перегрузки очень нас, врачей тревожили.

Война есть не только потрясение, но духовное испытание и духовный суд.

(И. Ильин)

Война сыграла большую роль в судьбе Батюшки. Он в армии служил с 1939 года. Отслужив положенный срок в армии, он готовился уже к демобилизации, а тут зачитали о на-

падении Германии. Его, как и многих, вместо дома отправили на Северо-Западный фронт. Там по дороге эшелон разбомбили. При прибытии на место в живых мало кто остался. Иван Павлов стал воевать. В январе 1942 года получил тяжёлое ранение и после госпиталя попал под Сталинград. Сначала на левый берег, где были частые налёты немецкой авиации. Немцы впервые тогда применили «тактику выжженной земли». Когда армада бомбардировщиков страшными бомбёжками, сплошным, адским «ковром» перепахивала землю на большом пространстве. После этого там не оставалось ничего, ни одного, даже маленького здания, дерева, ни одного живого существа. Позже это переняли, стали практиковать такой «метод», совершать такие же чудовищные бомбёжки американцы, которые так же в один день, и ныне ещё больше, уничтожают по несколько тысяч человек разом.

Одну историю поведал мне Батюшка про Сталинград. (Само название этого города неувядаемой славы изменили и до сих пор боятся его). Тогда солдат Иван Павлов испытал ужас смертный, как сам свидетельствовал. Стоял он в карауле на часах в Сталинграде. Была тёмная, сырая, безлунная ночь. Абсолютная темнота и ... сильнейший трупный запах. Мурашки бегали у него по коже от трепета. Иван думал, что он попал в царство смерти. Он характеризовал так: «Меня охватил такой смертный ужас, которого я никогда не испытывал»!

«Эта великая страшная Отечественная война, конечно, явилась следствием попущения Божия за наше отступление от Бога, за наше моральное, нравственное нарушение закона Божия и за то, что пытались в России вообще покончить с религией, с верой, с Церковью... Господь провидел эти вражеские планы, и, чтобы не допустить их осуществление, Господь попустил войну... И мы видим, что война действительно обратила людей к вере, и правители совсем по-другому отнеслись к Церкви».

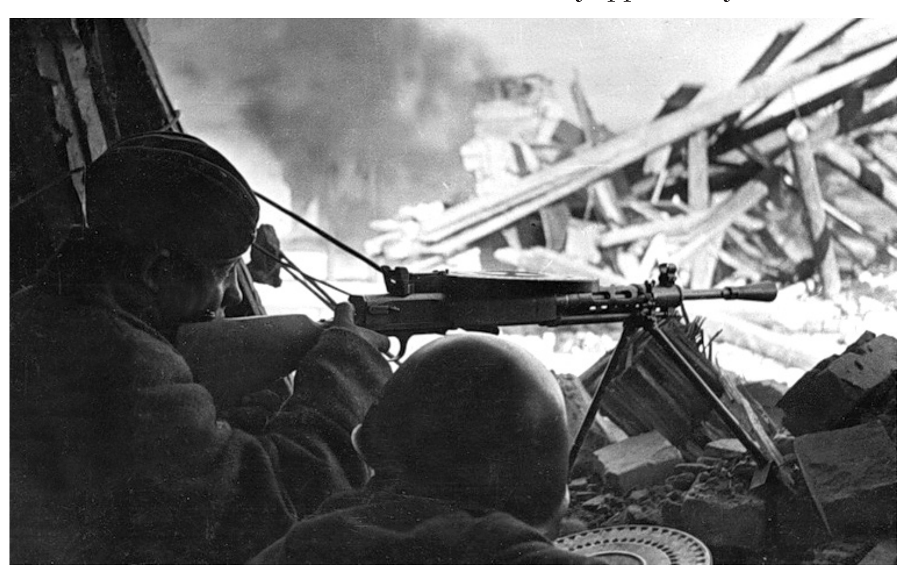
Архимандрит Кирилл (Павлов)

Сталинград в судьбе Батюшки сыграл очень большую роль. Они обороняли этот город-крепость. Там находился и Дом сержанта Павлова на «ничейной полосе».

У меня есть знакомая врач Ирина Николаевна. Она рассказывала, что сидела как-то за трапезой у Батюшки после очередного осмотра. И она у него спросила: «Батюшка, правда ли, что вы сержант Павлов?». Он ей не сказал «нет». Он только наклонил голову и произнёс: «Это уже не имеет никакого значения».

Ещё у меня есть одно подтверждение, что сержант Павлов — это отец Кирилл.

Одна моя знакомая А.А. Буданова волжская уроженка. Вернулась в Сталинград после освобождения. Она сказала, что хорошо помнит дом Павлова. На его руинах после боёв долго висела доска, на которой было написано черным карандашом: **«В этом доме держали героическую оборону советские воины под командованием сержанта И.Д. Павлова».** Доска эта долго висела под стеклом. Потом эту доску убрали, повесили другую, с другим текстом. А ведь Батюшка наш — это и есть Иван Дмитриевич Павлов. Она хорошо помнит, что имени Яков там не было. Отчётливо помнит ту фронтовую надпись.

Причина же опалы на героя — Ивана Павлова задолго до его решения уйти в монастырь была вот в чём.

Сержанта Ивана Павлова после завершения битвы в отвоёванном Доме и после многих других боёв записали почётным кандидатом в члены партии. А он уже к тому времени нашёл Евангелие и понял, что партия не для него. Пошёл Иван Павлов в политотдел к политруку и сказал, что не будет вступать, «ещё не готов». Так обычно говорили, кто не хотел пополнять ряды партии атеистов. Будь это простой, не обременённый такой славой боец, — прошло бы. Тут же особый случай! Известный в войсках, прославленный герой и такое... Бунт! На это начальник политотдела сильно рассердился. Стал вначале уговаривать, потом грозить. Но Иван Павлов был непреклонен. Сказал, что это его твёрдое решение. Тогда ему сказали, что он пойдёт в десант. А десант — это тот же по существу штрафбат, те солдаты, которые сидели на броне танка, штурмуя первыми неприступные укрепления противника. Они всегда шли первыми в атаку и в основном погибали. Так Иван Павлов из уважаемых, особо отличившихся бойцов, из героев был, одним росчерком пера вычеркнут и отброшен в число осуждённых без суда, проштрафившихся. При заступничестве Богородицы, спасавшей не раз сержанта Ивана Павлова, нашлись среди начальства добрые люди, которые отклонили потом гибельное решение. Отписали его из этой части. Послали героя-сержанта в более спокойную часть. Это я от него самого слышал. Так, милостью Божьей, он остался жив.

Окончил он войну в 1945 году, в Вене. Прошёл путь с боями через весь Советский Союз, через Европу и окончил в Австрии.

Батюшке всё же вручили Золотую звезду Героя Советского Союза, уже в перестроечные времена. Награду вручили в начале 90-х годов. Такая награда давалась немногим. Их всего несколько на миллионы участников войны. Это чем-то очень великим должно быть заслуженно. Конечно же, эта награда имеет отношение к Дому Павлова. Когда он отказался всту-

пать в партию, тогда награждение отменили. Настоящие документы были все уничтожены. А вот указ о награждении остался. Его реанимировали. Об этом почему-то широко не пишут и даже в наших церковных газетах. А надо бы. Чтобы все знали, что он — Герой Советского Союза, сержант Павлов. Нет сомнений, что это за сражения в Доме Павлова. Именно там он ярко отличился, хотя бывал и в других сражениях войны. Открывались военные архивы, многое стало выявляться, и власти так, втихую, решили «замазать» этот вопрос. Отдать Герою кровью добытую им награду.

Всегда Батюшка интересовался делами армии. В нём живёт военная косточка.

Показывали старый фильм 70-х годов, где он заснят в Крыму на прогулке. В группе прогуливающихся были женщины, матушки... Батюшка шёл во главе этой группы. Тогда он был моложе, подтянутый, стройный в сапогах и подряснике. Не просто шёл впереди. Он распоряжался, кому, где построиться и как идти по горным дорожкам. С живыми, острыми глазами. С командными повадками. Видно, какая в нём военная закваска и жизнь. Потом и осанка стала другая, но его глаза — это такая глубина. В них читается такая мудрость невероятная.

Он очень уважает маршала Жукова. Утверждает, что он был — дар Божий. Без Жукова мы бы не выиграли войну. Однажды он встречался с Жуковым, и тот рад был встрече.

Батюшка говорил всегда, что мы должны возносить Господу большую благодарность за победу в войне. В первые годы войны попущено было наказание Божье народу, который отрёкся от Господа в значительном своём составе. Через это мы должны были пройти. Через некоторое время огненных испытаний мы очнулись от партийного угара, и Бог стал нам помогать. Мы стали одерживать победы. Всесилие партии-гегемона пошатнулось, и мнение Сталина изменилось. Началось послабление к Церкви и верующим. После этого течение войны резко переломилось. Батюшка часто вспоминал мемуары Жукова, где он

писал: «Мы не узнавали некоторых немецких генералов. Они, опытные военноначальники, стали делать крупные ошибки, одну за другой. А мы стали продвигаться шаг за шагом вперёд».

День 9 Мая — это День великого поклонения Господу за победу в Великой Отечественной войне. День поминовения. Был я настолько потрясён Батюшкиным указанием о молитве в этот день, что пошёл в этот день в храм. Храм был почти пустой. И всё же служба совершалась! Думаю, что при осторожной подсказке Батюшки было утверждено общецерковное богослужение в день Победы, со служением Панихиды и поминовения павших воинов. Сейчас это уже обычай. Не так давно стали служить не только панихиды, но и благодарственные молебны. Это и есть народная память.

Три года назад, когда Батюшка ещё разговаривал, келейница рассказала: «Был такой момент. Батюшка лежал. Перед

его глазами, видимо, проходили разные воспоминания. Он молился и вздыхал: «Война, война...», очень скорбно так проговаривал».

Можно вспомнить ещё о том, какое огромное количество народа было всегда возле отца Кирилла. Как говорил на одном юбилее патриарх Алексий II, что это духовник многих архиереев. Самых высших церковных лиц РПЦ и просто народа. Для всех он всегда находит время и слово. Поток к нему был нескончаем.

Помню, как-то я приехал в Переделкино поговорить с Батюшкой. Поинтересовался, был ли вчера приём, и сколько было человек?

— Да, был, — ответил он мне.

— Сколько человек?

— Около двухсот.

Если только по три минуты на каждого — 600 минут! Десять часов!.. Откуда взять столько времени? От сна и отдыха...

В келье он принимал знакомых людей, а других в комнатушке-посылочной. Она тоже была завалена посылками, книжечками, которые он всем раздавал. И котик там был. Любит он всех, и белочек, и синичек. Потом в келью ему поставили телефон, чтобы он часто не выходил в коридор. Ему звонили в разное время суток. Он никогда никого не осуждал за это. Очень кроткий человек. Мы иногда начинаем кого-то осуждать, бранить, и ругать, а у него никогда такого не было. Он только наклонит голову и покачает ею. Скажет:

— Да, да! Нехорошо.

И всё! Без комментариев.

Ещё меня поразило его понимание того, что происходит на свете. Конечно же, кто приходил к нему, много рассказывали ему. Он хорошо знал жизнь народа. Всех знал. От высших эшелонов власти до простых людей. Никогда не забуду рево-

люционной смуты и хаоса августа 1991 года. Танки на улицах, жертвы людские... Я приехал вскоре к Батюшке 22 августа.

— Ну, что? — сказал он мне с горечью. — Преподали нам с вами масонский спектакль?

Вот так он понял и дал разительно точное определение происшедшего. Хотя не был в Москве и не видел «лебединое озеро» по телевидению, радио и газет не читал. Понял для чего и кем сотворено всё это.

В отношении его перемещения в Переделкино. Сначала его приглашали туда на отдых. Он стал там бывать по приглашению Патриарха. Поселили его в маленьком гостиничном домике. Потом стал там бывать больше и дольше. Окружён был вниманием и заботой. Но всё равно его тянуло в Лавру, которую он очень любит. Его удалили от братии как раз в то время, когда пошла духовная разноголосица по поводу резких событий в стране и вползания к нам глобалистических процессов. И чтобы не было на насельников Лавры протестного влияния отца Кирилла по этим вопросам, определили переселить его в Переделкино. Он грустил. Родную братию, монахов очень любит... Приезжал в Лавру гораздо реже. Но потом свыкся, полюбил этот свой домик, келью с прихожей. Там всегда было много народа. Когда построили новые патриаршие покои, он не хотел переезжать оттуда. Построили прямо дворец. Батюшка как будто предвидел, какие тяжёлые и трудные годы он здесь проведёт. Сейчас старого домика нет. На его месте асфальтовая площадка. Появилась охрана, которая его отделила от братии, а нас от него.

Иногда Батюшку отправляли в Барвиху, в санаторий. Там большой парк. И мне посчастливилось с ним часто там прогуливаться и разговаривать на разные темы. Потом он уже стал выезжать на лечение в Ливадию, в Крым. Он и там со многими людьми подружился. Оттуда он тоже привозил гостинцы. Очень любит всех угощать.

Запомнились мне встречи на Пасху и на Рождество. Отца Кирилла привозили. Все одаривали друг друга подарками, христосовались, песни пели. Он очень любит хоровое пение. Сам он тоже хорошо пел. Песни «Мама — слово дорогое», «Житейское море» и другие. И мы, миряне, все уже знали и пели вместе с ним. Конечно, эти встречи незабываемые. Нам было так хорошо с ним!

Говорил отец Кирилл не только об армии, но и о России. Он всё понимает. Ещё в 1993 году, раза два или три слышал я от него такие слова: «Да, хребет России почти сломали».

Мы по наивности бодро завозражали:

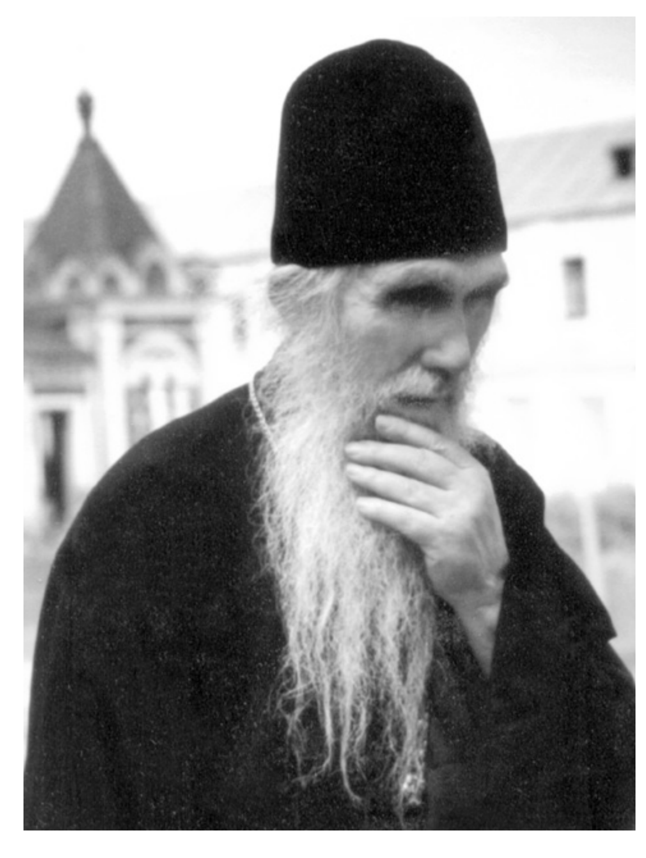
— Батюшка! Как же? Преподобный Серафим Саровский и другие святые предсказывали, что будет чудо! Россия восстанет!

— Да, будет нам «чудо», как в 17-м году.

В жизни он человек очень радостный. Глубокого уныния у него никогда не было. Конечно, огромная самодисциплина была. Он всегда сдержан, спокоен. Резко никого не осуждает. А вот про себя мог жёстко сказать.

Был у него юбилей. Наверное, 80-летний. Многого о нём говорилось самого прекрасного. Батюшка смиренно выслушал, склонив голову. Но потом сказал слова, которые я никогда не забуду. «Всё, что здесь говорили хорошего — не соответствует действительности. Внутри у меня только холод и мрак». Тогда же я подумал, что если Батюшка так сам говорит о себе, то, что же у нас в душах делается?! Что же мы из себя представляем?!.. Меня очень поразило его отношение к себе, близкое к самобичеванию.

Когда ему задавали вопросы, то всегда ждали каких-то прозрений. У него много было прозорливых ощущений. Он тогда начинал шутить, немного юродствовать, повторил слова одного старца: «Не знаю. Проз**о**рливых не вижу, а прож**о**рливых да,

много». Смеялся, когда говорил это. На вопросы иногда отвечал мгновенно, а иногда задумывался. Молился. Бывал очень неспешен в своём ответе. В своём ответе конкретного подчас не давал. Но, если давал, то очень определённо.

Общался я с отцом Кириллом на протяжении 20 лет. Он всегда читал газеты. Евангелие он читал постоянно. Часто наизусть цитировал Евангельский текст. Когда он лежал в больнице, я его всегда спрашивал:

— Что читаете?

— Первоисточник, — отвечал он. Так он именовал Евангелие.

Потом случилась эта тяжёлая болезнь. После того, как стоматологи удалили ему в кремлёвке сразу несколько зубов, получился стресс и как следствие — инсульт. Он предвидел, наверное, ситуацию. Был я у него за несколько дней до этого в больнице. Он всегда всех одаривал подарками. И в этот раз он мне дал масло от Гроба Господня. Причём, дал мне не один, а несколько флаконов. «Почему так много? — подумал я.

«Дорогие, будем горняя мудрствовать, а не земная, Христос на земли – будем возноситься мыслями и сердцами на небеса, а не прилепляться к земному и не служить плотским похотям.

При постоянном общении со Спасителем нашим будет постоянно озаряться светом истины и добра и душа жестокая и ожесточенная. Господь Иисус Христос Своим божественным словом, Своей силой вызовет из нее добрые начала, кроющиеся в ней, возбудит в ней любовь к истине и святости и мало-помалу сделает человека сыном света.

Христиане уподобляются воинам, которые должны всегда быть на страже своего сердца и не допускать, чтобы сердцем владели греховные желания, мысли и всякого рода страсти, потому что это опаснее всякого внешнего врага».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Видел ли я какие-то чудеса по молитвам Батюшки?

Один случай могу рассказать. У меня был друг Иосиф, сын Светланы Аллилуевой и Сталина. Мать уехала из СССР. Он тогда был студентом. В связи с поставленным Хрущёвым клеймом на его отца много что пережил. Ходил в наш Евангельский кружок, окрестился. Хороший был человек, хороший врач. Сначала он был студентом, потом аспирантом, потом профессором. И когда он был профессором, вернулась из США в Союз мать его. Он был этим потрясён. Она была человеком странным. Была с ним в ссоре. Стала писать на него доносы в КГБ, что он окрестился, предал семейные реликвии и т. д.. Они не встречались. Потом она уехала жить в Грузию. Далее, она собралась уезжать обратно в Америку. Её не пускали туда. Вероятно, думая, что её не выпускают из-за сына-верующего, снова стала писать на него кляузы. Иосиф как-то зашёл ко мне и говорит: «Не знаю, что и делать?». Тем же вечером я был у Батюшки. Мы о многом говорили, и я ему рассказал о проблемах Иосифа. Отец Кирилл тяжело вздохнул, покачал головой. Это означало, что и эту проблему он принял в себя. На

следующий день Иосиф снова ко мне заходит совершенно изумлённый. Говорит, что мать получила разрешение на выезд. Ему только что телеграммой сообщили.

Рассказал я ему о встрече с Батюшкой. Он был удивлён. Потом попросил меня отвезти к нему, чтобы поблагодарить его. Мы поехали. Отец Кирилл был в недоумении от такого визита. Спросил:

— Какова цель визита?

— Никакой. Просто человек хочет вас поблагодарить. По вашим молитвам, мать его Светлану отпустили в Америку.

Отец Кирилл скромно промолчал, ничего не сказал. Но, конечно же, он пожалел Иосифа и молился за него, потому что таких совпадений не бывает.

Всем отец Кирилл всегда напоминает, чтобы не забывали главного — посещать Церковь и Лавру не забывать.

Исповедовал меня Батюшка не так часто. Исповедоваться у него было одновременно и страшно, и легко. Он умеет и собрать, и приободрить, и вздохнуть с тобой. И было лёгкое ощущение от исповеди. При нём ты из себя не вытягиваешь клещами, а легко открываешь грехи свои. Потом было очень большое облегчение. Я больше никогда не встречал такого.

Один раз помощники поднимали, хотели посадить его в кресло. Раз-два, ничего не получалось. Батюшка переживал при этом не за свои неудобства, а о них, помогал им, превозмогая свои боли, тихо приговаривая: «три-четыре». И помощники взбодрились, усадили наконец отца Кирилла в кресло для прогулки на свежем воздухе.

Десятый год Батюшка уже тяжело болеет, и события идут трагические. Многое сказанное им вспоминается. Когда Батюшка был рядом, казалась, что так будет всегда. Если бы знать, что отец Кирилл будет по существу отсечён болезнью от нас, мы бы каждое слово его записывали. Несмотря ни на что, Батюшка наш никогда не жалуется, всегда радостный. С ним

рядом, при любом его состоянии — ощущение близости Бога. Он не устаёт призывать нас: ***«Всегда радуйтесь!»*** Никогда он не бывает мрачен, даже в болезни. Один раз только он мне сказал: «Меня очень тяготит моё положение»... и всё.

С Батюшкой всегда ощущение полного понимания. До сих пор я надеюсь чуть-чуть, что нам ещё будет отпущено. Последние события и годы отводят, конечно, надежды. Слишком уже всё подошло близко, к сожалению. Трудное сейчас, непростое время. Сейчас надо укрепляться и готовиться к исповедничеству за веру свою.

Отец Кирилл часто огорчался, скорбел вместе с теми, кто жаловался ему. Это тоже послужило тяжким бременем болезни. Из этого я заключаю, что он ничего из пагубных нововведений не поощрял. Видел их античеловеческую суть. Если бы он был убеждён в безопасности всех этих новшеств, то он так бы не скорбел. Людей силой принуждают. Бери, и всё! Иначе будешь отрезан ото всего. Это разве по-человечески? Наступают такие времена, что надо укрепляться и готовиться к ещё большему натиску зла. Батюшка об этом предупреждает и призывает, что надо не поддаваться, стоять до конца, до последнего.

Помню, много раз Батюшка цитировал пророчества Серафима Вырицкого: «Россия сузится до малых размеров, Московского княжества. Спасение придёт с востока». Наверное, из Сибири. Как в Отечественную войну, приток воинов оттуда спас Москву.

Последнее время он с грустью смотрел на будущее. Это я помню. Были повсюду очередные разговоры и желания куда-то бежать из Москвы, какой-то очередной конец света ожидался и т.п. Батюшка всех успокаивал: «Ну, что вы? От этого не спрячешься. Надо вести себя спокойно. Молиться и заниматься своим делом, как обычно. **Если настанут такие времена, когда придётся страдать за веру, — не бойтесь. Ни смерти, ничего не бойтесь. И если придётся умирать за Христа, то надо с радостью такое принять. Это — большая честь».** Тогда все успокаивались.

<u>Вера Петрова:</u>

> ***«Суда Твоего боюся, и муки безконечныя. Злое же творить не перестаю...»***
>
> *(Молитва)*

— В 98-м году я приехала к отцу Кириллу на исповедь. Народу было очень много. Я стояла позади всех. У меня был тяжёлый грех, и мне надо было покаяться. Душа моя кричала: «Господи! Помоги мне исповедовать этот грех!»

Видела я, что отец Кирилл уже устал от большого количества людей. Батюшка стал на меня посматривать. Один раз, другой. И я поняла, что он уже знает этот грех, как бы подготавливает меня к исповедованию, освобождению от него. Если бы я не дотерпела и ушла, он бы меня, думаю, наверно вернул, так как он чувствовал меня. Мою «закупоренность», невозможность справиться с грехом. С другой стороны он не мог других людей, стоявших передо мной, не принять. Заметно волновался за меня, боясь, что я не дождусь, уйду, потому, что тот грех буквально душил меня. Этим своим волнением он обязал меня достоять, и когда я подошла к нему, то спокойно уже исповедовала этот грех. Батюшка отпустил мне поведанные ему грехи и дал мне напутственные листочки. Это был очень необыкновенно важный момент для меня.

Думаю, никто бы другой тогда не смог помочь мне преодолеть тот жуткий страх перед самообличением на исповеди. Больше никому бы я не смогла высказать тот гнетущий меня грех, который душил меня, гнал из церкви. Батюшка же помог мне устоять и раскрыть его, а затем выгнать этот грех из меня. Он дал мне сил освободиться от гнетущего меня и жить радостно, свободно. Укрепиться, сродниться с Матерью-Церковью. Благодаря той исповеди у отца Кирилла я осталась в Церкви.

Монахиня Иннокентия:

— Давно это было. Лет пятьдесят или побольше. По молодости и я хотела, как все, замуж выйти, детей иметь, семью... Да и смазливой была. Многие знакомиться подходили. Но я уже в девстве пребывать хотела, к монастырю готовилась.

Как-то мне приглянулся в Лавре один студент Духовной академии. Раза два мы с ним встретились, и он мне сразу предложение сделал. Договорились, что на следующей встрече я ответ ему дам. Ну, что ж! Парень видный, красивый, умный. Главное — глубоко верующий. Сердце моё расположилось к нему.

Приезжаю в Лавру, иду к нему. Он стоит чуть поодаль, ждёт меня. Спешу к нему с радостным для нас известием.

В это время вижу, из братской проходной выходит отец Кирилл. На ходу строго взглянул в мою сторону. И всё! Меня как током ударило! Я встала остолбенелая. Батюшка, будто случайно, прошёл стороной быстро, мимо меня. А я стою, как заледеневшая. Ничего уже не хочу. Ни с кем, ничего не надо!..

Развернулась, и сразу обратно, через врата Лавры, на электричку, домой!

Как я рада, как хорошо, что я тогда Батюшку встретила! Он меня спас. Как хорошо в девстве-то оставаться!..

Меня постригли 20 ноября 1985 года. Отец Кирилл благословил. После этого, через некоторое время, он приезжал к нам с сестрой. Поздравил меня:

— С принятием ангельского чина.

Спросил:

— Какое имя нарекли?

— Иннокентия.

Осмотрел он наше жильё, потом сказал:

— Вон как вы устроились...

Он сам и давал мне монашеское имя, а спрашивал, проверяя, всё ли так исполнили при постриге. Подарил мне книгу про Дивеевский монастырь, Евангелие.

После этого я была свидетельницей, как архимандрит Кирилл начал собирать Дивеевскую общину. Монастыря тогда ещё не было. Не открыли его. Была только известна игуменья, и с ней приезжали к Батюшке только несколько сестёр. До девяностого года никого в самом Дивееве не было. Он и меня в 89-м году туда направлял:

— Давай, собирайся в Дивеево. В монастырь.

— Батюшка! Не получится у меня, — растерялась я.

Сестра тяжко болящая одна оставалась. Не могла я её одну оставить. Вот и не пришлось мне в Дивеевский монастырь переехать.

Отец Кирилл мягок и в обращении уважителен, но твёрд в своих решениях.

Так, когда я к нему приходила и чего-то просила, пыталась настаивать, получить благословение на желательное для меня, он мягко, но твёрдо отвечал:

— Нет, матушка, нет...

Когда же я смирялась и соглашалась на трудное, но душеспасительное, Батюшка улыбаясь, ободряюще говорил:

— А так хорошо, хорошо будет...

Работать потом я перешла в Патриаршую резиденцию Патриарха Пимена. Она помещалась тогда в Даниловом монастыре. К тому времени её отреставрировали, привели в порядок, красоту. Нигде пока ничего не восстанавливали. И в Троице-Сергиевой Лавре музей хозяйничал. Деньги все забирали. Иностранных туристов туда водили. Только Данилов монастырь стали приводить в порядок к грядущему празднованию

1000-летия Крещения Руси. По какому-то случаю привезли туда отца Кирилла (он был духовником Патриарха Пимена).

Батюшка вошёл в резиденцию Патриарха, осматривается удивлённо, восхищённо. Тут по каким-то делам я проходила мимо. Увидела Батюшку! Сразу к нему за благословением, к духовнику своему.

Отец Кирилл благословляя меня, удивлённо воскликнул:

— Ой, матушка, куда тебя вознесло-то!..

В конце восьмидесятых годов, опять увидев нежданно меня в числе сотрудников Патриархии, отец Кирилл, едва появилась возможность, приблизился ко мне и на ухо, будто детскую считалочку, озорно прошептал быстро и загадочно: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу...»

Как мне пригодилась потом эта шутливо произнесённая Батюшкой «считалочка»-наставление!.. От скольких бед и неприятностей она меня уберегла!.. В трудные минуты, порой близкие к отчаянию, едва я вспоминала её, как становилось легко и радостно. Уныние и горечь отлетали. Появлялись снова силы и мудрая бодрость в исполнении важных поручений и послушаний. Вот где действительно нужно было ничего не видеть, не слышать и ни о чём не рассуждать.

Монахиня Иннокентия.

Однажды, я обратилась к Батюшке с просьбой поехать в Иерусалим. Он благословил: «Поедешь. Скажи об этом владыке Тихону». Тогда в церкви «Всех Святых» на Соколе я служила в алтаре. Сказала я владыке, что отец Кирилл благословил спросить о поездке в Иерусалим. Епископ Тихон (он тоже – чадо отца Кирилла), коротко подтвердил: «Поедешь». Вот видите, как одно слово отца Кирилла с благословением было авторитетно и исполнялось. Владыка Тихон очень уважает Батюшку. И сестра его по благословению отца Кирилла вышла замуж за священника, окормляющегося у Батюшки.

Иеродиакон Софроний:

– Это был 1995 год. Воочию я видел, как архимандрит Кирилл бережно относится к отцу Николаю Гурьянову. Когда в Лавре я подошёл взять благословение у отца Кирилла, то сообщил ему о том, что был у отца Николая.

Отец Кирилл, весь обратившись во внимание, озабоченно спросил меня:

– Ну, как там себя чувствует Батюшка?

В этих словах я почувствовал такую трогательность, такую детскость, такое духовное общение! Почувствовал сердечную заботу одного старца о другом. Так же относился и отец Николай по отношению к отцу Кириллу. Отец Николай тогда чувствовал себя не очень хорошо. Был я там два дня. Удивительно, как о. Николай любил животных. Когда я пришёл с камерой и снимал его, во дворе было очень много голубей. Это был февраль месяц. Он посмотрел на меня и показал жестом: не меня, мол, а голубей снимай. Снял я и голубей. Отец Кирилл духом чувствовал о. Николая. Интересовался его здоровьем.

Был у меня ещё интересный случай с отцом Кириллом в Лавре, на день прп. Сергия летнего. Встретился я с одним про-

тоиереем, познакомились, разговорились. Узнаю о том, что он целый день не ел. Вещи и деньги оставил в Москве, на вокзале. Я тоже с собой денег не имел, потому что ненадолго, по делам, заехал в Сергиев Посад. Предлагаю священнику:

— Отец, пойдёмте на трапезу.

Он засмущался, но я его повёл. Был я там часто и всё знал. Идём через проходную. Дежурный спрашивает:

— Кто вас благословил?

— Отец Кирилл, — ответил машинально почему-то я.

Мы потрапезничали. Вышли обратно, а протоиерей мне говорит:

— Но ведь отец Кирилл нас на самом деле не благословлял.

Говорю ему:

— Вы — священник. Вы приехали издалека. Голодны, давно не кушали. Я не для себя пошёл с вами. Не мог же я, видя, что вы человек робкий, не помочь вам. Конечно же, я согрешил ради вас, ради ближнего. Дабы подкрепились вы перед дальней дорогой. Конечно же, я покаюсь об этом на исповеди. Не сомневайтесь.

— Надо, если есть возможность, сразу же нам обратиться к отцу Кириллу, — предложил мне священник.

Мы долго искали отца Кирилла, но так и не нашли. Пообещал я отъезжающему священнику, что непременно переговорю об этом с Батюшкой. Мы распрощались.

Прошло время, и как-то в Лавре я встретил отца Кирилла, рассказал ему о происшедшем:

— Батюшка! Простите. Не согласовав с вами, я от вашего имени рекомендовал приезжему протоиерею пройти на трапезу. Он был издалека и целые сутки не ел, а ему ещё обратно ехать.

Ожидал я заслуженного недовольства, нареканий от Батюшки. Но он довольный улыбнулся и похвалил, поддержал меня в добром дерзновении:

— И правильно сделал! — сказал отец Кирилл и похлопал ободряюще по плечу.

<u>Александр Шпагин:</u>

— Мою жизнь можно разделить на три этапа. Первый — безбожный. Тот период, когда я не знал ни Бога, ни Его заповедей. Жил по стихии мира сего. Второй этап — когда я обрёл Веру. Обрёл её, как все, даром, безплатно. Третий этап — когда я познакомился с отцом Кириллом.

Проходил армейскую службу я в городе Волгограде. Присягу принимал на Мамаевом кургане. Меня поразило, что когда солдаты шли по улице для разных работ или на учения, то они очень доброжелательно воспринимались всеми людьми. Старыми и молодыми. Нас все старались накормить, денег дать. Или что-то ещё. Там, где были бои, где есть ещё неокатоличенное население, там всегда уважают солдат.

У меня была в жизни серьёзная ситуация с работой. Никак не мог я устроиться. Мы с детьми просто голодали, живя только на маленькую зарплату жены, которая почти вся уходила на оплату жилья. Такое труднейшее положение никак не могло разрешиться. И я решил посоветоваться со своим товарищем. Сестра его работала в московской Патриархии. Она мне и посоветовала поехать к отцу Кириллу. Поехал я в Лавру. Там встретился с Батюшкой. Он был одет в старенькую рясу.

Выслушав меня внимательно, отец Кирилл, ни слова не говоря, отошёл немного в сторону. Покопался там в каких-то бумагах. Потом подошёл ко мне. Как и всегда, совершая добрые дела, он удивительным образом делает это необидно, очень любовно. Поддерживая меня своей ободряющей улыбкой, он недемонстративно, снимая всякий пафос дара и одновременно скованность мою, нерешительность, дал мне пачку денег. Их хватило ровно до дня получки моей жены. Я был не просто удивлён, а потрясён этим. Ведь я по существу был совершенно неизвестный ему человек. У него и без меня просителей наверняка много. Долго я не мог унять удивление своё и волнение. К тому времени мы уже начали понимать, что это не «просто так», а для чего происходит.

В 1994 году были выборы в Думу, и прошёл Жириновский. Тогда приехал я к отцу Кириллу. Покачивая горестно головой, он задавал и отвечал на вопросы.

— Ну, что, как там выборы?

Рассказал я ему подробности и новости. Он посмотрел жалостливо глядя куда-то в сторону и определённо сказал:

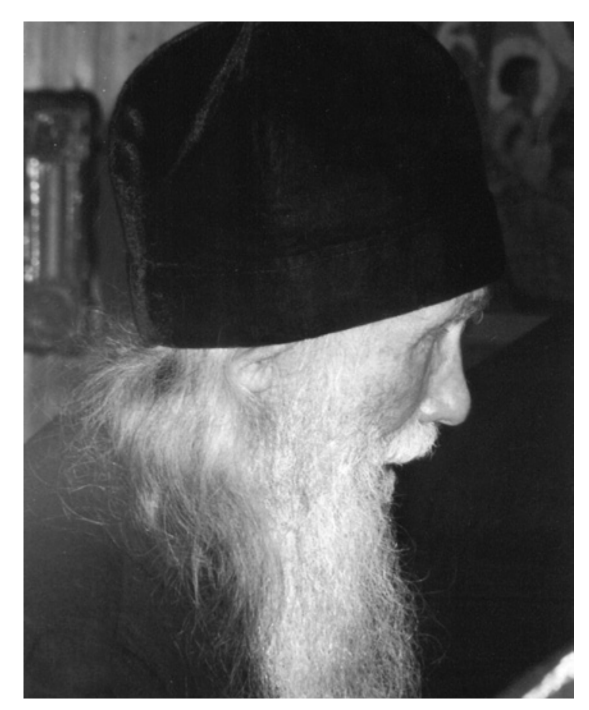
— **Сейчас надо отдать должное только спасению души.**

Стал я жаловаться ему на жизнь, что у нас денег нет. Жили мы с семьёй очень скудно. Батюшка по поводу скудности нашей жизни, привёл один из положительных примеров. Рассказал про одну семью, которая живёт в ещё более стеснённых, бедственных обстоятельствах. По-существу они были нищими. Но до сих пор они любят ходить в храм. Это для них не второй, а — первый дом. Заканчивая рассказ, отец Кирилл указал мне:

— Прежде ищите Царства Божия. Где? В церкви! Исповедайтесь, причащайтесь всей семьёй.

Чтобы легче было переносить тяготы и невзгоды, Не отвлекаясь искать на земле Царствие Божье. Для этого он посоветовал читать Иисусову молитву. Постоянно, при всяких обстоятельствах, держать её всегда в самом себе. Понял я и согласился о пользе того недостатка, главного — духовного, который есть в нас и о котором мы не думаем. Не тревожимся о его скудости в нас. Не обращаем на дефицит этого в нас. Всё нам видеть застилает враг нашего спасения. Он устраивая, через земных своих слуг, управляющих земной властью, создавая нам сейчас множество внешних трудностей, отвлекает нас. Не даёт видеть и заниматься главным — вечным, — спасением своих душ. Отец Кирилл напомнил, что прежде всего надо разорвать этот порочный круг, эту паутину, застилающую наше видение. Начать видеть не внешние угрозы, невзгоды, а внутренние, духовные.

Чтобы быть поближе к Батюшке, я устроился работать дворником при Резиденции Патриарха в Переделкино. Ходил к отцу Кириллу в крестильную. Там всегда было много людей. Человек около 300. Смотрел, как Батюшка исповедает. В ожи-

дании исповеди все стояли. Однажды, он взял меня из очереди раньше. Передо мной человек 200 было. Пока я исповедовался, привезли одного старого монаха на исповедь. Батюшка усадив меня в сторонке, занялся этим монахом. О чём они говорили, мне не известно. Вдруг, раздался глас этого монаха, как паровозный гудок. Батюшка что-то очень тихо говорил ему. Так повторилось несколько раз. Потом отец Кирилл стал читать над ним разрешительную молитву. Вдруг стёкла затряслись, задымилось. И монах рухнул в изнеможении. Его подняли, и он спал, пока другие исповедались.

Однажды я свалился с сильнейшей болью и лежал два дня обездвиженный. У меня были сильные боли в спине. Даже пальцем я не мог пошевелить в буквальном смысле слова: защемило грыжу. На следующий день я намечал ехать к отцу Кириллу на богослужение. Должен был обсудить с Батюшкой намеченные вопросы и затем присутствовать на Всенощной, а потом на Литургии, я готовился к причастию. Позвонил Батюшке за полчаса до службы и сказал, что не смогу, не приеду. Он спросил:

— Что случилось?

Подробно я объяснил причину. Батюшка терпеливо выслушал и сказал:

— Отлёживайся, отлёживайся.

Остался я лежать, превозмогая невыносимую боль. И вдруг, через несколько минут, я почувствовал, что боль отходит. На мне будто лежали, образно говоря, 10 мешков по 100 килограмм и я чувствую, как эти мешки кто-то снимает с меня. Почувствовал я полное исцеление от боли. Пошевелил рукой, ногой, попробовал встать. Всё получилось в полной мере. Покрутился в стороны, и понял, что исцелён. Понял я, что Батюшка зашёл в алтарь и помолился обо мне, грешном. Было уже время начала службы. Встал я на колени и после благодарственных молитв Богу поблагодарил мысленно и Батюшку за моё полное исцеление.

Был ещё опасный момент у меня. Когда я заболел болезнью крови, все думали, что у меня рак. Опухли лимфоузлы. Я не делал никаких анализов, кроме крови. Приехал к отцу Кириллу и говорю:

— К смерти ли мне эта болезнь? Надо готовиться?

Батюшка похлопал меня по плечу, обнял... Понял я через это, что нет, не будет ничего смертельного со мной. Отец Кирилл не ошибается, всегда сообщает истину, какая бы она ни была. В данный момент она была радостная, обнадёживающая.

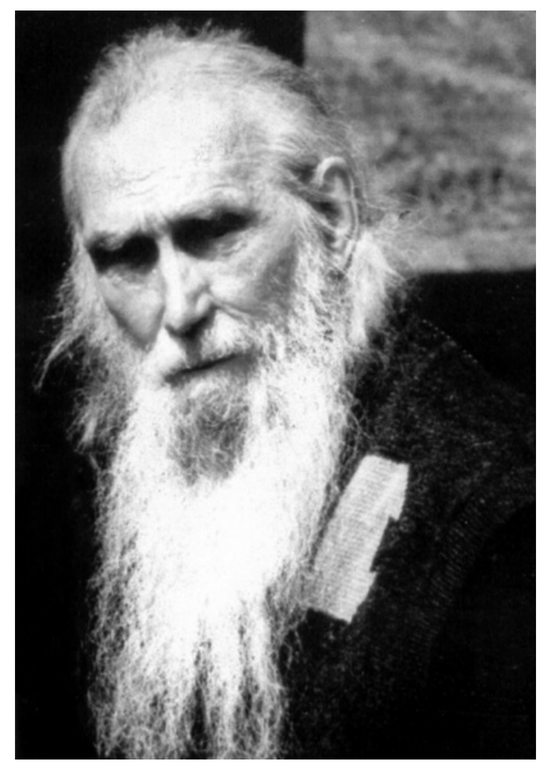
Под Трапезным храмом у отца Кирилла была исповедальня. Туда собиралось много людей. Бывало, что он там проводил и всю ночь. Однажды я приехал к нему и заметил, что он очень обрадовался. Почему? Потому, что грешников любят больше, чем праведников. Но милостью Божьей и при помощи Батюшки я стараюсь раскрывать и исправлять грехи свои. Несмотря на то, что отец Кирилл был, как всегда, очень усталым, время было уже за полночь, а ожидающих очень много, он и меня исповедовал долго. Хотя я был незадолго перед этим. Когда он завёл меня в келью, мы с ним очень обстоятельно говорили. Я пытался коротко рассказать о своих немногих бедах, а он меня всё время останавливал и просил рассказать подробнее. Вроде бы разговор простой. О работе и прочем... но ничего не говоря особого и значительного, на первый взгляд, он меня

принудил открыть все мои и затаённые, забытые грехи, так, как я исповедовал бы их на Страшном суде, со всем откровением и раскаянием. Уходил я, потрясённый происшедшим. В очередной раз поражённый тем, сколько же грехов у меня обнаружил, вытащил и выпотрошил из меня, «благополучного», отец Кирилл! Ступая машинально, будто закаменелый, я долго не мог прийти в себя. Настолько вычищен и омыт был я усилиями Батюшки. Меня поразило, как всё это может совершить с тобой обычный с виду, такой же смертный человек? Какой необыкновенный, поразительный талант!

«И среди нас, дорогие братия и сестры, могут быть такие люди, которые, обладая известными добрыми качествами, и достоинствами, и добродетелями, проводят время в различных трудах, занятиях, развлекают себя удовольствиями и радостями невинными и среди своих трудов и радостей совершенно забывают о Боге и своих обязанностях по отношению к Нему. В гордом уповании на свою праведность они считают себя не нуждающимися в милости, дарах и благах Божиих, решительно отказываются от дел самоотвержения, от послушания Богу и остаются глухи ко всякому призыву ко спасению».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

В другой раз к нему приехал архиерей. Отец Кирилл пошёл с ним за проходную, а меня отослал на два часа погулять. Когда отец Кирилл вышел из братского корпуса обратно через проходную, его облепило 50-70 человек народу. И он так шёл в храм через Никоновский придел. Подбежал я к нему и сказал, что на следующий день приехать не смогу, потому что работать буду. Батюшка почему-то кивнул мне головой в ответ и сказал: «Приезжай, приезжай». Второй, и третий раз я повторил ему, то же самое. Ответ был таким же. Грешным делом подумал я, что Батюшка глуховат, не расслышал. Ушёл

я озабоченным, потому что Батюшка не разрешил мой вопрос, с которым я к нему приехал. Очень я раздосадован был от этого. Получилось, что провёл я праздно, впустую целый день. Приехать же повторно я мог только через неделю, а никак не «завтра». Но на следующий день оказалось, что мне не надо выходить на работу: фирму нашу закрыли. У меня образовалось много времени, и я поехал в Сергиев Посад. Откуда он узнал, что я буду свободен? Совсем не «глуховат» отец Кирилл. Слышит он намного лучше нас, да такое, что нам и не снилось. Как древние богатыри, которые, к земле ухо прислонив, слышали за многие километры, что где происходит. Отец Кирилл чувствует намного больше, и не прикладывая ни к чему уха своего. После этого я чаще стал ездить к Батюшке, почти каждый день в Лавру. На этот трудный период Батюшка платил мне некую «зарплату», давал деньги, пока я не устроился. Жизнь потекла по-иному. Казалось бы — парадокс. У меня нет работы. Вопрос был очень серьёзный! Как нам с детьми жить дальше?!.. А я... вместо того, чтобы волноваться, исступлённо искать работу, кусок хлеба, я по совету Батюшки езжу в Лавру и молюсь. Волноваться, нервничать, переживать я должен, а я ощущаю при этом в себе такое спокойствие, такую умиротворяющую теплоту душевную, что меня этот вопрос

уже как бы и не волнует... Вскоре, действительно, оказалось, что этот тяжелейший вопрос разрешился сам собой. Работа сама меня нашла. Конечно же, по молитвам и усердию отца Кирилла. Тогда я понял, что Господь дал мне главное чудо — иметь честь знать, возможность встреч и бесед с Батюшкой. Оно с виду неприметно происходит в нашей жизни, и мы его не замечаем, не поражаемся ему.

Когда нам снова стало очень трудно, моя семья летом уехала в деревню. Все деньги я отдал семье, мне не на что было купить даже хлеба. Поехал я к отцу Кириллу. Денег у меня не было. Думал, как-нибудь доеду, а там что Бог пошлёт. Иду, молюсь и с Батюшкой мысленно разговариваю. Жалуюсь ему на трудные обстоятельства. Подхожу к метро. Было лето, но дул сильный ветер. Вижу — на асфальте лежит купюра в 100 тысяч рублей (тогда были миллионы). Они не были ни приклеены, ни на ниточке. Новенькие. Люди шли мимо и не замечали. Правда, людей было не так уж много. Осмотрелся я — никто не оглядывается, не разыскивает пропажу. Поднял я купюру и стал её поворачивать в стороны, показывать людям. Может, кто-то увидит, тот, кто обронил и ищет. Простояв 10 минут, я понял, что эти деньги никому не нужны. И тут до меня дошло, что это отец Кирилл деньги мне эти прислал. По ветру, из Сергиева Посада. Помчался я на электричку в Лавру. Потом ещё жил на них почти целый месяц. Так вот меня Батюшка выручал, подкармливал в трудные моменты.

Одна монахиня, через отца Кирилла, предложила мне работу в Патриархии. Батюшка позвонил мне и сказал:

— Сашок! Я нашёл работу тебе. День будешь там, день — у меня.

— Какая работа?

— В Патриархии.

— Это не работа. Это — мечта! — возликовал я, умилённый заботой и помощью Батюшкиной обо мне грешнейшем, каких у него — тысячи, а он помнит и содействует.

Очень Батюшка был ласков и любвеобилен с моей мамой. Она жила в фашистской оккупации. Они там были худые и маленькие, не росли совсем, потому что есть нечего было. Вначале голод был. Рыбу даже ловить не разрешали наши спецслужбы, а потом немцы пришли и те отбирали последнее у русских. Мама с Батюшкой беседовала долго, растроганная плакала. О чём они говорили, я не знаю.

Батюшка рассказывал ей, как они в снегах обморозили ноги. Сапоги-то не у всех были. Больше портянки да обмотки. Батюшка с тех военных пор ногами болеет, но больше желудком, пневмонией и бронхитом. И при всех своих недугах он заботится и печётся не о себе, а о других. День и ночь, отдавая последние силы и невеликое здоровье своё.

В Батюшке меня поражает любовь и осторожная ненавязчивость. Зная мои тяжкие грехи, которые я не исповедал ему, а он их знал — он всё же относился ко мне с любовью. Только подсказывал к чему надо стремиться, говорил, что человек — это подобие Божие. Призывал к вере в то, что человек всегда может исправиться. У него всем нам можно поучиться любви к человеку, терпению к его немощам, к духовным недугам. Он учит человека быть таким же. Очень хочется быть таким, и очень это трудно, но всё возможно Богу.

Однажды на исповеди к нему подошла женщина. Не знаю, может она была бесноватая. Она стала его укорять и хулить. Ни одна бровь у него не дрогнула. Её потом оттащили и вывели, но он сохранил спокойствие. У него и для похвал и для хуления всегда есть смирение. Он — настоящий монах.

Встречи с Батюшкой меня изменили. Знаю точно, что если бы не Батюшка, то жизнь моя была бы другая. Намного более нескладная и неудачная.

<u>Сергеев И.С.:</u>

«Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, нонешний день венцы готовятся».
(прп. Серафим Саровский)

«Не участвуйте в делах безплодных тьмы, но и обличайте».
(Еф. 5, 11)

— Отец Кирилл много лет был казначеем, и когда сняли его с казначейства, он очень расстроился. Из-за того, что причин для этого не было. Он ничего не нарушал. Как и всегда, старается, какое бы дело ни было, всякое послушание выполнить лучшим образом. Тем более что произошло это в грубой форме со стороны тогдашнего наместника Лавры. Без всякой причины, ничего не объясняя, он грубо потребовал у архимандрита Кирилла ключи, будто от провинившегося. Отец Кирилл был так унижен этим. Когда человек любит своё дело, даже казначейство, то ему трудно воспринять резкие, необоснованные перемены. Батюшка не любитель денег, это ему не надо. Деньги — самое последнее в жизни. Деньги в христианстве — не цель жизни. Если есть молитва, то есть и хлеб. Батюшка через это, через казначейство, мог помогать людям. Этим он был озабочен. Старался, чтобы и делу не повредить, был аккуратен. Берёг нужное, но и помогал другим. Помногу людей принимал и помогал, через казначейскую должность свою. Через эту помощь свою людям он много людей к Богу привёл.

Крепкой своей, солдатской волей Батюшка преодолел огорчение от наместника. Даже виду не показал. Смиренно подчинился. Ничего не ответив, он поклонился, пошёл, принёс и отдал ключи. Но с этого времени, от сильного переживания, стал немного заикаться, захлёбываться речью. Когда же начали его потом с места на место переставлять, вот эти стрессы подействовали на его здоровье. От внезапно возникших пере-

мен, усилившихся искушений и расстройств, от таких резких перемен здоровье у отца Кирилла поколебалось. Мы видели его скорби, но помочь ничем не могли.

Видели, как он каждый день неустанно трудится. Чувствовали его переживания, каждый вздох, потому, что он нам очень дорог. Особенно скорбели, когда его оторвали от нас, перевели из Сергиева Посада в Переделкино.

Ниву Господню надо обрабатывать. Паству надо спасать. На то наши пастыри и призваны. К сожалению, порой в данное лукавое время, не всё наше священство ниву, вверенную им, обрабатывают. Порой истину не говорят, лукавят. Пагубно льстят. Платы не должны иметь, кроме необходимого. А что мы иногда видим?.. Вот против таких разрушающих нас примеров нерадения и воздвиг нам Милостивый Господь архимандрита Кирилла. Поставил на высокий подсвечник, чтобы виден был и светил он далеко. Большим мирским чинам и церковным и нам — мирянам, всем. Чтобы видели — каков должен быть ныне пастырь, служитель Богу и людям. Его многие и опасаются. Потому что видят, знают, что есть ещё такой настоящий пример служения, дерзновенный, смелый пастырь.

Вот же у Иоанна Богослова описано в Апокалипсисе во второй главе:

«**Вем твоя дела, и скорбь и нищету,** и злословие от тех, которые говорят о себе, что они иудеи. А они не такие, но сборище сатанинское. **Не бойся ничесоже, яже имаши пострадати. Буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота».**

Многие, ныне служа по сути Мамоне, отрекаются от Христа за мирские блага: за машины, в которых всего-то ржавое железо и красивая краска, не думают, что это карета, везущая в ад. Дома роскошные, где веселие без Бога — это радость для бесовского духа, живущего в этом доме. Всем им легко заменить своё святое имя на число зверя, зная прекрасно, что оно предупреждено в Писании и великими старцами нашими Николаем Гурьяновым, Иеронимом Санаксарским и Батюшкой нашим.

Сейчас и пост облегчается, упраздняется. Уже пишут и по «Радонежу» открыто говорят про это. Такие послабления ни к чему хорошему не приведут. Господь Сам как алкал и жаждал, а терпел!.. Пост и молитву прежде всего держать надо. Апостолы ходили и исцеляли людей, но иногда это и у них не получалось. Они спросили Иисуса Христа: «Почему так получается?» Он ответил им: «Потому что те, кого вы пытались исцелить, были не подготовлены к этому, а вам надо усугубить свой пост».

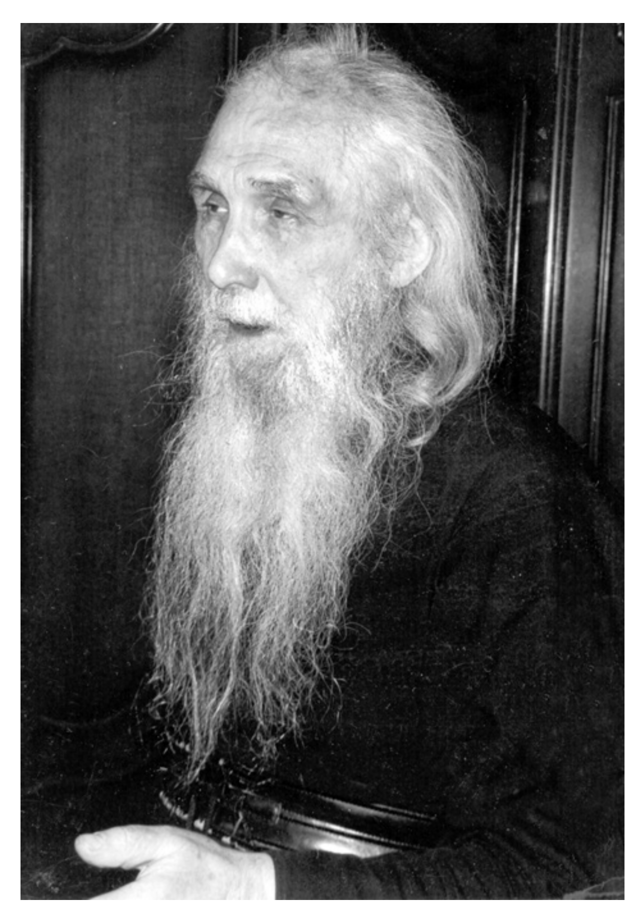
Дошли до чего! Перевод Богослужений на современный язык. Службы по телевизору показывают. Соблазняют через это народ. Многие уже на Пасху в храм не ходят. По телевизору патриаршую службу смотрят. Разве может «железо» передать Дух Божий?! Он где? В телевизоре, или в храме? До чего дошли! Даже то тайное, что за закрытыми царскими вратами, за завесой совершают священники, Тайну Тайн — преосуществление Даров — показывают! Это что такое происходит?..

Раньше, если не получили благословение на учёбу или работу, то никто никаких дел не начинал. Все дела пойдут «насмарку», впустую. Раньше все слушались старцев. А сейчас мало кто их благословения испрашивает. Даже монастырями руководят не духовники, а наместники. По существу чиновники от церкви, которых не братия избрала, как раньше, а вышестоящие «начальники» назначили. Поэтому им благословения и советы старцев не нужны. Они «сами с усами» и бородами, только сейчас у многих подстриженными и подбритыми.

Кроме того, мы к службам приуготовляем не всё так, как надо. Используем парафиновые свечи, которые коптят. Масло в лампадах используем не растительное. Не из того, что растёт над землёй, а нефть, керосин, который из-под земли, из Преисподней, как и газ. Как-то в одном монастыре перепутали и полили еду этим маслом. Всю пищу выбросили. Что же они не стали есть? Им — нельзя? А Богу — можно?!.. «На Тебе Боже, что нам негоже?»... Отец Кирилл нас благословил только на восковые свечи и растительное масло. Копоти нет. В тех

храмах, где так же делают, никаких ремонтов, реставраций не надо. Всё окупается, и Богу приятно.

Нам однажды об этом чудесным образом показано было. Одна послушница на приходе перепутала, и купила вместо восковых парафиновые свечи. Что делать? А их много. Слукавили. Решили оставить их и продавать. Положили на «ящике». Закрыли вечером храм. Ушли. Утром пришли, открыли храм. Все пачки тех свечей валяются на полу. Поняли тогда, в чём дело, убрали их с подсвечников и с продажи. Всё мы хотим обмануть самого Бога, даже в Его доме — в Его храмах. Забыли печальный урок Анании, слукавившего перед апостолом Петром. Это как в пекарне. Какой добрый хлеб будет, когда всё делалось наспех и из чего попало? Прервана добрая традиция, а восстанавливаем наспех, халтурно.

Отец Кирилл — один из последних, уходящих старцев. Многие из тех, которые сейчас приходят им на смену, совсем другие. В них больше самомнения. Видеть вдаль, далеко, они не могут. У них другой склад, другой во всём подход. Они люди настоящего времени, реальные, этого мира,

очень прагматичные. С сотовыми телефонами в карманах, в которые они постоянно заглядывают или что-то набирают. Даже на службе, на клиросе и в алтаре! Всегда спешащие, занятые чем-то. У отца Кирилла во-он сколько людей, и он никуда не спешил. По «личным делам» не торопился. Их у него никогда не было. Всем находил время. Никого не торопил, выслушивал. Внутренней, напряжённой жизни часто у многих нынешних — нет. Подходишь к такому священнику, а у него в глазах равнодушие, пустота. Некоторые тут же, при тебе и по мобильникам разговаривают. Ну, какая тут исповедь, доверительность?

В его родной Лавре, где он — отец всем, Братский духовник, никто из высоких чинов не вспоминает отца Кирилла. На праздниках «многая лета» ему уже не поют. Молебны о его здравии не служат. Терпеливые труды создавших всё до них, не поминают, не чтят.

Как-то на торжественном собрании в Лавре один из важных лиц гордо произнёс, что на них, нынешних насельниках Лавры, как на семидесяти апостолах, всё держится. Когда услышал я про это, с грустью подумал, что жаль, меня там не было, я бы сказал им: «Никто из вас не вспомнил тех, кто возродили Лавру. Восстановили не только её здания, но и духовное строение. Никто не вспомнил многолетнего духовника архимандрита Кирилла. Он столько лет трудился здесь. Вместе с другими старцами заново заложил основы монашеской жизни. Это всё равно, что собрались дети, празднуют, друг друга поздравляют, а отца, родителя, будто и нет. При живом отце — без отца. Как же мы после этого выглядим перед Господом? Да никак. Блудные дети. Вот и всё»...

Если бы мы чтили тех, кто создал всё, сохранил, донёс до нас, и дети наши были бы другие, и будущее у нас было бы другое. Бога мы перестали по-настоящему бояться. А отсюда всё и идёт.

Ольга Кононова:

— До этого, я никогда не была у отца Кирилла, но слышала о нём много. Мечтала попасть и молилась. Когда я приехала к нему, народу было очень много. Потом пришли матушки, трудящиеся во вспомогательных службах Лавры, и по Божьей милости нас впустили. Стояли мы около Батюшки. У меня текли слёзы и пошло какое-то очищение. Думала, что я вот грешница стою здоровёхонькая, а Батюшка такой духовный, а лежит и мучается от болезни. Так мне стыдно за греховность, недостоинство своё и скорбно было!

Когда мы вышли, получив гостинцы... открытки, иконочки... приложились к ручке Батюшкиной, у меня появилось ощущение, что всё теперь будет по-другому, легко и хорошо. Мне хотелось всех благодарить и поделиться своей радостью. Одна матушка, видя моё состояние, сказала мне, что надо сегодня сделать 1000 поклонов. Только тогда я в полной мере поняла, какую милость от Бога получила. К какому человеку попала!

Те, кто окормляется у отца Кирилла, тоже очень интересные люди.

Пробыв в Иерусалиме одиннадцать лет, не захотев принять новые документы, отец Николай Мазюк вынужден был вернуться на родину. И что вы думаете — его направили на службу в Новый Иерусалим г. Истра Московской области! Но земные дни отца Николая были уже сочтены. Ушёл он в мир иной в 2004 году. Похоронен в городе Береза.

По словам матушки Татьяны, когда муж умер, думала, что уйдёт за ним следом. «Было чувство, что нас разрезали... Два года не могла ничего делать».

Продав квартиру в Гродно, она перебралась в г. Березу, поближе к мужу. Сейчас ходит на службу в собор, поёт в хоре и помогает всем, чем может.

— Мой духовник архимандрит Кирилл Павлов. — говорит она. — Ездила к нему в Переделкино. Чуть пробилась. Хотя он

и слаб, слышу, спрашивает меня: «Хочешь ли в Иерусалим?» Я ему не ответила, потому что поняла: он знает, что этого я очень хочу. И ещё мне стало стыдно, что я горюю по мужу более всего. Напомнил мне Батюшка Евангельскую истину: **«Кто любит отца или мать, мужа или жену... более Меня — несть Мене достоин».** Так и я, затмив себя личной потерей, отодвинула как бы от себя главное — Господа. Которого нужно любить «всей душою, всем помышлением своим». Батюшка вразумил и предупредил меня, что если я и далее так буду себя вести, то потеряю для себя Небесный Иерусалим. А это самое страшное на свете».

Хочется, чтобы отец Кирилл подольше пожил. Он страдает за нас и нас же утешает. Даже когда читаешь про него, получаешь душевный опыт, наставление, так необходимые нам в наше пагубное время.

Милостью Божьей не так давно второй раз я попала к отцу Кириллу. Снова получила необыкновенную радость и прилив сил. Кроме этого, я почувствовала, что он меня исцелил от головной боли, которой я много лет страдала. Когда я к ручке его приложилась, то в голове у меня произошло просветление, головные боли у меня прошли. Главное же то, что он «убрал» из меня всю ту суету, хаос, неуверенность и страх, которые царили в смятенной душе моей, и не давали покоя. Теперь во мне порядок и ясность. Я утвердилась в вере и молитве.

Николай Седов:

«Никогда, о человек, то, что относится к Церкви, не исправляется через компромиссы: Нет ничего среднего между истиной и ложью».

Свт. Марк Эфесский

— Практически сразу же по воцерковлении я получил замечательного духовного отца, с которым остаюсь по сегодняшний день. Это — архимандрит Кирилл. Мои более умудрённые православным опытом друзья называют его идеалом духовника. Я тоже в этом постоянно убеждаюсь.

Повидаться с ним обычно получалось один раз в две-три недели. На него я выносил очередной список согрешений своих и вопросов — стараясь получить ответ. Многим от таких мудрых ответов Батюшки я обязан сегодняшнему духовному благополучию. Ясности в моём пути. Отсутствию страха и неопределённости перед устрашающими вызовами пагубного предантихристова времени.

Ещё в середине 90-х годов мне прислали письмо из Башкирии, с недоумением. Тогда там начали присваивать людям социальные номера. Люди спрашивали, как к этому относиться? Поскольку вопрос касался важных проблем, я решил обратиться к старцу, к отцу Кириллу. Написал ему письмо, на которое он быстро дал ответ, где он написал об опасности вводимых новшеств. Под видом заботы о людях, объяснял он, вводят международный учёт всех людей для регистрации в Брюсселе, на глобальном компьютере. Чтобы мы все были на учёте у антихриста. Батюшка так прямо и говорил в своём письме и предупреждал, что это опасно для спасения. Потом будет ИНН, потом новые документы. Это очень духовно опасно, пагубно. Лучше сразу отказаться, дальше будет труднее.

Старец внёс ясность, как правильно относиться нам в дальнейшем верующим, духовенству, монашествующим и мирянам к вводимым социальным номерам и другим нововведениям безбожной власти.

Однажды, когда я простодушно поведал о своих радостях отцу Кириллу: «Батюшка! Моя продукция гораздо лучше, чем у многих конкурентов!» — старец, которому сразу стало всё по-

нятно, так меня «похвалил», что я все свои «достижения» выбросил... Так вот «умыл» меня Батюшка, пакостника, грешника.

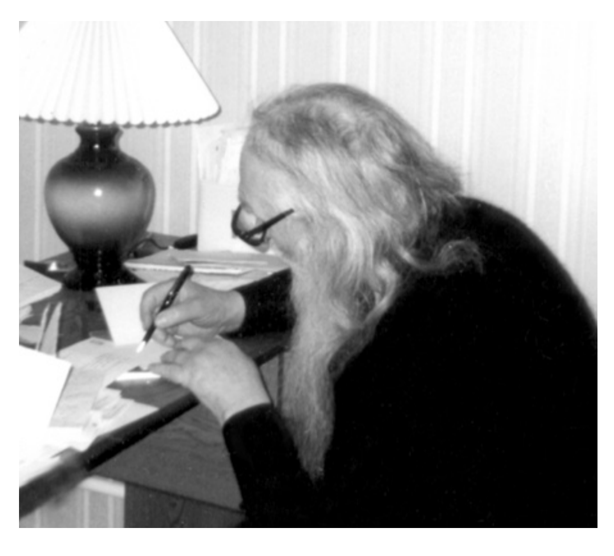
Не понимаю я некоторых из тех, кто «чадами» отца Кирилла себя называет, и, при этом, забыв его уже, перекинулись, перенесли все свои интересы к другим священникам. Как это так? Родной отец в доме лежит, тяжко больной. Нормальные дети, в какой бы он немощи ни был, в какой бы заботе, трудах, суете они сами ни находились. Они должны заботиться о нём, помогать ему и молиться, чтобы он как можно дольше был с ними. Как можно дольше! Потому что это — основа дома. Они понимают, что если его не станет, для них это будет очень большая потеря. Потеря отца, главной опоры дома. Если прагматически, по-западному, это, наоборот — освобождение от обузы. А русская духовность предполагает другое, совершенно противоположное этому. Для нас это именно потеря, а не освобождение. Отец Кирилл себя никогда не жалел, отдавал всем без остатка.

И после полуночи до четырёх утра или до пяти, пока наступал рассвет, ещё горел у него свет. Он сидел за письменным столом, отвечая на наши письма. Когда он спал, никто не знал. Вот такая безпощадная отдача себя людям, и, конечно, он себя истощил. Батюшка всегда верен нам. Ни от кого не отворачивался от нас, при наших бедах. А мы?..

Есть ещё и «доброжелатели» другого рода.

У меня был такой случай. По совету знакомых я пришёл к одному пожилому священнику. Беседовали с ним. Когда он учился в Лаврской семинарии, то окормлялся у другого священника. И вот этот мой собеседник почему-то с «полным правом справедливости», вдруг как закричит: «Что вы пристали к нему, мучаете его? Отпустите вы его! Что вы, чада, держите его здесь? Он мучается, страдает, а вы безсердечные! Не держите его больше своими молитвами. Не молитесь! Он и отойдёт спокойно в мир иной».

Поражён я был, шокирован этим. Странно. По какому «праву» он декларирует такое своё определение? Он сам не

является духовным сыном старцу. На каком основании он влезает по существу в чужую семью и командует там? Определяет, как поступать с нашим отцом? Это — неделикатность, невоспитанность, уже не говорю о долге священническом — сострадании к страждущим. Сам он поди, заболеет, не станет «отходить в мир иной». За врачами пошлёт, всех на ноги поставит. Деньги, всё ради этого будет отдавать. А тут, «хозяин» чужой жизни нашёлся. Понятно ещё было бы, если человек с сожалением говорил на эту тему. А тут он как бы выпихивает Батюшку из этой жизни. По какому праву? Только Господь имеет право распоряжаться жизнью человека!

Есть, увы, такие «определяльщики», «жалостные» с виду, но жестокие по своему самоуверенному определению. Если бы отец Кирилл захотел, чтобы его страдания закончились, Господь тут же бы это сделал. Но Сам испытавший, испивший чашу страданий полностью, до конца, Он и верным Ему, начиная от Апостолов, даёт возможность взойти, через свои страдания на высочайшую ступень в Царствии Своём. **«Претерпевый до конца, тот спасен будет».** Есть значит очень значимый смысл в том, что отец Кирилл так страдает. Нам же лезть в познание, определение этого тайного смысла и рассуждать» о «пользе» в этом не следует.

«Мы ропщем иногда на болезни, между тем как должны бы благодарить за них, потому что, не говоря о буду-

щей награде за страдания, болезни благодетельны и тем, что укрощают наши страсти, которые бы могли в нас усилиться и Бог весть до чего довели бы нас. А потому, если посетят тебя болезни, старайся их переносить с терпением и не искушайся мыслью, что они мешают твоим подвигам духовным.

Надо не переставать повторять себе, что скорби чрезвычайно полезны душе нашей, что они ведут нас ко спасению, и не их должны мы бояться, а того, чтобы Господь не забыл о нас, — вот истинно была бы величайшая скорбь. А когда Он посылает нам кресты, это доказывает не только памятование Его о нас, но и любовь к нам, грешным. Святое Писание очень часто повторяет нам эту высокую истину, чтобы глубже запечатлеть ее в душе нашей: Его же любит Господь, наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет. Если в скорбях мы будем видеть не просто несчастья, а истинный крест Христов, тогда поймём, почему души скорбящие — любимые дети Божии».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Известно о том, как герою, защитнику Дома, сержанту Ивану Павлову после Сталинградской битвы предлагали вступить в партию. Он неожиданно для работников политотдела уклонился от этого «почётного» предложения. Сказал, что «не достоин такого «высокого звания»... Политначальники и «особисты» были в шоке. Отважный герой, сержант Павлов моментально «сгорел», стал неудобен властям. С таким бунтарём в высшей степени репрессивная, тоталитарная власть давно не сталкивалась. Произошло замешательство. Прославленный на всю страну воин-легенда отказался от почётного, торжественного вступления в ряды правящей партии!.. Всё было готово, чтобы это шумно преподнести всему обществу, как торжество идей коммунизма и вот... осечка. «Шила в мешке не утаишь». По всему фронту, из уст в уста разнеслась весть об этом, пошли слухи. Скандал! Сколько высочайшего ранга политкомис-

Сталинград. 1942 г. Битва за каждый дом.

саров и политруков затряслось в страхе за своё сытое и безопасное положение. Местные НКВДэшники помогли, быстро сориентировались. Мгновенно свалили героя с пьедестала славы, перебросив его в другую часть, в самое пекло, в разведдесант. Это пострашней штрафбата. Это те, кто, примостившись на броне штурмующих, мчащихся танков, самыми первыми посылаются на прорыв неприступных укреплений. Верная, скорая смерть. Авось быстренько погибнет, и дело с концом. Потом можно и вспомнить, мол, жаль героя. И ещё медальку дать. Посмертно. Крокодилью слезу выдавить... Но сразу, дабы скрыть такое «назначение» героического сержанта на верную гибель. Чтобы остановить ропот, недоумение солдат и народа. Где герой? Куда делся? Удалось у стряпчих. Ропот затих. Да и не до того на войне-то. Чудом Божьим остался жив героический сержант Иван Павлов. Добрые люди после ранения перевели его в другую, менее гибельную часть. Достойно, честно завершил свой боевой путь славный воин. И уже забытый, «похороненный», вновь явился живым! Да ещё в монастырь, в монахи подался!!.. Что делать? В мирное время уже нет удобных для спецов «плаща и шпаги» штрафбатов. Невозможно втихаря, в спину пристрелить. В тюрьму, в ГУЛАГ тоже посадить нет возможности. Ни к чему не прицепишься у него. Все сразу догадаются. Военной отвлекаловки, неразберихи уже нет. Ушлые, изобретательные «органы» состряпали другой, проверенный способ безкровного убийства. Создали, выдвинули двойника. Другого якобы «сер-

жанта Павлова». Тем более, что непосредственных свидетелей, бойцов, оборонявших Дом Павлова, осталось всего трое. Один бывший узбекский крестьянин и двое, которых вскоре тоже репрессировали по разным причинам. Вызвав и пригрозив, получив у героя-сержанта, монаха согласие на молчание, «органы» более уверенно и с большей помпой стали раскручивать двойника. Широким потоком хлынули газетные статьи, книжки, фильмы, прославляющие копию героя. При полнейшей монополии на СМИ, устрашение репрессиями атеистической власти, ненавидящей Православие, как корень русского народа, им легко это удавалось. Тем более, что настоящий герой, теперь равнодушный к этому, непритязательный монах молчал, не претендовал. Он и имя к тому же сменил. Из грозного для них Ивана, стал неизвестным, скромным иноком Кириллом. Бессмертному монстру Дзержинского, «органам», оставалось только время от времени поддерживать сооружённую ими конструкцию устоявшейся лжи. Они время от времени подмазывали через СМИ, своими агентами отдельные трещины созданного ими мифа-дубликата. Кое-как, всё скрипя, она держалось до поры... Ложь не бывает всепоглощающей, вечной. Ибо, живёт Евангельская истина: **«Нет ничего тайного, что не откроется и не станет явным ... Что сказано шёпотом прогремит на кровлях...»**

И хоть ничего не говорит для широкой публики отец Кирилл, неглупым и не связанным с властями «по службе» — давно ясно. Если бы он был не он, тот герой-сержант Павлов, его бы тогда, после войны вызвали НКВДэшники? Он бы стал им отвечать по этому поводу? Сам бы спросил их: «Вы ненормальные? Что вы мне приписываете то, чего я не совершал». Он бы тогда ещё прямо и определённо сказал наверняка, что это был не он. Но ведь он этого не сказал и теперь не говорит. А это означает, что «да, он — тот самый герой-сержант Павлов». Монашеская суть его не позволяет ему это сказать, сделать такое признание. Тогда это стало бы актом гордыни, убивающей его как монаха и великого старца. Сказать твёрдо, что это-де

не он, чтобы отвязались от него с этим вопросом, он тоже не может! Это значит — солгать. Такое будет ложью, неправдой. Он бы с большим удовольствием сбросил с себя тяжкий груз двусмысленности, неопределённости. Если бы возможность такая была. Вот и находится архимандрит Кирилл в этой трагической «вилке», куда загнали его преступные власти и их главный инструмент «органы **бес**опасности».

Некоторые из агентов этих самых «органов» заявляют ещё, что они-де, самые близкие к Батюшке и поэтому больше всех знают про истину. Лгут они! Никогда отец Кирилл прямо, конкретно не отрицался от своего подвига, а вот подтверждение этому, доверительно, сообщал некоторым. Открыто заявить об этом он — не может. Тогда он повредит себе, как монаху, особенно, как старцу. Вот и терпит он в этих «ножницах» всякие изгиляния и тех, кто при этом ещё заявляет, что он будто «чадо» Батюшки. У Спасителя тоже было «чадо», его весь мир знает. Иудой его звали. Такие (за плату или за выслуживание), вольно или невольно подвывая всесильным «органам», бросают на Батюшку тень: «Почему он молчит? Значит признаёт наши утверждения!..»

Сталинград. 1945 г. Дом сержанта Павлова.

Сталинград. 1943 г.
Дом сержанта Павлова и окружающие его руины.

Идеология атеистов рухнула. Созданный ими двойник, пользовавшийся чужой славой, отошёл уже в мир иной, а они, эти «органы», всё повторяют состряпанную ими ложь через своих штатных агентов, часто именующих себя «патриотами» и «православными». К Батюшке они имеют лишь косвенное отношение, или вовсе его не знающие, или приезжавшие к отцу Кириллу лишь иногда с семьёй, как на прогулку. Больно за то, что люди с падшей душой до сих пор продолжают крутить нквдэшное враньё на эту тему, отрабатывая свои подлые иудины сребреники, у всё той же антихристовой власти, раня и без того исстрадавшееся сердце отца Кирилла.

Зримый, убедительный аргумент состоит и в том, как власти и поныне страшащиеся настоящего православного и патриотического подъёма в нашем народе, боятся Дома сержанта Павлова. Он стоит и доныне на бывшей Пензенской улице, переименованной в площадь (конечно же!) Ленина. Только какой он теперь?.. «Восстановили» и заселили его спешно, сразу после войны. Зачем? А это партийцы и «особисты» знают. Теперь

он целёхонький, добротный, заселённый жильцами. Только небольшой фрагмент руин бывшего Дома, да мемориальная табличка означают, что это за дом и что связанно с ним. Основным же памятником мужества солдат защищавших важный рубеж на «нейтральной полосе» — Дом сержанта Павлова, оставили не восстановленные руины, почему-то рядом стоящего здания, частной мельницы одного немца. Многие снимают на фото это здание и думают, что это и есть, тот самый героический Дом. Нелепость, абсурд? Совсем нет! Это и поныне зримое выражение панического страха властей перед истиной и правдой, связанной с настоящей (а не сочинённой и расклишированной властью) историей этого рубежа обороны Сталинграда и его подлинными защитниками.

Нынешний вид «Дома сержанта Павлова».

Только остаток прежнего Дома вмурован в новодел.

Бог Отец из необыкновенной любви к нам, негодным, грешным, которых уже тля почти совсем растлила, как последний шанс, чтобы не исчезнули мы совсем с лица земли, при очищении земли уже огнём, Он посылает нам своего Сына. Зная, что мы с Ним сделаем. Представляете, какая любовь у Бога Отца к нам негодным, грешным?! Вот так же, я думаю, Господь, любя отца Кирилла, сострадая ему, ради нас, грешных, держит его, одного из любимых, первых своих молитвенников — в таких тяжких страданиях и столько лет! Из любви необъяснимой к нам, окаянным. Потому что если убрать от нас молитвы отца Кирилла, как резко мы прибавим в своём падении! Убеждён в том, что во многом и сейчас мы все спасаемся нашим Батюшкой. Господь ради него, его слёзных молений о нас, продлевает нам время. Для укрепления нашего и подготовки к большим, грозным испытаниям.

С поддержкой духовного отца мало что может сравниться. У меня от него абсолютно нет секретов, мы думаем в одном направлении, у нас одна система ценностей. Даже сейчас, при болезни Батюшки, я чувствую, что мы заботимся друг о друге — молитвенно. Это даёт мне силы и прибавляет мужества стоять в Истине.

Маргарита Польгова:

— В 1984 году возвратился с Афона мой духовник игумен Виссарион. Была я в то время беременная и все настаивали, особенно родители и родственники, чтобы я нарушила, перестала держать пост. Отец Виссарион по этому вопросу направил меня к своему духовнику — архимандриту Кириллу. Он встретил меня очень ласково, расспросил о моих делах, здоровье. Потом ласково так сказал: «Коровка травку щиплет, а молоком своим кормит многих...» Заулыбалась и я, в благодарность за его поддержку. Весь Великий пост продержалась. Ещё Батюшка Кирилл посоветовал мне по 150 молитв Богородице

читать. Сказал при этом: «И будет у тебя ребёночек такой, какого захочешь». И что же? На удивление многим я родила крупненького, здорового мальчика-крепыша. К тому же кормила его своим молоком до трёх лет.

Моя мама всю вторую половину жизни, 30 лет работала в храме. Человек она очень ответственный и очень богобоязненный. Старостой была, и выполняла всё, что не попросят. Отец Кирилл знает её хорошо. Говорил ей часто: «Аннушка, ты тоже себя береги. Старайся, но береги». По неразумию своему, я ей говорила:

— Мама, ведь ты с высшим образованием, инженер. Почему ты должна мыть пол и готовить?

— Я стараюсь для Господа, — отвечала она.

Она сутки работала — трое дома. В этот период я вышла замуж за военного. Это было в 1983 году. Мужу моему внезапно стало плохо на праздник прп. Сергия. Он никак не хотел идти в Лавру. Его Господь всё равно доставил в храм. Скрутил аппендицит, и увезли его, оперировали в храме Иоанна Лествичника. Там была в советские годы больница. Операционная же находилась в алтаре. Таким вот образом, под звон колоколов, 18 июля на Сергия Радонежского, моему мужу сделали операцию. Мама моя работала в храме, который был в 50 метрах от этой больницы. Она побежала проведать зятя. Тут приехал настоятель и стал возмущаться её отсутствием. Ему объяснили причину. Он негодовал, что она ушла. Пришла она через 10 минут. Вскоре, случилась новая беда. Как-то настоятель, снова возмущённый, подошёл и сказал маме: «Во время вашего дежурства у меня пропал крест с дорогими украшениями!» Мама расстроилась. Пошла в Лавру к отцу Кириллу. Он тогда был казначеем. Батюшка очень ласково сказал ей: «Не переживай ты, Аннушка. Не расстраивайся, чтобы там ни было. Передай настоятелю от меня вот это». Завернул маме свёрток и отдал. Она прибежала в храм, и отдала настоятелю свёрток от отца Кирилла. Тот развернул, и они увидели, что там большая сумма денег, которая не толь-

ко на крест, но и ещё намного хватит. Настоятель расстроился, зная, что Батюшка так просто бы этого не сделал. Стали все искать крест. И он быстро нашёлся. «Ты отнеси деньги обратно отцу Кириллу. Они уже не понадобятся», — сказал смущённо маме настоятель. Для мамы это было очень болезненно. Отец Кирилл сразу всё понял и увидел, где правда. Он — прозорливый. Он нас поддерживал. Мы ведь и пожар пережили. Батюшка тогда тоже материально помог. И духовно очень укреплял. Мы Батюшке благодарны — безмерно!

Ещё в 1996 году отец Кирилл говорил об опасности глобализации. Тогда его сразу отстранили, и увезли в Переделкино. Мы тогда собирали подписи против его нежеланного перемещения.

Ближе к 2000 году стали внедрять новые паспорта с вклеенными под фотографией двумя информационно несущими полосками (у сердца и у чела). Мы спросили отца Кирилла:

— Батюшка. Как вы думаете? Пройдёт это у них? Воспротивится народ? Или согласится, все возьмут паспорт?

Отец Кирилл ответил так:

— Видимо. Мало людей устоит. Капли какие-то. Вот столько и останетесь. (Он указал на ведро, из которого перед этим была вылита вода). А в основном, все, так, под любым предлогом возьмут.

Как-то раз отца Кирилла приехал поздравить с юбилеем Победы один генерал. Он спросил:

— Что, Батюшка, Россия–то воспрянет?

— Нет. Не воспрянет, — ответил отец Кирилл.

— А почему?! — сильно удивился генерал.

— Народ этого не хочет. Вот так.

Батюшка, как ни молится, не сокрушается, а народ не препятствует своей жизнью увеличению, усилению зла. Более того, сам его умножает своим безчинством. Посему не поворачивается, не стремится к возрождению утраченного.

Кто-то из ближнего круга спросил отца Кирилла:

— А в Лавре–то, старцы есть?

— Да, мои хорошие, даже и среди молодых есть...

— А сколько?

— Да, человек семь наберётся.

Вот так он сказал.

На исповеди доводилось ходить к отцу Кириллу. Когда каешься ему, он буквально обволакивает тебя своей добротой и любовью. Забота только одна — как можно больше и тщательнее себя вымести, даже соринки из углов твоей души. Потому что стыдно неприбранной и неочищенной стоять около такого старца, такой строгости к себе и чистоты. Правда, иногда оставалась лёгкая досада после исповеди у него. Казалось, что я настолько тяжкие согрешения ему поведала. Надо бы меня поругать хорошенько, а он всё жалеет, ласково и бережно обращается.

Пётр Рябов:

«Лучше брань, чем мир, удаляющий нас от Бога».

(свт. Григорий Богослов)

«Господь познаётся не наукою, а Духом Святым».

(ап. Павел)

— Мне один мужчина рассказывал: «Отец Кирилл запал мне в душу еще с детства. Когда я впервые услышал про него, почему-то именно он отложился во мне. Как будто я встретил давнего, старшего наставника, отца, очень близкого мне человека. Сердце моё так мне говорит. Мне не удалось к нему попасть, поговорить, повидать его. Но всё равно, он был всегда со мной. Вот тут!». Мужчина указал на левую часть своей груди.

Пришли мы к отцу Кириллу получить благословение, чтобы сходить Великорецким крестным ходом. Он тогда сел, немножечко с нами поговорил, а потом спрашивает меня:

— Петя, а ты портянки-то мотать умеешь?

— Да так, на военных сборах мотали.

— Береги ноги, Петенька, — предупредил отец Кирилл.

Не придал я тогда значения этим словам, а зря. Подумал самонадеянно, что у меня хорошие кроссовки. Идти 170 км. Весь крестный ход, 6 дней из 7, которые он ведётся, по лесам, по полям, по дорогам, по асфальту, прошёл единым духом, а последние километры я еле-еле дошёл до конечного пункта. Все ноги себе сбил. Если бы я послушался Батюшку, замотал портянки, было бы хорошо, а я шёл в носках и сбил ноги так, что сил больше не было. Понял я, что Батюшку надо слушаться во всём. Это — закон. Батюшка предупредил, а я не внял, не послушался его совета. За что и поплатился. И вот результат... Недели две после этого хромал.

Рассказывают, что в начале 90-х годов отец Кирилл шёл с Патриархом Алексием II, и тот поделился с ним своим затруднением, сказал, что не знает, кого направить во Владивосток. Навстречу шёл в мирской одежде преподаватель Духовной Академии, гражданский, не в сане. Отец Кирилл, указав на него, радостно сообщил Патриарху: «А вот и владыка!». Тот чудесным образом, оказывается, был родом с Дальнего Востока. Шёл навстречу им и просто остолбенел, когда Патриарх стал его расспрашивать. Во Владивостоке к тому времени многое было разрушено и брошено. Патриарх Алексий был в очень затруднительном положении, — кого туда назначить главным лицом от Церкви, архиереем, чтобы восстановить там, на краю страны, разрушенную церковную жизнь. При помощи отца Кирилла Патриарх решил тогда трудную для себя проблему. Сделал очень важное и нужное назначение. При помощи старца был определён будущий митрополит Владивостокский Вениамин (Пушкарь).

Если почитать книги, то, что касается монастырей, во многих пишется, что большинство насельников составляли крестьяне. Те, кто с детства был приучен к тяжкому труду и скромности, а через это к терпению, смирению, кротости. Тех свойств, которые необходимы для жизни в монастыре. Городской человек намного менее приспособлен для этого, ему намного труднее смириться. Так вот архимандрит Кирилл (Павлов) подтверждает собой это мнение. Он тоже из крестьян. Жил в детстве на чужбине. Хоть у брата, но чужая семья есть чужая. К тому же неверующая. Он сам сказал об этом потом, что растерял там веру

свою. Потом были военные годы. И ныне — основной солдатский состав, воевавший в первой да и во второй чеченской войне был из деревень. Из бедных сельских семей. Тех, кто не откупился, не бегал по всяким там подлым комитетам «солдатских матерей», которые разрушают нашу Россию. Именно эти крестьянские ребята, как и послушники монастырей, составляют основную нашу духовную и стратегическую опору Отечества. Как в открытом бою вынесли они на своих плечах страшную тяжесть войны, где их предавали, продавали, подставляли, отдавали на растерзание якобы правозащитникам, и те, вместо помощи им и защиты, вызволения их из плена чеченских зверюг, глумились над ними, клеветали на них. Справедливо говорят, что вторую чеченскую войну выиграли «карандаши». Вот эти полутораметровые сельские юноши из бедных семей и из детских домов, которые с детства не доедали, совершали тяжёлые работы. Вот их, в основном, берут и посылают в «горячие» точки. Матери городских частенько истерики устраивают, журналистов, «правозащитников» приводят, скандалы устраивают. Вырывают сынков из военкоматов в тёпленькие квартирки, на мягкий диванчик. К компьютеру, интернету, дискотекам,

пиву и наркотикам. Вот они-то, сельские «карандаши», держат наш мир как таковой. Они нас кормят и спасают от внешних и внутренних, как кавказские головорезы, врагов, от всякой нечисти... Они — основные наши защитники от врагов. Такие же, являясь послушниками в монастырях, надёжно нас охраняют от невидимых врагов (бесов).

Отец Кирилл из этой же породы. Из породы недоедавших, трудившихся сызмальства. Рано лишённый ласки материнской и отцовской, родительского тепла и заботы. Наш современник, воин Евгений Родионов, которого вырастила одинокая мать, работавшая на трёх работах, и он сызмальства был приучен к труду и дисциплине. Сам стирал, готовил для себя и для мамы. У них не возникало вопросов — ты выполнил уроки? Мать приходила домой поздно, еле живая. Женя, великолепно успевая в школе, после 9-го класса ушёл из школы, чтобы работать. И на мебельной фабрике он был одним из лучших работников. Он не курил. Не бегал по дискотекам и прочим «развлечениям». Это всё укрепляло его характер: труд, самодисциплина, самоограничения... Поэтому он смог вынести нечеловеческие пытки и страшную смерть за Веру. Он не снял с себя право-

славный нательный крест, и чеченские зверюги отрезали ему голову. Вот на этих мальчиках и на таких старцах-фронтовиках, как архимандрит Кирилл, и держится наша Россия.

Поколению преклонных лет и недавно ушедших от нас старцев, в духовном плане повезло. Они сами испытали тяготы войны, скорби и гонения враждебной власти. Они застали немногих из тех, кто выжил при коммунистических расстрелах, вернувшихся из лагерей. Тех, прежних дореволюционных священников, исповедников, очищенных в горниле смертных страданий тюрем и лагерей. Они переняли от них силу, мудрость и благодать Божью. Но почему-то не видно, чтобы были новые последние яркие исповедники, носители старческого опыта. Той же силы их безстрашия, твёрдости духа. Нет, вроде бы среди нынешних, даже шестидесятилетних, не говоря уже о пятидесятилетних и ещё моложе, таких же твёрдых и духоносных светильников в нашей Церкви. Но это не так. Господь милостив к нам. И поэтому он воздвигает нам новых мучеников. Это и Оптинские мученики, и о. Анатолий Чистоусов, о. Пётр Сухоносов, о. Игорь Розин, воин Евгений Родионов, убиенный с семьёй о. Андрей Николаев, иером. Григорий, иером. Нестор, о. Даниил Сысоев и др. Дабы показать нам, что мы не оставлены милостью Божьей и силой в нас, пусть пока в общей массе, ещё дремлющей. Но это касательно верности, запаса духовных сил, энергии в нас, а вот со старцами похуже. Может, дай Бог, появятся. Но, судя по всему, только после каких-то больших бед и бедствий. Только пройдя, как в 20-30-х годах, как в Великой Отечественной войне, через большие скорби, муки и поля сражений? Наверное, после таких испытаний можно стать подобными прежним старцам. Таким, как ещё живущим ныне архимандритам Кириллу, Адриану, Феофану... Сейчас же мы — сироты, обделены достаточным количеством истинных старцев, духовников, среди моря младо и псевдостарцев. Может, это потому, что и мы далеко не соответствуем тому уровню послушания, усердия в деле спасения...

Целиком и полностью согласен с напечатанным перед изданными проповедями отца Кирилла словами: «Почему так часто слово проповедника остается бездейственным в нас, погребается в наших душах, точно в могиле, не приносит никакого плода? Очевидно, что прежде всего виной тому мы сами, наше нерадение и нечувствие. Но вместе с тем очевидно, что живым и действенным — подобно слову Божию — может быть лишь то слово, которое подтверждено жизнью самого проповедника. То слово, которое является не плодом ораторского искусства, но дыханием души, которое выносится из сокровищницы сердца, точно некая дивная драгоценность».

Именно в этом в первую очередь заключается ценность и достоинство проповедей духовника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Кирилла (Павлова). Трудно найти сегодня другого человека, который пользовался бы у верующих таким почитанием, такой любовью, как он. Как не иссякал некогда поток людей, искавших помощи, совета и утешения у великого Игумена Радонежского и всея Руси — Преподобного Сергия, так не иссякает и сегодня поток людей, несущих к отцу Кириллу свои скорби, беды и недоумения, требующих его наставления и молитвы.

Сейчас время смены поколений. Уходит старое поколение духовников, людей с большим духовным опытом. У нас возник определенный возрастной разрыв внутри духовенства. Очень много молодого духовенства, и очень опасно, когда молодые священники считают себя опытными духовниками, а на деле оказываются «младостарцами», поскольку без опыта нельзя совершать духовное руководство. Надо иметь огромный духовный и жизненный опыт, чтобы учить, наставлять и направлять жизнь другого человека. И надо чувствовать лежащую на тебе ответственность».

К празднованию 9 мая отец Кирилл очень благоговейно относится. Хоть и редко рассказывает Батюшка, неохотно, как многие фронтовики, о своей военной жизни, но всегда на День

Победы у него много посетителей, подарки, цветы. Сколько подарков отцу Кириллу не приносят, он старается не оставлять их у себя, а раздаёт всегда людям. Так и всего себя он щедро, безоглядно раздаёт всем нуждающимся и страждущим. Тем, кто во множестве к нему притекают. Ищут его утешения.

Владимир Николаев:

«...Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне».

(Мф. 10, 28)

— Расскажу про самое трудное, переломное время и для страны и для Веры нашей. Про то, как сотрудники антихриста придумали и ввели по всему миру страшное отступление от Бога, отказ от Него. Путём изъятия имени данного при крещении всем христианам и замены его на то самое диавольское число, о котором ещё две тысячи лет назад предупреждал нас апостол Иоанн Богослов.

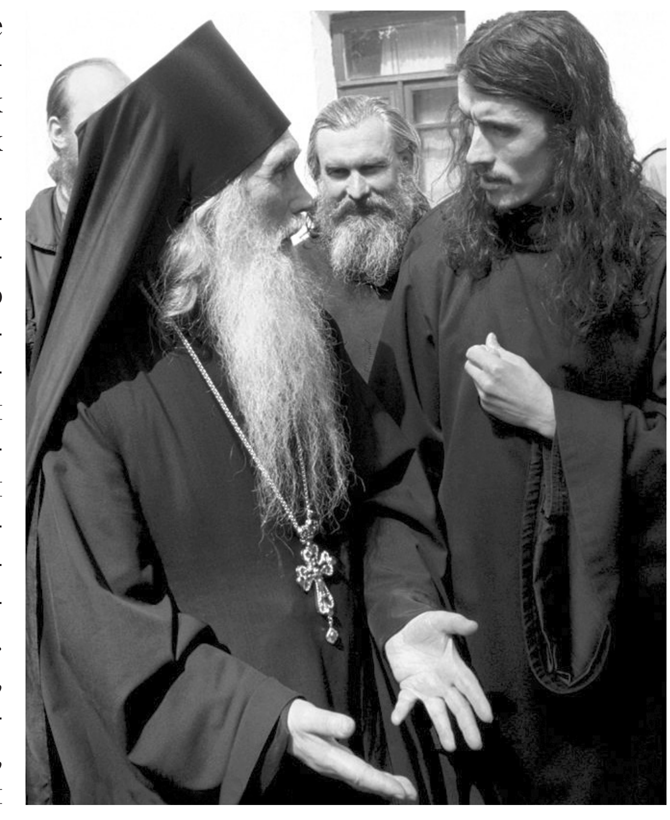
Власти бешено, настырно, через налоговиков вколачивают всем ИНН. Иерархи Церкви нашей — в растерянности. То говорят одно, то другое. Народ в недоумении и растерянности, поддаваясь наглому натиску бесовских сил, послушно принимает «номера». И только архимандрит Кирилл твёрдо, безстрашно, открыто заявил о неприятии, пагубности для спасения этих нововведений.

У нас бухгалтерша была шустрая. Тогда, лет тринадцать назад, ещё только к этому стали склонять всех. Она уже прибежала и говорит всем: «Пишите заявления на присвоение «номера». Я ничего не знал об этом. Написал. А потом, когда услышал от людей, что это плохое дело, тут же пошёл к отцу Кириллу, говорю ему:

— Батюшка, я вот то-то и то-то... написал заявление.

Отец Кирилл огорчился, и с досадой укорил меня:

— Что же ты так. Сам — юрист, а о таких простых вещах не знаешь.

Разрешение недоумения валаамского монаха.

Так вот сказал. И больше ничего. Но было понятно — вляпался я. Пошёл по инстанциям. Бумажки те, нами подписанные, искал, хотел обратно забрать. Мне грозили, работать не давали. Потом, по молитвам Батюшки, всё с этими «номерами» по милости Божьей у меня затихло. Куда-то делось. Возникла непонятная ситуация. Никакого свидетельства мне не выдали, но работать и кормить семью негласно разрешили. Я пытался узнать, спрашивал, и мне сказали, что куда-то наши бумаги, заявления потерялись. У нас возникла удивительная ситуация. Бумаги, на которые нас подбила, выслуживавшаяся перед начальством бухгалтерша, где мы соглашались, на принятие «номеров», пропали. В результате мы не были ущемлены в общих правах со всеми. Это, конечно, по молитвам Батюшки. Он таким образом освободил нас от совершённого нами греха. Но это послужило нам уроком, примером того, как надо теперь быть осторожными и бдительными, твёрдыми во

всём том, что касается нашей Веры, нашей безсмертной души. «Мелочей», страха, желания «быть как все», здесь не должно быть. Тут дело касается либо нашего спасения, либо вечной погибели и мучений за отступничество. Спаситель наш стоял до самой страшной, крестной казни! Отец Кирилл сколько претерпел!.. И мы должны стоять до конца. **«С креста не сходят. С него снимают!»**

<u>Ирина Титова:</u>

Первая встреча была, когда я только воцерковлялась и приехала в Лавру. Это было в 80-х годах. Тогда было сложно достать молитвослов и Евангелие, даже нельзя было купить в храмах. Крёстная подарила мне маленькое Евангелие. За молитвословом и за иконками я поехала в Лавру. Подошла к мощам преподобного Сергия, потом в лавку. Купила иконы, молитвослов и вышла из лавки. Идёт мне навстречу старчик. Не знала я, кто это, и он меня никогда не видел. Он остановился и ждал, когда я к нему подойду. Подошла я под благословение к нему. Хоть ещё не знала, кто это. Робость была. Так произошла первая моя встреча с отцом Кириллом.

Кто-то посоветовал мне пойти к отцу Науму. Когда я ожидала среди людей, которые стояли к нему, тот часто выходил и смотрел, кто стоит. Мне он сразу сказал: «Тебе не ко мне. Тебе к отцу Кириллу».

После смерти мамы Господь ещё раз направил меня в Лавру. Там я подошла к священнику. Он оказался чадом отца Кирилла. В любой трудной ситуации он благословил меня обращаться не к нему, а к отцу Кириллу. Потом я попала к людям, которые жили недалеко от Лавры и окормлялись у Батюшки.

Попала я к отцу Кириллу уже в Переделкино, была в крестильной. Брала тогда у Батюшки благословение для работы в просфорной. Молодая я тогда была для этой работы. Он благословил меня на выпечку просфор.

По своему неразумению я выскочила замуж, тогда у меня встал вопрос — могу ли я продолжать работу в просфорной. С этим вопросом я обратилась к отцу Кириллу. К моему удивлению, он благословил меня продолжать работать. Когда моя семья распалась, тогда я поняла, почему он благословил трудиться. Семья моя распалась очень быстро — ничего у нас не получилось. Отец Кирилл предвидел это.

Первое впечатление, когда я его увидела — старец, великий помощник в скорбях, болезнях... Перед ним у меня не было никакой сжатости. Некоторая боязнь у меня была. С первой же встречи я была уверена, что он по милости Божьей всегда поможет. При нём я всегда испытывала трепет. Много ничего он не говорил, я очень плакала и просила его молитв. Он меня успокоил и утешил.

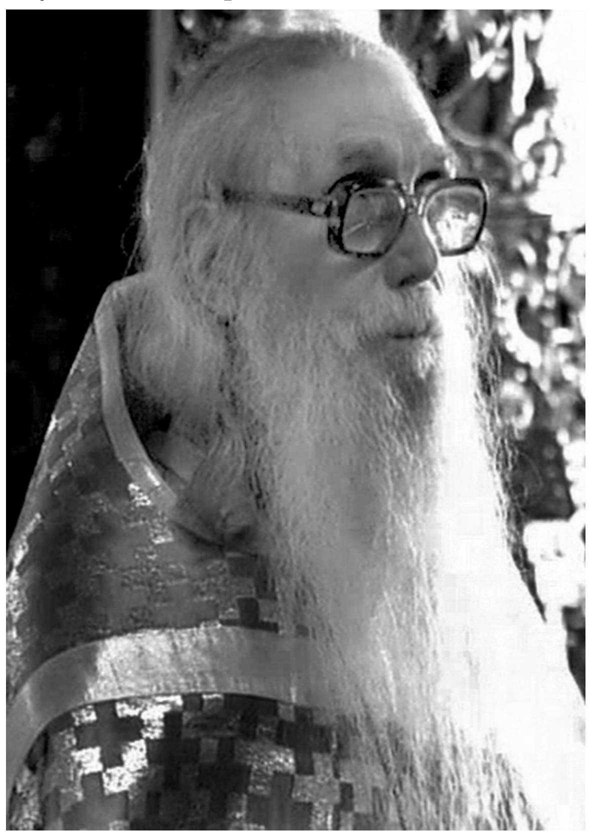
«На долю женщины выпадает поприще небольшое по пространству, но весьма великое по влиянию. И способности женщины в семейном кругу гораздо более значительнее способностей мужчины. Каждодневно в семье женщина обнаруживает всю доблесть своей души, здесь проявляются такие высокие её дарования, качества, которые присущи только ей одной. Мужчина этих качеств не меняет. И эти качества даны Творцом только женщине, а именно: практический взгляд на вещи, способность проникать в сердца людей неизвестными путями для мужчины, её ежеминутное пребывание везде, если не телом, то душой, её проницательность, острота её ума, постоянные пружины управления всем домом, её способность сочувствовать всякому горю, её способность откликаться на цепкий зов, её нежность, мягкость, сочувствие, аккуратность в работе, даже аккуратность во всякой мелочи, её проворство в рукоделии, способность утешать утомлённых душой, проникать в сердца, открывать, пробуждать уснувшую совесть — все эти способности присущи именно женскому

полу. И если такова природа женщины, то, естественно, она говорит о том, что её призвание — в любви».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Помню, поехала я к Батюшке со знакомой. Отстояли очередь, и на мне эта очередь закончилась. Моя знакомая так и не попала. У меня была проблема. Моего духовника перевели в другое место. Что делать? Когда я попала к Батюшке и поделилась с ним своей трудностью, он внимательно выслушал меня, а потом долго молился над моей головой. После этого и я стала окормляться у Батюшки, пока он был в силе.

Мне приходилось нелегко. Чтобы попасть на разговор к Батюшке — это надо было полдня отстоять в очереди. Бывали случаи, когда простоишь и не попадёшь. Когда была такая необходимость, то я просила преподобного Сергия, и он мне помогал.

Когда подходишь к отцу Кириллу, как правило, говоришь о своём затруднении, подробно рассказываешь. А в ответ слышишь всего несколько слов. Но в этих словах — всё! То есть прежде всего то, те грехи твои, отступления, нарушения, которые ты допустила. Тот самый корень, который надо выдирать,

вытаскивать. И конечно, краткое наставление — что можно сделать в этой ситуации. Терпеть или что-то ещё. Но это было сжато, коротко сказано им, в двух-трёх словах. Всегда он внутри себя, постоянно в молитве. Каждое слово его взвешено, на вес золота. Посмотришь, постоишь рядом с ним, — вот тебе пример для подражания. Учись, трудись. Старайся быть собранной, как он. Когда я с ним встречалась, он всегда называл мне основной мой грех. Я уже ждала, что сейчас мне будет строгий выговор. Он же объяснял: «Не послушалась Бога — терпи! Есть заповеди, которые мы должны выполнять». Всегда я шла к Батюшке с радостью. Не для того, чтобы он предсказал мне что-то, не для поиска чего-то своего, а просто, как к отцу родному.

Спросила я как-то про казаков. Стало их много появляться на молебнах, на крестных ходах. Отец Кирилл ответил мне:

— Они в массе своей ещё около Церкви, пока не взошли в Неё. Вот когда будут в Ней, тогда будут казаками.

— Это как в стихотворении одном сказано, что для того, чтобы быть русским, им недостаточно родиться, им нужно стать? — спросила я.

— Да! Именно так, — горячо поддержал Батюшка.

В последний раз мы были у отца Кирилла в Переделкино с одной блокадницей. Чтобы попасть к Батюшке, мы долго мёрзли на улице. Потом попали к нему, и он её благословил на постриг. Меня на монашество Батюшка никогда не благословлял, да и на замужество тоже не благословлял. Так и осталась я одинокой монашкой, непостриженной, в миру. Отец Кирилл сказал той блокаднице, что много постригли молодых послушниц, а они потом замуж повыходили. Вот и со мной он боялся, наверное, что выйдет так же.

Теперь он в немощи, к нему не подойти, но я чувствую ответную связь с ним. Болезнь отца Кирилла — не препятствие для внутреннего, духовного обращения к нему. Он слышит и помогает.

Александр Андреев:

«Даром получили, даром отдавайте».

(Мф. 10, 8)

«Но, как тепл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст Моих».

(Откр. 3, 16)

«Кто молнией промчался по земле,
Тот светом облечён под небесами».

(Иеромонах Василий Росляков,
убитый сатанистом на Пасху 1993 г.
в Оптиной пустыни в возрасте 32 лет)

— Был в Лавре замечательный насельник — иеродиакон Алексий (Писанюк).

Впервые услышал я о нём по радио. Сообщение было о его смерти (без сообщения причин), насельника Троице-Сергиевой Лавры.

Потом мне одна раба Божия, живущая в Сергиевом Посаде и окормляющаяся тоже у архимандрита Кирилла, рассказывала о безвременно погибшем молодом насельнике Лавры:

— Кому, чем помочь? Крышу, крыльцо сделать! Или ещё что? Он и тут — первый. Часто слышалось в Лавре: «Где здесь добрый хлопчик у вас, говорят, есть? Он, сказывают, и ночлег в городе найти поможет?..»

— Помо-о-жет... — уверенно и добродушно подтверждал какой-нибудь проходящий послушник. — Он до всего и до всех охотник. Всем старается помочь. Без отказа.

Увидев крепкую, статную фигуру, проходящую невдалеке, указывает на него и поясняет:

— А вон он идёт, Алексей с Украины.

Послушание у него было — тяжелейшее. Он был могильщиком. Делал всё. Гробы сколачивал, укладывал туда и отвоз-

ил на кладбище покойников. В любую погоду, и зимой ломом выбивал в каменной земле могилы, погребал. Кроме большого напряжения при выполнении своего тяжёлого послушания — копания могил, захоронения братии и сотрудников Лавры, их родных,.. что он делал по послушанию, он сам определил для себя ещё подвиг. Обходил весь город. Безстрашно искал по закоулкам, отыскивал, находил замёрзших, убитых бездомных людей, бомжей. На себе их утаскивал, увозил на кладбище, изготавливал им гробы, укладывал туда тела. Долбил зимой, летом копал им могилы и захоранивал их по-человечески. Сто тридцать два несчастных, бездомных человека, брошенных всеми, он захоронил. Так же и из больниц собирал безродных, тех, кого «детки» бросили, и им могилки определял.

О том, как он ответственно относился к своему наитруднейшему послушанию, видно по одному из моментов. Помощник о. Алексия по послушанию рассказал о его непривычной и необычной ответственности в выполнении порученного. Рассказал о том, как в дождь и холод неутомимый и твердый в духе, будто сам из металла, нёс он своё тяжёлое послушание, без привычных ныне уныния, ворчания и пр...

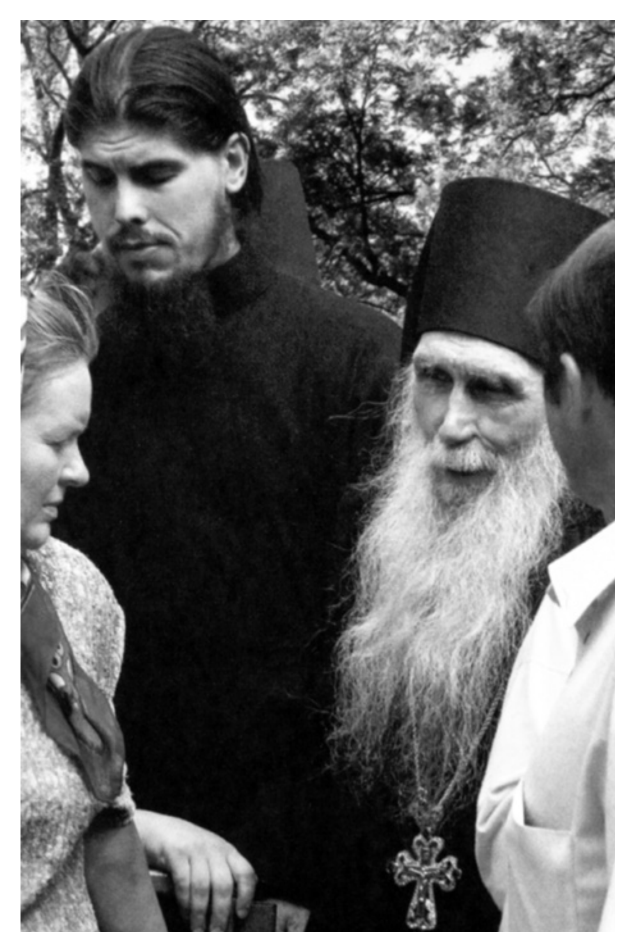
Как-то, в холодный зимний день после очередного тяжелого труда, много инструмента надо было им уносить с собой. Взял помощник лом и решил сам донести его до склада неблизкой Лавры. Алексей, несмотря на то, что основной изнурительный труд был на нём, остановил молодого послушника, отобрал у него лом. Взгромоздил всё на себя; лопаты, лом... и устало побрёл к Лавре.

Помощник его попытался, было взять у него обратно хоть тяжёлый лом:

— Нет, — упрямо возразил ему о. Алексий. — Это мой груз. И я его понесу.

Такой вот он был непохожий на многих из нас — эгоистов.

Самый же радостный для него был тот момент, когда приезжал в Лавру отец Кирилл. Когда Батюшку отпускали в Лавру из Переделкино, или он с лечения приезжал, иеро-

диакон Алексей был в эти времена сам не свой. Тут же кричал всем: «Бежим! Бежим! Батюшка приехал!» Радостный такой, возбуждённый. Во время короткого пребывания отца Кирилла всё время, остающееся после своего трудного послушания, о. Алексий употреблял на то чтобы быть везде и повсюду со старцем. Становился как бы твердой стеной, опорой и защитой Батюшки. Молчаливо, как тень, сопровождал его. Это тоже всех удивляло и поражало. Он тогда ходил повсюду за Батюшкой. Помогал, впитывал всё, что отец Кирилл говорил.

Один раз его чуть не увёз с собой раскольный украинский митрополит Филарет. До Лавры о. Алексий, ещё мальчиком у него иподиаконствовал. Он сам из Киева.

По свидетельству его мамы, монахини Алексии: «Владыка Филарет его любил ещё юношей, ему было 15-16 лет, но тот его ставил главным. Потом он помогал в митрополии по издательству. Когда меня видели, спрашивали; «Где ваш Серёжа?

(Так звали о. Алексия до пострига). Он так нам нужен, он так нам помогал».

Митрополит Филарет тогда ещё в чести был. В Синоде нашем состоял. Приехал на заседание Синода и через посланного вызвал из Лавры к себе бывшего иподиакона. Надо было срочно уезжать. Алексий заспешил к вратам Лавры, там его ждала присланный за ним из Москвы лимузин митрополита. Пробегая к автомобилю, он вспомнил, что надо же благословиться у отца Кирилла. Развернулся обратно и чуть не столкнулся с проходящим неспешно духовником Лавры, архимандритом Кириллом. Желая получить его благословение в дорогу, о. Алексий приостановился, склонил голову, подставил руки, но благословение, к своему великому удивлению, не получил. Вместо этого услышал от старца ответ:

— Не надо тебе туда, Алёша. Не уезжай...

Иеродиакон Алексий немного растерялся, задумался. Ну, мало ли. «Не в духе» старчик, и всё. Запнулся всё же он, озадачился. Почему дорогой ему старец не дал благословения?.. Он был упорный, не хотел уезжать без благословения. Оглянулся, а старца-то и нет уже на дорожке Лавры. Где? Куда ушел? Так быстро!..

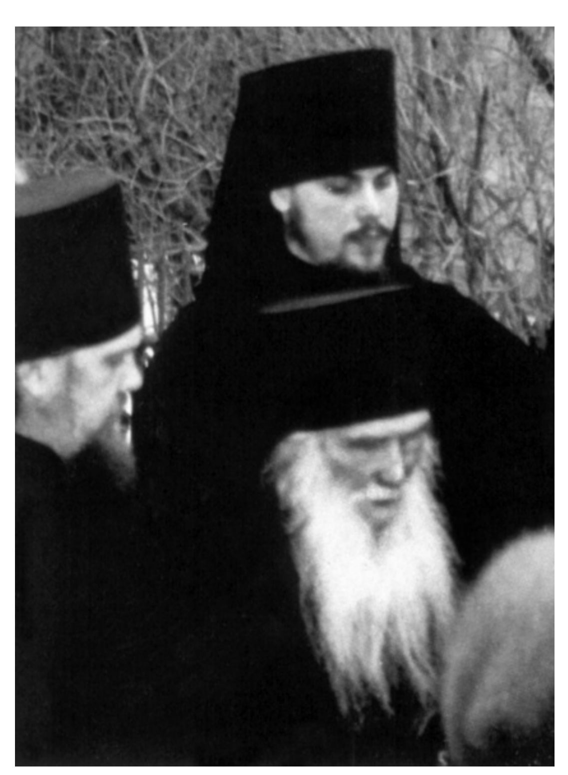
Побежал о. Алексий догонять отца Кирилла в предполагаемом направлении. У первых встреченных спросил о том, где он? Куда пошел? Предположительно указали ему направление. Он посмотрел туда, не видно было старца. Хотел было о. Алексий оставить поиски, уже и развернулся обратно к выходу. Машина ждет!.. Митрополиту может в любое время спешно понадобиться. Что-то опять удержало его, и он, решив предпринять ещё попытку найти исчезнувшего вдруг отца Кирилла, бросился бегом в ту сторону, куда указали. Но и там ему сказали, что был вот-вот, с кем-то разговаривал, да исчез куда-то. Вроде бы пошёл вон в ту сторону...

Пока пробегал в поисках старца о. Алексий, посланная за ним машина уехала, не дождавшись его. А вскоре все узнали, что митрополита Филарета (Денисенко) подвергли обосно-

ванной критике, сняли с должности первоиерарха Украины... Тот разгневанный, молнией вылетел из России учинять с весомой помощью Кравчука раскол в Украине.

Иеродиакон Алексий, правда, переживал. Он относился к митрополиту Филарету, как к человеку, попавшему в беду. Жалел его. И кто знает, если бы не мудрое «ненахождение», отказ отца Кирилла дать ему благословение, может, о. Алексия и прельстил, увёз бы с собой бывший митрополит Филарет. Погубил бы такого большого подвижника?..

Так о. Алексий был спасён от страшного злодействия, где он был бы наверняка, благодаря своей верности и горячности, одним из действенных помощников главаря, соучастником кровавого раскола. Спасение Алексия от такого поворота произошло при непосредственной помощи отца Кирилла. Он вовремя явился тем чудодейственным инструментом Бога в этой скоротечной операции отсечения здорового члена от разлагающегося трупа.

Иеродиакон сопровождает старца.

После этого деятельная натура, смекалка, организаторское умение о. Алексия было оценено, и в Лавре быстро его возвысили. Он стал заместителем эконома Лавры. Это карьера!.. Второе лицо у богатств хозяйства монастыря. И тут пересёк ему возможность «преуспеяния»

отец Кирилл. Как бы невзначай, тепло, по-братски даже не посоветовал Батюшка, а скорее попросил его:

— Оставь. Не надо это тебе Алёша.

Опять озадачен был о. Алексий. Не сразу, но преодолел себя. Как далеко не всякий, пошёл и отпросился у наместника Лавры, отказался от высокого поста. За что и получил тяжелейшее послушание, каковое принял спокойно. Стал могильщиком, гробокопателем. На холоде и дожде. Колупать мерзлую твердь или месить в дождь мокрую жижу земли. Это понесёт далеко не каждый!..

Иеродиакон Алексий сослуживает о. Кириллу.

Однажды летом, в жарком июле, вышел из строя холодильник в городском морге Сергиева Посада. Чинили его долго, более недели. За это время тела умерших разморозились, быстро разложились и плавали в своей жиже. Войти в зловонную камеру и вытащить оттуда, из неприятного, смердящего места трупы никто из работников и приглашённых служб ни за какие деньги не соглашался. Тогда и вспомнили о безотказном иноке Троице–Сергиевой Лавры.

Позвали. Отец Алексий, сняв с себя майку, намотал её на нос и безстрашно вошёл в невыносимо смрадную камеру. Там внимательно, заботливо разложил в полиэтиленовые мешки разложившиеся тела умерших. Запечатал мешки, и вынес все их на себе на улицу. Сложил аккуратно в кузове грузовика. Отвёз на кладбище и всех захоронил.

Работники морга были потрясены его поступком, превосходящим всякие представления людей. Отсутствием страха, брезгливости, боязни заболеть и умереть... Обычным разумом не понять такого! Не вместить, что так, до такой степени можно любить ближнего, почитать даже разложившиеся их тела!..

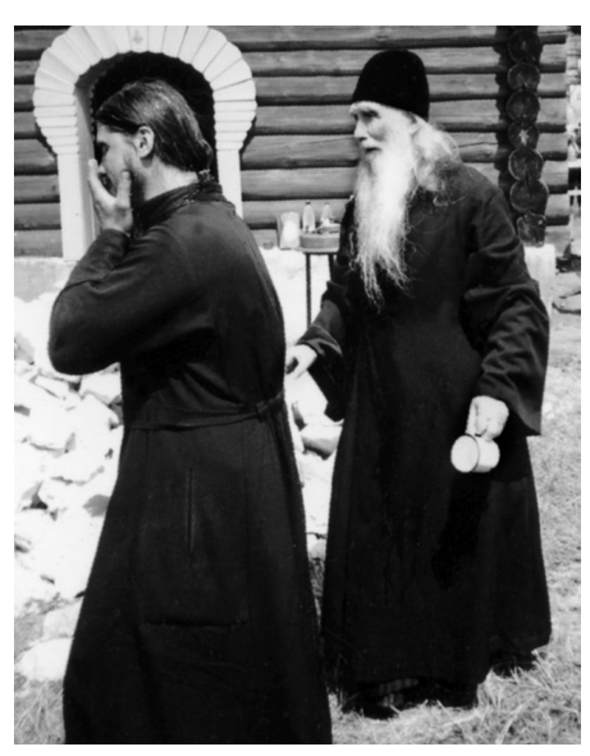
«Если мы хотим посмотреть на солнце, то мы должны свой взор обратить к небу. Так, если мы хотим познать путь жизни своей, мы должны обратиться ко Христу. Нигде мы не найдем такого ясного, такого полного ответа на все запросы нашего духа кроме как в Евангелии, в учении Того, Кто сказал:* Аз есмь путь и Истина и Жизнь** *(Ин. 14, 6)*. ***Люди, изнывающие под бременем неправды и беззакония, — так говорит Спаситель в Евангелии, обращаясь ко всему человеческому роду. — Жизнь, которую вы себе избрали, она не может дать вам счастья. Зло порождает лишь зло, а истина и счастье — высшие блага — есть добро, которое рождается исключительно только любовью и добром. Если вы хотите обрести его, если вы тяготитесь существующим в мире злом, то придите ко Мне, научитесь от Меня. Слова Мои прольют целебный бальзам на ваши измученные, больные души. Я покажу вам путь и дам покой вашей душе. Беззаветно предайтесь Моему учению и идите по тропе, которую Я положил перед вами. И вы увидите, что иго Мое воистину благо и бремя Мое легко есть. После долгой темной ночи с Моим пришествием в мир наступил светлый тихий день. Царствие Божие приблизилось. Оно возле вас, оно около вас, только нужно, чтобы оно проникло, захватило сердце ваше, источ-

ник всякой разумной нравственной деятельности, начало жизни человека. Очистите в своем сердце место для Бога. Дайте в вашей жизни простор добру и истине и освободитесь от гнетущих вас лжи, насилия и грубого себялюбия» *(Ср.: Мф. 11, 28-30)*.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Погиб о. Алексий до обидного просто и в то же время несколько возвышенно по порыву. Он рвался к маме своей, монахине Дивеевского монастыря. Хотел порадовать её. Поделиться пасхальными подарками с ней, с сёстрами Дивеевской обители. Не рассчитал своих, хоть и могучих сил. После бденных постовых служб Страстной седмицы, Пасхальной ночной службы, многих своих трудовых хлопот, он, долго не спав, предельно уставший, выпросил у кого-то из братии автомобиль и помчался к матери своей в Дивеево. В дороге разбился...

Так до обидного рано, быстро закончил своё земное послушание. Мы же, в отличии от него, несём его хоть и долго, но расслабленно, холодно и нерадиво. Один из лучших и преданных учеников архимандрита Кирилла ушёл от нас, оставив нам впечатляющий урок самоотдачи и пламен-

После омовения и.д. Алексия отцом Кириллом.

ной Веры. Он был — добрый, душевный, отзывчивый человек не нашего погибающего времени. Любили все его, но, как и самого Батюшку не берегли, не жалели

Как Иоанн Предтеча перед Господом, посветил коротко и ярко. Так и о. Алексий ушёл внезапно перед Батюшкой, его малозаметный для многих, но ярчайший ученик. Истинный и твердый послушник, каких совсем немного ныне. Царство ему небесное!.. Помолимся о нём, а он за нас грешных пред Господом, как верный Его слуга, исполнявший на редкость полно, верно волю Его через старца Кирилла.

Упокой, Господи, душу верного раба Твоего, иеродиакона Алексия, щедро потрудившегося Тебе и многим людям.

Нина Смолина:

— Родилась я и жила в Молдавии. Все мы жили дружно, хорошо. В восьмидесятых годах, когда начали разваливать страну, там, в Молдавии, тоже начали свирепствовать националисты. Притеснять, гнать, убивать, особенно нас, русских. Квартиры резко упали в цене. У русских вообще часто даром отбирали. Что делать?

Уехала я в Россию. Тут чудом попала к отцу Кириллу. Батюшка, видимо, владеет прозорливостью. На общей молитве перед исповедью он, не зная меня, я ещё не подходила к нему, назвал меня по имени.

Рассказала ему про все ужасы в Молдавии. Прошу его благословения продать квартиру и бежать оттуда. А Батюшка молчит. Несколько раз я спрашивала, а он ничего не отвечает. Я настаиваю:

— Батюшка, благословите обратно, в Молдавию съездить, чтобы продать всё и в России обосноваться.

Батюшка, ещё подождав, помолившись, негромко ответил:

— Пока не надо.

— Как «не надо», Батюшка?! Ведь совсем тогда даром пропадёт, и у меня ничего не будет! На что я здесь жильё приобрету?

Батюшка молчит. Чётки перебирает, молится и всё. Как будто меня рядом нет.

Что делать? Заговорила я про то, что хочу в Оптину пустынь съездить. Тогда она только-только начала восстанавливаться. Батюшка на это ответил:

— Оптина, это хорошо.

Съездила я туда. Пожила. Поработала там, помогла. Расположилась моя душа к тем местам. Поняла, что там хорошо душе моей. Порасспросила, какие там вокруг возможности. В Козельске тогда жилье, где более-менее жить можно, стоило от 5 тыс. долларов.

Вернулась я снова в Лавру. Иду к отцу Кириллу. Опять спрашиваю, что мне делать? Батюшка благословляет и говорит:

— Вот теперь езжай. Только молись всё время и в храм ходи.

Поехала я обратно в Молдавию.

Оказывается, в моё отсутствие произошёл самый пик погромов и убийств. На время всё успокоилось. Стала я узнавать по поводу квартиры. Больше трёх тысяч долларов мне за неё не давали. А где я ещё две тысячи найду?

Подала я объявление о продаже квартиры. Сама, как Батюшка сказал, только в храм хожу да молюсь...

Не прошло и недели — звонок. Хотят купить квартиру мою. Приезжают, смотрят. Им нравится. Спрашивают: «Сколько?» Отвечаю им совсем безнадёжно, так, механически как-то: «Мне пять тысяч нужно». Они сразу же соглашаются!..

Оттуда я поехала в Козельск и купила то, что возможно было на те деньги — полдомика. Теперь там живу и Богу молюсь каждый день в монастыре за нашего Батюшку. Благодаря ему, его молитвам, благословению, таким чудесным образом спасших меня, грешную, и поселивших в раю, в России, рядом с Оптиной пустынью.

Когда читает молитвы Батюшка, то не глядя, точно перечисляет все наши имена. У него такая молитва сильная от его сокрушённого сердца, что все исповедуются со слезами.

Отец Кирилл очень строг к пятой заповеди. Перед смертью мамы мы не могли купить билет, а потом работа держала. Увидев в Лавре отца Кирилла, я спросила его, что делать? Он быстро дал ответ, — ехать надо. И сразу же билеты купили (не могли купить перед этим). Только приехали в 9 утра, а в 14-00 мама умерла на моих руках, как и хотела. Она просила читать Псалтирь и молитвы, я молилась все дни.

Потом надо было ехать на годовщину смерти мамы (тоже было очень трудно). Когда я оправдывалась занятостью, Батюшка строго посмотрел на меня и сказал: «Поедешь». А потом выяснилось, что если бы я не поехала, было бы братоубийство, разборонила я беду своим приездом.

Как-то спрашиваю Батюшку:

— Хочется уединиться от людей, но куда? Почему так бывает тяжко? Помолитесь о мне.

Отец Кирилл грустно ответил:

— Тяжко бывает, потому что душа искушается бесовской силой. Молитва и терпение нужны. Тогда всё вражье отойдёт.

От отца Кирилла даже письма когда получаешь, так себя чувствуешь, как наяву пообщаешься. Он прост в обращении, в словах своих. Может любой подойти к нему, и попросить разобраться в сложных вопросах. Учит простоте: всё, что нарушает мир и любовь, дружелюбие, в том и каяться. Никому ни в чём не оставаться должником, кроме одной любви. Чтобы научиться жить правильно, надо читать Евангелие, почаще, и запастись терпением. Часто повторяет: **«Стена между Богом и нами — своя воля».** Уступать — не настаивать». Возникают чистота ума, и молитва непринуждённая, умиротворение надолго после бесед с Батюшкой.

Священник Вячеслав Семёнов:

— Бог знает всё о каждом человеке. Даже до его рождения на земле. Порой мы узнаём это из своей жизни. Когда я был семинаристом, меня мучил вопрос о том, каким дальнейшим путём мне идти по жизни, путём монашеским или белого духовенства. Я не мог это для себя решить и написал письмо старцу, архимандриту Кириллу (Павлову) в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. И вскорости получил от него ответ, где старец указал на те качества, которыми должен обладать монах и мирской священник. Разобраться мне надлежало самому, куда я более склонен. Волей Божьей я встал на путь мирского священства, получив от старца в благословение Иверскую икону Божьей Матери. Старец, по-видимому, уже предвидел Духом Святым, в каком храме я буду нести своё пастырское послушание. Господь через святых угодников своих раскрывает будущее тому, кому это полезно и назидательно. Воспринимаю, как несказанную Милость Божью ко мне, недостойному, что мне довелось получать советы от всеми нами почитаемого старца. Его наставления и сейчас питают меня. Дают ясность в трудностях непростых времён. Наши молитвы в храме Иверской иконы Божьей Матери объединяют и укрепляют нас. В особенности когда мы молимся о здравии путеводящего, дорогого нам, болящего архимандрита Кирилла.

Андрей Михайлов:

«Дружба с миром есть вражда против Бога. Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу».

(Иак. 4, 4)

«Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий».

(Мф. 25,13)

— Практически сразу же по воцерковлении я «получил» замечательного духовного отца, с которым остаюсь по сегодняшний день. Это — архимандрит Кирилл. Мои более умудрённые православным опытом друзья называют его идеалом духовника. Я тоже в этом постоянно убеждаюсь.

Повидаться с ним обычно получалось один раз в две-три недели. На него я выносил очередной «список» грехов и вопросов – стараясь получить ответ. Многим из таких ответов я обязан сегодняшнему духовному благополучию, ясности в моём пути, отсутствию страха и неопределённости перед устрашающими вызовами пагубного предантихристова времени.

С поддержкой духовного отца мало что может сравниться. У меня от него абсолютно нет секретов, мы думаем в одном направлении, у нас одна система ценностей. А ещё, даже сейчас, при болезни Батюшки, я чувствую, что мы заботимся друг о друге – молитвенно. И это даёт силы и мужество стоять в Истине.

Как-то я был свидетелем интересного момента.

Пылкий прихожан, доказывая что-то, возмущённо выговаривает отцу Кириллу в присутствии нас, двух-трёх людей:

— Ну, что же это такое, Батюшка? Никто, и отец Фёдор ничего важного, насущного не произносит!

Отец Кирилл тихо, но внятно одёргивает его:

— Не трогай отца Фёдора! Он многих поставит на колени.

Среди вошедших к отцу Кириллу в келью был и военный в форме. Когда подошёл его черёд, он доверительно спросил:

— Батюшка, что мне делать? Я — военный. У меня семья. Меня сократили, уволили в запас. Идти в сторожа, охранники? Противно, я ещё в должной форме. Меня зовут бывшие сослуживцы в элитное спецподразделение, по борьбе с терроризмом, безпорядками. Благословите меня туда идти?

Отец Кирилл, чуть помедлив, отвечает:

— Не надо. Не принимай этого предложения. Душою погибнешь. Их скоро будут использовать против народа. И ты будешь соучастником их преступлений.

Имеются досадные аспекты в возникшей в последнее время большой проблеме нашего спасения. Кроме прямой фронтальной атаки на нас, идёт через агентов влияния мощная, размывающая атака на сознание верных чад Церкви. Отторжение их от спасительных тайн (прежде всего исповеди и причастия) через миф о якобы уже безблагодатности нашей Церкви. К тому же идёт агитация, уговоры на исход из больших городов. А именно в них-то и происходит основная битва, сопротивление. Таким образом, агентами влияния ведётся разрушительная работа изнутри, для распыления сил протестующих.

Кроме того, внушается миф о том, что при отказе от спасения своего будто бы нам будет конкретно предложено выбрать, засвидетельствовать свою веру, буквально указав на хлеб или крест предлежащие. Нас будто бы будут спрашивать, и мы торжественно должны будем заявить, что мы выбираем. А до этого, мол, — ничто не опасно. Ни ИНН, вместо имени, данного каждому из нас при крещении, ни документы с шестёрками, ни даже внедряемые уже чипы. На все эти дьявольские уловки чётко и ясно даёт ответы наш верный ходатай, честный и бдительный страж наших душ — отец Кирилл.

По поводу первой лжи о том, чтобы мы разбегались по закоулкам, он никогда не указывал, чтобы массово разбегались из городов. Наоборот, если кто заводил такую «песню», он возражал: «Да вы что? В городах, в столице столько храмов, святынь сколько!.. Людей, желающих спастись. Ваших родных и близких. И вы их хотите бросить?!..» Да, иметь дом с землёй на трудное время Батюшка благословлял, но уезжать из городов, где столько сил, борений и тяжёлого пота наших предков вложено, он никогда не одобрял. Оставлять?! Кому? Врагам? На поругание!.. Чтобы наше стояние и единение не мешало им безпрепятственно творить смрадные их дела? Не благословлял Батюшка подобного, не было такого! Отец Кирилл наоборот, всегда мобилизовывает и направляет наши силы для борьбы со злом.

«Если не вкушаете плоти Сына человеческого, не пиете крови Его, жизни не имате в себе».
(Ин. 23, 53)

Вторая ложь. Нельзя уже ходить в будто бы «безблагодатные» церкви. Ответ на это такой. **До последнего дня,** даже перед самой болезнью, сразившей нашего могучего Батюшку, — **отец Кирилл служил!** Исповедовал и причащался в алтаре храма. (А к тому времени, уже были внедрены ИНН и новые паспорта). Никого он не призывал бежать из Церкви. Наоборот, укорял, если кто не радел об этом. Так что не спешите «передовики», гнать нас из Церкви, созданной Спасителем, и укрепляющей нас своими таинствами. Самомнение и гордыня никому ещё не помогали спасаться. «О дне том» не слушайте бесноватых вертихвосток и самоявленных псевдостарцев. Господь предупреждал, что к последним временам их выползет наружу — орава, тьма пищащих и визжащих «спасителей», чтобы обманывать и распугивать Христово стадо. Не волнуйтесь, не впадайте в истерику с ними. Не новоявленные записные крикуны, а святые отцы чётко назвали нам признаки: изменение

Символа веры, отмена постов, изменение церковного календаря и Пасхалии. Да, туда медленно сползает, но ещё не совершено!

Третья ложь. Она тоже успешно разрабатывается и внедряется «органами», через многие службы и лица. Нас усыпляют тем, что «внешние знаки не влияют на наше духовное состояние». Здесь тоже определённо — ложь. Разве не влияют «внешние»; распутство, пьянство, телемания и игромания, разгульная жизнь, соучастие в преступлениях, оторванность от Церкви («У меня Церковь внутри, в душе моей! Я сам (сама) Господу исповедаюсь!» и пр. белиберда)? Разве они сами по себе не убивают душу человека, утверждающего, что она у него якобы «в порядке», есть, да ещё какая!.. Не изменяет будто бы человека, внешне даже благопристойного, на деле же исполняющего «внешнее» зло, якобы не влияет на его внутреннюю суть. Имеет ли смысл спрашивать такого субъекта о чистоте и верности?.. Кто-кто, а уж он, будучи по уши в грехах, и преступлениях, патетически заявит вам громогласно, что — безгрешен, святее всех святых. На деле же «внешнее» зло уже его поглотило.

Дела, а не самомнение и слова наши судят о нас. Поэтому истинному Судии нет надобности устраивать нам, двоечникам и злостным прогульщикам «экзамен», выставлять перед нами хлеб и крест. ***«Дела наши осудят нас».*** Так и в вопросе о «последнем» дне. Разве не видно? Кто мы — пшеница или плевелы? Поэтому, «внешние» поступки сами определяют, кем мы являемся, и какой выбор мы уже совершаем, какие действия творим. Посему выбор не будет зримым, разовым и неожиданным. Он происходит у нас — ежедневно, с самого рождения нашего. В этой чреде, как любой наш поступок, так особенно и важнейшие — отказ от имени, данного нам при святом крещении, принятие вместо него антихристова «числа» с шестёрками. Принятие электронных документов будет как логическое завершение, для разложенных в воле, дарованной нам Творцом. После последнего — запечатления печатью принадлежности к

стаду антихристову, как следствие — безоговорочный приговор будет вынесен, без земной казуистики. Без театральных, монументальных представлений, с зримым выбором хлеба или креста. К чему «спектакль»? И так всё ясно.

В конце 90-х годов начали вводить социальные номера. Люди не знали, что с ними делать, и что за новшество такое? Как поступать? Мы написали отцу Кириллу. Он ответил. Что под видом заботы о людях вводят международный учёт всех людей для регистрации в Брюсселе на компьютере. Чтобы мы были на учёте у антихриста. Батюшка так прямо говорил в письме и предупреждал, что это опасно для спасения. Вначале принуждение будет с номером — ИНН, потом новые документы, а потом и последнее — печать. Это духовно опасно. Лучше сразу отказаться, дальше будет труднее. Чёткое определение и разъяснение дал нам безстрашный наш пастырь — отец Кирилл: **«Номер — карточка — печать».** Эта формула — абсолютна. Это три погибельных шага, этапа — в ад. Где выбор?! Никаких промежуточных, добавочных определений в этой чёткой, строгой, полученной путём долгих бдений, подвигов и молитв незыблемой формуле — нет и не может быть...

«Надо иметь постоянную жажду искания правды Божией. Если мы так постоянно, настойчиво будем стремиться ко Христу, искать оправдания у Него, творить Его волю, — это именно нас и поставит в число Его учеников, в число Его избранников. Стать же учеником Христовым, значит возложить на себя большую ответственность, серьезно и тщательно относиться ко всей своей жизни, к каждому своему поступку. **Царство Небесное,** ***— говорит Господь, —*** **нудится, и употребляющие усилие восхищают его** *(Мф. 11, 12)*. ***Видите, что без усилия, без труда невозможно наследовать Царство Небесное. Требуется внутренняя борьба, потому что если мы не будем бодрствовать над собою, то может легко с нами случиться авария, крушение».***

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Ирина Лукина:

Прочитала я книгу «Старец». Она меня всю перевернула! Это для меня теперь настольная книга.

Лежала я и прямо умирала в то время. Так мне было плохо. Потом заметила, как прочту одну главку, приложу книгу к груди стороной, где фотография архимандрита Кирилла, так мне становится легче. Архимандрита Кирилла я видела только на фотографии у своей подруги дома. И сразу у меня появилось чувство, что этот человек — святой. Спросила я её, кто это? Она мне и рассказала, что её муж к нему ездит, и про него. Купила проповеди отца Кирилла. Прочитала их. Они очень глубокие и в тоже время понятные, доходчивые. В книге «Старец» — другое. Тут раскрывается сам Батюшка, его метод обращения с людьми, его уроки. Будто сама беседуешь с ним и находишь многие ответы на твои вопросы! Многому учишься. Ведь по сути, все вопросы и неразрешённости у нас — одинаковые. И только могу выразить слова удивления и благодарности. Теперь я не могу не помянуть каждое утро в молитвах архимандрита Кирилла и всю группу, которая трудилась над книгой. Если утром не помяну, то чего-то не хватает, что-то будто не доделано. Нет слов, чтобы выразить, как важна и нужна эта книга всем людям, ищущим спасения. Через неё я чувствую и поддержку духовную. Вы для меня раскрыли образ необычайнейшего человека, в лице архимандрита Кирилла, к которому мы должны стремиться. Мы очень далеки от высоты духовной. Очень немощные. В книге есть очень много полезнейшего, необходимого нам. К примеру, как дисциплинировать себя, идя по пути спасения. Поразила меня в книге открытая честность. Даже истории нападений на отца Кирилла нас многому учат. Не даром же он часто предупреждал нас словами из Евангелия: **«Блюдитеся! Яко опасно ходите».**

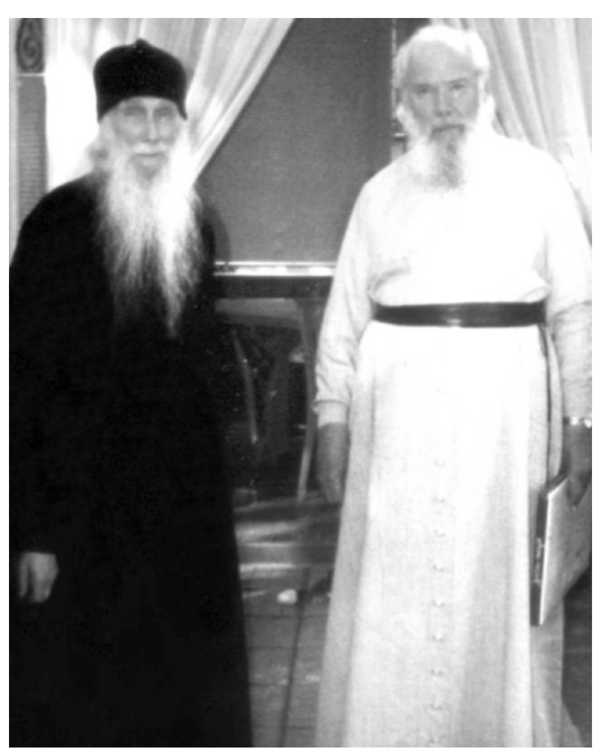
Как я рада, что узнала его. Теперь мне легче жить. Чувствую, что не только те, кто общался с отцом Кириллом наяву, но и я,

грешная, тоже — с ним. Молящая у него помощи, прежде всего духовной. Я — не одна теперь.

Александр Соколов:

Митрополита Ленинградского Алексия II избрали Патриархом. Мы написали заявку на фильм о нём. Встретились с Патриархом. Он согласился, что это должен быть не просто биографический фильм, а широкое полотно, с углублениями в историю, со всеми болевыми точками тогдашней церковной жизни. С большим азартом мы принялись за работу.

С Патриархом во время съемок встречались всего несколько раз. Работа спорилась хорошо. Только один раз мы пожаловались ему. По сценарию у нас должен быть разговор с духовником Патриарха — архимандритом Кириллом (Павловым), но тот наотрез отказался от съемок.

Патриарх Алексий II со своим духовником архим. Кириллом.

«Он такой, — улыбнулся Патриарх. — Ну, ничего. Приезжайте в Сергиеву Лавру, я буду там служить, а потом сам возьму у него интервью».

Мы возрадовались, приехали в Лавру, а получилось вот что.

Отец Кирилл, конечно, явился в назначенное место. Патриарх сделал вступление о том, что он во всём советуется с духовником, потом стал задавать вопросы, но старец отвечал односложно: «да», «нет», «благословите», и всё! Почти целый час пытался разговорить Патриарх архимандрита, а потом виновато развел руками: «Я тоже не смог».

Режиссер наш, человек хороший, но весьма эксцентричный, потом кричал в автобусе:

— Никакого послушания в Церкви! Столько плёнки загубили!..

Игумен Ефрем:

«Не приидох да послужат Мне, но послужити».
(Мф. 20, 26)

— Ещё учась в Семинарии, на любой перемене, в перерыве, урывая каждую минутку, уклоняясь от бесед, разговоров, он (отец Кирилл) уходил, скрывался за любой угол, колонну и читал Евангелие или книгу святых отцов.

Всем нам, всё время он даёт наставление: *«Читайте Евангелие, читайте! Читайте как можно больше Евангелие!»* Сам он ни секунды без Евангелия не проводит. Есть минутка, и он сразу в карман, за Евангелием и читает, читает... Всегда носил при себе. Старенькое, затёртое — постоянный спутник его. Может, то самое, что он в Сталинграде нашёл?..

Ещё по этому поводу Батюшка недоумевал:

— Как же можно жить по-евангельски, не зная, редко читая его? А если и читаем, то так, отвлечённо. Не живём по Евангелию. Бабушки же наши, порой и не могли его читать, отобрали, не было у них книг духовных при коммунистах, а жили по Евангелию... Когда мы молимся — мы беседуем с Богом, а когда читаем Евангелие, то Господь беседует с нами.

«Где нет Христа, там нет и нравственности», — говорил свщмч. Иереней Лионский. Не зная Кем и для чего создан

человек, к чему он призван, какие задачи перед ним поставлены, невозможно думать, чувствовать и поступать нравственно, то есть согласно воле Божией.

Каких только болезней после снегов и лишений войны отец Кирилл не имеет!.. И больные суставы, и желудок, и сердце, и чего только не было у него поражено... И всегда весел, бодр. Всех подбадривает, веселит, поддерживает. Откуда силы для этого?..

При этом, когда некоторые из насельников, особенно осенью или зимой, не желая ехать на городское кладбище и служить там панихиду, отказывались, отец Кирилл неотложно, как бы себя ни чувствовал, просился, заменял их собой. После своих служб и послушаний ехал на кладбище и служил там об усопших.

У одной старенькой монахини есть старая, фронтовая сталинградская газета. И там, в газете, статья и фотография, — дом сержанта Павлова, и рядом портрет Ивана Павлова. Когда я спросил монахиню: «Почему Батюшка об этом ничего не говорит?», она ответила, что это по монашескому смирению. Его вызвали в военкомат и говорят: «Вы такой-то?» Отец Кирилл, сообразив, что они хотят от него, сказал им: «Если вам так удобно, то я — монах Кирилл Павлов, а Иван Павлов умер». И всё!

Вот, скажите, пожалуйста, если бы это был не он, сказал бы он про себя, что он умер? Когда встал вопрос, зачислять его в братию или не зачислять, «органы» поставили ему условие: или ты молчишь про это, или выгоним из Лавры. Перед ним встал выбор, и он сделал его в пользу монашества. От чего никто не мог бы отказаться, он смог, — согласился отказаться. Новую выбрал, другую жизнь, иноческую. Сжёг все «мосты». Иначе они его не оставили бы в Лавре, и ему пришлось бы отказаться от монашества. Имя сержанта Павлова стало славным, собирательным. Они, антихристовы власти, «особисты» испугались, что все узнают — известный герой войны не только отказался вступать в партию коммунистов, но и ушёл в монахи!.. Вот

«органы» и состряпали другого. После смерти Сталина гонения усилились. Началась другая жизнь, ещё более жестокая по отношению к Церкви.

Нам, любящим отца Кирилла, нужно восстановить истину. Настоящую правду надо дать. Батюшку и сейчас бьют всё те же всесильные и ныне «органы», и нет никого, чтобы заступиться за него. Хоть какой-то голос за него должен быть от нас. Мы, его чада, и мы молчим. Что же это такое? Не защищаем его от лжецов. Будто отцу Кириллу нужна висящая много лет загадочность в этом вопросе. Как же тяжело отцу Кириллу! Сколько бед, болезней, невзгод он претерпевает и без этого! Да ещё по такому поводу — неси тяжеленный крест от своих же подвигов.

Отец Кирилл, дай Бог ему здравия, спасался и спасается одним — в высшей степени напряжённости духовной жизнью и предельной отдачей себя нам, верящим безраздельно Спасителю нашему и ему — нашему пастырю, духовному поводырю.

<u>Любовь и Александр Зеленины:</u>

<u>Любовь:</u> Для нас отец Кирилл — святой человек. Мы считаем себя недостойными его внимания. Молимся, чтобы Господь дал ему силы и укрепил. Нам без него очень трудно. И всё же мы чувствуем и сейчас, в эти трудные времена, что он нас как солнышком освещает и обогревает. Батюшка за нас всех молится.

Когда дети учились в школе, начали вводить разные нехорошие предметы. Развратные «уроки здоровья» ввели тогда с 1-го класса. Мы посмотрели учебники и сразу отправились к отцу Кириллу. Он посмотрел всё и с огорчением сказал: «Если дальше так будет, то забирайте детей из такой школы и учите на дому». По его молитвам стали дела в школе выправляться, и дети закончили учёбу.

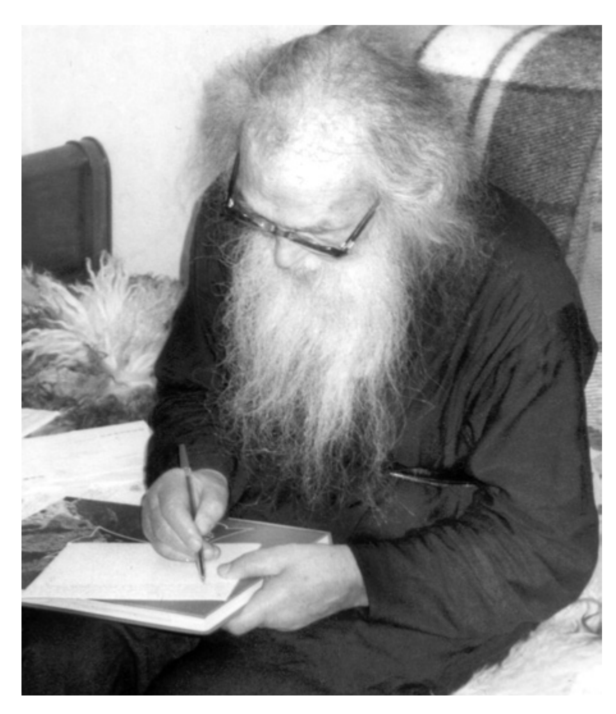
Помню, мы были на проповеди отца Кирилла в Переделкино. Он говорил тогда, что все здесь стоящие увидят последние времена. Это всё очень близко. Нужно готовиться. Времени осталось мало. Мы все притихли. Он сказал ещё, что все, кто здесь стоит — все застанут и гонения на христиан.

Александр: После венчания с супругой мы были ещё новообращённые. И Господь, по милости Своей, послал нам отца Кирилла для укрепления в вере и назидания на нашем пути. Первый раз мы приехали в Переделкино на службу, и была Батюшкина проповедь. После этого, увидев моё духовное состояние, он попросил прийти меня на следующий день и подготовить исповедь за всю мою жизнь. Супруга моя стояла рядом и попросила его о том же.

На следующий день мы поехали к нему. Когда я дошёл до стены крестильной, появилось ощущение, что к моим ногам прикрепили пудовые гири. Путь в 100 метров я с трудом преодолел. Бесы висели на мне и не давали дорогу туда. Как я исповедался — не помню. Это было мучение. Каждое признание мне приходилось выдавливать из себя силой. После разрешительной молитвы отца Кирилла и его благословения — всё прояснилось и облегчилось. И всё же, как вышел я и доехал обратно, даже не помню. Пришёл домой без сил и весь в поту, будто разгружал вагоны тяжестей. Со временем возникли во мне силы, радость и ясность необыкновенные. Сами ноги несли нас в духовную лечебницу, к Батюшке.

Была у нас трудность с покупкой дома. Ситуация такая. Когда появились маленькие дети, встал вопрос, где с ними отдыхать? Мы с супругой москвичи и родственников в деревнях не имели. Хотелось приобрести что-то недалеко. Мечтали и о Дивеево. Отец Кирилл благословил покупать только в Подмосковье. Два года мы искали. Попытки сделок рассыпались сами по себе, внезапно, по разным причинам. Деньги растаяли, и я написал Батюшке, что прошу его благословения не на Московскую область, а подальше, так как финансовое положение уже не позволяет. Он пишет — нет, только в Московской

области, хотя бы уголок и вблизи храма. Открыл я карту. Вижу, на нашем, Смоленском направлении, на последней станции обозначен храм. Поехал я туда. Там действительно восстанавливалась церковь. Спросил людей, не продаёт ли кто дом? Никто ничего не ответил, и я пошёл обратно на станцию. Стою, жду электричку и у рядом стоящей женщины снова поинтересовался. Она мне вдруг говорит: «А вы спросите вон там. Они могут продавать». Оказалось, что там полдома продают. Этот домик даже не видно было. Он весь за деревьями скрывался. Мне дали телефон хозяина половины дома, и я сразу с ним созвонился. Они как будто меня ожидали. Хозяин чудесным образом разрешил нам сразу заселиться и обжиться в доме без оплаты. Дал мне генеральную доверенность на оформление собственности и продажи дома. И цена оказалась нам под силу. За полгода я оформил все нужные документы, и у нас появился уголок, куда удобно ездить, и главное — рядом с храмом. До сих пор мы не нарадуемся и благодарим Батюшку за его настойчивые указания нам и его молитвы.

Любовь: Когда мы только воцерковлялись, у нас уже были две малолетние дочки и были большие скорби, печали и болезни. В самый тяжёлый период Господь послал нас в Переделкино. Батюшка решал все наши вопросы. Дети у нас

менялись на глазах. Изменилось у нас и состояние душевное. Отец Кирилл вёл нас по жизни своей любовью и заботой. Утешал нас, что все скорби и болезни уйдут. Так они и ушли. Батюшка разрешал их чудесным образом. Дети росли, и мы не пропускали ни одной встречи с отцом Кириллом. Он благословлял наших детей в школу. Старшую дочь мы хотели направить в школу, в которую невозможно было попасть. Отец Кирилл благословил и на нашу радость в ней организовали дополнительный класс. Произошло это чудо, конечно же, по молитвам отца Кирилла. Потом, когда и младшей пришёл черёд идти в школу, мы с ней опять поехали за благословением к Батюшке. Простояли в очереди долго, и нам объявили, что больше никого не пустят. Мы со смирением решили, что дождёмся мужа со старшей дочкой и поедем домой. Вдруг двери крестильни открылись, и нас пригласили войти. Таким образом мы оказались у Батюшки. Он нам уделил много времени, мы разрешили все свои вопросы, и он благословил нас всех.

После с Батюшкой произошла беда, он тяжело заболел. К нему уже не пускают, какое-то время мы вели с ним переписку. Теперь и это стало невозможно, но всё равно связь с отцом Кириллом не теряем. Молимся за него и уверены в том, что и он не оставляет нас своими молитвами. Ими мы живём и спасаемся.

Монахиня Сергия (Макарова):

«В мире скорбными будете.
Но дерзайте, ибо Я победил мир».
(Ин. 7. 12)

— Накануне Рождества одной из сестёр, трудящихся в Лавре, позвонили из другого города. Сказали, что трёхлетняя дочь их спрашивает: «Кто такой Ангел?», а они не знают, как ей это объяснить.

От Лавры поехали в Переделкино братия и монахини поздравить отца Кирилла с Рождеством Христовым. Батюшка тоже всех поздравляет, и среди другого дарит маленькую иконочку с Ангелом Хранителем, с молитовкой на обороте:

«Ангеле Божий, Хранителю мой святый, на соблюдение мне от Бога с Небесе данный, прилежно молю тя: ты мя днесь просвети и от всякого зла сохрани, ко благому деянию настави и на путь спасения направи. Аминь».

Когда приезжавшие к отцу Кириллу возвратились в Лавру, то эта иконочка оказалась «лишней», у всех были подарки. Тут и подошла к ним та сотрудница, которой звонили родственники. Ей и отдали, к её великой радости, эту иконку.Она тут же перезвонила родителям маленькой девочки. Те были в восторге: «Вот теперь она сама увидит и поймёт, кто такой Ангел-Хранитель!..»

Вот так! Любящий нас грешных, отец Кирилл, даже в немощи своей всё слышит и на звонки родственников отвечает. Потому что вопрошают о добром и полезном.

Одна сотрудница из недалекого прихода передала Батюшке поминальную записку. Отец Кирилл переспрашивает её:

— За упокой?

— Что вы?!.. Батюшка! — ужаснулась просительница. — Он — здоровый, молодой. Ему ещё и тридцати то нет. Всё в норме у него, работает, плотничает у нас. Как «за упокой»?

— За упокой? — чуть помедлив, негромко, но уверенно повторяет отец Кирилл.

— Да нет же! Он — живой! Я же говорю, он здоровый, — досадует на непонятливость Батюшки просительница.

Возвращается домой. Ей сообщают, что три дня назад, как раз когда она подавала старцу записку в Лавре, молодой плотник умер.

Как то застала отца Кирилла грустного. Спросила, в чём причина? Он ответил:

— Видел накануне два больших пожара. Молился Господу, чтобы он остановил, не допустил их до нас.

Тревожно я спросила его:

— И что?

Батюшка тяжело, устало вздохнул и закончил:

— Господь не переменил Своего решения...

Вскоре август 1991 и октябрь 1993 годов спалили нашу страну.

На частые, восторженные разговоры в те годы об обязательности каким-то образом восстановления Российской империи, возвращение монархического строя и дарование нам (непонятно за какие достижения), царя, отец Кирилл тоже без ложного бодрячества говорил:

— Будет ли царь?.. Очень сомневаюсь. Четыре поколения народ жил без Бога... и война, на короткое время только сплотила.

При последней встрече Батюшка присутствующим сказал:

— Время трудное. Время тяжёлое. **Не бойтесь скорбей и страданий, ради Царствия Небесного. Настольные книги у всех — Евангелие и Псалтирь.**

Недаром и в монашество отец Кирилл пострижен в честь прп. Кирилла Белоезерского, верного ученика прп. Сергия Радонежского, удалившегося на Север и там воздвигшего мощнейшую духовную и оборонительную крепость Руси. Бывший солдат Иван Павлов — 22 июня, в день подлого, коварного нападения на наше Отечество. В день начала величайшей, кровопролитной войны принял иноческий чин. Отец Кирилл и этим просто запечатлен, как великий защитник наш от нападений вражеских. Видимых врагов, так и невидимых. От одних он нас отбивал оружием, от других, в течении более 60 лет — молитвой.

Отец Николай:

«Кто не со Мною, тот против Меня,
и кто не собирает со Мной, тот расточает».
(Мф. 12, 30)

Первое моё знакомство с отцом Кириллом состоялось так.

Мы приезжали в Лавру молиться. По рекомендации о.П. мы познакомились с отцом Кириллом. Первая же встреча меня поразила. Когда подошла моя очередь, прошёл в келью к старцу. Попытался сумбурно рассказать о своих проблемах. Тогда я служил дьяконом. У меня произошёл острый конфликт с настоятелем храма. На меня произвели злой навет. Отец Кирилл долго и внимательно слушал. Потом утешил меня. Сказал несколько слов, которые меня поразили. Это была великая мудрость. Старец — само проявление любви и доброты. Тогда ещё мы заметили, что если даже какой человек, подходящий к нему, неприятен, он и вида не покажет! С такой любовью встретит, душевно прочувствует все его боли и скорби. Это простой, неутомимый целитель душ — он принимает всех.

Прошло время. Мне показалось, что отец Кирилл и забыл про меня, про мои проблемы. У него столько людей и забот!.. Но чувствую, что острота конфликта стала куда-то исчезать и всё налаживаться у меня. Позже я узнал, что Батюшка не забыл моей беды и добрался аж до архиерея епархии в разрешении той острой ситуации. Вызвал меня старец в Лавру через о. П. Поехал я туда со страхом, ожидая выволочки, строгой назидательной встряски. Отец Кирилл принял меня и сказал:

— Мы с вашим владыкой посоветовались...

Тут Батюшка немного помолчал, подбирая слова и сообщил мне:

— По существу ты правильно делаешь. Священник согрешил. — Затем внимательно, испытующе посмотрев на меня, закончил. — Ну, что ж — будешь священником. Это воля Божья, и владыка так решил.

Представляете моё состояние?! Будто из ада я выпрыгнул прямо в рай!

Вместо огорчения такая радость поддержки и помощи!

«Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом, *— говорит святой апостол Павел.* ***В ней свидетельствованы древние праведники. Верою они побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих*** *(Евр.11:1-2, 33-34).*

Так сильна вера и в делах житейских, и особенно в подвигах жизни духовной.

Вера есть основание, на котором строится вся духовно-нравственная жизнь христианина. Без веры угодить Богу невозможно, *— пишет Апостол,* ***— ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает»*** *(Евр.11:6).*

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Как-то братия монастыря стала недолюбливать одного послушника. Отец Кирилл всех привёл в разум, сказал:

— Не надо смеяться над ним. Нельзя. В нём большое стяжание благодати Божьей.

И все удивлённо осеклись, по-новому взглянули на собрата и стали относиться к нему, как к равному и нуждающемуся в помощи, сочувствии. Любовь и мир снова поселились среди братии.

Был у нас сотрудник, работающий на КГБ. Он приходил к отцу Кириллу за благословением. Все его избегали. Не хотели с ним встреч. А Батюшка всегда принимал. Пытался его вразумить и всё-таки победил его. Отец Кирилл много за него молился, и он исправился. Через какое-то время он у всей братии просил прощения. При раскаянии, в момент просьбы о прощении, он рассказал братии, кем он был на самом деле. Как

священник из советского периода, я знаю, что это такое, чего стоит такое признание! Тюрьма — как минимум. В постсоветское время он ежедневно ходил на службы и соблюдал правила церкви. До кончины своей он окормлялся у отца Кирилла.

Порядки при власти партийцев были жёстки, особенно касательно того, что связано с церковью и верой. Архиерей, к примеру, делает тебе указ и посылает к уполномоченному. Если ты тому понравишься и нет на тебя доносов — ты будешь служить. Если нет, в лучшем случае — запихнут куда-нибудь.

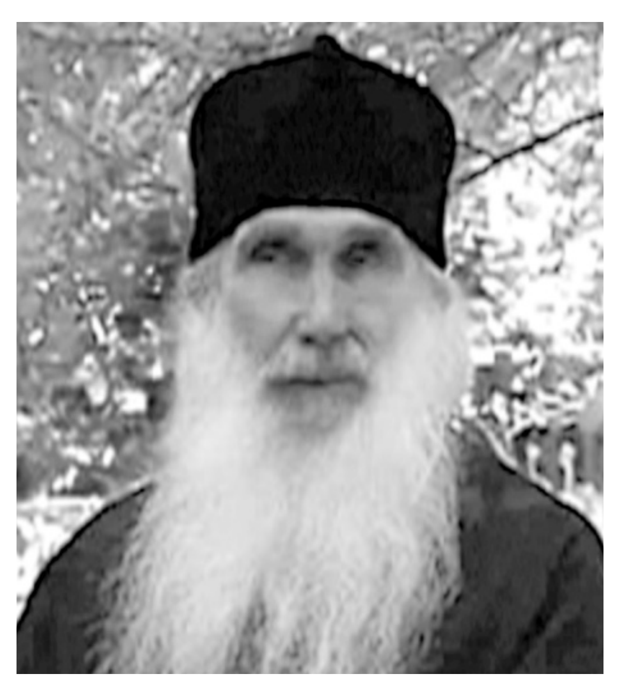
Отец Кирилл за много лет вперёд предвидел, что буду я служить в Сергиевом Посаде. При очередной встрече он как бы невзначай сказал мне такую фразу:

— Ты купи себе дом в Посаде. Он вам ещё пригодится.

Не придав никакого значения этим словам старца, я машинально ответил «ладно», но благословения не исполнил. Получилось непослушание. В ту пору подвизался в Лавре близкий мне архимандрит. Он палкой по полу стучал в негодовании:

— Что вы тянете? Батюшка благословил!

Но я — беспечный и жестоковыйный не прислушивался. Думал, что я во-он где служу! Скорей всего там всю жизнь и прослужу. Зачем мне два дома? Да ещё в такой дали. За ним следить, ухаживать, жить в нём надо, а так чего?..

Отец Кирилл же знает, что говорит. Слов просто так на ветер не бросает.

Служил я в то время в городе С. Большущий храм, ещё здания. Всё обветшало. Ремонтировать, восстанавливать надо. Средств нет. Работы много... Без выходных трудился, не то что отпуска. Наконец, прошибло меня. Что же это я так не слушаюсь духовника?!.. Решился, взял отпуск. Купил билеты на поезд. А тут — беда! Обвал, обезценивание денег. Сгорели небольшие накопления наши семейные. Ничего мы не приобрели. Деньги потеряли. Отец Кирилл предупреждал меня, предвидел, что через несколько лет доведётся мне перебраться и служить в Сергиевом Посаде. И вот до сих пор мы снимаем здесь квартиру, живём на старости лет в неудобстве. Совсем по-другому бы было, если бы я тогда, сразу послушался отца Кирилла. Батюшка наперёд знал, что дом нам здесь будет необходим.

Знал он, что в 26 лет умрёт наш сын. Потом моя матушка заболела. Ходим по врачам. А диагнозы не ставят. Ей всё хуже и хуже. Приехал я к отцу Кириллу. Он говорит: «Выживет твоя матушка. Только вам надо поменять епархию». Грешный я, в недоумении, думаю: «У неё же болезнь с климатом не связана. Зачем место менять? Что это даст, когда человек болен?..» Опять, окаянный, не сразу Батюшку послушался. Не исполнил я вовремя услышанного от него. Жили, служил я на прежнем месте. Пока супруга моя совсем уже Богу душу стала отдавать. Тут меня и стукнуло, вспомнил я совет отца Кирилла. Вскинулся, помчался к архиерею, со слезами выпросился из епархии. Поехал и договорился о переводе в соседнюю епархию. Переехали. И что вы думаете?.. Матушка у меня сразу болеть перестала, а начала медленно поправляться. Без врачей, лекарств и прочего. Болезнь отступила, ушла, как будто её и не было. Что за чудо такое? До сих пор понять не могу. Почему так, таким способом болезнь побеждена была, — сам не знаю. Только Бог знает да отец Кирилл. Всё это по Батюшкиным

молитвам открывается и поддерживается. Нам, неразумным, только одно требуется — слушаться старца.

Однажды мы с Батюшкой сидели у него в келье, накануне дня Победы. Поделился я с ним печалью своей, рассказал, что отец мой пропал без вести на войне. Не знаем, где он и похоронен. Отец Кирилл уверенно сказал:

— Найдётся. Могилу обретёте.

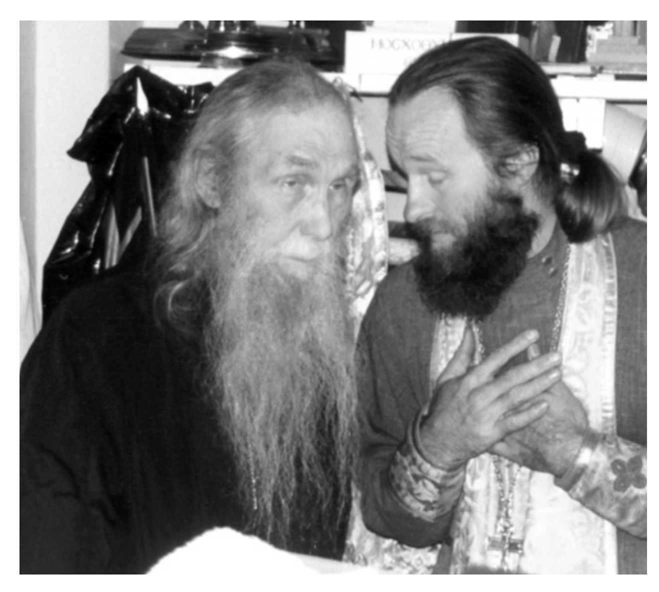
И на самом деле мы обрели её в дагестанском Дербенте, на воинском кладбище. Получилось же так.

Старший брат мой работал дальнобойщиком. Перед поездками всегда брал благословение у отца Кирилла. Прибыл он в Дербент в выходные дни. Сдал груз, а новый не загрузили ему. Чтобы скоротать время, пошёл он по воинским кладбищам. Рассматривал фотографии, читал фамилии и вдруг остолбенел. Увидел звание, имя и фамилию отца!!! В понедельник не за грузом пошёл, а по архивам. В медицинских архивах он нашёл сведения о захороненных из местного госпиталя. По документам он и все события узнал. Когда Киев сдавали, то был очень сильный авиационный налёт. При отступлении через Днепр отца вытащили тяжелораненого. Довезли до Дербента на санпоезде. Восемь дней врачи боролись за его жизнь, но не спасли. Там же и похоронили. Так вот, как отец Кирилл сказал, так оно и вышло. Могилу отца мы обрели.

Будучи дьяконом, я потерял голос. К каким только врачам не ходил! Каких лекарств не глотал, чем не полоскал!.. Всё хуже и хуже. Потом уже мне медицинское заключение сделали, что ещё немного — я потерял бы голос насовсем. Приехал я в Лавру к о.М. и еле рассказал шёпотом о происшедшем со мной. Он говорит: «Пойдём в келью к отцу Кириллу, посоветуемся с ним».

Мы пришли. Батюшка говорит:

— Давайте помолимся.

После молитвы отец Кирилл сказал нам, чтобы мы шли к отцу Матфею Мормылю, а сам продолжил молитву. Архимандрит Матфей со мной позанимался постановкой голоса, упражнениями разными. Взял я отпуск. Стал периодически приезжать к нему, заниматься, и болезнь отступила. Как будто её никогда и не было. По молитвам отца Кирилла это было это исцеление. Медицина была безсильна восстановить голос. Я за Батюшку всегда молюсь. За его искренность, простоту я его очень люблю.

«Вера — самый надежный наш спутник до гроба. Трудно жить на свете без веры, а еще труднее умирать. Один богослов говорит, что неверующие люди в этой земной жизни забывают Христа и минуют Его, но при смерти они уже не могут Его миновать и обязательно встретятся с Ним лицом к лицу, и страх обымет их тогда оттого, что не имели они веры. Вера же и во мрак самого гроба проливает отрадный свет.

Дорогие мои! Будем веровать, будем паче всякого драгоценного сокровища хранить нашу веру. И она при всяких бедствиях и невзгодах, постигающих нас, укажет нам, где найти утешение и как отразить зло. И если в трудных и даже, может быть, безвыходных обстоятельствах об-

ратимся мы к Богу с молитвою веры, то по вере и будет нам, как сказал Сам Спаситель, ибо* все возможно верующему». *(Мк.9:23)

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Мы с женой сетовали, что у нас нет детей и не будет. Отец Кирилл нас утешил:

— Один сын у вас будет.

Глаза к небу поднял и ничего больше не сказал.

Когда наступила беда с нашим сыном, Батюшка, чтобы усилить наши хлопоты о нём, напомнил нам:

— У вас больше не будет детей.

Упустили мы. Сына не стало. После того сначала матушка болела, потом на приходе было очень много разных проблем, что о детях и думать некогда было. Так всё и получилось. Остались одни.

Батюшка очень многим людям помогает. Все пытаются попасть именно к отцу Кириллу. Никто не может так обращаться с людьми, как он. К другим, бывало, обратишься — и прогнать, нашуметь могут. А он послушает и сказочку какую-нибудь тебе расскажет. Со всеми своими чадами, как отец с малолетними детьми, общается. И по голове погладить может, и потрепать. Но глаза смотрят с такой большой любовью! Сколько раз я удивлялся. Они смотрят куда-то в душу, не в глаза твои. Вовнутрь тебя. Он распознаёт — какой ты человек, и сколько в тебе есть греха. Он видит, сколько и за кого молиться надо. Много было случаев...

Одной семье, где муж пил и бил своих близких — мать, жену, детей — отец Кирилл посоветовал:

— Давайте вместе молиться. Вы читайте акафист Гурию, Самону и Авиву. А я буду за него Псалтирь читать.

Вот они — мама, жена и дети стали читать. И случилось чудо, которое отвратило буяна от вина. Идёт он как-то пьяный

домой и орёт: «Я вам всем щас устрою!». Подходит, а перед домом стоят трое мужчин — встречают его:

— Ты куда идёшь?

— Домой.

— А зачем?

— Да я им сейчас устрою! — орёт.

— Права не имеешь обижать ни мать, ни жену, ни детей, понял?! Мы их защитники. Они нас сюда поставили.

— Кто вы такие?!

— Мы — те святые, которым молятся старец и твои близкие.

При этом они назвали свои имена. Но пьяный никогда не слышал таких имён. Гневно заревел на них:

— Кто, кто? Не пойму! Да пошли вы! Щас я вас!..

Драться на них полез. Они его подхватили и кинули вверх. Он сам рассказывал потом, что летел, летел, летел... по чёрной холодной пустоте. Земли не было видно. Понял тогда: «Всё, разобьюсь!» Потом полетел обратно вниз. Земля была уже рядом совсем. Глаза зажмурил от страха. Всё — конец! Тут те трое незнакомцев, говорит, поймали меня и поставили на ноги. Предупредили:

— Видишь, мы тебя простили, живым оставили и на ноги поставили. Но если ты будешь продолжать так себя вести, обижать людей, то второго раза не будет. Закинем прямо в ад.

Он вошёл в дом запуганный, весь синий, трясущийся и похмеляться на следующий день даже не захотел. После этого стал приличным и добрым человеком.

Как-то, в минуту подходящую, я решился и говорю Батюшке:

— Батюшка, вы же Герой Советского Союза.

Он палец ко рту поднёс и сказал:

— Ты меньше кому об этом говори.

Мы разговорились, и он произнёс:

— Я не хочу никому ничего говорить. Не хочу потерять благоговейного чувства. Когда я был ещё там, на фронте, то видел

образ Божьей Матери. И чтобы не потерять этого благодатного чувства — не хочу никому рассказывать об этом времени.

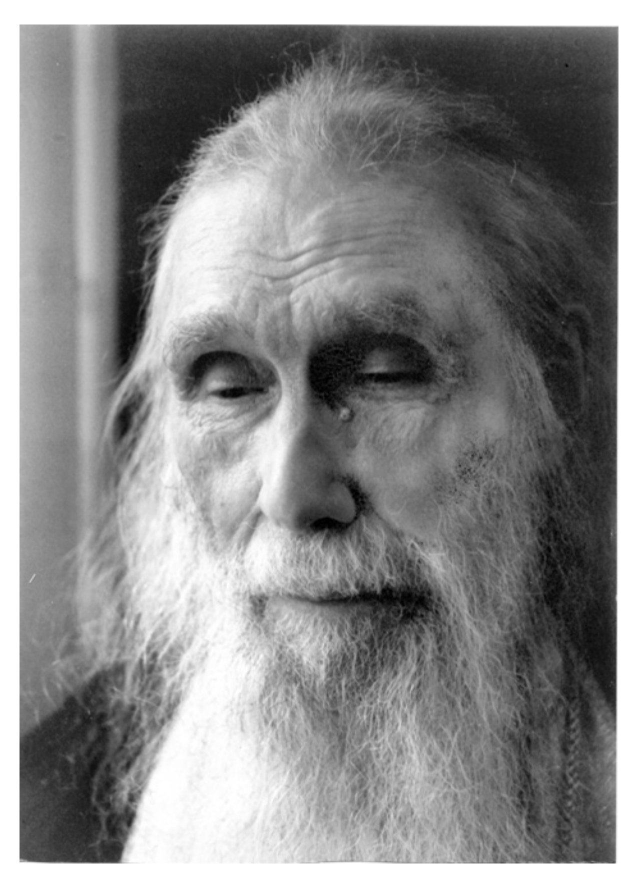
В Семинарию когда поступал на очное отделение, то не поступил. Подошёл к отцу Кириллу и говорю, что так и так вот... А он мне вдруг и говорит:

— Да ты и так всё хорошо знаешь. Не надо тебе в Семинарию. Поезжай-ка к владыке А. и служи.

Так меня Батюшка на очное обучение и не благословил.

Поехал я, куда совет был дан. Владыка тоже был чадом отца Кирилла. Видимо, Батюшка ему письмо написал на рукоположение моё. Владыка меня сразу принял. В советское время не всегда архиерей примет и рукоположит безпрепятственно.

Очень уж острых моментов у меня поначалу не было. На одном приходе у меня три лагеря дрались стенка на стенку в прямом смысле. Я помирил приход — драться перестали. Конечно, по молитвам Батюшки мне удалось это сделать. Стали меня уважать. Ходить ко мне за советом. Даже если меня в храме не было, то и домой заходили.

Покровительством самой Пресвятой Богородицы всё устроилось. На приходе стычки разрешимы. Они, как вспышка, погаси — и всё исчезает. Сам человек приходит и просит прощения у того, кого он обидел. Только Батюшка всегда повторял мне:

— «На всякого мудреца довольно простоты». Носи образ Евангельский на себе. Как сказано: не будете, как дети, — не войдёте в Царство небесное.

Отец Кирилл, конечно же, молился, чтобы как можно больше этой простоты у нас было, только так можно устроить приход. Батюшкин пример всегда у меня в глазах. Иногда приходилось даже оплеухой наказывать тех, кто, к примеру, ломал церковную ограду или бросал камни в окна храма. Слова никак не действовали. Батюшка одобрял это и не одобрял. Когда как.

При начале моего служения, был у меня такой случай. Вышел я из алтаря на службе в честь Серафима Саровского на полиелей. В храме никого нет. Село есть село. Матушка с двумя старушками поёт на клиросе. Стою. Передо мной икона преподобного Серафима. Он будто левой рукой под епитрахилью за сердце держится. Это самая распространённая его икона. Смотрю и думаю — был же подвижник, какое натруженное лицо... Вот у кого была непрестанная молитва... Какие глаза внимательные... И вдруг у меня мысль обрывается. Клирос не слышу. Оторопел. Икона ожила! Глаза святого начинают смотреть на меня. И будто правая рука его чуть-чуть шевельнулась. В страхе отвожу глаза на алтарь, замечаю, что клирос молчит. Тут я стал петь величание и ещё раз посмотрел на икону. Она стала прежней.

Приехал я и рассказал всё Батюшке. Как же он меня отругал! Конечно, по-отечески:

— Тебе должно было быть что-то открыто. Маловерный, ты, Пётр! Тонуть начал. И ты туда же! Тебе что-то Господь через преподобного хотел сказать, а ты смалодушничал!..

Дал мне за это епитимию.

Изредка я просил Батюшку помолиться о болящих моих прихожанах. Иногда он говорил так:

— Ничего, это на пользу. Поболеет, зато папа с мамой научатся молиться.

Но так он редко говорил, по большей части молился...

Были у меня загадочные происшествия. Рассказывал о них отцу Кириллу. Он разобъяснял их смысл. Один раз он радостно перекрестился со словами:

— Слава Богу! Всё будет нормально. Хотя твой путь так и останется крестным.

Ещё было у меня видение, когда я готовился служить праздничный молебен Спасителю. Стою, просматриваю записки, которые подали на молебен, и вижу боковым зрением: на иконостасе Спаситель благословляет крестным знамением. Рассказал отцу Кириллу. Батюшка этому порадовался:

— Слава Богу! Пока в России всё будет нормально. Милостивый Господь с нами.

Никогда я не расспрашивал его о событиях подробно. Воспринимал всё его объяснениями, его словами. Мне этого было достаточно. Не знаю, почему, но часто Батюшка встречал меня такими словами: «О, моя хорошая овца пришла». Может, потому, что я не задавал никогда лишних вопросов духовнику.

> ***«Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые*** (Еф. 5, 15), ***чтобы не дать повода ищущим повода»*** (2 Кор. 11, 12).

В своё время имел я большую удавку от КГБ. Началась перестройка. Владыка благословил меня возвратить Церкви наш собор. Собор этот необыкновенной архитектуры и убранства внутреннего. В нём имелась церковная утварь большой художественной ценности. Стал я наводить справки, на чьём балансе числится собор. Оказалось, что на всесоюзном. А это уже было делом епархии. Тогда я самовольно, воспользовав-

шись замешательством перестроечным, взялся на городском уровне депутатского собрания продавить этот вопрос. Решение было принято положительно. Я вышел на районный уровень. Там тоже приняли решение отдать. Но на этом заседании был член ЦК КПСС Касаткин, идеолог. Он публично высказался против такого решения. В ответ я сказал, чтобы обратили внимание на мнение депутатов. Заварилась каша. Вызвали городских депутатов разбираться. В итоге решение оставили в силе. Касаткин мне тогда сказал: «Заварил ты кашу. Ну, я припомню тебе это собрание и твой собор».

Забыл я в многих своих трудах о тех словах. Решение районом было принято, и я вручил владыке документы для оформления перевода собора в собственность епархии.

Приехал вскоре после того я на исповедь к отцу Кириллу. Поисповедался. Батюшка вдруг спрашивает:

— Что у тебя там происходит?

— Всё вроде спокойно, — говорю я.

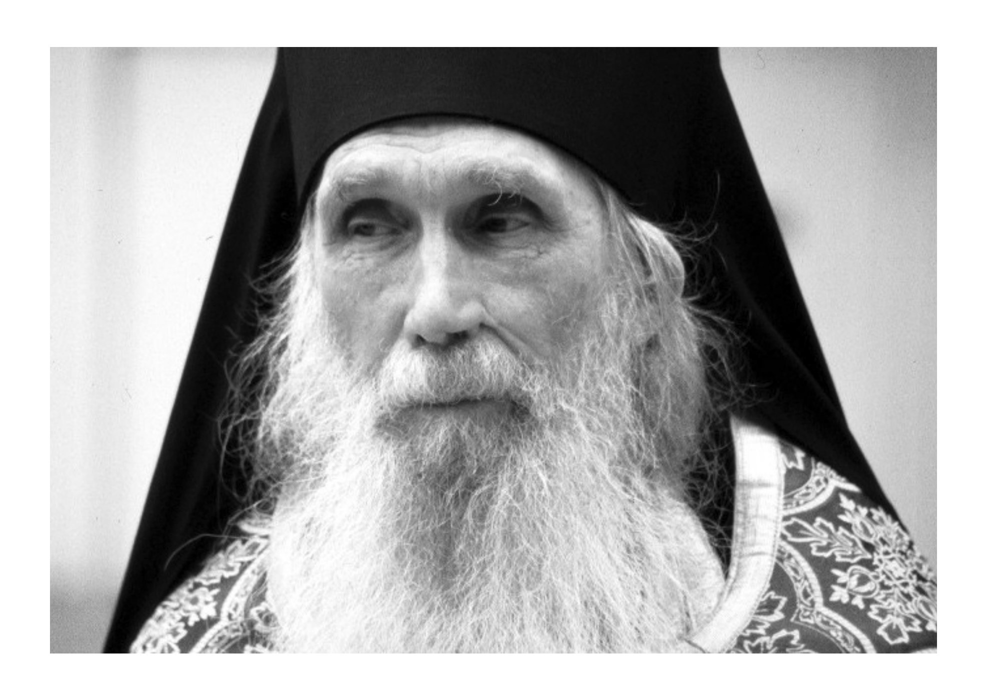
— Нет. У тебя там проблемы, — озадаченно произносит Батюшка. На этом и расстались. Немного смутился я, не понял. Ведь я отцу Кириллу ничего не рассказал и не вспомнил про угрозу Касаткина.

Пока эта ситуация обороты набирала, отец Кирилл мне своевременно задал вопрос. Своевольно я счёл это своей личной проблемой. Потом только осознал создавшуюся опасность.

Вернулся к себе. Звоню владыке по поводу решений текущих вопросов. А он мне тоже:

— Что у тебя случилось? КГБ стало ездить, донимать за тебя.

Подъехал вскоре ко мне сотрудник из «органов» и стал вербовать меня в агенты. Послал я его куда подальше. Они мне уже и псевдоним придумали. Сработала моя казачья закалка. Сотрудник приехал под видом проверяющего, сохранность шедевров церковных будто проверить. А я народу прямо с амвона рассказал, кто это на самом деле. Допустил я большую ошибку.

Прихожане ему сказали убираться вон и оставить священника в покое. Но этим раздул сильный огонь на себя.

Дня через три позвонил владыка и сказал, что «органы» в прокуратуре оформляют обыск у меня дома. Ясно, что при этом они подложат мне всё, что им надо.

Поехал я к отцу Кириллу с повинной. Теперь рассказал уже всё. Конечно, он меня ругал, что я много наделал неразумных поступков, но он молился, и владыка на месте стоял за меня.

Батюшка всё наперёд знал. Если бы я не скрыл от него своевременно подробностей, то он бы раньше сугубо помолился с братией и может, вопрос бы уже тогда разрешился в начале дела. Но, слава Богу, что хоть и в конце они подключились, я смог избежать тюрьмы. Это ведь тогда элементарно делалось. Усилиями его молитвы, владыка подключил депутатов, чтобы они загладили мой скандальный вопрос. Батюшка мне потом сказал: «Всё прошло! Но за тобой будут следить». И действительно, долго они ещё мне козни строили.

С самого начала моего священства КГБ меня контролировало, хотя когда я был до этого диаконом, не трогали. Священники для них все «подрывными элементами» были. Всё время меня на допрос вызывали. Тут ещё вот почему. Дело всё в том, что в молодости я закончил особый техникум, который был «почтовым ящиком». Это было секретное учебное заведение, которое готовило специалистов для разведвойск. Посему меня особенно тревожили, следили.

Меня всё равно съели из-за собора. Уже и райкомов не было, а меня выжили оттуда. Без вины виноватым я изгнан был оттуда уже при «демократах». Послали служить меня вначале в женский монастырь. Там я натерпелся от игуменьи. Так сбывались пророческие слова Батюшки о том, что крест у меня будет нелёгкий. Отец Кирилл благословил перебираться поближе к своим старенькими родителям, чтобы за ними ухаживать.

Таких историй много... Разве не потрясает известный многим старым инокам и трудникам лаврским, давний, жуткий случай, уже после провокации и изгнания из Лавры архимандрита Тихона (Агрикова), когда «органы» взялись за отца Кирилла. Одна подосланная ими страшно оклеветала его, монаха, девственника, в будто бы сожительстве с молодыми послушницами? Казалось бы — простейший выход. Попросить послушниц походатайствовать за него, попросить их, чтобы они сходили к врачу и засвидетельствовали свою целомудренность. Или подсказать судебным службам такой выход из опасного для него и позорнейшего положения, суда, приговора, унизительнейшего клейма. Нет, чтобы ничем не поранить юные души молодых девушек, он смиренно принимает, сносит незаслуженный позор, готовится к изгнанию из монастыря и тюремному заключению. Собран уже узелочек. Молча и кротко ждёт отец Кирилл исхода, разрешения сложившейся трагической для него ситуации.

Невозможно понять даже, вместить в себя такое предельное послушание, безропотное исполнение, всецелое подчине-

ние Промыслу Божьему. Как при такой острейшей для него ситуации, где даже имя его становится презренно, поставлено в разряд позорного, при этом он не делает ничего?! Из многого того, что с лёгкостью может его моментально оправдать, вернуть ему свободу, незапятнанное имя и уважение собратий.

Такие редчайшие примеры можно найти только в истории Церкви, в житиях великих, древних подвижников благочестия.

«У нас, дорогие, нет другого пути, если мы хотим спастись и наследовать жизнь вечную, — как путь евангельских заповедей, путь внимания к себе, строгого испытания себя перед Богом. Много есть в этом мире вещей, учений, к которым люди привязываются, которым следуют, но только в Евангелии — истина, ибо только Евангелие есть учение Самого Господа, Его слово. И по Евангелию будет судить нас Господь в день Страшного Своего Суда, и от того, исполняли ли мы написанное в нем или небрегли о том, будет зависеть наша вечная участь. **Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам,** ***— говорит Господь*** *(Ин. 14, 21)*. ***Будем любить Господа, братия и сестры, будем творить заповеди Его. А зная это, сделаем Евангелие главной книгой своей жизни, не будем расставаться с ним, но всегда будем поучаться в нем, помня, что это — слово Божие, воля Божия, в исполнении которой — жизнь вечная. А в неисполнении — погибель».***

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Мне одна прихожанка рассказала, что в 1990 году отец Кирилл собрал всех духовных чад, кого возможно было. Разговор был о том, что кровь прольётся на Руси.

— Я много постился и молился, — сказал Батюшка, — но Господь не внял моим молитвам. Будет революция, кровь и войны...

Так и вышло. Через год, в 1991 год — переворот, разрушение страны. Потом война на юге в 1992 году. Расстрел восставших и добивание России в 1993 году. После — снова война, опять на юге, в Чечне. Затем в 2008 году ещё одна на юге (с Грузией)...

Отец Кирилл своих духовных чад предупредил об этом заранее. Он молился, как мог, изо всех сил, утешал людей, но у Господа Свои решения и сроки.

— Потом, — сказал Батюшка — будет затишье. Политика такая пойдет, как мгновение пролетит. И всё-таки 37-й год повторится. Гонения, мучения – всё будет. Но в это же время всё будет полыхать вокруг России. Ближний Восток будет воевать, Африка, Азия и другие страны.

Отца Кирилла поздравляли в день Победы, то его глаза как-то так загорались, всегда говорили, выдавали, что он тот самый боевой герой войны. На словах же он отнекивался:

— Да какой я герой. Я так, один из многих там был...

Две пожилые женщины не отстают и напрямую спрашивают его:

— Батюшка! В честь праздника, дня Победы, признайтесь, что вы герой Советского Союза сержант Павлов?

Отец Кирилл немного ошеломлён от неожиданности и конкретности вопроса, по-

смотрел на них и засмеялся. Глаза огоньком загорелись. А слова? Слова такие:

— Да, я там был, в Сталинграде. Там всякое было. Всем досталось. А так, кто где чего делал, кто разберёт? Одним словом — котёл. Что было, как, да кто его разберёт?..

И всё. Ушёл, как всегда от ответа. Но все обратили внимание на его глаза.

Те, кто слышал эти слова — подтверждали, что в этот момент его глаза по-мальчишески светились. Нужно не слова воспринимать, а глаза его видеть. Присмотритесь на его фотографию военных лет, 43 года, где он с сёстрами после Сталинграда сфотографирован. Только такой человек, открытый, отчаянный, отважный, светлый, может отстаивать такой смертельный рубеж, как простреливаемый отовсюду Дом Павлова.

С отцом Кириллом мы говорили и на общие большие темы:

— Мы не можем призывать всех людей отказываться от номеров и новых документов. У многих и так много скорбей. Наша задача объяснять, говорить о большой опасности принятия этого, а затем электронной карты. Кроме того, если сейчас резко себя противоставить, явно и открыто — то могут начаться сильные гонения на Церковь. Мы же пока ещё только встаём. Мало ещё вошло в Неё людей. Многие ещё на подходе. Новый виток репрессий Она может не выдержать. В Ноев ковчег ещё войти надо. Потом пусть потоп и буря свирепствуют. Поэтому самый мудрый пока ответ — всё с рассуждением и осторожностью нужно делать. Да — не соглашаться. Разобъяснять об этом всем. Но с миром и добром в душе, а не со злом и страстями. Главное же — молитесь, много молитесь, прежде чем принять решение. И пусть люди слушают своё сердце. Что оно подскажет — то пусть и совершается. Господь всё управит. Одному взять паспорт, другому — не взять. Сначала гонения будут на тех, кто не взял номер, электронный паспорт, карточку. Но потом, когда 24 глава псалмопевца сбудется, тогда начнутся про-

блемы и у тех, кто взял всё негожее. Все — страдальцы. Всех — жалко...

Ещё Батюшка говорил:

— Когда силы небесные подвигнутся, когда страх обуяет людей, то здесь Господь из лап дьявола вытащит тех людей, кто из глубины души будут восклицать — Господи, помилуй! Даже тех, кто не устоял, взял то, что называют пока единой социальной картой. Всем это нововведение понравится. Вроде бы удобно! Без проблем. Дошёл до банкомата — карточку вставил, и всё. Любые расчёты делай. Все этим и соблазнятся. Господь же всё управит по-Своему. Вот этих, многих из них, чтобы не погибли в аду, Он до этого отсюда заберёт. Мы и видим, как народ наш быстро вымирает. А вот Запад — они друг друга передушат, перебьют. Страшных бед вокруг нас будет много. В завершение всего нас втянут в большую войну. И слава, которую нам предрекал Серафим Саровский, когда мы весь мир от инородного и иноверного нашествия освободим, наступит. Сначала, чтобы призвать их к покаянию, которое они начнут приносить, нам придётся терпеть их и спасать. Гонения ото всех терпеть. Спасать себя, и весь мир спасать.

Когда отец Кирилл стал выступать против глобализации, его тогда в Переделкино перевезли. Перед этим я успел с ним повидаться. Потом он труднодоступен стал для меня, как и для многих. Об этом мы ещё немного поговорили. Батюшка говорил, что настоящих органов безопасности не существует. Есть отдельные, честные сотрудники, но они в подполье. В целом же это ведомство работает против России. Они только меняют названия. Суть же их остаётся карательной по отношении к русским, как основным носителям христианства на земле.

Батюшка повторил:

— Господь нам попустил, как сказал Серафим Саровский, **великими страданиями** взойти к великой славе. Похоже, — говорит, — что это всё нам будет.

Более чем за десять лет до этого в беседе отец Кирилл поведал:

— С 2010 по 2020 год нужно ожидать чего угодно в мировой политике, если только не величайшее заступничество Божьей матери. Пророчества о кончине мира уже кончились. Последнее, которое было записано, мы его прожили в начале XIX века. Жил тогда преподобный Пётр Цетиньский. Вот как говорится об этом: «Места в монастыре уже не хватало, и было решено в Сербской церкви построить новый скит, в честь апостола Петра. Храм же в нём в честь святителя Николая». У преподобного Петра в келье никогда не было ни кровати, ни стола. Был только валун в углу, на котором и сидеть-то неудобно, не то что спать. Сел на свой камушек преподобный и рассуждает, что есть ведь пророчество на 1840 год о кончине мира. Осталось всего два года до этого. Может, и не стоит строить? Может распустить в горы-леса братию? Чтобы подвизались там и молились? Рассуждал он так, и перед ним появились апостол Пётр и свт. Николай. Он смотрит на них и спрашивает: «Сам Господь, видимо, послал вас разъяснить мне духовный вопрос?» Они ничего не ответили. Взяли, развернули его лицом к востоку и поставили между собой. Говорят ему: «Теперь смотри на восходящее солнце». Оно как раз было перед рассветом. Когда солнца ещё нет, а идут преломляющиеся лучи только от него из-за земли, он видит в этих лучах, светящуюся цифру изображённую славянским письмом, что означает «**7498**», год от сотворения мира. Это видят и апостол Пётр со свт. Николаем. Спрашивают его: «Ты понял? Не 1840, а 7498 год от сотворения мира». И исчезли Божьи посланцы. Преподобный стал быстро пролистывать все даты. И увидел, что это означает **1990-**й год!...

Именно перед этим годом и происходил наш разговор с Батюшкой. Он сказал, что больше пророчеств святых о кончине мира нет и никаких дат не указано. Значит, время уже закончилось. Господь указал, что дальше мы будем жить только от своих дел. Или будет жизнь нам продлевать Создатель, о чём

Аврааму ещё было сказано, или сократит число дней наших. Сейчас особенно всё от нас зависит. **Мы живём теперь в продлеваемое время!** Хотя, — сказал Батюшка, — идёт незримая духовная война против Православия, но люди ещё держатся благочестия, стоят и старцы, молитвенники ещё есть. Но много запущено такого, что будет массово уничтожать человека. Это прежде всего СМИ, (компьютер, интернет, рок, футбольные беснования, блуд, спаивание людей и наркотики...). Всё это контролируется масонами, и всё население будет зомбироваться через социальные сети». По предстоянию подвижников благочестия и по молитвам отца Кирилла, Господь нас ещё щадит. Будем надеяться, что с нами и Пресвятая Богородица. По жребию выпало Ей под покров — земля наша, и Она не оставит нас сиротами, будет за нас заступаться, но терпение Творца — не безконечно.

Сейчас отец Кирилл болен. Лежит с закрытыми глазами, вроде бы не слышит обращений к нему. Но, несмотря на это, на самом деле — всё он слышит и видит. Одна из духовных чад мне рассказала следующее.

Скорбящая братия у ложа болящего духовника.

Несколько лет назад, когда они посещали болящего отца Кирилла, им дали распоряжение всем надеть войлочные тапочки. А у неё были свои войлочные сапожки одеты. Она рассудила: «У меня почти такие же». Не послушалась, решила по-тихому пройти в своих сапожках. Прошла, ручку Батюшки поцеловала, и, как все, обратно к двери подалась. Батюшка вдруг заговорил, обращаясь именно к ней:

— Ты зачем ослушалась? Тебе же сказали тапочки надеть.

Слышать он указания келейниц не мог. В коридоре тихо, шёпотом об этом сказали, а отец Кирилл был здесь, в келье своей лежал с закрытыми глазами, а при всех в назидание выговорил преслушнице. Поэтому наше представление о его состоянии обманчиво. Он не в коме, он просто в полузабытьи находится.

У меня такое было. Когда я служил на сельском приходе, перетрудился на огороде приходском. В июльскую жару очень устал. Зашёл в помещение и прилёг. Вроде бы я сплю. Но вижу балку над собой, мухи ползают по потолку. Одновременно вижу как бы сон, что приезжает к нам в гости сестра жены с сыном. Вижу, как он тонет в реке. Прямо в содрогании от этого сна мысленно говорю: «Господи, зачем это так?». И слышу: «А это Моя такая воля». Потом этот мальчик на самом деле утонул, недели две спустя.

После этого мать утонувшего племянника моей жены приходила к отцу Кириллу, жаловалась на «несправедливость» происшедшего. Винила окружающих, будто по их вине так произошло. И к другим священникам ходила. Не могла смириться с происшедшим. Отец Кирилл ей так сказал:

— Миленькая, да что же ты делаешь? Никто не виноват! Это Господь определил его жизнь. Так Богу угодно. Ты бы потеряла сына своего духовно. Ты же сама знаешь, что для него в 15 лет уже и родное жилище было тюрьмой. Он начал жить и вести себя неблагочестиво. А что дальше было бы?.. Ты представляешь? Так вот. Пока ещё он только уклонился, но не со-

творил плохих дел, пока чист душой, Господь его взял. Он исповедовался и причащался. А когда и как Бог берёт — людей не суди. Господь не прямо действует, а через людей, которые нас окружают. Поэтому и дьявол не может на нас нападать явно. Он открыто на подвижников только нападает, а на нас только через людей. Поэтому, никакой мистики и исступлённости не должно быть. Всё в руке Божьей есть! А Он — Долготерпелив и Многомилостив!..

После этой беседы она успокоилась.

Отец Кирилл всё видит и всё слышит, невидимым взором и слухом. И в таком положении он трудится, борется. Он — удерживающий. Поэтому он и просит всех, чтобы мы молились о нём. Помогали ему держать опускающееся на нас Небо. Сдерживать заслуженный нами гнев Божий.

Один генерал армии мне рассказал, что когда взял благословение у болящего Батюшки, руку его поцеловал и пошёл к дверям, Батюшка остановил его и поведал ему, чтобы мы молили Бога, дабы он как можно дольше прожил. Пока он будет хоть так вот, в скорбях жить — будет мир. Стоит Господу его призвать — начнётся война.

Этот генерал занимается вопросами армии. Пытается внедрить резерв в армии. Если что случится — у нас служить некому. Сейчас надо служить, как раньше, не меньше, чем три года. Все чада отца Кирилла очень разумные люди. Он за всех молится.

«Сегодняшний хаос — это тоже, конечно, попущение Божие. И все эти войны на окраинах России — тоже. Если народ не опомнится, глубоко не раскается, не прекратится разложение нравов, то хорошего ждать нечего…

Что надо делать сегодня человеку? Надо очистить себя изнутри. С этого начни каждый. Главная задача — посеять Бога у каждого в душе.

У нас пусто в душе. Бога вытравили из наших сердец. Вернем в сердца людей Бога — вернем достойную и праведную жизнь...»

Архимандрит Кирилл (Павлов)

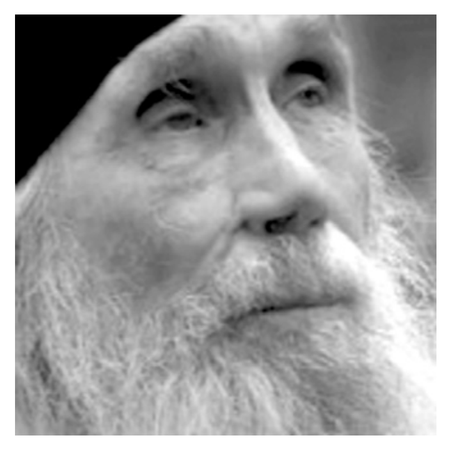
Ещё одно благословение было у меня от отца Кирилла, которое я пока не исполнил. В суете запутался. Он благословил мне записывать рассказы людей, которые побывали в клинической смерти. Записать то, что они видели и какие с ними произошли изменения. Мне нужно брать у них интервью. А потом найдётся человек, который издаст большую книгу об этом. Как Господь их призывал от неверия к вере. Пока я не выполнил этого, а случаев много. У меня, к примеру, есть духовное чадо, который занимал большой пост. Он пережил аварию, клиническую смерть, парил на высоте птичьего полёта. Знаю я ещё людей, какими они были и какими после такого стали.

Зинаида:

— Приехала я с Украины на празднование 1000-летия Крещения Руси. Приехала в Лавру с детьми. Детям было 14 и 17 лет. Мне нужно было их сориентировать дальше в жизни. Узнала, что здесь есть старец. Мне захотелось его повидать.

Встала я в очередь и попала к отцу Кириллу. Он благословил дочерей оставаться здесь, в Сергиевом Посаде и поступить в швейное училище. Мне сказал, чтобы я вернулась и доработала год до пенсии. Потом возвращаться сюда.

Потом я попала первый раз к нему на исповедь. Это была первая исповедь в его келье. Он сидел в кресле. У него на подоле подрясника сидел откормленный рыжий кот. Я подумала, как это Батюшка с котом и он его не выгоняет? Он положил мою голову себе на колени и я стала исповедоваться. И кот рядом. Меня это очень смущало. Как это он на исповеди не разлучается с котом? Потом мне рассказали, что эта привязанность у него с войны. Когда он раненый где-то замерзал, то

там кот к нему пробрался. Лёг на него, согрел и тем жизнь ему спас. Вот так.

После исповеди мне стало так легко! Вдруг Батюшка достаёт отпечатанную на машинке книжечку «Духовная брань» и мне её даёт. Я взяла и приложила к себе. Состояние было такое, что я воспарила. Идя по территории Лавры, не чувствовала ни тела, ни земли, — благодать была необыкновенная.

Детей моих устроили в училище без документов. Дали одежду, жильё. Уехала я к себе. Одна моя дочь закончила училище с отличием, другая — средненько. Приехала я сюда в 1989 году и стала трудиться. До этого я работала на шахте и была вся измучена болезнями. Здесь Батюшка благословил меня поначалу работать дворником. С охотой я приняла такое назначение — старец благословил!

Вставала я в 4 утра и уже на улице. Батюшка в это время всегда шёл в братский корпус, и приветствовал меня так: «Труженица!». А мне так хотелось быть молитвенницей. Трудятся-то все. Он, видимо, на расстоянии чувствовал моё настроение и подбадривал меня, знал, чем утешить, в чём укрепить!

Бывало, много народа около него. У тебя нет возможности и времени тоже подойти к нему поближе. Но он только взглянет в твою сторону, посмотрит, и тебе всё ясно и понятно. Летишь обратно безо всяких уже обид, огорчений и разочарований. Всё светло!..

Знакомая приехала к отцу Кириллу с детьми и внуками своими. Только они зашли к Батюшке, а он им с порога:

— Что же вы, как звери, друг к другу относитесь? Что же вы не любите друг друга?

Откуда он узнал? И на самом деле дети обижали мою знакомую, но она никогда об этом никому и отцу Кириллу не говорила. Внутри носила, а он всё видел и обличил. Ей перед детьми было неудобно. Они ведь подумали, что она нажаловалась Батюшке, настроила его против них. Горевала она: «С детьми моими у меня по грехам моим отношения не сложились. Моя обязанность взять молитвенный крест и нести, а я так этого и не доработала. Созрела не в 40 лет, а уже под 70». Но после той встречи её и детей с отцом Кириллом многое изменилось. Уважительнее, внимательнее они стали к матери. В их доме установился долгожданный мир.

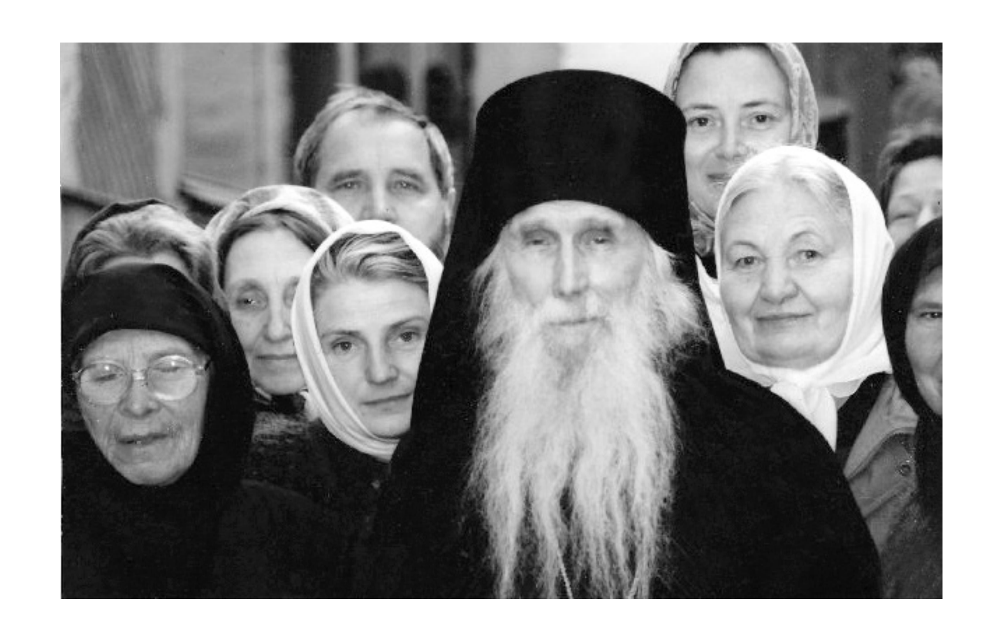
Никогда я не жаловалась. Искушения постоянно, конечно, были. И крутые повороты судьбы тоже. Но мне было спокойно, потому что я знала, рядом Батюшка, всё знает и понимает. Если надо, то он мне всё объяснит и наставит в верном направлении. Иногда я боялась его безпокоить своими проблемами. Чаще, если я обращалась к нему, то не за себя, а за других просила. Бывали, конечно, и болезненные для меня проблемы.

Один мужчина склонял меня в нехорошую сторону. Очень настойчиво, грубо действовал. Была я в смятении, расстройстве, очень плакала. Когда к Батюшке пришла на исповедь, то была уверена, что он всё чувствует и знает. Прямо ему не сказала, а косвенно. Сказала, что желаю только одного — спастись, а мне такое гадкое предложение.

Отец Кирилл знал того обидчика моего. Тяжело вздохнул и говорит:

— Да, пока он такой. Но, может быть, Матерь Божья его спасёт. Давай помолимся, поможем ему в этом.

Он не стал возмущаться, осуждать его, а за него поскорбел и мне дал понять — отойди, скройся куда-нибудь, хоть на время. Страсть угаснет в нём, и он одумается.

Так и вышло. У меня был в ту пору отпуск. Уехала я в Дивеево надолго. Здесь всё сровнялось, пока меня не было. Батюшка сообщил мне об этом, снова благословил меня возвращаться в Сергиев Посад. И пошло всё своим прежним, добрым путём.

Была проблема у меня со старшей дочерью. Познакомила она меня со своим молодым человеком. Он мне не понравился. Надменный, высокомерный московский парень. Сказала я дочери об этом. Предложила ей пойти вместе к отцу Кириллу. Они же по-хитрому, сходили без меня. Сказали мне, что Батюшка их благословил. Спрашиваю у дочери:

— Перескажи мне дословно, что сказал отец Кирилл?

Она помялась, но сказала:

— Если ты пойдёшь за ним, то погибнешь. Если он пойдёт за тобой — все спасётесь.

Такое мудрое напутствие Батюшка им дал. Парень тогда был ещё и некрещеный. Благодаря указанию отца Кирилла, начали мы исправлять положение. Окрестился жених, и они

обвенчались. Потом и вся его семья, родители крестились. Живут они сейчас нормально, слава Богу. Растят троих детей.

Одна пожилая монахиня поведала, что был у неё разговор с отцом Кириллом на военную тему. Он вспоминал один из эпизодов обороны Дома. Им надо было удержать немцев от броска на наши войска. Не пропустить их дальше. Настал такой момент, когда в живых остались только сержант Иван Павлов и ещё трое солдат. Он тогда ещё подумал, что он верующий, и ему не страшно умирать. Но перед Богом он сокрушался, что не выполнил задание — не пропустить немцев. Патронов у них уже не было. Он взмолился. Стал просить Бога о помощи. Потом оглянулся. Увидел, что в углу стоят ящики. В них оказались необходимые для них патроны. Так они пережили трудный момент, до присланного подкрепления. Именно там, в этом Доме, сержант Иван Павлов дал обет, если останется живым, служить Богу. Ему безразличны какие бы то ни было почести. Не хочет он ни славы, ни наград. Хочет одного, чтобы та связь с Богом, которую он там, на краю жизни обрел — осталась, была с ним. Очень отец Кирилл почитает Казанскую икону Божьей Матери и дарит Её всегда людям в подарочках. Говорили, что у него шинель после войны была в дырочках от пуль. А он остался жив, заступничеством Богородицы.

Последняя встреча была у меня с Батюшкой, когда он уже лежал в

Переделкино. Это тоже было запомнившимся событием. Мы православные записи делали на кассетах. Спросила я Батюшку:

— Можно я буду раздавать людям плёнки, записи, книжки? Можно ли их смотреть через телевизор?

Он сказал:

— Ножом можно и хлеб разрезать, и человека убить. Будешь духовное раздавать и смотреть — будет польза.

Мы поехали в деревню. Там в одном доме собирались человек по пятнадцать и смотрели эти фильмы. Продолжала я работать, привозить людям новые записи и фильмы.

Когда отца Кирилла из Лавры перевезли в Переделкино, я, как и многие, осталась без духовника. Старалась поступать так, как говорил мне Батюшка. Но прошло более 10 лет, и мне стало не хватать прежних духовных запасов. Стала я ездить в Переделкино, только для того, чтобы постоять там перед вратами резиденции Патриарха, за которыми теперь находится отец Кирилл. Служащие там стали говорить мне — зачем я этим занимаюсь? И говорили: «Что ты стоишь тут? Зачем?» Отвечаю им: «Приехала к Батюшке». Он уже тогда болел, и никак я не могла к нему попасть. Другие проходят, а меня не пропускают. Думаю, ну, кому я нужна? И стала молиться. Просила Бога обо мне известить Батюшку. Мне надо было спросить у него, где мне жить. Здесь или уехать? Хотела я купить домик в деревне, чтобы там жить при гонениях. Или скит там организовать для беженцев. И Батюшка услышал меня! Подходят ко мне и говорят, что он благословил меня зайти к нему. Зашла. Стояли вокруг него четыре монаха и я. Батюшку каждый спрашивал о своём.

Один монах сказал:

— Меня зовут на Афон и в Абхазию.

Отец Кирилл отвечает ему:

— Никуда из Лавры не уходи.

Другой сказал, что его благословляют на Ганину Яму. Ответ был тот же. Третьему, улыбнувшись, он сказал:

— Что, трудно тебе там на послушании?

— Да, — опустил голову монах. — Вы послали, — и я поехал.

— Тебя Матерь Божья так возлюбила за послушание, за смирение! — похвалил его Батюшка.

Ещё один монах жаловался, что трудно даётся ему Академия.

— Бросишь, — сказал Батюшка. — Епископом не будешь.

Все это восприняли с улыбкой.

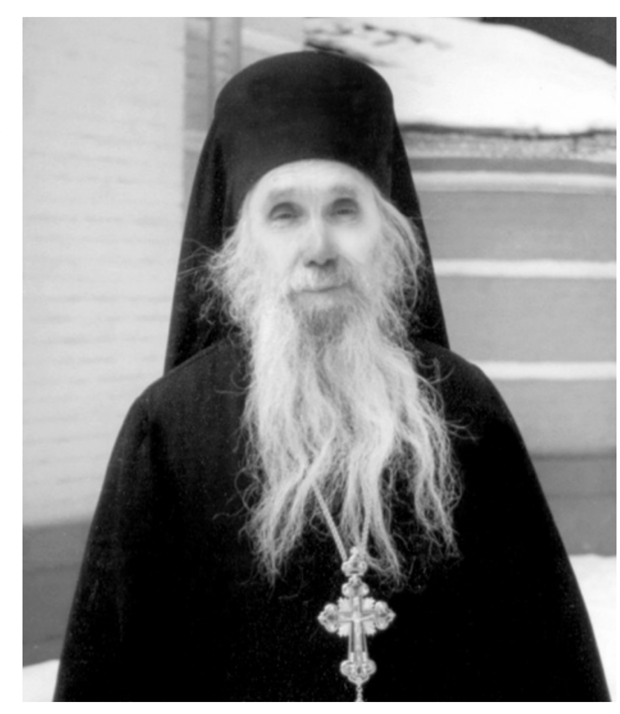
Никого он из Лавры не благословил уйти. Это было в 2006-2007 году.

Монахи мне дали знак говорить. Спросила я, где мне жить. Батюшка и мне так же сказал:

— Бросишь Лавру — погибнешь.

Стал раздавать нам шоколадки. Меня мучил ещё один вопрос, но я не могла сказать вслух. Потом осмелилась, говорю:

— Батюшка, как мне быть с новыми документами? Электронные карты уже вводят! Гонения идут. Нужно ли протестовать? Вроде это никому не надо? Все уже взяли. Одна суета только у меня получается.

Отец Кирилл пальчиком помахал, «погрозил», давая понять, что нельзя оставлять этого важного дела и дал мне пять шоколадок. Укрепилась я, что это знак, он одобряет мои действия.

Мои встречи с Батюшкой были нечастые и недолгие. Он давал нам ориентир на всю оставшуюся жизнь. И сейчас нам не к кому голову приклонить. Ходим по Лавре — никому не нужные. Нет таких поддерживающих священников, которые бы так же радели о пастве, как Батюшка. Никто не вял меня за руку и не повёл дальше к Богу. Может, потому, что я очень грешная. А может потому, что после отца Кирилла никто не дерзает, боится, что в сравнении с ним окажется в бледном положении? Батюшка так умеет ласково направлять душу, мягко, без упрёков. Только он может так чувствовать нас. И душа бежит, летит к Богу. Хочется молитвы.

Две прихожанки поехали к Батюшке. Они были в разладе и огорчениях, но поехали в Переделкино. Знали, что он болеет, к нему нельзя. Всё же, решившись, шли к нему. Безнадёжно подходили к воротам. И вдруг дверь открывается, он выходит из проходной:

— Танечка, Олечка, ну, что же вы? Почему вас так долго не было?

Конечно, такое сразит любое сердце. Исторгнет поток благодарных слёз.

Такое возможно только отцу Кириллу. На десятки лет такое будет умилять и поддерживать. Необыкновенно благодарна я Богу, что сподобилась видеть такого старца, рядом с ним быть и руководствоваться его наставлениями. Его молитвами мы и живём.

Раньше в Лавре я видела, как те, кто там трудился на разных местах, спешили вечером домой. Осуждала я их — как домой? А вечерняя служба?! Сейчас тоже разленилась и сама такая же. Раньше, когда был Батюшка, я спала два часа в сутки. Молилась, работала, не уставала совсем. Сейчас, как деревяшка обгоревшая. Больше дома хочется посидеть. На службу хожу без пламени в душе. Благодать, без Батюшкиной подпитки, растерялась совсем.

По поводу дьявольских запечатлений Батюшка всегда открыто выступал против. Говорил, что нельзя принимать, это вредит душе. *«Сам я принимать не буду. Но это дело — добровольное. Дело совести каждого»*. Сейчас и глухие понимают, что это система антихристовая. Тогда же это всё подавалось размыто, завуалированно, неопределённо. А он сразу сказал нам правду.

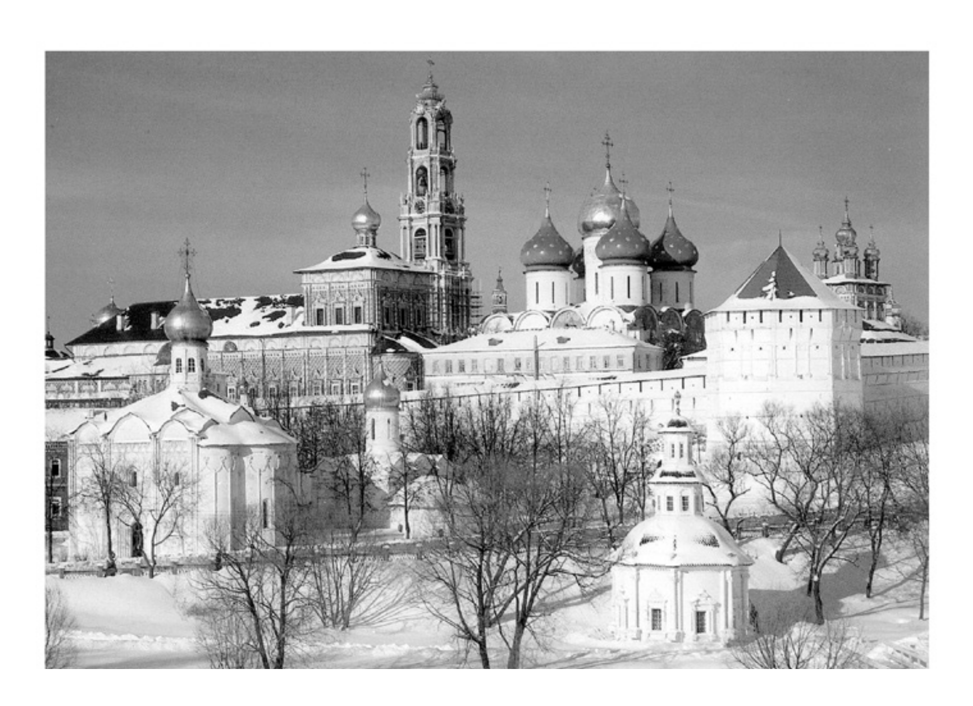
Про будущее сказал нам так: ***«Если мы будем жить, подвигая Бога на милость, Бог продлит нам время. А если так, как сейчас, на гнев Божий, — то ждите войн и бедствий».*** А мы продолжаем жить не Богоугодно. На церковь нашу идёт гонение. Все другие «церкви» восстанут против нашей веры Православной. Тогда Бог и попустит войну, как в 41-м году. Всё очистит Господь. Будет голод, но ***«Если заслужим,*** *то будет у нас и царь»* — говорил отец Кирилл. Голод будет от заражённой земли. Ранее земля давала плоды для силы человека, а сейчас плоды будут на уничтожение человека. Как яд. Человек своими поступками это делает. Оскудела вера — оскудела земля.

В конце 90-х годов отец Кирилл проводя общую исповедь, сказал:

— **Всё земное оставьте**. Здесь, в церкви, все — в небо. Блаженны, кто взошёл и находится во ограде её.

Говорил он много наставлений и поучений. Главное же, чтобы мы любили друг друга. Не ссорились, прощали. Мы уже не православные, если мир и любовь не бережём.

— Любите друг друга и спасайтесь. ***Потеряете любовь — всё потеряете.*** Все ваши устроения будут напрасными, рассыпятся, сгорят. Подвигов у нас нет. Поэтому спасаться будем болезнями и скорбями. Не бежать от них надо, а принять их со смирением, как заслуженную нами же самими неизбежность. Заболевшие послушно принимают горькие лекарства, для своего же выздоровления. Следует постоянно помнить слова Спасителя: **«В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир».** *(Ин. 16, 33)*

Игумен Филарет:

«Да просветится свет ваш пред людьми, чтобы видев ваши добрые дела; и прославили Отца вашего, иже на небесах».

(Мф. 5, 16)

Это было в 1984 году перед празднованием прп. Сергия. Мы всегда накануне ездили с моими глубоко верующими тётушками в Троице-Сергиеву Лавру. Набрали воды, просфор накануне 16 июля. Пришли мы к отцу Кириллу после обеда. Когда он вышел к людям, то сразу посмотрел на меня:

— А что это за мальчик?

Ему отвечают:

— Это наш мальчик. Вот мы его к вам привезли.

Мне было тогда 10 лет. Отец Кирилл начал со мной беседовать о том, хожу ли я в храм, как часто причащаюсь, какие молитвы знаю... Тогда было плохо с православной литературой,

книжек никаких у меня не было. Молитвы я знал «Отче наш», «Богородицу», «Верую». Прочитал я отцу Кириллу «Верую», и он порадовался. Потом спросил меня:

— Хорошо. А как ты исповедуешься?

У нас тогда в храме была общая исповедь, так как священникам не разрешали беседовать с людьми. Я очень удивился, что это не так, тогда матушка Пина вступилась за меня: «Я учу его правильно исповедоваться». Попросила, чтобы Батюшка об этом со мной побеседовал.

Отец Кирилл назначил нам прийти вечером после вечерней службы, а меня сразу взял к себе в келью. Там у него были семинаристы, монахи. Он дал мне тетрадь, переписанную печатными буквами. На ней было написано «Детская исповедь».

— Ты её читай, а потом мне вернёшь. Только никому не показывай. Будь осторожен. И читай её, когда ты один.

Тетрадь была обычная, тонкая. Там были одни вопросы, на которые надо давать ответ. Я его спрашиваю:

— А потом мне всё наизусть выучить?

— Нет, — засмеялся Батюшка. — Буду по ней потом тебя спрашивать.

Вечером он исповедовал нас в просфорне у о. К. Он фактически был Батюшкиным заместителем. Он всех Батюшкиных и о. Тихона чад принимал, кормил, поил и на ночлег устраивал. Это было 17 числа, после Литургии. И я понимаю сейчас, что это были поминки по царской семье. Тогда это было очень опасно. Николая (Царя)со сродниками и чадами поминали. Я спросил: «Кто это?» Сказали мне, что это один Батюшкин сродник. Тогда в 1984 году этого нельзя было говорить даже мне. Этот день убиения царской семьи Батюшка очень чтил. Служил по владыке Афанасию (Сахарову) открыто, а по царской семье скрытно и делал в этот день всегда обед.

— Теперь на исповедь, — сказал отец Кирилл.

Он мне задал несколько наводящих вопросов, я ответил ему. Довольный, он сказал:

— Приезжай ко мне. Только один пока не езди. С кем-нибудь из твоих.

Мы были на службе и ночь в храме. Всё сделали так, как он благословил. Потом пошли на квартиру к одной местной жительнице. А потом он велел вернуться к молебну и получить благословение Патриарха Пимена с балкона. Первый раз тогда я увидел Патриарха Пимена. После этого раз в два месяца меня возили в Лавру к отцу Кириллу.

Первое же впечатление о Батюшке было необыкновенным. Он поразил меня любовью своей. У него всеобъемлющее сердце. Священников я видел, знал. Многие хорошие и добрые. Но отец Кирилл — у него даже глаза необычные, всепоглощающие. Он видит всех и вся. Что на службе, что на проходной, когда принимал. Всем ему хотелось сделать добро. Так запечатлелось у меня на моём детском сердце. Стал ездить к нему один с 13 лет. От него я,как на крыльях, улетал. Такая доброта, любовь простираются от него до последнего человека. Он всех примет, всех утешит. Уходили со слезами, но это были слёзы искреннего духовного раскаяния. Он побуждает к покаянию. Он не принуждал, не кричал, не унижал. Но говорил глубоко и **сочувственно.** Это только власть имеющий может так говорить. Человек, глубоко знающий священное Писание, и святых отцов. Он мне как-то говорит:

— Деточка, ты представь, что Христос кровь свою проливал. Ты вот палец порежешь — тебе больно. И ходишь, страдаешь, перевязываешь его, следишь за ним. А ему никто не перевязывал ничего. Представь, какая неимоверная боль была на Голгофе. А самая большая боль была у его Матери, как Она переживала, когда всё это видела.

Помню, однажды я плохо каялся, не готовился. Но хотелось причаститься, так как Батюшка благословлял чаше причащаться, не расслабляться в духовной жизни... В общих чертах я на исповеди что-то рассказал. Отец Кирилл неожиданно для меня с грустью меня спрашивает:

— А где же твоё глубокое покаяние?

Я смутился. Был тогда Великий пост. И я уже несколько раз исповедался, даже соборовался. Думал, что все особые грехи из меня вышли. Исповедовался так, «для порядка». Батюшка же и сам не ослабевал в напряжении и нам не давал этого делать. Некоторым он даже благословлял генеральную исповедь и не по одному разу. Грешный, я стал оправдываться:

— Недавно я же сделал подробную исповедь, уже каялся.

Батюшка мягко, но строго и внимательно на меня посмотрев, устало сказал:

— Знаешь, это хорошо, когда ты приходишь в храм и всегда причащаешься, учувствуешь в Евхаристии. Надо стремиться хотя бы в воскресные и праздничные дни это делать. Но при этом не надо никогда забывать о том, что на пир вышел только тот, кто был в брачной одежде. А помнишь, кого выбросили с этого пира? Если ты плохо исповедался или хуже того — вообще без исповеди причащаешься. Или же формально к этому подходишь, то тебе брачная одежда не предоставляется. И ты на пиру присутствуешь, но ты не в брачной одежде, а в грязи.

Потом, ещё чуть помолчав, продолжил:

— Меня спрашивают: «Батюшка, почему я не получила радости от причастия. Ведь я всё сделала по правилу. Скорбь на сердце». Милая, родная, дорогая, внешняя подготовка — это совсем не то. Мы часто только внешнее делаем. Одеваем белый

платок, белую кофту, три дня поста, вымыться и вычитать... (Он всегда поправлял: «Не вычитал, а помолился! Или уж на крайний случай, прочёл. Отчитался ещё, скажи перед Богом. А теперь я пойду грешить»). Большое согрешение — недораскаянность в грехах. Не получаем мы тогда должную брачную одежду. На пиру были и не были на нём, а на чужом. Не надо в лохмотьях ходить и чтобы от тебя плохо пахло. Доводить себя до этого не надо. Меньше внешнему внимания уделяйте.

Даже советы в упрощении домашнего обихода давал:

— Гречку свари, рассолом залей или томатным соком. Знаешь, как вкусно! И первое и второе. Меньше уделяй внимания, особенно в пост, а больше уделяй молитве. К добрым делам, поступкам, милосердию, молитвенному служению управляйся всеми силами — это ведь борьба.

Напряжённое стояние перед Богом, духовную брань сравнивал с добровольным мученичеством.

— Особенно в наше время, — говорил он. — Люди или в научный атеизм, или же во всякую социальную перестройку кидаются. Ничего у них не получается, и всё равно ничто их не берёт. Всё равно они нас не понимают.

Таким образом, он всегда держал нас, как сказал о. С., — «как тигров на тумбе». Но с любовью. И с тиграми тоже так надо. Батюшка всё делал мудро и не позволял никогда никаких чрезмерных мер. Особенно с молодёжью. Он всегда нас мудро ограничивал. Рамок не ставил и в тиски не брал, не уничижал. Но если скажет что, то отпадало всякое желание гулять и прочие возрастные увлечения. Помню, что я уже был псаломщиком на приходе. Часто ходил в Данилов монастырь, мне очень нравились монастырские службы. Батюшка говорил, что не просто ходи туда, а и помогай там восстанавливать монастырь.

«Мы с вами, дорогие братия и сестры, плывем по житейскому морю, и, для того чтобы безбедно достигнуть тихого пристанища в вечности, крайне необходимо всем и каждому из нас иметь веру в Господа Иисуса Христа.

Ничто так не противно врагу нашего спасения, как наша крепкая, живая вера в Господа и Спасителя нашего. Потому-то и воздвигает он на нас противный ветер и со стороны плоти, и со стороны мира.

Верующий спокоен от простоты своей веры, но враг или всевает в него сомнение, или наводит его на людей, которые сами либо сомневаются, либо совсем не веруют, или знакомит его с какой-нибудь книгой, в которой вера отвергается либо подвергается сомнению. И так верующий до этого человек, спокойный в своем уповании, оказывается в опасности потерять свою веру, если не **воззовет он к Господу о помощи.**

Бывают и другого рода искушения, когда верующие наслаждаются покоем и счастьем в своей семейной и общественной жизни, но враг спасения расстраивает их семейные отношения и производит нестроение на общественной службе, воздвигает недоброжелателей там и здесь, подстрекает гонителей и притеснителей веры. И вера сих людей, обуреваемых неприятностями и несчастьями, подвергается страшному испытанию. Они порой бывают даже готовы оставить свою веру, чтобы избавиться от нашедших на них скорбей. И благо человеку, если найдет он в себе духовные силы противостоять этому искушению и в напастях сохранит веру и не даст безумия Богу *(см.: Иов.1:22)*, ***иначе же вместо чаемого избавления от временных бед может он погибнуть навеки».***

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Когда я закончил 10 классов, то поехал в Подмосковье. Там был Батюшкино чадо по Семинарии. Отец Кирилл посылал к нему людей из Москвы венчаться, креститься, чтобы ничего не регистрировали в церкви. В деревне это было возможно сделать без регистрации. Я был псаломщиком там. На клиросе пела девушка. Её хотели сосватать со мной. Мы были одногодки и закончили школу. Бабули решили, что мы можем со-

ставить хорошую пару. Они сказали об этом священнику в храме. А тот сказал, что это только моё решение, как я выберу. Мы с ней даже не встречались, только на клиросе виделись. До остановки иногда её провожал, но даже за руки мы не держались. Нам было по 18 лет. Я думал, что может в армию заберут, может, ещё что...

С Батюшкой мы встретились в его келье. Он исповедовал меня. Отец Кирилл тщательно скрывал свою прозорливость, говорил по этому поводу: «Не надо никакой прозорливостью увлекаться и искать каких-то чудес. Самое главное — это чудо жизни и чудо Евхаристии». Ну, а тут вновь проявился его дар. После исповеди спросил он меня:

— Ты мне ничего не хочешь ещё сказать?

— Не знаю, а что ещё?

И тут Батюшка сразил меня своей прозорливостью, потому что ничего на эту, ещё не совсем ясную для меня тему, я ему не говорил. Очень мягко и осторожно отец Кирилл начал говорить со мной на деликатную тему:

— Конечно, выбирать тебе. Но семейная жизнь не для тебя, понимаешь?

Какое-то время я немо смотрел на Батюшку, от неожиданности и нешуточности важного вопроса, решающего много в моей жизни. Потом, как бы приходя из забытья произнёс:

— Понимаю.

На этом мы расстались. Тогда во мне всё было как бы застопорено. Ничего решённого во мне не было. Мудрый отец Кирилл и не стал доводить меня до определённого решения, а только заронил в меня своё мнение. Дал мне самому взрастить в себе окончательное определение по этому важному, нелёгкому вопросу моей жизни. Решиться на жизнь одинокого монаха или вместе с понравившейся мне воцерковленной девушкой составить хорошую семью, иметь детей и житейские радости. Выбор непростой.

Видимо, по молитвам Батюшки вскоре я принял суровое решение, согласное с ним, а вместе с этим и рясофор. Произошло это так. Когда я сообщил ему о своём решении, отец Кирилл как-то по-особому, уже как равному, более сродненному, улыбнулся мне и повёл меня из кельи. По пути он сказал тогда: «В честь Максима Грека». А Максим Грек был тогда уже прославленный. Батюшка повёл меня в Духовской храм. Мощи ещё не были обретены.

— Клади три поклона, — сказал отец Кирилл.

Положил я три поклона перед мощами Максима Грека.

— Вот, теперь это твой покровитель.

Смутился я, что так быстро и определённо всё начало происходить. Начал сбивчиво спрашивать его:

— Батюшка, я ведь вас даже ещё не спросил?

— Да ведь это хорошее желание! — поддержал, подкрепил меня Батюшка.

Когда мы ещё немного прошли, возвращаясь в его келью, отец Кирилл на ходу попросил меня:

— Но только чтобы никто не знал. В жизни могут быть трудности, и тебя могут не принять в Семинарию, если кто прознает, что ты так вот оперативно получил благословение, стал иноком. Да ещё перед пока не обретёнными мощами святого. Но ты уже будешь на первой ступеньке стоять.

Мне было тогда 19 лет. 20 лет тому назад. Потом отец Кирилл сразу мне сказал, что мяса не кушать, правило мо-

1981 г. Духовник братии архимандрит Кирилл даёт наставление новопостриженным монахам.

нашеское исполнять. Дал небольшое правило — книжечку о молитве Иисусовой, перепечатанную на машинке. Сейчас она уже тиражами выходит. Чётки дал полсотни. Ежедневно Богородицу читать и Иисусову молитву с поклонами — это ежедневное правило.

Когда я принимал уже монашество, я, конечно же, поехал за благословением к отцу Кириллу:

— Батюшка, владыка сказал мне монашество принимать.

— Конечно, — сразу, не задумываясь, согласился отец Кирилл.

— А если владыка спросит, имею ли я иночество?

— Он ничего не спросит, — уверенно ответил Батюшка.

И действительно, владыка хотел сам постригать, но вдруг приболел и благословил постриг делать в Высоцком монастыре. Поехал я туда на один день, принял постриг и уехал. Там ни о чём меня не спросили. После этого прошла неделя, и я поехал к отцу Кириллу. Он так обрадовался, что меня назвали

Филаретом в честь свт. Филарета: «Опять наш, Радонежский! Максим грек Радонежский и Филарет Радонежский».

Снова он прозрел мои мысли. Мне очень хотелось в честь прп. Сергия, или в честь прп. Никона Радонежских. На что Батюшка вдруг говорит: «Ну, не всем же быть в честь Сергия, Никона, Михея, надо быть и в честь Филарета. Зато — первый». Его только что прославили в 1994 году. Батюшка подарил мне икону вмц. Екатерины.

При моём поступлении в Семинарию, были у меня трудности. Принимали мальчиков из других городов, а меня нет. Потому что я был из Москвы. Показателей не было меня не брать. Было только указание брать больше с периферии в тот год. Батюшка твёрдо сказал мне: «Нет! Ты будешь учиться!»

— Как скажете, Батюшка, — смиренно ответил я, а сам думал, как это может быть?

Батюшка тут проявил настойчивость. Потом мне рассказал о. К., что в тот же вечер он ему сказал:

— Никогда не хожу. А здесь я пойду к ректору.

И пошёл. Ну, что сказать? Отец ведь.

Он не стал околичностями передавать. Самолично, открыто пошёл к ректору Семинарии и попросил за меня:

— Его надо взять, потому, что он в Лавру ездит вот с таких лет (показал). Я его знаю, и я за него ручаюсь.

И меня приняли в Семинарию.

С родителями я был в обоюдном непонимании. Хотел, чтобы все стали верующими в одночасье. Где-то, что-то наперекор делал и грубил. Вёл себя не очень хорошо. Был я как-то у Батюшки в келье. И после чтения Слова Божия, чтения Библии он задержал меня, спросил:

— Что у тебя?

Видел, что я в нехорошем расположении духа.

— Батюшка, — говорю, — вот так и так.

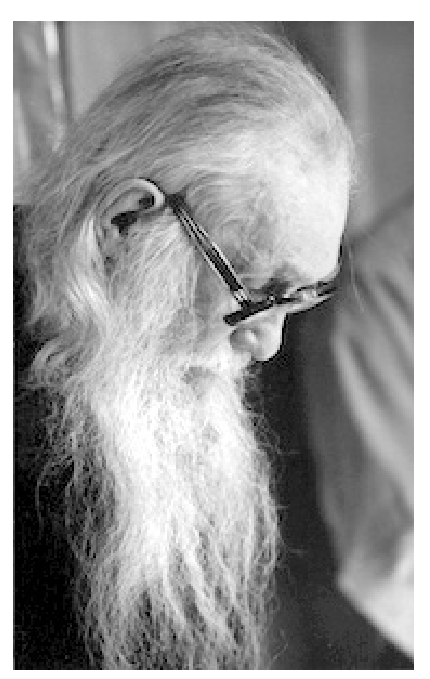
Начал жаловаться, что родители мои неверующие. От этого я очень переживаю. Далеки от веры. Им всё в театр, кино, книги светские смотреть.

Батюшка выслушал меня и строго спросил:

— А ты-то верующий?

Как ответить на это, я не знал. До этого возносился, что я — верующий, а как отец Кирилл поставил вопрос определённо, растерялся. Уже не было самовозношения, что родители мои — «никто», раз они Бога не знают. Была во мне тогда такая гордыня. Батюшка одним простым вопросом принизил меня к земле, смирил. Ты, мол, не летай по небу-то. Это ещё рановато. Он ещё сказал:

— Помнишь заповедь «чти отца и мать»? Там не сказано, верующие они или неверующие. Ты благодари Бога, что у тебя такие родители. Знаешь, что такое мама? Это тыл на всю жизнь. Мама — это самый, самый дорогой человек на свете, какая бы она ни была.

Мама была у меня очень строгая. Учительницей работала.

Отец Кирилл сказал ещё мне:

— **Молитва никогда не останется тщетной. Бог в долгу не бывает.** Молись, всё будет хорошо. Познают Бога, уверуют. Наберись терпения, со смирением только. Родителей чти с послушанием. Сугубо чти. И постарайся в ближайшее время с ними примириться, чтобы не было у вас трений. Смотри, не нормализуешь отношений — причащаться не будешь.

Угадал Батюшка, я в основном «в молчанку играл» с родителями, не разговаривал с ними. В сердце война, недовольство, раздражение кипели.

Заканчивая строгий разговор, Батюшка улыбнулся, что-то дал на дорогу. После полуночницы велел к нему зайти.

И что вы думаете? У меня вскоре умерла бабушка. Самый дорогой для меня человек. Поехал я к отцу Кириллу и подробно рассказал о похоронах. Он сказал, что будет за неё молиться и сообщил мне: «Но теперь не скорби, теперь потихоньку начнут воцерковляться и родители». Приободрился я, успокоился.

Время шло — лето, осень, и мама приехала ко мне на приход в Подмосковье с папой. Они побыли в храме, мама вспомнила, как писать записочки. Написала за бабушку, дедушку и всех покойных. И ровно через год, в 1995 году, был их первый пост. Это была первая великопостная седмица. К этому времени они уже повенчались. И было у них первое причастие.

Произошло это так. В 1990 году папу послали в командировку на Кубу, при посольстве в нашей советской школе. И я с ними. Приехал к Батюшке и говорю:

— Так далеко посылают, Батюшка!

Он отвечает:

— Да, это очень опасно. Там ведь и храмов нет. Дам тебе просфоры, антидор, крещенскую воду, и ты будешь там принимать.

Перед отъездом Батюшка благословил причащаться каждый день две недели. Говорю Батюшке с горечью:

— Родители-то не венчанные. Лететь так долго, и как там будет в чужой стране — не понятно.

— Ничего, ничего, повенчаются.

— Когда же? Надо уже документы оформлять.

— Ничего. Ты скажи, что лететь над океаном только 4 часа. Ведь что случись, в Царстве небесном вы вместе не будете. Как вы любите друг друга, а вместе там не будете и будете разлучены. Закона у вас никакого нет.

Взял я это и сказал родителям. Эффект был. Они разговаривали после этого между собой и пришли к тому, что это надо сделать. Может, и не очень осознанно, но согласились с этим.

Вскоре после этого разговора шли мы вместе как-то по Гоголевскому бульвару. Вдруг зазвонили колокола Иерусалимского подворья, церкви апостола Филиппа, куда маму водили до 14 лет. Мы туда зашли. Там шла служба. Мама взяла свечи, поставила. Затем подошла к папе и сказала ему: «Ну, что Володя, может, повенчаемся?» Папа согласился. Я настолько обрадовался, что побежал к ящику, договорился, и через день на вмч. Пантелеимона они повенчались. В радости я тут же поехал к Батюшке. С порога кричу ему:

— Батюшка! Родители повенчались!

Он достал иконки и улыбнулся:

— Передай им от меня иконочки и молитвослов.

Привёз я подарок от отца Кирилла, передал родителям. Они взяли это с собой на Кубу. Батюшка мне туда письма писал. Их посылали не из Загорска, а из Москвы. Он подписывался так: «Павлов Иван Сергеевич. Целую тебя, оставайся с Богом, твой дедушка». Ведь в посольстве всё читалось. Мы же письма через моряков передавали, чтобы их в Петербурге бросили в ящик. Батюшка очень ободряющие письма писал. Много рассказывал о Глинских старцах, о Серафиме Тяпочкине и, конечно, о владыке Афанасии (Сахарове).

Благодарен Богу я, что с того дня они пост соблюдают. По несколько раз причащаются и соборуются каждый Великий пост. В школе мама, по силе возможности, пытается что-то из слова Божия и из основ Православной веры привносить детям.

Посылал нас Батюшка к схимонахине Евдокии в Дивеево. Там мы у неё останавливались. Она очень преклонялась перед Батюшкой. Мне было лет 14-15. Приехали мы к ней, и она мне всё чёточками по голове стучала. Я ей рассказывал про отца Кирилла. Она говорила, что скоро, наверное, откроют Дивеево. И через два года открыли. Она мне как-то говорит:

«Какой мальчик хороший, а ножки все в цветочках». И вот, то, что Батюшка и она мне говорили, я понял только сейчас, когда вены стали безпокоить и ноги заболели. Только Батюшка мне говорил не в цветочках, а в василёчках. Они же синие и вены такие. Когда я сказал Батюшке, что очень ноги у меня болят, он озабоченно произнёс:

— Ножки, ножки, бегут по дорожке... Что делать? Не бережём мы их смолоду, по 300 поклончиков кладём.

Обличил он меня за неблагословленное дерзновение, совершённое ранее. Мы тогда с товарищем давай исполнять всё, что вычитали. Он в обморок упал, а у меня ноги так затекли, что я целые сутки встать не мог.

Уезжая на лечение в Крым или на Кавказ, отец Кирилл всегда благословлял нас ходить к кому-то конкретно. Исповедоваться и решать вопросы несложные. Даже те священники к которым Батюшка рекомендовал обращаться, говорили порой, что — это вопрос серьёзный, надо дождаться Батюшку и решать с ним. Они такого же духа и являются его

И на лечении в Крыму Батюшку окружали верующие люди.

духовными чадами. Один из них, о. Косьма не принял документы и уехал из Лавры на свою родину. Служит там. Знаю, что за ним было много людей. Он называет, как отец Кирилл, белое — белым, чёрное — чёрным. Он не призывает всех поголовно не принимать новые документы. Выбор у каждого свой. Батюшка никогда не настаивал, а предлагал. Говорил, что имеющий уши — да услышит. «А разум тебе Господь, зачем дал? — так ещё говорил. И по макушке ласково постучит. Знаю о. Г. и о. И., немало священников, монахов, а сколько мирян, которые последовали по пути, проложенному отцом Кириллом, не взяли документов. Живут, испытывая трудности и лишения.

Отец Кирилл очень скорбел, что Псалтирь перестали читать, и из-за сокращений служб тоже очень огорчался, говорил:

— Богослужение — это основа основ. Прогоним и быстрей, быстрей. А на посиделках можем сидеть часами.

Много видел я духовников и людей богомудренных, но я выделяю отца Кирилла тем, что чада у него все стойкие, как и он сам. Добрые и отзывчивые. Вот матушка Таисия. Человек добрейшей души и сердечности, и духовности, и скромности. Всё в ней собралось вместе. А сколько она пережила в жизни! Боже милостивый!

Одной из своих духовных чад отец Кирилл предсказал слепоту. Она двадцать лет не видела. От этого унывала, что не видит. Отец Кирилл ей сказал: «Мать, не скорби. Сейчас в миру смотреть нечего. А остальное ты уже видела». И сказал, что на протяжении стольких лет она пострадает здесь на земле, но пройдёт все мытарства, а там,

по смерти, будет свободна от этого страшного испытания и получит Царство небесное. Этот великий старец архимандрит Кирилл утешил её таким образом. Многих из тех смиренных и терпеливых бабушек уже нет здесь. Мне очень нравится старая братия в Лавре. Они всегда говорят: «Мы — чада отца Кирилла. При постриге были ему вручены. Мы не отступим».

Сейчас вновь постриженных вручают отцу Варфоломею. А он духовое чадо отца Кирилла. Он вначале с отцом Тихоном (Агриковым) был, а потом с отцом Кириллом. Батюшка, когда он раньше ездил куда, просил его святыньки привезти. Из Почаева — водичку, из Псково-Печерского — песочек из пещер. Из Пюхтиц, из Дивеева, со Святой земли, с Афона,.. что-то ещё, отовсюду, чтобы всем раздавать потом. Батюшку так везде любят, что всегда много чего передают. Как только узнают, что от отца Кирилла приехали, так все оживлятся. Спрашивают, как он? Отец Кирилл так про всё знает! Всё расскажет, где чего. Благословлял нас ездить в Киев, даже когда там было закрыто, и был музей. Людей много ездило. Тайно там можно было прикладываться. А уж когда открыли! Могу лично засвидетельствовать, что Батюшка советскими ещё деньгами 10000 рублей послал туда, через троих посыльных. Сразу переслал, как только открыли Киево-Печерскую Лавру.

По поводу служения отец Кирилл мне такие практические советы давал: «Служи по старому служебнику. (Он мне подарил царский служебник). Ничего не изменяй. Проскомидию начинай не менее чем за час-полтора. Старайся не отгонять людей от чаши. Побеседуй, книжечку дай. Если он один день поговел и по немощи своей такой пришёл, то допускай. Исповедуй и допускай». Некоторым «забывчивым» разрешал, если грех гнетёт, повторить про него на исповеди. Рекомендовал так: «Понимаешь, можно об этом и не говорить. Это всё вроде прощено. Но тогда страх потеряешь и благоговение. Вот в чём дело. А так будет стыд и самоукорение. И отчасти смирение ещё такое, практическое».

Монахам он не так, как мирянам, говорил. Очень я выпрашивал у него частое причастие. Он строго сказал: «Зачем ты вешаешь на себя крест, который тебе не принадлежит». Мы по молодости сами 300 поклонов клали с товарищем, но он нам сказал: «По жизни ты этого не понесёшь. А кто потом твои ножки понесёт»? Вот у меня теперь уже одна нога оперированная. Он очень щадяще относится ко всем. Правила не ко всем одинаковые были.

Про себя скажу. Спрашивал Батюшку:

— В монастыре я не жил, может, мне в монастыре побыть? Как мне себя в миру соблюдать?

Отец Кирилл посоветовал:

— Знаешь что, будь хорошим монахом в миру и не будь плохим в монастыре. Не все в монастыре спасутся. Благодари Бога, что мама тебя благословила на постриг. Ты у них один. Упокоишь — иди в монастырь.

Назвал несколько монастырей.

Потом у меня был порыв на Афон уехать. Я там месяц жил. Все монастыри объехал, по 15 часов молился. Приехал похудевший, сдувшийся какой-то. Подвижнический вид я в зеркале видел. Хвалил себя: «О, ну достиг уже... Видно, что афонский». На мне шапочка была афонская. Приехал я в Переделкино. Батюшка узрел моё самобахвальство. Посмотрел на меня и сказал:

— О! Афонское похвало приехало! Смотрите — это афонский великий старец, берите у него благословение!

Стою, как дурачок. Много привёз подарочков оттуда, крестиков, чёточек и прочее. Отдаю Батюшке, а он мне:

— Ну, нет, ваше высокопреподобие, вы это сами должны раздать, чтобы вам люди руку целовали. И что от вас святыни афонские!

Понял я, что Батюшка меня так приземляет. Мы с ним остались наедине, я прошу:

— Батюшка! Простите меня.

— Деточка, дело в том, что не место спасает человека. Лавру когда открыли у нас, ведь люди жили на её территории. Свадьбы справлял и по субботам. Мы идём ко Всенощной, а здесь гармонь. Потом все пьяные перепьются, передерутся. Милиция не приезжает, мат-перемат. Но мы-то такими не стали и мы действительно сделали Лавру. Терпение нужно, и молитва, и скромность. Поэтому паломничай везде, а Россию не оставляй. Никакой Афон. — Строго закончил Батюшка и ещё напомнил. — Много ездишь, много бегаешь — скромно одевайся.

«Мы удивительно легкомысленно, и подчас даже преступно, относимся к устроению своей жизни. Ведь любой строитель не приступит к постройке здания прежде, нежели сделает необходимые расчеты, составит сметы и произведет другие подготовительные действия. Никакой каменщик не положит ряд кирпичей, если он прежде их не вымеряет. А мы сплошь и рядом устраиваем свою жизнь так, что нисколько не задумываемся ни над какими вопросами, имеющими смысл и значение для нас. Мы не имеем никакой меры для оценки правильного течения нашей жизни. Поэтому получается, что наши жизненные постройки очень часто терпят крушение и под своими развалинами тяжко ломают нас. И это будет свершаться, мы этой ломки и сокрушения не избежим, потому что мы пренебрегаем единственно истинным и правильным путем, показанным нам Господом в Своем Евангельском учении».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Давно уже в Даниловом монастыре мы познакомились с одним мальчиком. Мать у него была верующей. Стали мы вместе ездить к Батюшке. Как-то мы с ним возвращались из Лавры на электричке, он сидит очень грустный.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Батюшка не благословляет меня в монастырь и монашество принимать.

Он очень дерзко это сказал и продолжил:

— А жениться, говорит, мне надо, и более того, даже кандидатку мне подобрал.

Батюшка общался со своими духовными чадами, священниками, у которых были дочери благочестивые, которых сам Батюшка и воспитывал. Он их и сводил, и это правильно. Они были одного духа. Батюшка всегда говорил: ***«Семейные должны быть одного духа. Не плоти, а духа.*** *Страсти пройдут, а потом почему люди расходятся? Потому, что по духу разные»*.

Говорю ему:

— Сева! Надо значит выполнять.

— Я в монашество хочу! — вскрикнул он.

Он имел приглашение в монастырь от одного игумена — тоже Батюшкиного чада. Сразу ему постриг обещали и перспективы хорошие. Сева тогда уже поступил в Семинарию.

— Что бы ты делал на моём месте? — спросил он меня.

— У меня тоже были такие случаи, когда я не хотел делать то, что говорил Батюшка. И несколько раз не делал. Потом я через это страдал. Получалось всё наоборот. Мне было от этого хуже.

В конце концов Сева ушёл в монастырь. Об этом я рассказал Батюшке в Переделкино. Он так опечалился! Спросил меня:

— В этот Великий пост его будут постригать?

— Да, — подтвердил я.

При этой прогулке мы встретили покойного ныне Патриарха Алексия II. С какой любовью они друг с другом общались! Это надо было видеть! Мы ещё с отцом Кириллом прошлись, он подумал, изменился в лице и говорит мне: «Ты молись за Патриарха. Ему очень большие скорби предстоят».

Грешным делом я забыл и не поминал, не молился за Севу. Я ведь не знал, как его зовут теперь. Через несколько лет я только узнал его имя. Ему уже было 30 лет. Он жил в монастыре. Вдруг «бес его попутал». Подвернулась ему женщина. Он женился. Сейчас живёт в Москве. У него трое детей. А он или иеромо-

нах или игумен даже. И в каком он состоянии?! Увидел я его 9 мая, когда ходил по местам боевой славы и возлагал цветы. Он тоже прогуливался с семьёй. Выглядел так, как когда-то в молодости. Бороду он сбрил уже. Трое детей с ним шли и женщина эта. Недавно я узнал, что у одного ребёнка рак, у жены тоже онкология и ещё у одного ребёнка в 3 года проявилась болезнь типа шизофрении. Только один ребёнок — здоровый... Такие вот скорби он приобрёл не только для себя, но и для близких. Но что поразительно при этом, он обвиняет во всём не себя, а других, в том числе почему-то и отца Кирилла. Мы друг к другу тогда не подошли. Я сделал вид, что не заметил его, только оглянулся — мне стало страшно. Ведь это некогда дерзновенный Сева!.. Он не послушал отца Кирилла, и вот... Никто и предположить не мог, что такой с виду ревностный, после 12 лет, как он прожил в монастыре, и ему прочили наместничество, что с ним случится такое! Батюшка никого на аркане не тянул. Если к нему возвращался человек, то он был этому очень рад. Слово отца Кирилла очень и очень велико. Пренебрегать им нельзя!

Патриарх Алексий II со своим духовником.

Про Надю хочу сказать. Шурочка у неё была, больная девочка. У Шуриной мамы были приёмные родители. А эта Шурочка инвалид I гр. У неё была волчья пасть и заячья губа. И она жила через дорогу в бараке. Там ни горячей воды, ни

ванной, ничего не было. Мама её переломалась сильно, и её отправили в инвалидный дом. Шуру должны были взять в интернат на верную смерть. И Надя, у которой никогда не было подруг, потому, что она была верующей, полетела в Лавру. Она так молилась, чтобы Батюшка благословил взять ей Шурочку. Батюшка, когда вышел, то он сразу в небо посмотрел и сказал:

— Наденька, ведь даже птицы не бросают при перелёте тех, кто раненый среди них. Как же мы можем? Конечно, Надюша, возьми. Но знай, что полностью уход ляжет на тебя. Мама помогать не сможет.

Так оно и было. Она даже у него не спрашивала ещё, а он уже ей ответил.

Когда к ним Батюшка приходил, Шура так радовалась видимым образом, не могла ничего сказать, а только звуки издавала. Батюшка приезжал всегда и соборовал. Шурочку он всегда первой помазывал. Её мама на 5 храмов просфоры пекла. И поэтому Батюшка сказал, что уход и заботы только за Надей. Но за молитвы Батюшки, а он всегда говорил: *«Над скорбящими, над болящими, и кто в тюрьме сидит, над головой читайте Евангелие, сколько можно глав. И в конце молитву»,* всё устраивалось. Надя каждый день читала по две-три главы Евангелия над Шурой. Шура, которую привезли невменяемой, через два года умела держать уже ложку. Первое кушала сама, ходила на мысочках, в туалет сама стала ходить. Вот какой прогресс! Это за молитвы Батюшки. Сказано сделать — сделай, и всё будет во благо.

Надя была чадом о. Тихона (Агрикова). Потом он своих чад передал отцу Кириллу. Когда у Нади случился рак, она обращалась ко многим докторам. Но Батюшка сказал, что это тщетно: «Наденька, чаще причащайся, чаще исповедуйся, читай Псалтирь». Надя Псалтирь из рук не выпускала. Причащалась ежедневно. У неё были страшные боли. Потом отказали ноги. Об этом всём рассказали Батюшке. Он в 2005 году уже не смог её навестить и сказал: «Да, эта болезнь не к смерти, а к славе. Она здесь на земле пройдёт все мытарства. Через эту болезнь

и спасётся». Когда она скончалась, её отпевали в Елоховском соборе, где она регентом была.

Это особый дар, кто на земле так болеет. Батюшка тоже взял на себя такой дар. Вот уж сколько лет он тяжко болеет.

По поводу всяких досужих разговоров. Кто-то спросил отца Кирилла:

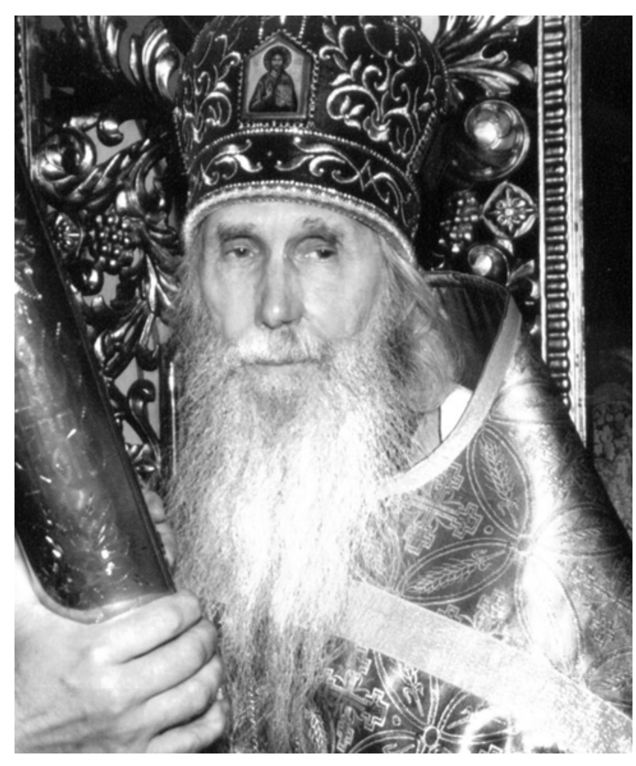
— Батюшка, говорят, что вы схимник. Вас как, по-особому поминать?

Отец Кирилл взял спрашивающего за руку и сказал:

— Миленький, ты меня хоть Иваном помяни, только помяни. **У Бога любая молитва доходит.**

Когда я служил на сельском приходе, и, вдруг туда случайно приехал Батюшка. Он стал смотреть, как я служу. Пристально посмотрел на меня и зажмурил глаза. Потом он мне сказал:

— Если ты хочешь подражать Патриарху Пимену, то это очень хорошо. Он очень красиво служил, но без пафоса. Он служил величественно, но духовно, без пафоса. А ты сейчас служил с пафосом. Не надо так службы совершать. Вот и митрополит Николай Ярушевич очень

величественно служил, и голос какой! Но тоже без пафоса. Служи спокойно.

Всё видно было по его глазам. Придёшь к нему, целый воз тащишь грехов и неразрешённых проблем. Только глаза его увидишь — сразу понимаешь, или мы сегодня всё решим, или же не нужно сегодня это всё разрешать. Один раз я долго у него не был. Полгода не ездил в Лавру. Был иеродиаконом тогда. Приехал, подошёл к нему за благословением, он меня благословил и мимо пошёл на проходную, в посылочную... Вот он Батюшка и уже не Батюшка для тебя. Так продолжалось несколько дней. Обратиться мне тогда ни к кому не было возможности. И вот только матушку Таисию встретил в Лавре. Я ей сказал всё и спросил, что мне делать-то?

— Да иди, иди, подойди, поговори!

— Я стесняюсь.

— Это вражье, не надо.

Навстречу мне идёт о. Л., и я благословился у него.

— Ну, что, томко? — спрашивает и тут же подталкивает. — Иди к Батюшке, иди.

Пошёл я и прямо на пороге разрыдался. Отец Кирилл обнял меня крепко-крепко и сказал: «Больше никогда настолько не пропадай».

Так случилось, по приходским вопросам дел много было. Долго опять я отсутствовал в Лавре. И вот во сне Батюшку вижу. Он стоит у мощей прп. Сергия, рака закрыта, народу много, ждут открытия раки. Отец Кирилл возглашает: «От Матфея, святаго Евангелия чтении-е!... — поворачивается сказать «мир всем», а я стою перед ним. Меня как током ударило! Сам себе я вскричал: «Филарет, ты давно не был у Преподобного!» Вскочил я, как ошпаренный. Тут же помчался на вокзал и в Сергиев Посад. Батюшка даже во сне меня обличал несколько раз. Особенно это было, когда его перевезли из Лавры, и он стал жить в Переделкино. Мы туда к нему съездим, и всё! А в Лавру уже реже. Узрел это Батюшка и как-то раз говорит нам:

— И что, если отец Кирилл не в Лавре, так туда и ездить не надо? Вы что, ко мне ездили? Нет, друзья мои, вы к Преподобному ездили, а не ко мне. Мне приятнее и отраднее, если вы пойдёте в Лаврочку, а потом ко мне. Вы труд понесёте и мне приятное сделаете.

Несколько раз он укорял меня во сне об оставлении правила. Как-то нашло на меня уныние и отчаяние. Оставил, не дочитывал я правило. Батюшка явился и говорит:

— Ну, что, лень-«матушка»?

— Батюшка! Такое состояние. Ничего не хочется, — взмолился я.

— А где чётки? — и продолжает. — Для начала хотя бы за Иисусову молитву возьмись.

Понял я, что Батюшка любыми путями будет помогать в выходе из тяжёлого состояния. Как-то я приехал к нему с прихода, и настолько вымотанный был! А он мне:

— Помнишь, у аввы Пимена написано: если монах сильно устал — завернись в мантию и отключайся — отдыхай. А

у тебя даже плед есть хороший верблюжий. Завернись, укутайся в него и приходи в себя. Но в уныние и лень не впадай! Нормализуйся и входи в нужное состояние. Чётки всегда — у тебя в руке, не выпускай их. Про себя твори молитву и чётки не выпускай.

Ограждал Батюшка и от объядения. Был Великий пост, я переедал и кусошничал, а он поучал:

— Этим тоже можно объесться. Это сластолюбие, услаждение. За стол садиться только два раза в день, как положено. Перекусок чтобы не было. Чай можно попить. Объедение – смертный грех!

Получилось так, что меня послали служить в монастырь. Там у нас с настоятелем были несколько напряжённые отношения. Я вынашивал планы, как я буду говорить с ним, на каких тонах и условиях. В голове прорабатывал, но поехал к отцу Кириллу за советом. Рассказал всё ему. Спросил, как мне лучше выйти из этого положения? Батюшка немного помедлил, потом ответил:

— Ну, что мне тебе сказать? — начал он. — Ты должен посмотреть на это с другой стороны. Ты голодаешь? Нет. Ты отвечаешь за ту тяжёлую ситуацию, которая сложилась? Нет.

— Батюшка! Там же в келейном корпусе до сих пор живут люди. Отъявленные пьяницы. Самогонку гонят, дерутся, пьют. Нужно же от них келейный корпус освобождать, — с горячностью стал я доказывать свою правоту.

Батюшка не сразу, дав мне остыть, спокойно, будто не слышал моих доводов, продолжал меня спрашивать:

— Тебе владыка дал такое послушание?

— Нет, — согласился я.

— Зачем же ты берёшься за то, что тебе не принадлежит?

Мне нечего было ответить.

— Насчёт жилья можно поговорить, — тихо и мирно продолжил он. — Тебе не надо жить с этими пьяницами. Можно найти жильё в домике у какой-нибудь прихожанки.

Отец Кирилл настроил меня, дал мне посмотреть на ситуацию с другой стороны. Всё во мне сразу улеглось и успокоилось. Мы сами себя накручиваем порой от своей мнительности и подозрительности. Враг начинает нас нашпиговывать всякими страхами и разделением. Батюшка напоследок наказал:

— Ну, кто там тебя уничижает и обижает? Или кто с тебя требует, чтобы келейный корпус освобождать, «шашки наголо» бежать? Зачем ты лезешь? У тебя есть другие обязанности. Служи Литургию, Всенощную. Учи хор пению, чтению правильному. Встречай и провожай паломников. Вот тебе и всё!

Были и ещё моменты жизни, когда Батюшка всё расставлял по полочкам. Всегда получалось так. «Плохой мир лучше хорошей войны».

«Будем надеяться, что на будущее время Господь не оставит нас без Своей помощи.

Время сейчас сложное и опасное. Надо бодрствовать и трезвиться.

Враг тонко, хитро наступает, приближается... Чувствуется приближение и дыхание антихриста, это скрывать нечего.

Здесь не надо в панику вдаваться ни в коем случае. Сейчас именно идут сигналы, которые нас настраивают на то, чтобы быть ближе к Богу. Ближе к Богу и ближе друг к другу.

Стараться нерадение свое уже оставить, посерьезнее отнестись и к вопросу своего спасения и своего исправления и испытания. А для этого, конечно, чтобы одержать победу, облечься во всеоружие Божие, чтобы все козни эти преодолеть, устоять, поэтому сейчас как никогда надо нам облечься в броню веры и любви христианской.

Надо знать, как Апостол говорит, что Господь определил нас не на гнев, а для получения спасения во Христе Иисусе, умершем за нас, — как Апостол пишет Солунянам. Он говорит, что о временах и сроках нет нужды вам

знать, братия, вы сами достоверно знаете, что пришествие Христово будет как тать ночью.Ибо когда будут говорить «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба.

Но вы, братия, не во тьме, чтобы день вас застал как тать, вы сыны дня и света, а тьмы не сыны.

Поэтому не будем спать, как спят прочие, но будем трезвиться и бодрствовать. Ибо спящие спят ночью и упивающиеся упиваются ночью. Мы, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви, ждем надежды спасения

Поэтому надо трезвиться. А самое главное — надо любовь хранить. Не нужно никакой вражды, никаких расколов. Враг эту мысль дал. Надо любовь хранить. Не надо давать врагу никаких расколов учинять. Помните, как во время революции у нас в Церкви *[появились]* ***обновленцы. Из среды же Церкви вышли епископы-обновленцы... А это на руку им... Враг боится мира. Вражда – самое его испытанное средство.***

Поэтому желаю вам, чтобы братство было единодушное. Снисходили бы друг к другу, прощали бы друг друга. И только как апостол Павел сказал: Возлюбленные и избранные Божии, облекитеся в милосердие, в благость, в смиренномудрие, в кротость, долготерпение, снисходя друг к другу и прощая взаимно обиды, жалобы. Особенно облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. Мир Божий да владычествует, господствует во всех сердцах».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Помню, как-то сидел отец Кирилл с о. К. и с о. М. спросил одного из них:

— Ну, что, отец М., много домов-то настроил?

— Да, Батюшка, какой мне дом–то? Я уже из Лавры-то с двумя палками не выхожу, — усмехнулся тот, кого он спраши-

вал, а потом в свою очередь спросил. — Ну, а ты сам как, отец Кирилл? Тоже о тихом месте, о доме каком-нибудь думаешь?

— А мне зачем? Мне Патриарх дом в Переделкине дал, — весело отпарировал Батюшка, и все засмеялись. Они никогда не думали об этом, и им Господь посылал необходимое.

Спрашивал я Батюшку, можно ли мне купить видео или телевизор для просмотра. Сейчас много фильмов православных. Подумал он и сказал:

— Не надо. Где духовное, там и греховное. Обязательно что-то подцепишь. Что нужно, и без этого будешь знать. Не волнуйся, от «прогресса» не отстанешь.

И Господь, по его молитвам, ограничивал. Дарили мне бесплатно все приспособления для этого, и всё уходило. То украли, то подарил сам, кому очень нужно было. Всё время я дивился силе его старческого благословения. Сказал, и всё! Только попробуй выполнить, и Господь всё на место поставит, поможет.

И машину отец Кирилл не благословил мне иметь. Была у меня попытка — мне её подарили. Господь распорядился, я её через два дня разбил. В живых остался, и ни одной царапины не было. Рассказал Батюшке, он в ответ: «Ну и всё, «аки не бывшая». Больше чтобы не было. Права не продлевай. С кем-то езди, а сам за руль не садись. На лыжах, на велосипеде катайся». Ещё дал наставление: «Лечиться сугубо ни от чего не надо, а только подлечиваться. Желательно без операции. Операция только, если крайняя нужда».

Пришла одна прихожанка и радостно сообщила отцу Кириллу:

— Батюшка, новую, удобную пенсионную и страховую карточку дают.

— А зачем она тебе нужна?

От такого простого вопроса пришедшая растерялась, подумала, а потом и согласилась:

— Вообще, да. Зачем?..

Сержант Иван Павлов с сёстрами Марией и Анной. 1943 г.

Батюшка подбадривающее улыбнулся и посоветовал.
— Ну, и получай пенсию по-старинному, по-«неудобному».

Кто-то завёл разговор про войну, отец Кирилл пристально посмотрел почему-то на меня, и сказал: «Кто там не был, тот ничего не знает. Порой это было хуже ада. Пережить такое крайне тяжело». Думаю, вот ещё почему. Как-то он мне рассказывал, что особенно тяжело было переносить подлость и трусость человеческую. Война — это ещё больший пресс. Здесь всё резче разворачивается. В минуты смертельной опасности особенно, как самые лучшие, так и самые низменные человеческие качества резко выявляются. Это и предательство, и сотрудничество с «органами», подленькие переходы с передовой в тыловые службы... И это особенно угнетало, обезсиливало. Ты как бы всё время был в «круговой обороне». Не было по существу чувства надёжного тыла. Враг был перед тобой, но и рядом с тобой были всё время новые люди, и ты не знал, не

В осаждённом Сталинграде.

был уверен в них. Это и было хуже ада. В аду все страдают одинаково, там не выслужишься. Ад — это и страшное **духовное** страдание». Ещё он сказал: «В армии теперь 2 года и всё. Езжай домой. А мы шли служить и не знали, на сколько. Сколько эта война продлится? Была безызвестность».

О Пелагее Рязанской отец Кирилл много рассказывал. «Сейчас, — говорил он, — многие факты искажены. Много о ней того написано, чего и нет на самом деле, кем она не была. Например, приписали ей резкое, критическое отношение к священникам, чего никогда не было. Она очень почитала священство». Предупреждал: «К современным книгам будьте осторожны и разборчивы. В них порой пишут то, что не соответствует истинному. Молитвословы проверяйте, очень много отсебятин, вставок и опечаток».

<u>Священник Виктор Кузнецов:</u> — По поводу «молитвослова». У меня произошла, не так давно неприятная история. Одно шустрое «патриотическое» издательство выпустило «мо-

литвослов». Где они ссылаются на то, что будто бы я принимал участие в его составлении. А там такой бред есть! Нашёл я их и спрашиваю:

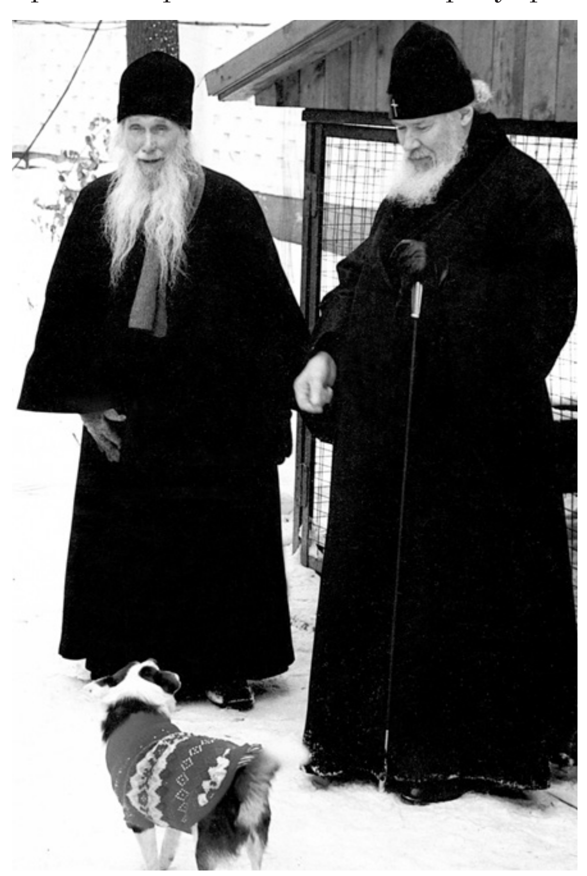
— Зачем вы мне это приписали?

— Мы думали. Хотели вам рекламу сделать. Для вашей популярности, — отвечают.

— Мне ваша «реклама» не нужна, она у меня и без вас есть. Какая-никакая, но серьёзная, а не дешёвая.

Ругайся с ними, а тираж-то весь ушёл!.. Это ещё «вождь пролетариата» научал, что не надо воевать с противником. Надо в него встроиться и превратить его в абсурд изнутри.

Игумен Филарет: — Именно о таком иезуитском методе предантихристовых властей предупреждал нас отец Кирилл:

— Время наступает страшное тем, что Церковь изнутри будут разрушать. Очень много посторонних людей встроено в Неё, ненавидящих Её. Они получают определённое задание и положение в церковной иерархии. Изнутри расшатывают основы Её. Некоторые, заявляя о себе, как об «истинно православных христианах», всячески пытаясь опорочить, уничижить Церковь.

По поводу своего пребывания в Переделкино отец Кирилл с грустью признался:

— Патриарх Пимен был святой жизни, а патриарху Алексию очень сложно... — тяжело вздохнув, он продолжил. — Сколько раз я просил его отпустить меня. Он не соглашается, говорит: «Нет! Я вами живу».

Может и не по своей воле, Патриарх держал Батюшку при себе, хотя и не слушался его как духовника во многом. Отец Кирилл рассказывал, что Патриарх исповедовался даже со слезами. Батюшка просил, что надо за него молиться, потому, что вокруг него много тех, кто давят на него и делают от его лица многие нехорошие вещи. Отец Кирилл много ему говорил, что этого и того делать не надо. Он не боялся говорить, невзирая на лица.

На другом приходе, по молодости и горячности моей, подбивали, чтобы я вступил в конфликт с настоятелем для решения вопросов маленькой зарплаты служащим. Мне самому хватало. Я один, семьи у меня нет. И если посмотреть, то она была не маленькая. Но ведь человеку всегда мало бывает. И так они меня накрутили, я молодой, а они опытные, меня подготовили. Готов уже я был идти на неприятный разговор по этому поводу с настоятелем. Еду в Лавру, к Батюшке, он только приехал с лечения. Всё ему рассказал. Отец Кирилл снова изумился моей наивности и податливости:

— Ну, разве можно всё с больной головы на здоровую перекладывать? А ты-то, тоже. Зачем всё это слушаешь? Что тебе не хватает? Кто-то обижает? А как к тебе относится настоятель? Сколько он тебе выходных даёт! А сколько раз он тебя благодарил, что ты ему помог!..

Стоял я опять, как пень. Стыдно и ответить ничего не могу. Батюшка, вздохнув, укоряющее покачав головой, закончил запоминающимся поучением:

— «Имеем — не ценим, — потерявши, плачем». Не вздумай ничего выяснять. А этих двух наёмников не слушай и не

общайся с ними. Они тебя подставляют. Деньгами не сори, а то тебе и больших денег, за которыми все гоняются, не хватит, — взглянув опять на меня с сожалением и сочувствием, снова пожурил. — Разве так можно в церкви-то?

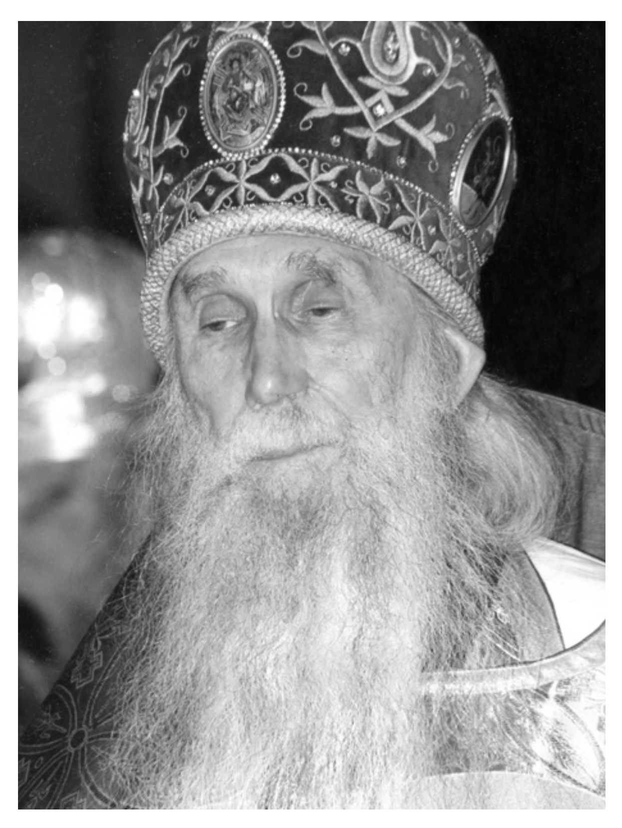
«Если человек не будет трезвиться, бодрствовать и положит в здание своей души какой-нибудь неправильно слепленный кирпич, какое-либо дурное дело, то это может стать причиной его крушения, гибели его. Ведь мы знаем из житейского опыта, что небольшая капля болотной грязи, если она попадает в струю чистой воды, то хотя она, может быть, на глаз и неприметна, но растворившись в воде чистой, портит ее и делается источником всякой болезни.

Это закон как в физическом мире, так и в мире духовном. Яд, в какой бы дозе он ни был принят, так ядом и остается. Также и зло. В каком бы количестве зло ни было, оно все равно остается злом и причиняет душе величайший вред.

Поэтому еще раз повторяю, что нам надо внимательно и серьезно относиться к путям своей жизни, в особенности к устроению нашего душевного спасения. Без этой внутренней собранности, без этой внутренней борьбы не может быть плода, не может быть успеха в нашей духовной жизни».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Батюшка общался с такими святыми людьми — Амфилохием Почаевским, с Глинскими старцами, и с другими... Держал нас в строгости: в театр, в кино мы не ходили. О будущем он говорил, и всё сбывается. Говорил, что электронные деньги будут. Мы про это ничего не понимали тогда. Про телефоны говорил, что каждому дадут по слуховому аппарату, чтобы общаться друг с другом. Весь мир будет невидимой паутиной окутан. Деньги из оборота будут выводить. Люди будут электронными карточками пользоваться. Электронная

система будет в транспорте, в поездках, полётах. Моей тётке он сказал: «Наденька, видишь какое счастье, что мы по билету летаем, а то и билет не нужен будет. Тебя внесут в экран специального телевизора, и ты там уже будешь сидеть». В 80-х годах он нам давал читать про компьютер–зверь, который в Брюсселе находится. Как всё это готовится. О растлении говорил, что это будет постепенно, плавно, но стремительно. «Перестройка до добра не доведёт, — так он говорил. — Страна идёт к развалу. Машина уже заведена так, что её не остановить».

Как же Батюшка толковал Апокалипсис! Настолько доступно. Доходчиво и открыто толковал. Ни с кем из современных — не сравню. Говорил, что видимая только будет свобода. А вот невидимые силы будут очень сильные. И что внешне будут хорошо к Церкви относится высокопоставленные лица, но не дадут ничего сделать для Неё. Всё время будут палки в колёса ставить. Церковь им как поперёк горла стоит и стояла всегда. Как восставали на Неё, так и восстают. Говорил о сокращении Богослужений и о пастырях говорил. Больше будут думать только о «хлебе куса, чем об Иисусе». О матери-

альном печься. К покаянию людей не будут призывать. Очень он скорбел об этом.

Об этих временах Батюшка говорил, что развращённость будет страшная, падение нравов молодёжи. Особенно западные праздники будут захлёстывать нас. Они хотят выдавить наши праздники, особенно православные. Вот я и смотрю сейчас: хеллоуин, «день св. Валентина», католическая пасха, католическое рождество, пурим...

Одна поэтессочка (он всегда её называл «фильдеперсовая») говорит:

— Батюшка, вся Москва расклеена плакатами с Новым годом и Рождеством.

— Рождеством Христовым? — спрашивает отец Кирилл.

— А каким же ещё?

— Там есть слово Христово?

— Я не обратила внимания, — призналась легкомысленная и восторженная поэтесса.

— А на-адо ко всему внимательно относиться. Проверять, от какого духа исходит. Что несёт с собой. Об этом нас ещё через Евангелие Господь предупреждал. Описано же, что и антихриста все встретят с ликованием и радостью.

«Мы можем посмотреть, насколько благотворно действует Евангелие на человеческие души. Возьмем наших предков. Называлась страна — «Святая Русь». Почему? Потому что наши предки воспитывались, учились на чем? На Псалтири и на Евангельском учении. Поэтому и благочестие процветало. Люди были благочестивые. Сколько из мира людей шло в монастыри! Потоки были желающих подвизаться, служить в иноческом чине. В России было более полутора тысяч монастырей. И не хватало: стремившихся к монашеству было так много, что они всех не вмещали. А сейчас? Сейчас монастыри возрождаются, восстанавливаются, но людей, желающих идти в монастырь, — их не хватает. Вот результат, следствие того, что

если тогда люди воспитывались в благочестивом учении и оттого в них было стремление к благочестию, то сейчас люди «воспитываются» телевизором и плоды вот какие это дает! Мы ублажаем наших наставников, ублажаем Преподобного Сергия. Они тоже благочестие черпали из Христова учения. О Преподобном Серафиме повествуется, что он с Евангелием никогда не расставался. Он всегда его носил или за пазухой, или в сумке своей за плечами. И в своих наставлениях Преподобный Серафим особенно указывает на важность чтения Евангелия. Он говорит: «надо Евангелие так знать, чтобы ум как бы плавал в нем».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

О возрождении России отец Кирилл говорил, как и все старцы: **«Если в России будет покаяние, то Россия поднимется с колен, а если нет, — то она сама себя отдаст на порабощение».** Он очень расстраивался, что спаивают людей. Идёт *бес*предельная продажа алкоголя и *бес*прецедентная. Никогда такого не было. Он говорил, что после войны было изобилие. И икра красная стояла в городских магазинах. Осетрина лежала, и винно-водочные изделия стояли, а пьяных не было. Не пили так никогда. Такого разгула и разброда не было.

О России ещё говорил: «Самая правильная власть — та, что Богом установлена — это монархия. Но всё зависит от нас, от людей. **Будут люди каяться, будет самодисциплина и порядок в людях, то будет возрождение».** Говорил и о том, что всё идёт к скорбям, к гонениям на христиан, в первую очередь. Такое время наступит. *«Тогда ты беги сразу на первый поезд с теми, кого схватят и повезут на мучения. Успей хоть как втиснуться туда»*. Он нас всегда предупреждал заранее, чтобы готовыми были, чтобы не застал нас враг врасплох, неожиданно. Часто повторял Евангельскую фразу: **«Блюдите, яко опасно ходите»!**

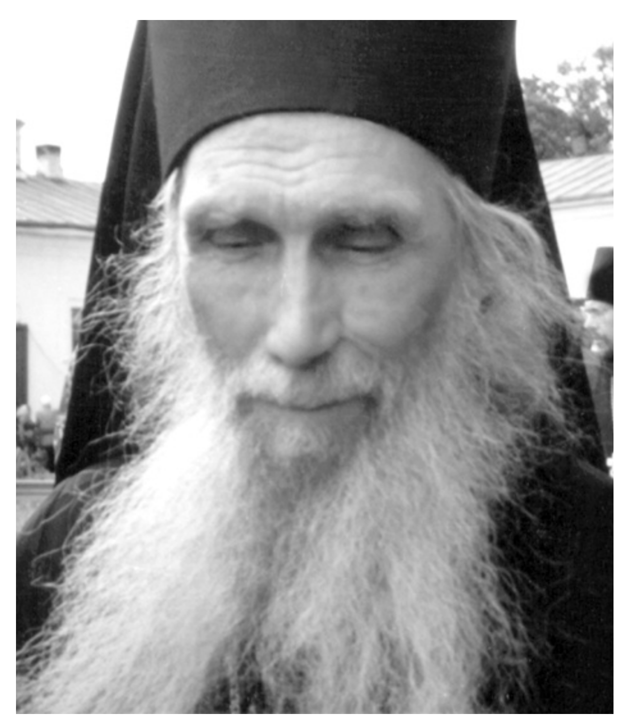
Когда храмы открывались, то Батюшка очень радовался. Но чадам своим напоминал о главном: **«Души золотите, души».**

На покаянии надо делать акцент. Меня ограждал от строительства: «Это не твоё. Ты будешь всегда служить в старых храмах». Я рвался, обижался, но слушался. У каждого своё послушание перед Богом, и отец Кирилл знает лучше, в чём оно у каждого.

Меня часто спрашивают: «Как отец Кирилл?» А что можно ответить на такой вопрос сейчас, когда он сильно болен? Я бываю у него, конечно. Не так давно, при мне, один владыка греческий, уже старенький, приехал к Батюшке в Переделкино и, посмотрев на него, сказал: **«Эта кровать — огромный крест. Отец Кирилл распинается на нём за всю Россию».**

Отец Кирилл соборовал нас в последний раз в 2001 году. В 2002 он переехал в Переделкино. Реально я с ним беседовал в последний раз в 2005 году. Он уже не видел, а я только ему рассказывал.

Спрашивают нас: «Ну, и как вы сейчас живёте? Ведь Батюшки так долго нет с вами». Отвечаю на это так: «Вы знаете, Батюшка столько нам дал! Надо было только слушать и впитывать. Я всё впитывал. Он говорил, что *надо давать отпор, ответ злому, а доброго держаться. Злое надо знать. Мы в пагубном миру живём, и врага надо знать «в лицо».*

Лично я не нуждаюсь ни в ком другом, пока отец Кирилл

жив. Кроме того, Батюшка всегда делал акценты на книгах: свт. Игнатия, свт. Феофана и др. Что вам ближе, то и читайте. Так он нам объяснял. Можете читать и руководствоваться. Это самое приемлемое. О современных богословах он как-то всегда молчал. После «школы» отца Кирилла мы ни в ком не нуждаемся, как в поводырях. Мы столько получили от него, что никто другой ничего добавить не может. И дело в том, что он, даже чувствуя, что скоро оставит окормление наше, сляжет, настолько чутко с каждым из нас беседовал. Он дал нам такую программу на всю жизнь — только выполняй! Ведь мы сами виноваты. Почему падаешь? Значит, что-то ты не выполняешь из того, чему он учил тебя. Может, от молитвы отошёл или ленишься, какое-то послабление себе даёшь. Батюшка говорил: *«Будешь нарушать посты – скорби тебе будут»*. Так оно и есть. И я скорби терпел. *«Будешь,* — говорит, — *болтать в алтаре во время службы – неприятности будешь терпеть»*. Огромный багаж он нам дал. Только запоминай и выполняй. Дал конструкцию самодисциплины, которая нас держит уже 10 лет. Мы держимся, и нам никто пока не нужен. Потому что крепка и органична его конструкция самодисциплины, которую он в нас вложил.

Последний раз я был у Батюшки 2 года назад. Когда я подошёл к нему, он понял, что именно я возле него нахожусь. Потому что я так кричал ему мысленно. На это он глаз от-

крыл и посмотрел на меня. Я спросил: «Батюшка, вы молитесь за нас?» Он мне так сильно сжал руку своей, которая у него не парализована. Он нас не оставляет, и мы должны, обязаны быть однолюбами, сохранять верность ему.

Офицер

Зимой 2007 года к резиденции Патриарха в Переделкино приехал издалека военный, офицер. Он весь день простоял на сильном морозе перед въездными вратами в резиденцию.

Под вечер к заиндевевшему офицеру вышел милиционер внутренней охраны, насторожившийся от необычной настойчивости незнакомца, спросил:

— Вы чего тут стоите? Ждёте кого?

— Нет.

— Тогда чего стоите?

Военный ответил не сразу:

— Около святого человека хочу постоять.

— Какого?

— Того, что находится здесь.

— Патриарха?

— Нет.

— А-а!.. Наверное, отца Кирилла? Как все, хотите повидать его? Так позвоните, попросите, напишите записку. Может, разрешат. Мы пропустим тогда.

— Не надо.

— Почему? Все рвутся к нему, просят...

— А мне достаточно и того, что я тут, рядом с ним постою, около него... Можно я ещё побуду здесь?

— Да мне что. Тут многие стоят, но по стольку, только летом. Замерзли же, наверное?

— Ничего. Внутри зато тепло. Постою.

— Ну, хорошо, стойте, — пожал недоуменно плечами, улыбнулся милиционер и ушёл за металлическую дверь зелёных железных ворот.

Было уже темно. Фонарь над расписными воротами долго ещё высвечивал крепкую, стальную фигуру в покрывшемся инеем воинском обмундировании. Сыплющий снег не мог изгнать одиноко, но твердо и решительно утвердившегося здесь офицера, на несколько часов холодного, зимнего дня.

Письма архим. Кирилла (Павлова)

1957-1978 гг.:

\+ + +

Дорогая Т.! Получил Твое письмецо, сердечно благодарю за него за приглашение и внимание. К вам, если о.Наместник отпустит, приеду только после Покрова, раньше меня ни в каком случае не отпустят, потому что до Покрова в Лавре будет находится Патриарх, а при его присутствии о.Наместник никуда не благословит отлучаться. Молитеся, чтобы свободно и безпреткновенно приехать к вам и освятить вашу храмину: мне почему-то и самому хочется вас навестить, но на всё да будет воля Господня. Поздравляю от души Вас всех с праздником чтимого вами Российского Угодника Божия Преподобного Сергия.

Будьте с Богом, не болейте и не грустите, а молитеся всегда, как молился преп. Сергий. Посылаю всем благословение на все ваши труды и земной поклон из Обители преп. Сергия. Кланяйтеся от меня маме и всем от меня сердечное пожелание добра и душевного спасения.

Остаюсь с искреннею Христовою любовию и преданностью. Ваш недостойный богомолец и. К.

\+ + +

Мир Божий да будет с Вами|!

Дорогая, Боголюбивейшая Т.! Сердечно признателен Тебе за письмо и за поздравление.

В отношении же правила я,кажется, ведь с Тобою так и говорил, что лучше своё правило разбить на 2 – 3 части, чтобы оно было удобоисполнимо и в таком виде стараться его исполнять неопустительно. Так поступай и Ты сейчас.

Низкий Тебе посылаю поклон и Божие благословение. Пишу письмо уже в первом часу ночи. Будьте хранимы Богом и мужайтеся духом, Господь с Вами.

Спасибо Тебе за Твоё внимание и сочувствие ко мне, не знаю уже, как выразить Тебе свою благодарность. Простудился я во время сырой погоды(по своей неосторожности). Застуженность у меня ещё с войны, поэтому немного добавил, и болезнь возобновилась. Кланяйтеся от меня всем. Добра им желаю. Да хранит вас всех Господь. До свидания, с искренним уважением к вам. Ваш недостойный богомолец и. К.

Дорогая Т.!. Спаси, Господи, за память. Сейчас я выйти не смогу, потому что у меня опять возобновился сильный насморк, а поэтому поисповедоваться и причаститься благословляю у другого священника.

В отношении же себя, сам пока ничего не знаю, никого из наших не вызывали больше. Матушку Тамару Тульскую по повестке вызывали, а также и Александру маленькую: с них сняли допрос. Кроме этого добавили, что Александру должны повести на экспертизу и если она окажется психически ненормальная, то и дела никакого не будет. Вот так они говорили нашим, но сколько можно верить им в словах, это уже трудно сказать. Александра, говорят сейчас свободно ходит, бывает за ранней обедней. Ксения легла в Хотьково в психиатрическую больницу. Отца Серафима *(Романцова, на Кавказе — сост.)* поблагодари за письмо и напиши ему, что пока ещё неопределённо, ничего не известно, но, по всем признакам, только по милости Божией, за молитвы ближних, туча пройдет сейчас благополучно мимо, но в будущем надо быть особенно осто-

рожным, потому что слежка за мною и стремление запутать у них не прекратится.

Здоровье моё пока сравнительно сносное, слава Богу. Только я боюсь выходить, чтобы не осложнить простуду, а в келии я работаю.

Вот пока и всё. Очень рад, что Господь пронесёт мимо эту бурю. Храни Тебя и всех вас Господь и Царица Небесная. От души желаю всего доброго в жизни и душевного спасения. Будьте здоровы и Богом хранимы.С искренним уважением и любовью недостойный и. К.

Боголюбйвейшее чадо Т.! Отвечаю кратенько, по порядку на Твои вопросы. Прежде всего, от моего имени не надо давать деньги, а отдай их от себя: мне от лишних разговоров надо беречься. В отношении же иконочек, у которых уже лики стёрлись, можете поступить так, сжечь их, и пепел обязательно собрать отдельно и закопать в такое место, чтобы человеческая нога не топтала это место или бросить в проточную реку, имею ввиду пепел бросить. Ирмологием пользуйтесь без смущения.

Будьте хранимы Богом и укрепляйтеся упованием на Него. Бог же мира да подаст Вам мир душевный ко славе Своей. Не скорбите и ни отчего не смущайтеся, а старайтеся угождать Господу постом и молитвою, соединёнными верою живою и действенною и Господь будет с Вами. До свидания. С любовью, недостойный инок К.

\+ \+ \+

«Ищите прежде всего Царствия Божия, а остальное все приложится вам».

«Царствие Божие не пища и питие, но правда, мир и радость о Духе святом»...

Благодетельное чадо Т.! Мир Божий да пребывает в душе Твоей! Получил Твоё письмецо, спаси тебя Господи за добрую

память! Всегда Тебя поминаю на своих убогих молитвах и всех ваших присных родных.

По поводу ответа о. Серафиму (Романцову) о моём положении сообщи ему, что сейчас по милости Божией, за молитвы всех благожелателей и добрых душою христиан, опасность как будто на время миновала. По неофициальным сведениям всё дело закрыли, но сама Александра маленькая не унимается, всё добивается свидания с о.Наместником. Ходит всегда гневливая, утверждая, что она знает и даже может привести женщину у которой якобы от меня растёт то ли дочь, то ли мальчик. Это продолжается и по сие время, а само дело, кажжется, уже всё прикрыто. Вот так, всё пока слава БОГУ!

На этом заканчиваю писать.До свидания. Остаюсь с искреннею во Христе любовью ко всем вам., недостойный и. К.

\+ + +

Дорогая во Христе Т.!

С большою радостью сажусь за письмо, чтобы написать Тебе несколько ответных слов на Твоё письмо, за которое приношу сердечную благодарность и которому был безконечно рад.

Опять начинаются терзания и пытки над Тобою по поводу вступления в П. *(компартию — сост)*. Огради, Господи, вас от всякого зла и злоумышления. Для членов этой организации устраивают лекции, собрания и беседы характера антирелигиозного, против Бога. Вовлекают к участию в спорте и др. суетных занятиях. Не надо участвовать в этой организации. В ответ, для своего оправдания скажите, что я верующая, не могу и не желаю слушать против Бога и быть членом этой организации. Пусть неверующие вступают, а я не желаю быть там.

Вчера приезжали все голубки, в том числе была и матушка Т., которая, кажется на этот раз осталась удовлетворённой.

Спасибо Тебе за присланное. Прошу, не надо это делать ради меня специально и заботиться. Тратиться средствами и временем ради меня. Спасибо, мы сейчас, слава Богу, обезпе-

чены всем, надо только благодарить Господа.. На этом маленькое письмецо заканчивая, от души желаю вам душевного мира, благополучия в жизни, душевного спасения и покрова Божия над Вами. До свиданья. Недост. и. К.

Милая Т.! Взаимно поздравляю с Воскресным днём и от души желаю доброго здоровья и благодушествования о Христе Иисусе.

Поехать к о. Димитрию благословляю, кланяйтесь ему от меня низко и прошу его св. молитв. Книгу «Духовный дар» у меня просят прочитать, поэтому привези её. Пока всё у нас, слава Богу. На Рождество приезжай. о. Серафим *(на Кавказе — сост.)* прислал с одной матушкой письмо и просит передать от него поклон и благословение. У них и у него в частности большие скорби, всех пустынников выгнали и приказали строго лесникам, чтобы никого в пустыне не было, а им, пустынникам, приписали, что они там шпионят. Называют их шпионами, поэтому так строго стало. С матушками, говорят, лесники и охотники допускают безобразия, вот такова там сейчас картина...

Заканчиваю, до свиданья. Кланяйся всем. Остаюсь с любовью недостойный и. К.

Дорогая Т.! Получил Твоё письмецо, спасибо Тебе за него. Но из письма узнаю о очень серьёзном деле. У Тебя находится в большой опасности организм. Ты уже в больнице, как бы не предложили операцию, а это всё связано с опасностью для жизни, хотя всё в руках Божиих. На Твое вопрошание отвечу, в отношении пищи не смущайтеся, кушайте, что дают, если это Вам сейчас для восстановления организма необходимо. Иначе Ты рану свою ещё больше будешь расстраивать, а теперь Ты будешь принимать такую пищу как лекарство против болезни. Так что, дорогая, без смущения кушайте. После, по выздоровлении, на исповеди покайтеся. В отношении же чтения книг я

бы посоветовал пока воздержаться, чтобы лишнее внимание враждебно относящихся к Вере на себя сейчас не навлекать. Другое дело, если Ты будешь долго лежать, тогда уже так или иначе всё равно узнают, а теперь пока довольствуйтеся чтением всего, что знаете наизусть. Повторяйте наизусть молитвы, псалмы, тексты из Евангелия или, если можно как-нибудь тайно, читайте маленькое Евангелие.

На этом заканчиваю, желаю от всей души благополучного выздоровления. Да хранит вас Господь и Матерь Божия. Остаюсь с уважением и любовью к Тебе, всегда помнящий. Недостойный и. К.

+ + +

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дорогая Т.! Получил Твоё письмецо, спаси Господи за любезность и благожелание. Поехать отдохнуть в лес очень приятно и полезно. Всегда желаю о тишине и о лесе, но в этом году,наверно, я никуда не поеду. Правда определённо не могу сказать, но и особых причин и побуждений к поездке нет. Хочется поехать в Почаев, Киев, Пюхты, Белоезерск и посетить эти св. места, но сильная занятость, наверно, всё равно удержит меня от поездки.

Н. мне привезла молодые сосновые побеги.. Очень помогает. Боли утихли. Благодарю вас за заботу обо мне недостойном. На этом заканчиваю. До свиданья. Будьте с Богом! С любовью недостойный и. К.

+ + +

«И да уповают на Тя знающие имя Твое,
яко не оставил еси взыскающих Тя, Господи».
(ап. Павел)

Дорогая Т. Спаси вас Господи за доверие такое ко мне недостойному и любовь. Конечно, любовь Христова связует ве-

рующих между собой в крепкий, неразрывный союз, так что они становятся как бы одним телом, в котором члены должны заботиться друг о друге и жалеть. Из этого вытекает и моё отношение к Вам, как родной по духу, а поэтому не смущайтесь в моей верности к Вам и памяти о Вас. Будем молиться Господу, чтобы все наши устремления были только во спасение души и на взаимную пользу. На этом заканчиваю своё письмецо.

Кланяйтесь всем родным Вашим. Остаюсь с любовью во Христе, недостойный и. К.

\+ + +

Дорогая Т.! Спешу сейчас наскоро дать ответ на Твоё письмецо, на которое не смог ответить в своё время.

Ни в коем случае не надо отказываться от близких, да это и невозможно, потому что связывающие узы нельзя разрывать.. На будущее время будьте рассудительны, и пусть это Вам послужит уроком.

Твои духовные сёстры приезжали сюда, говели и причащалися, а Валентина была даже именница. Вот коротко на Твоё письмецо отвечаю и прошу, не падай духом и не унывай, всё будет хорошо.

Пока у меня всё. Храни Тебя Господи. Посылаю всем из Обители Божие благословение. До свиданья. и. К.

\+ + +

«Итак, умоляю вас, братия, будьте братолюбивы друг другу с нежностью, в почтительности, друг друга предупреждайте».

(Римл. 12,10)

Дорогая Т., получил Твоё письмо, и прочитавши его **в** душе своей сложил желание и чувство не благословлять Тебя идти на работу церковную. Сегодня, не доверяя своим чувствам помолился и получил такой ответ. Ты, конечно, можешь поступить

по-своему, но дело в том, что это может всё очень гибельно отразиться на Твоей работе. Ведь сейчас старост и бухгалтеров назначает и снимает не настоятель, не Церковь, а какой-то уполномоченный от райкома. Они ему подчиняются, а не Церкви и стало быть может и с Тобою тоже случится. Узнать он узнает, что ты помогаешь монахам Лавры. Он обязательно сообщит на работу, и могут поставить вопрос об увольнении, если не открыто за религию, то найдут другую причину. Раз они управляют сейчас церковью, пусть и ищут бухгалтеров и ставят их, снимают. Они имеют сейчас право на это, значит их обязанность и ставить новых. Повторяю это дело Твоё, но я лично не желал бы Тебе давать неуверенное согласие. Сейчас так всё перепутано, и не знаешь, где будет спасительнее?

Всегда Вас стараюсь вспоминать на своих убогих молитвах. Не забудьте и вы, помяните моё убожество в своих молитвах. Посылаю из Лавры низкий поклон и Божие благословение. Да хранит Тебя Господь. С любовью и. К.

\+ + +

«Благословите, языцы, Бога нашего,
и услышан сотворите глас хвалы Его».
(Пс. 65, 8)

Дорогая, глубокоуважаемая Т.! Что Ты, милая смутилась письмом и потеряла спокойствие духа? Разве я не оправдываю доверия быть духовным отцом для Тебя, что Ты так быстро смущаешься духом и колеблешься верою? По существу это письмо, которое Ты получила, предназначалось не для Тебя, а для других прихожан, которые прислали письма ко дню моего Ангела и поздравили меня. Им всем и послал я такой ответ, общий для всех. Тебе я его послал потому, что решил навестить Тебя маленьким письмецом, думал, что этим утешу Тебя, а получилось наоборот. Не надо этому придавать значение. «Будьте, как дети...». В простоте больше бывает доверия и

меньше подозрения. Неужели все вы до сего времени не привыкли ко мне и не поняли меня, что так быстро колеблетесь верою?.. Не обязательно же на словах рассыпаться ласкою, уверять в своей верности перед вами. Если я в душе своей питаю любовь к вам ко всем и уважение, поэтому я перед вами верен и потому всегда спокоен душою, а то, что в частности иногда бывают, с моей стороны иногда невнимание или грубоватость, или какая-нибудь забывчивость, то на это внимание обращать, по-моему, не следует.

Не знаю, утешилась ли Ты моим ответом, но моё письмо писано чувствами полной любви и преданности вам и желанием успокоить вас, развеять колебание в вере вашей.

Да хранит Вас Господь, по молитвам Царицы Небесной и нашего покровителя прп. Сергия.

Кланяйтеся всем. Остаюсь с любовью к вам, всегда помнящий вас. недост. и. К.

29.7.63г.

\+ \+ \+

Дорогая Т..! Получил Твоё письмецо, за которое сердечное спасибо.

«Был больным и посетили Меня».

В своей болезни Ты усматривай перст Божий, который всех, стремящихся к будущей жизни, ведёт путём скорбей, а поэтому Господь один только, когда это будет Его воле угодно, и подаст зра-

вие, а сейчас видимо надо потерпеть, уповая на Него. Все эти земные средства путём медицинского искусства, конечно, без Божьего благословения, — безсильны. Вспоминай кровоточивую жену, которая издержала на врачей всё своё имение и ни одним из них не была вылечена, а пришла ещё в худшее состояние. Только стоило ей прикоснуться к одежде Спасителя, как болезнь оставила её.

Не падай духом. Ко всему будь готова.

Здоровье моё пока ничего, по временам опять бывает простуда, а в общем ничего. Кланяйтеся всем. Спаси вас Господи. Остаюсь с любовью а. К.

\+ + +

Сердечный низкий поклон из Св. Обители!

Дорогая, Боголюбивейшая Т..! Спасибо Тебе за доброе расположение ко мне и пожелание, которое выражено в Твоём письме. Еще раз преискренно благодарен Тебе за Твою заботу и любовь ко мне, убогому.

На Твое приглашение приехать к вам, и побывать в ваших краях, я отвечу охотно, что приехать к вам и пожить немного в лесу я с большим бы удовольствием согласился, но с другой стороны, стесняюсь обращаться по этому поводу к о. Настоятелю, так как знаю, что все подобные выезды из стен монастыря не одобряются правилами монастырскими, и мне просить об этом неудобно, хотя и думаю, что при усердном обращении буду отпущен. Вот поэтому до Троицына дня я ничего об этом говорить не буду, а в дальнейшем буду смотреть, как будут давать отпуска остальной братии, если безпрепятственно, то дерзну и я, а если с недоброжелательством, то вымогать не буду.

Остаюсь с искренней любовью Христовою к Вам недостойный а. К.

\+ + +

Дорогая Боголюбивейшая Т..!

Сердечно благодарю за письмо и за добрые сочувствия и пожелания, обращение ко мне недостойному.

Прежде всего спешу Вам сообщить и утешить, что от Афона меня освободили. Раньше я был назначен, но наше начальство ходатайствовало, и меня освободили по состоянию здоровья. Теперь уже больше не безпокоят. Из нашей Обители пока прошли только пять человек.

Будем надеяться, что Господь укрепит Вас на новой работе, к прославлению Имени Своего, и на пользу душевную. Оставайтесь с Богом. Всегда Вас помнящий недостойный а. К.

\+ + +

Глубокочтимая Т..!

Во время Ваших разговоров со мной о Вашем перемещении и суетности новой работы я Вам сказал, что надо пока хранить послушание. Но я опасаясь, что новая нездоровая обстановка в сильной степени может повлиять на расслабление и развращение всего Вашего душевного уклада, ибо, по слову Божию, «худые сообщества развращают добрые нравы». А поэтому своего согласия на перемещение не соизволяй, а проси и старайся с Божьей помощью подыскать себе работу менее суетную или возвратиться на прежнюю работу. Поступайте кротко, рассудительно, представьте какую-нибудь причину к невозможности находится на этой работе, и Господь поможет Вам найти тихое пристанище.

Да хранит Вас Господь. С искренним уважением к Вам, недостойный а. К.

\+ + +

Дорогая Т.! Получил Ваше письмо, за которое сердечно благодарю.

За всё, о чём Вы пишите в письме, надо благодарить Господа, а не меня грешного, потому что всё это исходит от Него. Молитесь друг за друга и за меня помолитесь грешного,

а то я выказываюсь учить других, а сам с трудом это исполняю, а потому и сбываются на мне евангельские слова: «врачу, исцелися сам».

Поздравляю Вас с началом поста. Дай Бог вам и мне провести бы его с пользою для души своей. Мир вам и Божие благословение. Недостойный инок К.

\+ + +

Милая Т..! Господь Иисус Христос терпел от людей насмешки и поношения, а поэтому нет ничего удивительного, если и над нами будут смеяться. Он Сам рекомендовал нам хранить посты и поступать так же, как и мы с вами беседовали. Вот что хотел я сейчас напомнить. Господь да умудрит тебя, как надо на месте себя вести.

Спасибо Тебе за всё, за внимание и заботу. Прости меня, если чем-либо Тебя огорчил. Знаю, что Вам приходится много скорбеть и подчас чувствовать неудовлетворенность в разрешении духовных, насущных вопросов, из-за сложившихся обстоятельств, времени... С каждым годом эта напряженная обстановка всё усугубляется, но приходится мириться и покоряться. Может быть Господь, в будущем дарует такое свободное время, когда можно будет свободно, без опасения беседовать и назидать друг друга.

Храни незлобие, веру в Бога, с упованием на Его милосердие и всесильную заботу о нас. Имей с ближними мир, взаимную любовь и Господь да исполнит все желания твоего сердца.. Да хранит тебя Господь и Его Пречистая Богоматерь.

Остаюсь всегда с памятью и любовью к вам, недостойный а. К.

\+ + +

Глубокочтимая Т..! Спаси вас Господи за хорошее письмо.

Был очень обрадован Вашею радостью и тем духовным утешением, которого Вы сподобились в стенах Обители Преподобного Сергия. Это благодать Божия, по молитвам

Угодника нашего посетила Вас и доставила Вам такую радость, за Вашу любовь к Преподобному. Мы же все — ничто, перед святыми.

Очень рад Твоему желанию читать Евангелие, которое изъявлено. Это очень хорошее желание. Читайте во спасение души и во славу Божию. Со временем я Вам пришлю акафисты ваших ангелов. Прошу всегда Ваших молитв за меня грешного. Остаюсь с любовью во Христе к Вам, недостойный а. К.

\+ + +

Здравствуй, дорогая Т..!

Постарайся уговорить Н., чтобы не делала этого зла — аборт. Скажи, что Господь ей всё равно за это не даст того, что она думает получить через совершение аборта, этого ужасного зла. Что как раз Господь и попустит ей за это много страданий. Она попадёт в сети ада и будет мучиться, а если не сделает, послушается, то Господь помилует её и пошлёт ей всё необходимое. Скажи ей от моего имени, что я прошу её не дерзать на это беззаконие. Если не послушается, тогда пусть сама на себя пеняет.

Вот на этом заканчиваю. От души желаю Вам всего доброго в вашей семье и на работе. Да хранит вас Господь. Остаюсь с любовью нед. а. К.

\+ + +

Дорогая Т..!

Отвечаю на письмо кратко.

Несмотря на требования врачей, рыбу я не буду постом кушать. Если только уже, какое крайнее обострение вынудит, но думаю, что Господь во всём поможет и на этой неделе, то есть на второй неделе Поста.

Не знаю, что покажет рентген, но я сейчас чувствую себя получше.

На этом заканчиваю. Оставайся с Богом и храни тебя Господь. С искреннею Христовою любовью нед. а. Кирилл.

\+ + +

Дорогая Т..!

Очень рад Твоему письмецу и Твоему оживлению, небольшому выздоровлению (а там, глядишь, Господь и совсем поправит). Желаю Тебе выздоровления и бодрости духа, чтобы к Святой Пасхе тебе совсем быть здоровой.

У меня сейчас состояние стабилизировалось, но иногда бывает колебание в нём. Иногда приключается слабость, вялость. Ну, а в общем — терпимо.

Поздравляю Тебя с принятием Св. Тайн и очень рад Твоему приезду в Лавру. Бог даст, ещё увидимся. До свиданья. Остаюсь с любовью нед. а. К.

\+ + +

Дорогая Т..!

Прежде всего поздравляю Тебя с наступающим праздником Воскресения Христова и со святыми днями Великого поста. От всей души, молитвенно желаю, чтобы Милосердный, Господь воздвиг Тебя со одра болезненного, приумножил Твои телесные силы и возвратил с лихвою способность трудиться и делать добро ближним.

Милая Т., ведь я Тебе обязан своим воскресением и оживлением сейчас. Слава Богу, милующему нас, я поднялся на ноги и чувствую себя хорошо по сравнению с тем, что было. Правда, может быть и будут опять какие-нибудь срывы и слабости, но сейчас я себя чувствую значительно лучше. Снимок рентгеновский показал утешающие результаты. Я сам не понимаю, но говорят, что опасность миновала. Рассосалось всё, что угрожало. Л. А. не знает, от чего успех совершился и очень рада, а я пока ничего не говорю и не буду, может быть, совсем и промолчу, потому что знаю, как она смотрит на народные средства. Поправляйся. Будем молиться Господу, чтобы Он тебе возвратил здоровье и умножил его.

Кланяются Тебе все и просят меня: скажи, чтобы больше отдыхала и лечилась покоем, а уколами не увлекалась. В от-

ношении уколов надо поступать благоразумно. Уколы необходимы бывают, когда безвыходное положение и они помогают. Выздоравливай, приедешь, тогда и причастишься.

Кланяюсь всем вашим. До свиданья. Оставайтесь с Богом. С любовью а. К.

\+ + +

Мир Тебе, дорогая Т.!

Пишу Тебе кратенько. Прежде всего в отношении чтения и пения в храме во время Великого Поста я Тебя, хотя и благословляю, но должен предупредить и поставить в известность, что хотя Ты и будешь в какой-то степени служить на клиросе на пользу молящимся, но в то же время Твоё участие не может не пройти безследно для Тебя в сторону разсеяния. Другим будешь приносить пользу, а себе можешь повредить. Поэтому будь осторожна там и прислушивайся к своей внутренней жизни, а не к окружающим разговорам.

Если у Тебя уклон души к уединению и к молитве уединённой, самособранной, то там, в храме, Ты безусловно не сможешь собраться в своих чувствах и сокровенной молитве. Если же у Тебя уклон к общению с людьми и Ты не чувствуешь никакого разсеяния среди людей, то тогда смело можно Тебе благословить. В общем поступай во всём разсудительно и будь благоразумна. «Всё испытывай, хорошего держись».С поклоном. Нед. а. К.

Милость Божия да будет с Тобою, дорогая Т.!

Во-первых, в отношении проведения поминок я считаю, что можно сделать, чтобы не было нарекания и поношения. Проведите их в молитвенной обстановке, пусть в это время все помолятся и помянут усопшую, и это будет ей на пользу.

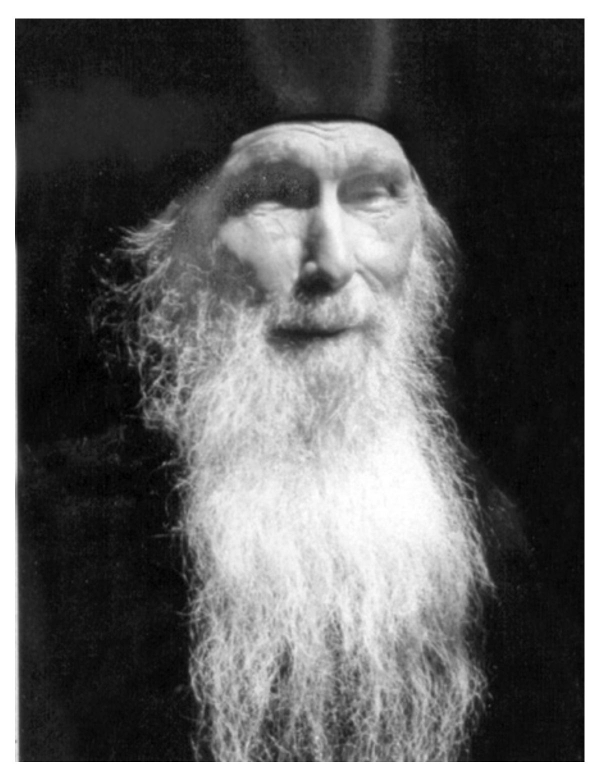
Кланяйтеся всем, кто мне кланяется. От души желаю всем доброго здоровья и всех благ от Господа. С любовью недостойный а. К.

\+ \+ \+

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею...»
(Мф. 13, 17)

Дорогая во Христе Т.!

С Божиею помощью постараюсь вам быть полезным в отношении ваших недоумений. Прежде всего вы сейчас правильно стали понимать значение поста и его проведения. Конечно ценен для души пост внутренний, духовный, а не только пост телесный, внешний. Последний не всегда необходим, а первый должны соблюдать во всю свою жизнь, до самых последних дней своей жизни. Пост телесный служит только как бы средством или орудием для успешности поста духовного.

В начале Великого Поста Церковь указывает, какой пост должен нами соблюдаться, чтобы он был угодным, приятным Господу. Пост истинный, приятный есть ***«...злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголания, лжи и клятвопреступления...»***

Поэтому осенение тебя благостными мыслями в отношении понятия о посте есть дело по-

сещения Божия Твоей души и вразумления свыше. Старайся приобрести смирение, простоту, любовь, терпение и др. добродетели — всё это есть духовное никогда не оскудевающее богатство, доставляющее блаженство на небе, а пост телесный — временный. Но не надо пренебрегать установленными Церковью постами и благочестиво их соблюдать.

Вы спрашиваете в отношении проведения постов. Постараюсь вам дать Типикон, тогда вы будете иметь возможность сами заглядывать и справляться по любому вопросу. Старайтесь по мере своих сил придерживаться устава. Хочу вам пожелать одно, чтобы вы всё делали по мере своих сил и возможности. Когда сможете построже попоститься, поститесь. Если же не позволяют обстоятельства в точности всё исполнить, ограничьтесь умеренным принятием пищи имеющейся и это будет пост.

Сочувствую Тебе в переживаниях по поводу поведения Нади. Ты через неё спасёшься. Терпи до конца и Господь укрепит Тебя.

Желаю Вам от всей души духовной радости и светлых надежд в ожидании приближающегося Рождества Христова. Примите от меня Божие благословение на всю вашу домашнюю церковь и да милость Божия почиет на вас.

Прошу не забывайте и меня убогого в своих молитвах. Нед. а. К.

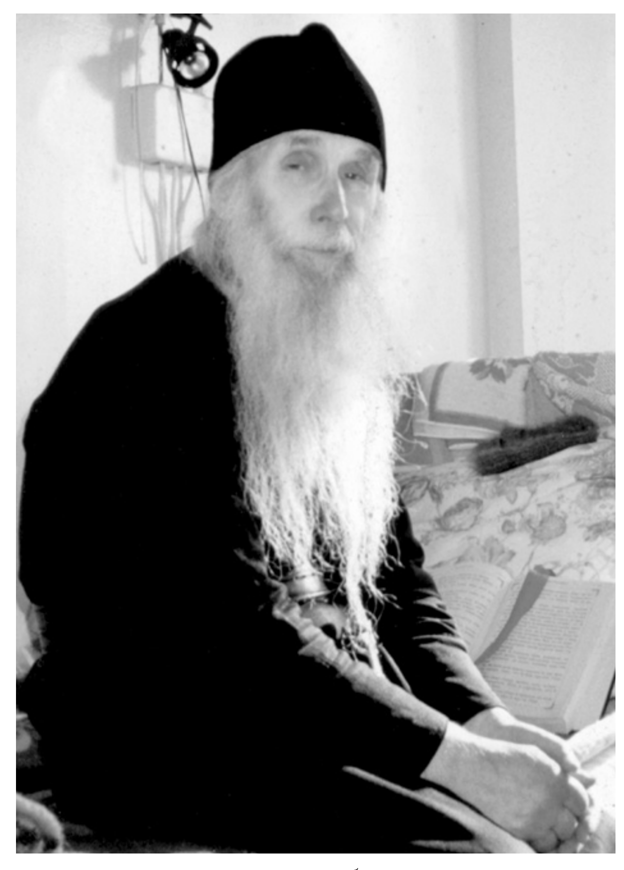
\+ \+ \+

Мир душе Твоей, дорогая Т.! Отвечаю на вопросы:

1) Здоровье, слава Богу, терпимое! Была немного t°, но сейчас как будто прошла она, а насморк в незначительной мере имеется.

2) В отношении пищи. Врачи пока разрешают проводить пост, как у нас в обители, т.е. горячую пищу и вы принимайте, за исключением первой и последней недель.

3) В отношении же молитвы. Конечно, больше старайтесь пребывать в храме, но время от времени для самособранности

о. Кирилл в больнице.

нужно и находить часы для уединения.

Врачи усмотрели у меня падение гемоглобина. Причину болезни они усматривают в переутомлении. Они настаивают на том, чтобы я нарушил посты, но я это делать не имею права. Употребляю главным образом овсяную кашу и по возможности соки.

С пожеланием Тебе от Всемилостивого Господа обильных Его милостей на всех путях Твоей многоскорбной христианской жизни. Доброго здоровья и крепости сил телесных для добросовестного исполнения своего послушания. а. Кирилл.

\+ + +

Дорогая Т.!

Стараюсь соблюдать строго режим постельный и диету. Как будто течение крови приостановлено. Это самое главное. Но процент гемоглобина остаётся по-прежнему один и тот же и не прибавляется. По-прежнему 58%. Облепиховое масло я употребляю с самого начала, оно у меня есть. Сейчас у меня

болей нет, слава Богу, но режим держу строгий. Не встаю, но хожу, когда что необходимо бывает.

В отношении переливания крови, не имею желания вливать чужую кровь, Бог даст, своей наберём постепенно. Кланяйтеся всем. Пишу лёжа. С любовью. а. Кирилл.

\+ + +

Дорогая Т.

От души благодарю Тебя. Слава Богу, я сейчас себя чувствую лучше, повеселее. Правда, аппетит остаётся такой же слабый. Нахожусь без движения, больше лежу. Лекарства все оставил, а только принимаю «Прополис». Он мне нравится и я его охотно принимаю. Об этом лекарстве я слышал ещё раньше. Остаюсь с любовью ко всем. а. Кирилл.

\+ + +

«Многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь».

(Пс. 33)

Глубокочтимая и милая Т.!

Передо мною лежит Святое Евангелие, и читаю в 14 главе Книги Деяний святых Апостолов: *«Проповедав Евангелие сему городу и приобретши довольно учеников, они обратно проходили Листру, Иконию и Антиохию, утверждая души учеников, увещевая пребывать в вере и поучая, что* ***многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие».***

Без скорбей нет пути в Царствие Небесное, которого мы с нетерпением вожделеваем. Сам Господь, совершитель веры, прошёл путём скорбей, поэтому и последователи Его должны идти таким же путём. Св. Ап. Павел говорит, что ***«Господь кого любит, того наказывает: бьёт же всякого сына, которого принимает»*** *(Евр. 12,6)*.

Таким образом, скорби суть знамение милости Божией к тем, кого Господь предупреждает о трудности пути ко

Спасению. Вы сейчас, действительно, окутаны облаками скорбей: и внутренних и внешних, и помоги, Господи, вам всё это совершенно перенести. На Вас скорби сейчас так обрушились, как некогда на Праведного Иова, которые со временем расточились, так и с Вами Господь сделает, если не ослабете в вере и надежде на Всемогущество и Благость Божию.

«Объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох и имя Господне призвах: О, Господи, избави душу мою: милостив Господь и праведен, и Бог наш милует» (Пс. 114) *«Хранит младенцы Господь: смирихся и спаси мя. Обратися, душе моя, в покой Твой, яко Господь благодействова тя» (*Там же).

Милая Т, мужайся в скорби. Вас, вероятно, будет смущать вопрос в отношении вкушения пищи в больнице.

Посоветовал бы Вам на время оставшегося поста в больнице мясо воздержаться кушать, а молочное, если будут настойчиво требовать, можете кушать, а после покаетесь.

В отношении молитвы и чтения книг нисколько не смущайтесь, что Вы не чувствуете такой доходчивости, потому что душа вместе с телом страждет, как получается, так и молитесь. Но особенно перенапрягать себя не надо. Будем молиться, помяни и нас в своих молитвах. Недостойный а. К.

\+ + +

Здравствуй, Т.! Приближается Страстная Седмица и Св. Пасха.

Немного я занемог, по-видимому, от всего, и язва о себе даёт знать, и слабость. Вероятно, от поста и переутомления, и немного повышенная температура, — это, видимо, простудное явление, и лёгкие — тоже, наверное обострение дают, потому что весна и влажность большая. Так что всего понемногу... Впереди Страстная седмица и сил надо много. Не знаю, может быть, это всё со временем пройдёт, но сейчас ещё всё чувствуется слабость. Но может быть, это всё с Божией помощью пройдёт. Если Господь даст силы, собираюсь выйти на службу.

Будьте здоровы и Богом хранимы. До свиданья. С любовью а. Кирилл.

Дорогая Т.! Спасибо за письмецо. Чувствую себя сейчас получше, покрепче и прободрее стал. Диагноз я не знаю, у меня его и нет на руках. Имеется лишь рентгеновский снимок. Врачи всё устно решали и обсуждали. Лекарства принимаю от двух врачей: гомеопатические и от обыкновенных. Может быть, всё будет хорошо, а если нет, на всё воля Божия.

Хорошо в больнице тем, что я имею возможность почитать Библию и другие книги, которые в келье я не имел времени читать.

Спасибо Вам за всё. Оставайтесь с Богом. С любовью нед.а.Кирилл.

+ + +

Дорогая Т.!

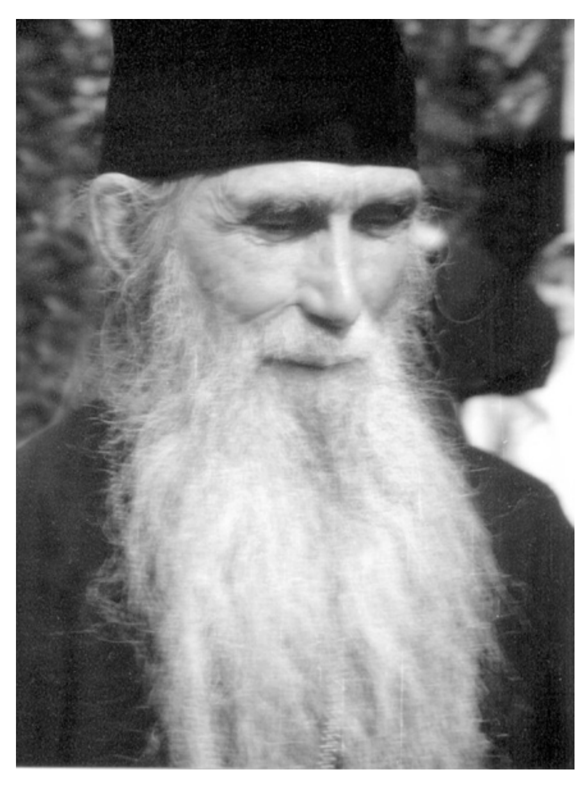
К врачу ты сходи обязательно, к какому я ходил. Она верующая и очень добрая. Возьмите историю болезни обязательно и скажите, что меня послал к Вам батюшка, который был у Вас. Говорил ей про Тебя, она говорит, пожалуйста, приму. Вот на этом заканчиваю.

Здравствуй, дорогая Т.!

Прости, что на два дня запаздываю с ответом. Прежде всего спешу сообщить Тебе, что письмецо Твоё я получил, за которое премного раз благодарен. От души поздравляю Тебя с Началом Великого Поста с благопожеланием спасительно для души его провести.

Соболезную Тебе в Твоей болезни *(от ран, нанесённых грабителями в церкви — сост.)*. Большой крест нести выпадает тому, кто переносит болезни, подобные Твоим. Помоги Тебе Господи, терпеливо и благодушно с упованием на Господа, пе-

ренести эту болезнь. Теперь буду отвечать по порядку на содержание Твоего письма.

Как вести себя постом духовно и телесно, мы уже отчасти знаем. Напомню только стихиру Великого Поста и из неё всё будет понятно: *«Постимся постом приятным, благоугодным Господеви: истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголания, лжи и клятвопреступления, сих оскудение, пост истинный есть, и благоприятный»*.

От души желаю Тебе терпения и смирения в этом посту и поправиться.Да хранит Тебя Господь. С любовью. а. К.

\+ + +

Дорогая Т.!

Получил от Вас два письма и тут же на них отвечаю с поспешностью.

Прежде всего, сердечно, искренно благодарю за Твоё душевное, проникнутое глубокими чувствами внимания и заботы письмо. Только слёзы сейчас береги проливать, а то всё выплачешь, а когда потребуется их проливать, тогда их не окажется.

У меня сегодня гораздо лучше и самочувствие и настроение. Насморк прошёл, а то он тоже много придавал неприят-

ных ощущений и слабостей. Так что будем надеяться на лучшее. А до этого да, было состояние слабое, в пятницу, например, я встал на правило, прочитал утренние молитвы, а дальше своё келейное правило не могу, ноги подкашиваются, слабость, пот полил по всему телу, дыхание участилось ... Аппетита никакого буквально нет. Но сейчас, Милостью Божией, снова всё восстанавливается. За всё слава Богу! Так что, Бог даст, ещё поживём и вместе будем видеться, не скорби. А за сочувствие спасибо.

Приём посетителей в больнице сейчас ограничен. Потому что кругом свирепствует гриппозная эпидемия. Даже и своей братии (ходят, конечно, кому необходимо). После Сретения мне разрешают прогулку и режим будет послабже.Вот пока и всё, дорогая. Лишний раз зря не расстраивайся. Сейчас имею возможность почитать Библию, которую давно жаждал ещё почитать, но не имел свободного времени. А сейчас наслаждаюсь и утешаюсь, иногда и слезинка появляется от умиления, чего в келейной обстановке никогда не мог сподобиться. Слава Богу, состояние улучшается. Уже на два процента прибавилось гемоглобина. Пока пишу лёжа. Посылаю Тебе облачение, пусть хранится на всякий случай. Остаюсь любящий Тебя нед. а. Кирилл.

\+ \+ \+

Дорогая Т.!

Да не превозмогает Тебя скорбь Твоей души. Конечно, скорбь великая, я понимаю, но надо её растворять надеждою к Тебе милости Божией, и ни в коем случае не давать места отчаянию. Ты поступила во всём правильно, как раба Божия, а что Н. не послушалась — то будет сама за себя отвечать.

Из-за её непослушания к Тебе питать к ней чувства ненависти или презрения не надо, это не в христианском духе, а устражать её, чтобы вызвать покаяние, можно. Но мне кажется, что она духа Тебе противоположного и особенно не будет внимать наставлениям. Но Ты не расстраивайся от этого, Господь видит сердце каждого. Что за клевета? Внимания не обращай.

Лекарство пока есть, но здоровье что-то хужее стало. Не знаю, почему слабость, но прошу, ты об этом никому не говори, может, пройдёт, потому что я не выходил, погода всё была неважная. Слава Богу и за это и за всё. По грехам нашим мы и этого не достойны.

Сердечно благодарю за гостинцы. Кушаем все вместе, вспоминаем Тебя и благодарим, особенно о. протодиакон. С любовью, а. Кирилл.

\+ \+ \+

Дорогая Т.!

Что со мной получилось? Был сердечный приступ, вследствие открытия язвы желудка с кровотечением. Большая утечка крови и пониженный процент гемоглобина. Поэтому сейчас нахожусь на строгом постельном режиме и строгой диете.

Пролежу ещё недели две, а в дальнейшем всё равно надо соблюдать строгую диету. То, что я раньше любил и чего не любил, теперь придётся себя заставлять. От одного отвыкать, а к другому привыкать.То, что организм не терпел раньше, а теперь невольно придётся заставлять себя кушать, иначе язва будет о себе знаки давать.

Спроси, может быть, какие-нибудь есть домашние средства для залечивания этой болезни. Сейчас, слава Богу, течение крови приостановилось. Опасность миновала.

Исполняю Вашу просьбу, посылаю перевод девятого ирмоса второго канона на Рождество. Христово: «*Вследствие страха / из благоговения пред Тобою(т. е. чтобы не осквернить Божью Матерь) хваление нечистых уст своих / нам удобнее лучше / хранить молчание, как дело более безопасное; / любви же ради к Тебе, Дева, составлять песни стройно сложенные, трудно; / но Ты Матерь Божия Сама даруй / и силу по нашему усердию/ достойно восхвалять Тебя*».

Вот пока и всё. До свидания. С любовью а. Кирилл.

Письма с 80-х и по начало 2000-х годов:

\+ + +

Досточтимая В.!

В ответ на Ваши печали, могу вам посоветовать пособороваться всем в этот Рождественский Пост. Господь посылает нам скорби для спасения нашего и во очищение грехов, поэтому, конечно, старайтесь терпеть испытание с благодарением Богу, смирением и покорностью, и Господь за смирение подаст вам просимое со временем. Почаще читайте дома Св. Евангелие и послания Апостолов. Помолитесь за меня. Остаюсь с любовью к Вам недостойный а. К.

\+ + +

Досточтимая В.!

Уклонение современных людей от Спасителя и Искупителя Господа Иисуса Христа является причиною страданий и скорбей их. Если люди приближаются к Богу, и Господь к ним приблизится, и изменится их жизнь.

В отношении племянницы: скажите ей, пусть усердно с сокрушением сердца обратится к Господу, и Господь даст ей работу, а вы, если возможно, поддержите её пока. К маме надо поехать, иначе твоя душа неспокойна будет. Братья враждуют потому, что не знают Христа. Дочь воспитывай в духе любви и смирения.

С уважением, а. Кирилл.

\+ + +

Досточтимая В.!

Этой бранью, которая происходит с вами, думаю, с мужем делиться пока не нужно. Поступайте рассудительно. Люди немощны и не всё могут понести и расценить правильно. Вы, как жена и мать, побеждайте семейные неурядицы кротостью и великодушием. Почаще читайте Св.Евангелие и просите

Господа о помощи. Всему своё время. С уважением, архимандрит Кирилл.

\+ + +

Батюшка! У меня к Вам вопросы:

1) В последнее время, когда я советуюсь на исповеди по какому-нибудь поводу, то совет сравниваю с Евангелием. Не подозрительность ли это?

(Ответ отца Кирилла:)

— *Можно.*

2) Много пекусь о муже, таскаю его силой за собой. Один помысел: кто не печётся о домашних своих – грех. Второй помысел: кто ты, жена, что думаешь, что спасёшь мужа? Видите, как я путаться стала. Иногда приходит мысль,что, кроме искушений, доброго ничего не получается от моего попечения. Я решила не принуждать более мужа – не грех ли это будет?

— *Только по взаимному согласию.*

3) Почему иногда ночью во время сна я чувствую, как будто что-то прыгнуло рядом, присутствует, и я мгновенно просыпаюсь, иной раз в тревоге, прочитаю мысленно «Отче наш», успокоюсь. И всё отошло. Почему это бывает?

— *Эти проделки бесовские.*

4) Почему во время всенощной Пасхальной литургии я чувствовала в середине Литургии сильное вражие нападение. То давило, то било со стороны, то по сердцу как током пробивало, по ногам, то расслабление наступало и клонило в сон. Я старалась усерднее молиться. Напрягала насколько возможно каждую клеточку своего ума, сердца, чувств, читала *Иисусову молитву, Богородичную, Ангелу*-хранителю, *Всем святым*. И так до тех пор, пока не вынесли *Чашу Святых Таин*. Тогда мгновенно всё отошло, тишина, мир, духовная праздничная радость, лёгкая непринуждённая молитва. Почему это со мной было, я ведь в этот день, т.е. в субботу утром в Лавре причастилась. Наверное, успела нагрешить? Что это такое?

— *Может быть,учило смирению.*

5) Почему иной раз, если я впадаю даже в малый грех, мне так бывает плохо, душу наизнанку выворачивает? Вот так плохо на душе бывает, просто умираю как бы некоторое время, а потом отхожу. Помолитесь о мне.

— *За всё благодари Бога.*

6) Иной раз мужа или соседку по квартире вижу как бы чёрными и искажёнными, а дочку иной раз преображённой, помолитесь о мне. Это ведь вражие?

— *Это бесовская прелесть.*

7) В светлую седмицу исповедь не ведётся. Причащать, говорят, можно каждый день?

— *Это неправда.*

8) Как же так, Батюшка? Исповедь без чувства покаяния, ведь без него нельзя же. Я помню те огненные дни. Не знаю, что это, но это – не голос, но оно подсказывало – молитвой одной никто не спасётся, а только – *покаянием и молитвой*. Всё это помню я, не могу этого забыть. Меня всё это смущает, почему сердце моё меня снова не допускает к такому причастию, с такой исповедью? Охладеваю, порой считаю исповедь — формальностью.

— *Нет, без исповеди нельзя подходить к причастию.*

9) Почему раньше во время акафиста «*Пресвятой Богородице*» и чтения Псалтири — било по ногам или давило, то сейчас или наплыв помыслов от этого, или чувство тревоги?

— *Это всё наваждения бесовские.*

10) Помолитесь о муже моём, так как он очень часто в гневе и говорит, что я его раздражаю.

— *Старайтесь не раздражать.*

Из-за нетрезвения своего сердца теряю мир душевный, часто опечаливаюсь о грехах своих, помолитесь о мне, недостойной рабе Божией.

Благодарю Вас за всё. Спаси и сохрани вас Господи на многая лета. Вашими молитвами мы, может, ещё спасёмся. С почтением к вам. Аз недостойная раба Божья.

08.05.1997 г.

\+ + +

Батюшка, у меня новые вопросы:

1. Почему такая тревога безпричинная в сердце, томление, такое состояние, что не находишь себе места и скрыть это не получается от своих. Пью корвалол, успокаивающие лекарства, но это мало помогает? Отчего это?

— Это не что иное, как искушение. Вооружайтесь терпением и смирением.

2. Очень сильный натиск скверных плотских помышлений, иногда очень сильный и интенсивный. После этого скверно на душе, тревога и уныние.

— То же самое бесовское наваждение, а попускается Господом для низложения нашей гордости.

3. Помолитесь о мне, так как впадаю в уныние от этих скверных помыслов, что им нет конца?

— Смирением и молитвой отгоняйте такие помыслы.

4. Какое лучше домашнее правило читать? Стала читать полностью утреннее и вечернее правило, что в молитвослове, но Евангелие уже читается невнимательно, рассеянно... Что надо читать?

— Если время позволяет, то читайте утренние и вечерние молитвы, гл.

Евангелия и гл. Деяний Апостолов, а потом одну кафизму.

5. Почему я в таких искушениях, понимаю, что сама их на себя навлекаю, но причину не пойму?

— В основном это бывает от нашей гордости.

6. Как вести себя с соседкой по коммуналке? Всё-таки стараюсь её избегать, особенно её пристального взгляда. Почему она так пристально смотрит на меня и старается в глаза? Меня это смущает и появляется тревога непонятная.

— Старайся соблюдать мир, молись за неё.

7. Почему в храме, когда много народа, сильно тяготит, давит, а в будничные дни на службе реже такое бывает?

— При множестве людей напряжения бывают большие, поэтому на вас и давит.

8. Мне в нашем храме сделали предложение работать там (уборщицей), но я отказалась. Не знаю, как поступить лучше?

— Если здоровье позволяет и время есть, то потрудитесь.

\+ \+ \+

Здравствуйте, Батюшка!

Простите за настойчивость, запуталась, прошу помочь мне в вопросах:

1. Правильно ли поняла ваши слова «тише воды, ниже травы», т.е. избегать мира, всего, что наводит на грех?

— Не совсем точно. «Тише воды, ниже травы» — призывает нас, к снисхождению друг к другу, к любви.

2. Правильно ли я поняла «Никого не смущать, не огорчать, не раздражать», т.е. аккуратность, осторожность во всём: слове, деле, поведении (не вредить себе и ближнему)?

— Это выражение содержит ту же мысль: «приобретённые смирения».

3. Раскрылась полная моя немощность, нагота, стала бояться себя саму – своего разума.

— Читай Св. Евангелие и покрывай свою наготу благодатью Божией.

4. По вашей болезни и невозможности вас видеть и советоваться с вами нахожусь в трудном положении. Ищу духовника. Очень в нём нуждаюсь. Замкнутость меня пугает, мучает. Что же делать? Как быть? Сносить всё в себе не получается, появляются, ненужные помыслы.

— Ищите себе по сердцу духовного помощника.

5. Как смотреть на привязанность дочери к молодому человеку и её замкнутость со мною? Хотя я вижу, сколько у неё сердечных переживаний.

— Это вы уже у неё спросите.

6. Наверное, я сильно нагрешила, прочла письмо к дочери. Там встревоженные чувственные выражения. Она стала очень нервной. Стала пить успокаивающее, сейчас уже лучше. Правильно ли я поступила?

— Нет, кроме того, заочно по письму бывает трудно добраться к сложившейся обстановке. Об этом надо говорить устно с её духовником.

7. Сейчас она изменилась по отношению к своему духовнику. В своём храме исповедуется, но часто унывает.

— Поговорили ли с её духовником?

8. Когда были сильные искушения, лежала пластом. Но после 12 ночи как бы всё отпускало, тогда могла читать Евангелие, Псалтирь, но силы слабы.

— Евангелие и Псалтирь надо читать..

9. Частый грохот во время ночной молитвы, вздрагиваю. Непонятный страх. Не могу уснуть. Что в таких случаях делать?

— Это бесовские страхования. Ограждайте себя крестным знамением и не бойтесь.

\+ \+ \+

Батюшка!

1. Простите меня. Пишу вам, потому что получаю в ответах пользу.

— Если пользу получаете, а больше вам ничего и не надо.

2. Ваши слова при последней нашей встрече меня сейчас встревожили. Вы говорили, чтобы мне смущения всячески отгонять, а семью любым способом сохранить.

— Всякое пристрастие к чему-либо или к кому-либо есть грех и лишает сердце спокойствия. Страсть много доставляет переживаний, неуравновешенности.

3. Когда отошла от дорогого мне человека, сначала была сильнейшая тревога в сердце. Наплыв воспоминаний, всё что смущало, теряла мир душевный, после исповеди отошло. Стало полегче.

— Когда человек, пристрастившийся к водке,начинает бросать пить, он испытывает тоску, боль. То же самое с вами.

4. Что это было? Сильнейшее головокружение, такое ощущение, будто удушье, и тянет насильно в мир. Читать ничего

не могла, расслабленность, томление. Только читала 90 псалом и то, что на память помню, этого состояния не описать, не пересказать, это ад. Но почему это было (причина)? Это вследствие того, что я ходила к больной? Кормила, обедала иногда с ней, хотя ею брезгуют?

— *Нет. Это вследствие того, что вы оставили страсть.*

5. Если просят помолиться, это одно, а поклоны с молитвой — это другое? Или одно и то же? И если плохо делается, то должно ли прекратить?

— *Это одно и то же. Смотря, что плохо делается? Вообще унывать не надо, а надо продолжать трудиться.*

6. По ночам ноги, руки болят, но врачи ничего не находят. После чтения Евангелия, псалмов, помазания св.елеем отходит, но иногда только на час, и опять накопились усталость, недосыпание, вялость.

— *Это от переутомления.*

7. Тоже опять о духовнике, присмотрела здесь в храме о.Н., но он избегает, когда хотят подойти разрешить вопрос, а теперь вообще боюсь подходить к нему.

— *Просите, стучите и обрящете.*

\+ + +

Досточтимая во Христе В.!

Спасибо за письмо, на которое и отвечаю.

1) Если вас устраивает обмен на другой город, то меняйтесь.

2) С неверующими родственниками особого общения не имейте, но и не чуждайтесь.

3) Если во время молитвы чувствуете сильное давление, остановитесь, отдохните. Ночью по прочтении положенных кафизм и Евангелия ложитесь и отдыхайте, хотя бы чувствовали себя бодро. Всю ночь читать не надо.

4) Живите и ведите образ жизни благоразумный. Чтобы он был угоден Господу.

До свидания а. Кирилл.

+ + +

Дорогой отец Г.

Письмецо твоё получил, за которое сердечно благодарю и на которое даю тебе тут же краткий, посильный ответ.

В отношении оформления В. думаю, что отец П. даёт очень разумный совет и действуйте не откладывая. Время близко. Насчёт присвоения каждому человеку кодового номера и других данных, а затем всё это пропустить через международный компьютер «Зверь» в Брюсселе, это уже людей ловят в ловушку и все будут на учёте у антихриста. Конечно, это ещё не печать, но идёт подготовка, обработка людей к приятию диавольской печати.

Чтобы совесть не была бы усыплена во время самой печати, надо людям это говорить и мне кажется, сейчас надо дать им бой, отпор, потому что после Башкирии[1], если там компромиссно всё примут, они тут же начнут вводить эту диавольщину и в других областях России. Надо дать сопротивление. Какой обман, лицемерие употребляют, якобы для социальной помощи населения это всё делают, а главную цель скрывают.

арх. Кирилл.

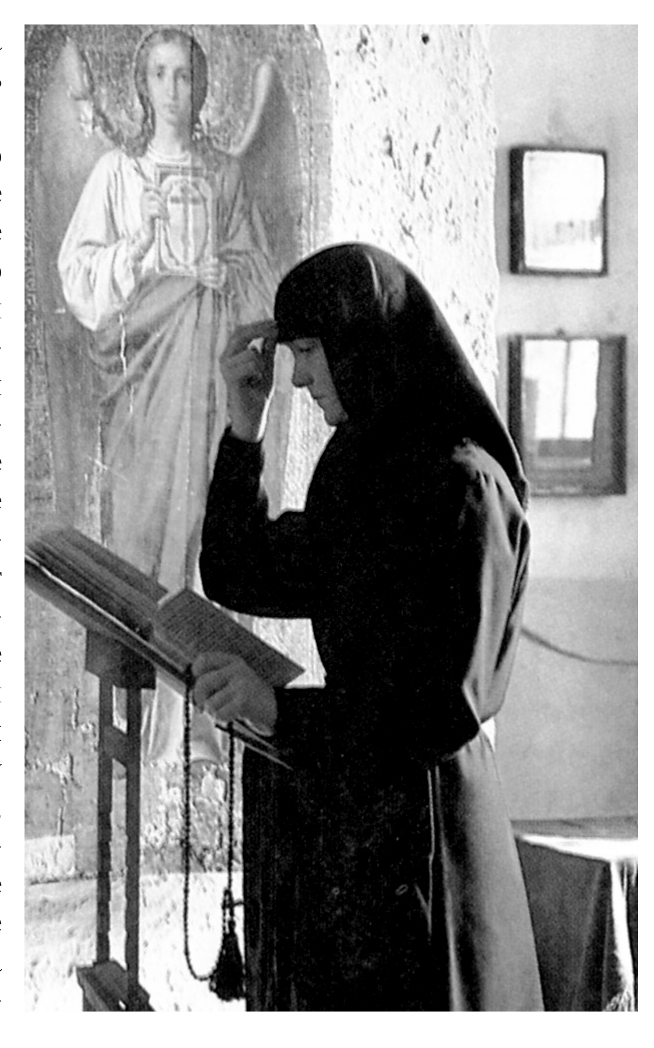
[1]В 1995 году, чтобы не будоражить столицу, после расстрела людей 4 октября 1993 года и накануне выборов президента 1996 года, начали вводить ИНН по-тихому, на окраине, вначале в Башкирии.

Досточтимая о Господе сестра Р.!

По прочтении Твоего письма у меня сложилось впечатление, что Твоя душа в монастырь потянулась, хотя это сейчас достигается с большими трудностями. Тебе, если только примут и пропишут, в монастырь можно идти. Конечно, и среди мира спастися можно, но в монастыре Тебе больше будет возможностей ко спасению и Ты будешь чувствовать себя в монастыре, как дома, спокойнее. Хотя повторяю, не надо отчаиваться в спасении и в миру. А поэтому проси матушку В., чтобы Тебя при-

няли, если есть на это возможность у них.

Конечно, о замужестве Тебе помышлять не надо, уже поздно и видимо у Тебя призвания к семейной жизни нет, а только в монастырь. Другое какое мирское дело Тебе не удалось, значит, нет на это Божия благословения. Своё желание пойти в монастырь Ты храни, как зеницу ока и береги себя, чтобы враг не похитил его прежде времени и Тебе не остаться тогда у разбитого корыта.

Если не удастся поступить в монастырь, то не отчаивайся, а молись Богу о исполнении своего желания. Господь непременно исполнит Твоё желание, рано ли или поздно. Лелей надежду попасть в Дивеевскую обитель, которая, по предсказаниям преп. Серафима, откроется. Желаю Вам от Господа доброго здоровья и душевного спасения.

С искренним уваж. нед. а. К. 1985 г.

\+ + +

Дорогая о Христе Р.!

Давно я не писал Тебе ничего и не знаю, как Твоё самочувствие сейчас. Хотелось бы узнать, как у Тебя обстоят дела с монастырём, куда Ты очень стремишься.

Правда, с пропиской сейчас нелегко, но приём в монастыри был и за это время.

Твои желания, если они Богу угодны, Господь когда-нибудь исполнит.

Оставайтесь с Богом! *арх. Кирилл. 1987 г.*

\+ + +

Письмо настоятельнице женского монастыря:

Дорогая матушка Л.!

Направляется к Вам на послушание матушка И. *(до пострига Р. — сост.)*

Окажите ей внимание и по возможности устройте её.

арх. Кирилл. 1987 г.

\+ + +

Дорогая матушка И...

Посылаю Тебе краткую рекомендацию, но Ты к ней приложи свою автобиографию.

Если надо будет переписать, тогда сообщи, и я перепишу.

Да хранит Тебя Господь.

Арх. Кирилл.

Рекомендация

Монахиню И...я знаю по Троице-Сергиевой Лавре уже лет двадцать. В Обитель она приезжала регулярно. Подходила на исповедь. Причащалась Св. Христовых Таинств.

Человек она церковный, раба Божия. К исповеди относится очень серьёзно. Искренно кается в своих

грехах, со страхом Божиим относится к причащению Святых Христовых Таин.

Несмотря на тяжёлые семейные условия (болезнь близких родственников), она никогда не оставляла их без помощи, жертвуя своим здоровьем и временем. Своё иноческое правило она всегда, при любых условиях неукоснительно исполняет.

Считаю, что она в Обители будет полезна.

Духовник Троице-Сергиевой Лавры,
архим. Кирилл.

\+ + +

Дорогая матушка И.!

Сделайте так, как Ты пишешь. Уехать Ты сейчас никуда не уедешь. Надо сохранять мир души. Ты обязана этому своим монашеским званием Монах не должен ни на кого гневаться и никого не прогневлять. Да хранит Тебя Господь и подаст мир душе Твоей.

С уважением. арх. Кирилл.
Июнь 1992г.

\+ + +

Досточтимая матушка И.!

На Твоё предыдущее, скорбное письмо отвечу кратко. Сочувствую Тебе в настоящих Твоих душевных переживаниях о случившемся и на будущее время советую Тебе вооружайся всегда терпением в таких сложных ситуациях. Если бы Ты гнев владыки перенесла кротко и покрыла бы его любовью с терпением, то пожар был бы загашен и всё мирно было по настоящее время. Теперь же Тебе надо к владыке обратиться и попросить прощения у него.

Если у Вас жилищный вопрос для Вас очень важен, процесс этот нельзя приостановить и во дни Великого Поста, то, конечно, можно им заниматься, но сохраняя только при этом мирное и спокойное состояние своей души.

Читайте Святое Евангелие и Послания Святых Апостолов.

С любовью, арх. Кирилл.
Март 1993 г.

\+ + +

Дорогая матушка И.!

На вопль Твоего сердца отвечу словами св. старца Амвросия Оптинского: «Жить, не тужить. Никого не раздражать, никому не досаждать. Быть тише воды, ниже травы и всем моё почтение».

Матушка, на Твоём попечении две больные. Ухаживай за ними с любовью, это тоже доброе, святое дело. Награду получишь за уход за ними. Если же Ты им не нужна будешь, иди снова в монастырь...

... Причащайся недели через две. Если стесняешься ходить в полной монашеской форме, ходи в подряснике и платочке. Правило, Евангелие, Послание Апостолов, Псалтирь читай, и Господь Тебя сохранит и в мире сем.

С уважением, архимандрит Кирилл,
март 1997 г.

\+ + +

Досточтимая матушка И.!

Сочувствую Тебе в Твоих скорбях общих и семейных. Помоги Тебе, Господи.

Ко мне Ты теперь приезжай в Переделкино. После Пасхи, на Фоминой неделе. В Среду на Страстной я уеду в Лавру.

В отношении Твоего пребывания и в храме интерната, если директор Тебя просит поработать в храме, то оставайся и работай.

В отношении обмена квартиры и посещения болящей родственницы в больнице, это решайте единодушно, на своём семейном совете.

С ув. арх. Кирилл,
сентябрь 1997 г.

\+ + +

Досточтимая матушка И.!

При Твоей сложившейся обстановке, очень полезно время от времени удаляться в свою «дальнюю пустыньку», на другую квартиру. Не всё время там жить, а для разрядки от московской суеты и угара.

Больше ничего не придумаешь. В монастыре с Твоим здоровьем тоже нелегко.

Помоги Тебе, Господи, обрести покой.

С любовью. архим. Кирилл,
май 1998 г.

\+ + +

Дорогая матушка И.!

Прошу у Тебя прощения, что письмо Твоё давно получил, а отвечаю Тебе по своей немощи только сейчас, с большим опозданием.

Сокрушаешься, что перешла в мир и не спасаешься там. Неправда. На всяком месте можно спастись. Исполняй заповеди Божии, твори добро, относись добросовестно к своим обязанностям и спасёшься. Ты в

миру сейчас трудишься, помогаешь своим больным сродникам, а это же доброе дело. Так же и в храме трудись добросовестно. И будет Тебе за это награда от Господа.

Да хранит Тебя Господь.

С уважением, арх. Кирилл,
сентябрь 1998 г.

\+ + +

Глубокоуважаемая матушка И.!

...Что касается Твоего возраста, спроси, до каких лет будут набирать в N... монастырь. Можно ли надеяться, что Вас смогут туда взять.

Бросать Вам работу сейчас не надо, поскольку Вам ещё до пенсии надо дорабатывать.

С уважением арх. Кирилл.

\+ + +

Дорогая и глубокоуважаемая матушка И.,

На Ваше письмо даю Вам краткий ответ.

Если Вам, по Вашей болезни предлагают операцию, то узнайте другие способы лечения. Знаю, что есть на этот счёт и безоперационный способ. Кроме того, обратитесь к травникам, может, они знают какие-нибудь средства, чтобы Вас вылечить.

Если Тебя совесть безпокоит в отношениях с настоятелем, то напиши ему письмо и попроси у него прощение, чтобы он Тебя простил. Тогда будешь спокойна. В храме работайте <u>по мере</u> своих сил. В храме спасаешься, если будешь исполнять заповеди Христовы. Исповедуйтесь у того духовника, к которому расположено Ваше сердце, и Вы можете ему спокойно открыть все свои грехи.

Паспорта старые действительны до 2003 года, поэтому можешь не спешить с новым.

Не забывайте читать Св. Евангелие и Послания св. Апостолов.

С уважением, арх. Кирилл, апрель 2002 г.

+ + +

Досточтимая матушка И.!

Если вы имеете желание работать в церковке при больничном интернате, то подъезжайте в Переделкино, и я смогу написать Настоятелю письмецо с просьбой, чтобы он, если это возможно, устроил Вас на работу в этот храм.

Тогда поговорим и о духовном Твоём окормлении.

С ув. арх. Кирилл.

+ + +

Досточтимая матушка И.!

...Конечно, находясь в миру, Вы претерпеваете большие искушения, потому что мир есть — мир. Для монаха же спасение в монастыре, но Вас всегда удерживало от полного ухода в монастырь забота о болящих близких Вам людях.

Не знаю, Вы сами должны чувствовать, приносите ли вы пользу, оставаясь в миру, или вред душе своей. Сами уясните, поразмышляйте, каковой путь для Бога угоднее, тот и изберите, и оставайтесь на нём без роптания.

Ещё раз напоминаю, полюбите Святое Евангелие.

С ув. арх. Кирилл,
март 2001 г.

+ + +

«Дорогой Батюшко!

Простите, что безпокою Вас, когда Вы ещё не совсем оправились после операции. По благословению Патриарха готовится к изданию очередной том «Энциклопедии русской цивилизации».Мне поручили написать о Вас статью для этой Энциклопедии на две страницы. Черновой вариант у меня давно готов, но нет важных биографических данных. Батюшко, я не осмеливаюсь просить Вас принять меня сейчас — может быть, позже, чтобы одобрить (или нет) уже готовую статью — но у меня нет необходимых Ваших формальных биографиче-

ских данных. Если Вам не трудно, и если Вы сочтёте это возможным, не могли бы Вы ответить на такие вопросы:

1. Ваше имя в миру?

(Рукой отца Кирилла подписано) — *«Иван Дмитриевич Павлов»*

2. Дата рождения (год,число и месяц)?

— 8 октября 1919 г..

3. Место рождения?.

— Рязанская область Михайловский район, деревня Маковские Выселки.

4. Год пострига (в семинарии Ново-Девичьего монастыря, или в Троице-Сергиевой Лавре)?

— «25 августа 1954 года. В Троице-Сергиевой Лавре. Под отдание Преображения»).

5. С какого года Вы были насельником Троице-Сергиевой лавры, потом духовником?

— *«С 1954 г. — пономарь Троицкого собора. 1956 г. — казначей (до 1985 г.) и духовник. С 1970 г. — братский духовник»*).

6. Есть ли у Вас военные и церковные награды?

— «Орден Славы, много медалей, орден преп. Сергия, орден князя Владимира»).

(Батюшка скромно умолчал о своей главной награде — золотой звезде Героя Советского Союза — *составитель*).

Благодарю Вас за уделённое мне время.

Простите, недостойная р.Б. Елена.

Дорогой Батюшко! Вся моя семья благодарна Вам за Ваши молитвы. Благодаря им, Господь милостив пока к нам, грешным. Помогаем приехавшим из Англии пожилым русским эмигрантам (первой волны), пожилой чете Крыленко. Он — автор замечательной, очень нужной всем книги «Денежная держава», которую я перевела и которую посылаю Вам. Вы когда-то благословили меня её перевести. Отзывы на неё очень хорошие.

С просьбой Ваших святых молитв и о нас, грешных.

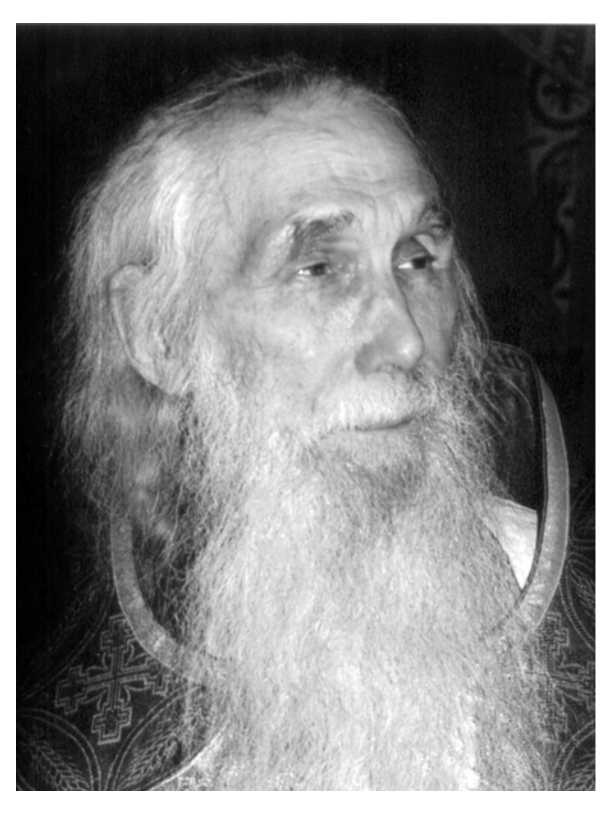
р. *Б. Елена.*

Дорогой Батюшко! Прежде чем приступать к молитве Иисусовой, по Вашему совету, стала читать «Православное учение об Иисусовой Молитве», составленное по работам свт. Игнатия Брянчанинова. Тогда я не могла найти издание Валаамского монастыря (сейчас оно есть), которое Вы мне рекомендовали. Это для меня было очень полезно и необходимо, так как там и практические советы, и предостережения, и опыт старцев.

Батюшко, но вот что сейчас меня безпокоит. Быть может, что я напишу — это мои выдумки и случайности, но без Вашего совета я не решаюсь начать молитвенное делание.

Дело в том, что я какое-то время перед этим старалась исполнять Богородичное правило. Прочитала примерно треть книги об Иисусовой молитве. Читая, конечно, сердечно и мысленно обращалась к Господу и часто молилась Иисусовой молитвой, и днём, и перед сном, но не считала, что я уже приступила к молитвенному правилу: я решила, что должна сначала подготовиться, прочитав книгу до конца. Но тут свалились страшные неприятности на Сережу: он заболел гриппом с температурой до 40 гр., несколько дней ходил в школу — снова такой же грипп! В результате он пропустил в школе почти всю последнюю четверть, и учителя по математике и по немецкому решили не допускать его к экзаменам за 9-ый класс, а это выпускной класс неполной средней школы!. Положение было ужасное... Все мы, и в первую очередь Сергей, страшно переживали, молились. И всё разрешилось самым неожиданным образом: в районном отделе образования разрешили сдавать экзамены в другой школе, и Сергей по всем устным экзаменам получил только пятерки, и так понравился учителям, что директор той школы звонил и просил оставить его в их школе в 10-м классе.

Батюшко, простите, что я так длинно всё это описала. Дело в том, что весь этот период я чувствовала особое вражеское нападение, хоть и не на меня лично, но в наиболее болезненную для меня точку — Сергея, и мне кажется, что это оттого, что я сделала попытку приступить к Иисусовой молитве. И вот я сомневаюсь снова, имею ли я право на это, живя в миру и будучи связанной с семьёй, а кроме того работой и большой общественной нагрузкой.

Батюшко, я буду с нетерпением ожидать Вашего ответа и преклонив колено, прошу Ваших святых молитв о нас грешных. С низким поклоном, безконечной благодарностью, что ещё не лишаете своей помощи меня грешную. С пожеланием здоровья Вам и неотступной Благодати Божьей.

р. Б. Елена.

\+ + +

Досточтимая Елена!

В отношениях с о. Т. проявите своё благодумие, по-христиански простите ему, не мстя и не воздавая злом за зло, а добром за зло. Покажите, что Вы ему желаете добра, как

и всем, пусть и он утешится и успокоится, позвоните ему, как Христова раба.

В отношении Серёжи. В его поведении проявляется страстишка по наушению вражьему. Надо её выкорчёвывать, внушать ему, что это грех, этого делать нельзя. Увещевать Серёжу надо всегда, но только надо, чтобы это исходило из любящего сердца, и чтобы это увещание доставляло бы ему мир и взаимное назидание. Какие-либо крайности весьма вредны во всём, в том числе и в духовной жизни. Ищите всегда мира, добра и любви, и он поймёт Вас. Оценит Вас, и прилепится к Вам и будет слушать Вас. Жизнь сейчас очень сложная, запутанная, опасная, сетей расставлено много для уловления душ, в особенности для молодёжи.

Полюбите читать Св.Евангелие и Послания Св. Апостолов. Серёже от меня поклон и передайте ему, что я прошу его, чтобы он не пренебрегал советами Вашими, и слушался бы Вас.

С любовью арх. Кирилл.

\+ \+ \+

Молитва от глада и нищеты,
составленная на каждый день
архимандритом Кириллом (Павловым)

Господи, Боже наш, Боже Всемогущий, Всещедрый и Всемилостивый!

В Ветхом завете избранный народ Твой 40 лет в пустыне чудесно питавший и через пророка Твоего Илию, в дни глада великого муку и масло у вдовы Сарептской умноживый. В Новом же завете пятью хлебами пять тысяч, а также семью хлебами четыре тысячи насытивый и в последующие времена по вере и молитве рабов Твоих подобные чудеса творивый!

Призри ныне милостивым Твоим оком на нас, грешных рабов Твоих, умилосердись над нами и избави нас от глада, нам грозящего; сотвори по всемогуществу Твоему: Да

не оскудеет потребное нам пропитание. Да не погибнет безгодно живот наш.

Благослови, Господи, хлеб наш и вся ядомыя нами и умножи сия в домах наших и у всех милующих нас, питающих и благотворящих нам.

Сотвори, дабы пища, аще и в малом количестве нами вкушаемая, имела достаточную питательную силу, да не ослабеет тело наше, и здоровье да сохранится, и дух да не придет в уныние. От Тебя бо помощь вси приемлем, на Тя уповаем и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О предивный и преславный пророче Божий Илие, превелий ревнителю по Бозе, дожди и бездождие, плодоносие на землю и неплодие от Бога посылаяй! Услыши и сие малое, благоговейно приносимое тебе нами моление и твое теплым ко Господу предстательством сохрани нас от бездождия, глада и смертоносных болезней, подаждь же нам благорастворение воздуха, и плодоносие, и дух правыя веры и благочестия, да избавльшеся от вечных мук, сподобимся райского блаженства, поюще Богу: Аллилуйа.

(*«Православный календарь»,* 2010 г., Изд. Оранта)

\+ + +

8 октября – день памяти преставления преподобного Сергия, игумена Радонежского, всея Руси чудотворца.

8 октября 2009 года все православные люди отметили знаменательную дату – 90 лет со дня рождения Ивана Павлова, ныне всероссийского старца, любимого Батюшки, архимандрита Кирилла (Павлова).

Иван Павлов родился в 1919 году в крестьянской семье на рязанской земле. Работал на металлургическом комбинате. Воевал в общей сложности шесть лет. Начал ещё в финскую. Будущий отец Кирилл с самого начала войны участво-

вал в военных действиях солдатом (затем сержантом) пехоты. Самым тяжёлым военным испытанием для 22-летнего сержанта Павлова было ожидание генерального Сталинградского сражения в окопе, в снегу, почти без воды и пищи под постоянным обстрелом и бомбёжками врага в течение целого месяца. Участвовал в Сталинградской битве. Награжден медалью «За оборону Сталинграда», орденом Славы и другими орденами и медалями. Дошёл до Австрии. В 1946 г. в Венгрии он был демобилизован и приехал в Москву. Поступил учиться в Духовную Семинарию.

Закончив Духовную семинарию, бывший фронтовик в 1954 г. принял монашеский постриг в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Так начался многолетний молитвенный подвиг архимандрита Кирилла. Вначале он был пономарем (1954), а в 1970 г. был назначен казначеем Лавры и братским духовником. Архимандрит Кирилл духовно окормлял трёх Патриархов РПЦ. Проповеди отца Кирилла на протяжении многих лет вдохновляли и продолжают вдохновлять православных людей.

Многолетнему насельнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Кириллу (Павлову) исполнилось 90 лет.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл направил юбиляру поздравительное послание.

Предстоятель Русской Церкви отметил, что на протяжении многих лет архимандрит Кирилл нёс высокое и ответственное служение духовника Троице-Сергиевой лавры и щедро делился своим богатым пастырским опытом с воспитанниками Московских духовных школ.

orthedu.ru / Патриархия.Ru, Русская линия

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЮБИЛЯРУ

Многолетнему насельнику и духовнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Кириллу (Павлову) 8 октября 2009 года исполнилось 90 лет. Предстоятель Русской Православной Церкви поздравил юбиляра с этой знаменательной датой.

Его Высокопреподобию
архимандриту Кириллу (Павлову)

Ваше Высокопреподобие, дорогой отец Кирилл!

В день Вашего 90-летия сердечно поздравляю Вас с этой знаменательной датой, с пожеланиями бодрости духа, крепкого здоровья и неоскудевающей помощи Божией.

На протяжении многих лет своей жизни Вы с честью несли высокое и ответственное служение духовника одного из самых известных и значительных монастырей Русской Православной Церкви-Троице-Сергиевой лавры. Вы с кротостью, смирением и подлинно христианской ревностью исполняли возложенное на Вас послушание, делом являя следование словам апостола, призывающего нас *«радоваться с радующимися и плакать с плачущими» (Рим. 12, 15)*.

Щедро делясь своим богатым пастырским опытом с воспитанниками Московских духовных школ, Вы заботились о том, чтобы Церковь Христова получала достойных делателей в винограднике Божием.

К Вам, за мудрым советом и сердечным утешением, прибегали не только насельники Лавры, но и многочисленные паломники, спешившие к дверям Вашей кельи с упованием, что их надежда не будет постыжена и они смогут приобщиться к безграничной любви Христовой, переполняющей Ваше сердце и согревающей душу каждого приходящего. *(Рим. 5, 5)*.

В этот знаменательный день возношу молитвы ко Господу Вседержителю, дабы Он предстательством преподобного Сергия, игумена Радонежского, его же память мы празднуем ныне, в обители которого Вы совершали своё монашеское делание, даровал Вам мирное житие, укрепил Вас своею благодатью и сохранил на многая лета.

С любовью во Христе.

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.
Октябрь 2009 г.

«Не всяк глаголяй Ми, Господи, Господи, внидет в Царствие небесное: но творяй волю Отца Моею, иже есть на небесех».

(Мф. 7, 21)

ДОЛГИЙ И СЛАВНЫЙ ПУТЬ

к 90-летию архимандрита Кирилла (Павлова)

Его знает каждый верующий человек, да и многие в нашей стране и за рубежом. Он имеет поистине всероссийское, всеобщее почитание.

Этого дня многие ждали с нетерпением. Молились о том, чтобы Господь продлил дни дорогого для нас, авторитетнейшего из ныне живущих старца, духовника трёх русских Патриархов, духовника главной обители России — Свято Троице-Сергиевой Лавры, — нашего Батюшки, архимандрита Кирилла (Павлова).

К невыразимой радости нашей, мы празднуем Значительную дату.

Отцу Кириллу исполнилось 90 лет!

Богатейшую жизнь, не только духовную, монашескую, но и мирскую прожил отец Кирилл. Был крестьянином на Рязанщине, окончил техникум, работал на заводе, война, Сталинград, плен, освобождение и ещё три года ратных битв войны... Всё это было перед тем, как Иван Павлов осенью 1945 года, герой Великой войны, после демобилизации предстал перед Семинарской комиссией в Москве и скромно обосновался в древних стенах Троице-Сергиевой лавры.

Многие послушания и труды смиренно нёс Иван Павлов в Лавре, прежде чем стать постриженным в монашество с новым именем Кирилл, в честь преподобного Кирилла Белоезерского, затем архимандритом, духовником, уважаемым и почитаемым всеми старцем.

В стенах Лавры он воспитал многих епископов, священнослужителей и монахов. Окормляет и многих мирян. Неустанно отвечал он на каждое из множества присылаемых ему писем. Всегда останавливался и беседовал с любым просящим у него помощи, совета, вразумления.

Вот как писал о нём в юбилейном послании к восьмидесятилетию старца, один из воспитанников архимандрита Кирилла, ныне архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон (Емельянов):

«Отец Кирилл очень внимателен к людям, и для нас, нашего поколения — это действительно удивительное явление нашей жизни: что мы живём в одно время с таким человеком.

Светлый образ, тихий нрав, евангельская кротость и в то же время — большое внимание к людям, участие в судьбе каждо-

го, кто к нему обращается. Терпение большое к немощам человеческим, без укорения, без строгости излишней. Но в то же время, когда дело касается защиты истины, он принципиален и говорит правду, говорит в глаза, не боясь и не стесняясь.

...Для нас это очень важно, потому что должны быть ориентиры в жизни, должны быть те люди, за которыми можно безбоязненно следовать по пути спасения.

Помню, как мы семинаристами приходили к нему. Всегда в его келье было много народу и около кельи, в коридорчике. Всегда было очень много мирян в посылочной, там, где он принимал народ. Он никогда не считался и не считается со своим здоровьем, со своим временем. Многих знает, хорошая память у него, помнит всех. Помнит проблемы людей, и много удивительных случаев связано у духовных чад с его духовным руководством. Люди получают помощь по его молитвам, становятся на правильный путь жизни.

Отец Кирилл является духовным отцом для многих принимавших постриг в Троице-Сергиевой Лавре. Как духовник Лавры, он воспринимал многих при монашеском постриге. Очень многие из тех прежних монахов, которые стали ныне епископами, приезжают исповедоваться к нему. Приезжает и Патриарх. И Батюшка, по приглашению Патриарха, приезжает в Переделкино, где они часто встречаются, беседуют.

Хорошо, конечно, когда духовник — это не просто тот человек, который принимает наши грехи и силой Божьей разрешает нас от этого бремени греховного. Очень важно, когда духовник является ещё и старцем, то есть человеком, который может дать ответ на запросы души. У тех, кто шёл к отцу Кириллу и получал его благословение, как правило, дальнейшая жизнь складывалась удачно.

Очень важно, чтобы за человека кто-то молился. Самому из трясины грехов невозможно выкарабкаться. Я знаю, что были такие случаи, что не исполняли Батюшкино благословение, его совет. И тогда, конечно, люди делали ошибки. Отец Кирилл много читает, прекрасно разбирается в нашей православной

литературе, и когда спрашиваешь его: «Что, Батюшка, можно прочитать?» — он всегда даст очень хороший совет.

Воин-патриот в мирской жизни, он так же успешно борется с врагами и духовными, подбадривает, подкрепляет своей молитвой, своим словом многих в этой невидимой брани. Очень важно, что такой старец, как отец Кирилл, помогает нам в этой невидимой брани с врагами спасения. Мы молимся, чтобы Господь подкрепил нашего старца-духовника, даровал ему доброго здоровья и многая лета.

Великое счастье, если человек находит истинного духовного руководителя, руководителя в духовной жизни».

Вот уже шесть лет, как мы во многом осиротели. Батюшка наш слёг в тяжкой болезни. Лежит, прикованный тяжким недугом к постели. А теперь очень плохо слышит и видит. Да и доступ к нему предельно ограничен. Нет возможности у нас беседовать с ним. Расстроенные от скорби за него, от разлуки с ним, нет нам теперь утешения многим, — хоть изредка видеть его издалека. Те же, кто получает счастье бывать, постоять около дорогого нам Батюшки, отца Кирилла, видят и знают, что он и в тяжёлой, изнуряющей его болезни непрестанно молится. Губы его безостановочно двигаются, произнося беззвучные молитвы. Не забывает, предстательствует пред Господом и теперь, и в таком немощном состоянии отец Кирилл, молит Его за нас — грешных. Кто знает, от скольких бед и напастей сохранил, удержал натиск зла наш великий молитвенник?.. Подвиг его продолжается. И ныне не сходит, несёт свой тяжеленный крест наш всероссийский духовник.

Кто усердно молится за Батюшку, не ослабевает, не теряет прочной, духовной связи с отцом Кириллом, знают и свидетельствуют о том, что, несмотря на печальное физическое состояние его, отдалённость, невозможность говорить с ним, слышать его, — получают люди и теперь помощь от отца Кирилла, при духовном обращении к нему. Разными видами, разными способами, но получают разрешение в своих недоуменных вопросах, трудных ситуациях. Всё зависит только от нас самих.

Потерять, порвать или сохранить, сделать крепче нашу связь, можно только по нашему произволению. Мы, — непостоянны, нетерпеливы, изменчивы. Всё зависит от нашей или немощи, или дерзновения. Отчаиваться, обижаться нужно не на сложившиеся обстоятельства, или «отсутствие ответа», а только на нас самих. В делах духовных — всё преодолевается, сохраняется благодаря нашему труду, усердию, вере.

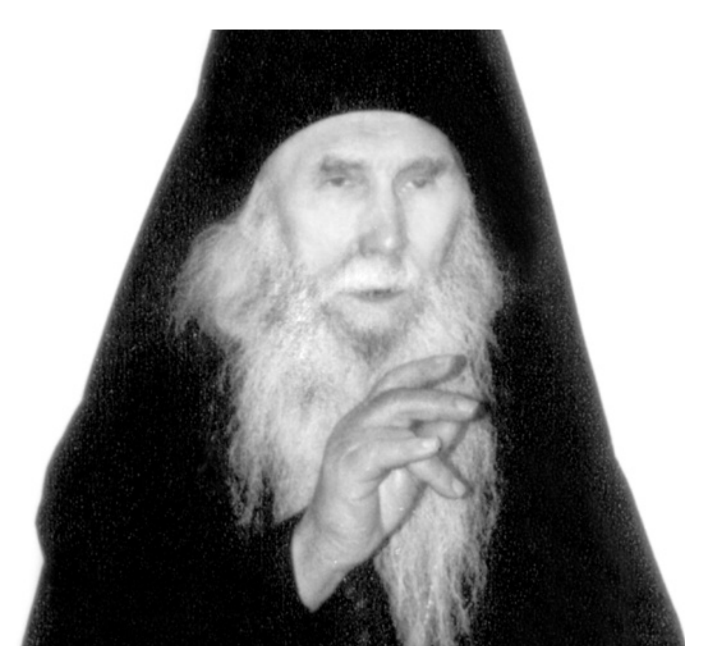
Так что будем и далее, сколько Господь даст нам, отпустит дней жития, будем постоянно, усердно молиться за дорогого, необходимого нам в стоянии нашем Батюшку. Так же твёрдо и неукоснительно, как он молиться.

Будем желать и просить помощи Божьей духовному отцу России — тяжко болящему архимандриту Кириллу. Чтобы Господь даровал ему здравие духовное и телесное, помощь в его многотрудных, постоянных трудах вселюбезной души его, на благо нашей Русской Православной Церкви и нас, слабосильных и малопослушных чад Её.

Отрадно знать, что нет, пожалуй, сегодня такого человека, который пользовался бы у верующих людей такой повсеместной, искренней любовью и уважением, как архимандрит Кирилл (Павлов). А потому радость, связанная с его юбилеем, имеет всеобщий масштаб не только в нашей стране, но во всех Православных странах. Везде, где люди идут за Христом и за верными Ему пастырями. Одним из которых, стойким, бескомпромиссным и отдающим себя всецело пастве, является архимандрит Кирилл (Павлов).

Пожелаем Батюшке нашему, в столь значительный юбилей его — девяностолетие радостей духовных, облегчения скорбей, твёрдости в перенесении недуга. Нам же крепости на пути спасения. Верности ему духовных чад его, ибо это является главной радостью для старца-духовника. **И ещё многая и благая лета всероссийскому Батюшке!..**

Священник Виктор Кузнецов,
«Русский вестник», 2009 г.

Благословение Батюшки.

Воскресение Христово есть верное свидетельство о воскресении с телом духовным, нетленным. Воскрес Христос из мертвых – и наше воскресение становится несомненным, наша надежда становится несокрушимою. Воскресение Христово находится в неразрывной, органической связи с нашим воскресением. **Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке.** *(1 Кор. 15, 20—23).* ***Итак, Воскресение Христово есть утверждение нашей надежды, величайшее торжество её.***

Будем всегда помнить Воскресение Христово – торжество из торжеств, и этой истиною будем окрылять себя в вере, надежде и любви. С несомненною верою в наше будущее воскресение за всё всегда будем благодарить благодетеля Бога, с несомненною верою во всё возвещённое нам в святом Евангелии, и в последний раз от всего верующего сердца скажем: **«Христос воскресе!»** Аминь.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

СОДЕРЖАНИЕ

ДУХОВНИК

***Автор и составитель* — священник Виктор Кузнецов.**

Компьютерный набор: Андрей Васильев, Лариса Жеребцова, Ольга Копонова, Татьяна Панкратова.

Корректура: Зоя Симонова.

Организационная поддержка — монахиня Сергия (Макарова), Александр Сельянов.

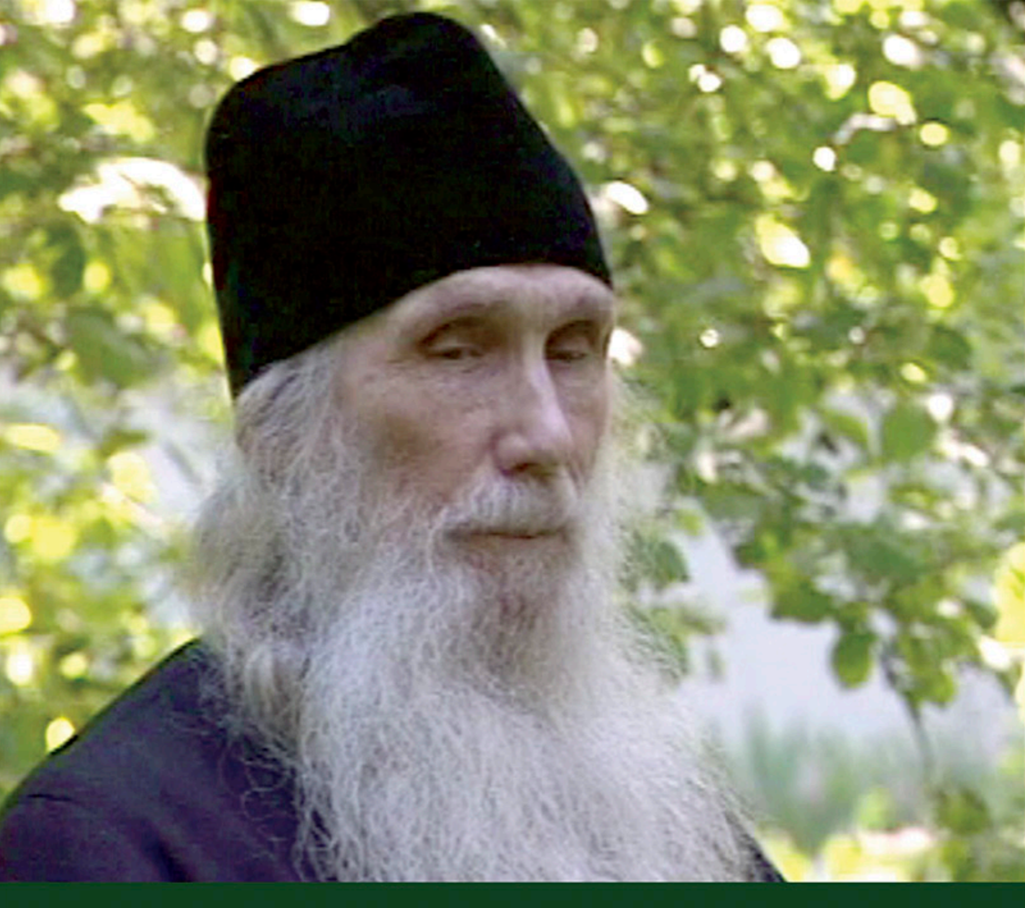
Благодарных читателей
просим помолиться о рабах Божиих:

Т. бол. архим. Кирилле, иерее Викторе, Владимире, Александре, Михаиле, монахине Сергии, монахине Таисии, матушке Лидии, Ларисе, Андрее, Ольге, Татьяне, Зое, Петре.

Заказы о пересылке книги «Духовник» по почте принимаются по телефонам: 8 (495) 223-22-97, 8 (495) 953-01-68, 8 (495) 778-41-48.

Подписано в печать 02.06.2013. Гарнитура «Петербург».
Формат 60х90/16. Объем 27 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Заказ №

«Заботы века сего затмевают самую существенную заботу и цель нашей жизни — озарение души светом Христовым, её спасение и уготование к Вечному Царству. Будем трезвиться, чтобы войти в Небесный чертог и сподобиться от Господа вечных благ.

Сейчас надо, чтобы верующие настраивали и готовили себя ко всевозможным испытаниям и скорбям. К этому идёт. Надо, чтобы не паниковали, не унывали и не отчаивались. И если Господь попустит какие-то испытания, нужно безропотно, с радостью и надеждой, со спокойствием в душе сподобиться Царства Небесного».

Архимандрит Кирилл (Павлов)